

История реформации в Шестнадцатом веке, том 2

Ж. Х. Мерль д'Обинье

History of the Reformation in the Sixteenth Century, Volume 2

J. H. Merle d'Aubigné

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации в Шестнадцатом веке, том 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История реформации в Шестнадцатом веке, том 2

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Переводчик: Генри Беверидж

Дата выхода: 24 ноября 2012 г. [Электронная книга № 41470]
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Колином Беллом, Джулией Нойфельд и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ", ТОМ 2 ***

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

АВТОР Дж. Х. Мерль Д'Обинье, Д.Д.

J'appelle accessoire, l'etat des affaires de ceste vie caduque et transitoire. J'appelle principal le gouvernement spirituel auquel reluit souverainement la providence de Dieu.—Theodore De Beze.

Под *принадлежностью* я подразумеваю положение дел в этой угасающей и преходящей жизни. Под *главным* я подразумеваю духовное правление, в котором суверенно проявляется Божий промысел.

НОВЫЙ ПЕРЕВОД:
(СОДЕРЖАЩИЙ ПОСЛЕДНИЕ УЛУЧШЕНИЯ АВТОРА)
ГЕНРИ БЕВЕРИДЖА, ЭСКВАЙРА, АДВОКАТА.

ТОМ ВТОРОЙ.

ОПУБЛИКОВАНО УИЛЬЯМОМ КОЛЛИНЗОМ,
САУТ-ФРЕДЕРИК-СТРИТ, ГЛАЗГО.

Содержание.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

ОБСУЖДЕНИЕ ЛЕЙПЦИГА, 1519 ГОД.

СТРАНИЦА

Опасности Лютера—Бог спасает Лютера—Папа посылает камергера—Камергер—
Путешествие легата—Краткие сведения о Риме—Обстоятельства, благоприятные
для Реформации—Мильтиц со Спалатином—Ужас Тезеля—Ласки Мильтица—
Требование отречения—Лютер отказывается, но предлагает молчать—
Соглашение между Лютером и нунцием—Объятия легата—Тезель ошеломлен
легатом—Лютер Папе—Природа реформации—Лютер против разделения—Де Вио
и Мильтиц в Треве—Дело Лютера распространяется в разных странах—Труды
Лютера о начале Реформации.

1

ГЛАВА II.

Война в Германии, кажется, закончилась—Эк возобновляет Состязание—Дебаты
между Эком и Карлштадтом—Вопрос о Папе —Ответы Лютера—Тревога друзей
Лютера—Мужество Лютера—Истина торжествует в одиночку—Отказ герцога
Георга—Восторг Мозеллана и опасения Эразма.

13

ГЛАВА III.

Прибытие Экка и виттембергеров—Амсдорф—Студенты—Несчастный случай в
Карлштадте—Плакат—Экк и Лютер—Плейссенбург—Должны ли быть назначены
судьи?—Возражает Лютер.

19

ГЛАВА IV.

Процессия—Месса—Мозелланус—Вени, Святой Дух!—Портреты Лютера и
Карлштадта—Доктор Экк—Книги Карлштадта—Заслуга конгруэнтности—
Естественные силы—Схоластическое различие—Точка, где Рим и Реформация
расходятся—Благодать дает человеку свободу—Записная книжка Карлштадта—
Суматоха в аудитории—Меланхтон во время дебатов—Маневры Экка—Лютер
проповедует—Граждане Лейпцига—Ссоры студентов и учителей.

24

ГЛАВА V.

Иерархия и рационализм—Два крестьянских сына—Эк и Лютер бегин—Глава

33

Церкви—Примат Рима—Равенство епископов—Основание Петра—Основание Христа—Эк намекает, что Лютер гусит—Лютер об учении Гуса—Волнение в аудитории—Шутка доктора Эка—Только слово—Придворный шут—Лютер на мессе—Выступление герцога—Чистилище—Завершение дискуссии.

ГЛАВА VI.

Интерес, испытываемый мирянами—Мнение Лютера—Признания и хвастовство доктора Эка—Результаты дискуссии—Полиандр—Целлариус—Молодой принц Ангальтский—Студенты Лейпцига—Круцигер—Призвание Меланхтона—Освобождение Лютера. 42

ГЛАВА VII.

Эк нападает на Меланхтона—Защита Меланхтона—Толкование Священного Писания—Твердость Лютера—Богемские братья—Эмсер—Штаупиц. 47

ГЛАВА VIII.

Послание к Галатам—Христос для нас—Слепота противников Лютера—Первые идеи о Вечере—Достаточно ли Причастия без веры?—Лютер Богемский—Эк Атакован—Эк отправляется в Рим. 50

КНИГА ШЕСТАЯ.

РИМСКАЯ БУЛЛА.

1520.

ГЛАВА I.

Характер Максимилиана—Претенденты на империю—Карл—Франциск I—Склонность немцев—Корона, предложенная Фридриху—Карл избран. 55

ГЛАВА II.

Лютер пишет императору—Опасности, подстерегающие Лютера—Инструкции Фридриха Римскому двору—Чувства Лютера—Опасения Меланхтона—Немецкая знать, благосклонная к Реформации—Шаумбург—Секкинген—Ульрик де Гуттен—Уверенность Лютера—Большая свобода Лютера—Вера как источник дел—Что дает вера—Лютер судит о своих собственных трудах. 59

ГЛАВА III.

Атака на папство—Обращение к знати—Три стены—Все христиане священники—Обязанность магистрата исправлять духовенство—Злоупотребления Рима—Разорение Италии—Опасности Германии—Папа—Легаты—Монахи—Брак священников—Безбрачие—Фестивали—Богемцы—Благотворительность—Университеты—Империя—Император должен вернуть Рим—Книга не опубликована—Скромность Лютера—Успех Выступления. 65

ГЛАВА IV.

Приготовления в Риме—Мотивы сопротивления папству—Эк в Риме—Эк побеждает—Папа — это Мир—Бог производит Разделение—Швейцарский священник ходатайствует за Лютера—Римская консистория—Преамбула Буллы— 74

Осуждение Лютера.

ГЛАВА V.

Виттемберг—Меланхтон—Его женитьба—Екатерина—Семейная жизнь—
Благотворительность—Хорошее настроение—Христос и античность—Труд—
Любовь к литературе—Его мать—Вспышка среди студентов. 80

ГЛАВА VI.

Евангелие в Италии—Беседа о мессе—Вавилонское пленение Церкви—
Крещение—Отмена обетов—Прогресс Реформации. 84

ГЛАВА VII.

Новые переговоры—Мильтиц и августинцы Эйслебена—Депутация к Лютеру—
Мильтиц и курфюрсты—Конференция в Лихтемберге—Письмо Лютера Папе
Римскому—Книга, подаренная Папе Римскому—Союз верующего со Христом—
Свобода и рабство. 88

ГЛАВА VIII.

Бык в Германии—Прием Эка—Бык в Виттемберге—Вмешательство Зинглия. 95

ГЛАВА IX.

Лютер исследует себя в присутствии Бога—Мнение Лютера о Булле—Нейтральная
семья—Лютер о Булле и против Буллы Антихриста—Папа запрещает веру—
Последствия Буллы—Куча хвороста в Лувене. 99

ГЛАВА X.

Решительные шаги реформатора—Обращение Лютера к Генеральному совету—
Борьба в ближнем бою—Булла, сожженная Лютером—Значение этого смелого
поступка—Лютер на академической кафедре—Лютер против Папы—Новая работа
Меланхтона—Как Лютер поощряет своих последователей. Друзья—Ход конкурса—
Мнение Меланхтона о робких—Работа Лютера над Библией—Учение о Благодати—
Отречение Лютера. 104

ГЛАВА XI.

Коронация Карла V —нунций Алеандр — Будут ли сожжены книги Лютера?—
Алеандр и император—Нунции и курфюрст—Сын герцога Иоанна ходатайствует за
Лютера—Спокойствие Лютера—Курфюрст защищает Лютера—Ответ нунциев—
Эразм в Кельне—Эразм с курфюрстом—Декларация Эразма—Совет Эразма—
Система Карла V. 112

ГЛАВА XII.

Лютер на исповеди—Истинное отпущение грехов—Антихрист—Сплочение вокруг
Лютера—Сатиры—Ульрик фон Хаттен—Лукас Кранах—Карнавал в Виттемберге—
Штаупиц запуган—Труды Лютера—Смирение Лютера—Прогресс Реформации. 120

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ДИЕТА ЧЕРВЕЙ.

1521 ГОД. (Январь-май.)

ГЛАВА I.

Завоевание Словом Божьим—Вормсский сейм—Трудности—Карл требует Лютера—Курфюрст к Карлу—Состояние умов людей—Тревога Алеандра—Курфюрст отправляется в путь без Лютера—Алеандр пробуждает Рим—Отлучение папы от Церкви и общение со Христом—Воплощение Буллы—Мотивы Лютера в Реформации. 128

ГЛАВА II.

Иностранный принц—Советы политиков—Совещание между Духовником и канцлером курфюрста—Бесполезность этих маневров—Деятельность Алеандра—Высказывания Лютера—Карл уступает папе. 135

ГЛАВА III.

Алеандр допущен в сейм—Обращение Алеандра—Лютер обвинен—Рим защищен—Апелляция к Карлу против Лютера—Эффект обращения нунция. 141

ГЛАВА IV.

Настроения принцев—Речь герцога Георга—Характер реформации—Сто одна жалоба—Карл уступает—Тактика Алеандра—Гранды Испании—Мир Лютера—Смерть, а не отречение. 145

ГЛАВА V.

Будет ли выдана охранная грамота?—Охранная грамота —Поедет ли Лютер?Великий четверг в Риме —Папа и Лютер. 151

ГЛАВА VI.

Мужество Лютера—Бугенхаген в Виттемберге—Преследования в Померании—Меланхтон желает отправиться с Лютером—Амсдорф—Шурфф—Суавен—Гуттен к Карлу V. 156

ГЛАВА VII.

Отъезд на Вормсский сейм —Прощание Лютера—Опубликованный приговор—Кавалькада близ Эрфурта—Встреча Йонаса и Лютера—Лютер в своем старом монастыре—Лютер проповедует в Эрфурте—Инцидент—Вера и дела—Скопление людей—Мужество Лютера—Лютер Спалатину—Остановка во Франкфурте—Опасения в Вормсе—План империалистов—Твердость Лютера. 160

ГЛАВА VIII.

Въезд в Вормс—Песнопение по усопшим—Совет, проведенный Карлом V—Капито и временщики—Собрание вокруг Лютера—Цитата—Гуттен Лютеру—Приступает к заседанию Сейма—Высказывание Фрейндсберга—Внушительное собрание—Обращение канцлера—Ответ Лютера—Его мудрость—Высказывание Карла V—Тревога—Триумф—Твердость Лютера—Оскорбления со стороны испанцев—Совет—Беспокойство и молитва Лютера—Мощь реформации—Клятва Лютера на 168

Священном Писании—Суд Сейма—Обращение Лютера—Три вида протестов
Сочинения—Он требует доказательств своей ошибки—Торжественные
предупреждения—Он повторяет свое Обращение на латыни—Вот он я: я не могу
поступить иначе—"Слабость" Бога—Новая попытка.

ГЛАВА IX.

Победа—Суматоха и спокойствие—Бокал пива герцога Эррика—Курфюрст и
Спалатин—Послание императора—Желание нарушить Правила безопасности—
Сильная оппозиция—Энтузиазм в отношении Лютера—Голоса за примирение—
Страх Курфюрста—Собрание в доме Лютера—Филипп Гессенский. 184

„„ ГЛАВА X.

Встреча с архиепископом Тревским—Совет Вехе Лютеру—Ответы Лютера—
Частная беседа—Визит Кохлуса—Ужин у архиепископа—Покушение на отель
Родоса—Предложение Совета—Последняя беседа Лютера с архиепископом—
Визит к больному Другу—Лютеру приказано покинуть Вормс. 190

ГЛАВА XI.

Отъезд Лютера—Путешествие из Вормса—Лютер в Кранах—Лютер к Карлу V—
Лютер с аббатом Хиршфельда—Викарием Эйзенаха—Несколько принцев
покидают сейм—Карл подписывает приговор Лютеру—Вормсский эдикт—Лютер
со своими родителями—На Лютера напали и унесли —Пути Божьи—Вартбург—
Лютер в плену. 198

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ШВЕЙЦАРЦЫ.

1484-1522.

ГЛАВА I.

Движения в Швейцарии—Источник реформации—Демократический характер—
Дипломатическая служба—Мораль—Токенбург—Альпийская хижина—Пасторская
семья. 206

ГЛАВА II.

Юный Ульрик в Везене—В Бейле—В Берне—Доминиканский монастырь—
Джетцер—Видения—Страсти брата—мирянина—Самозванство—Разоблачение и
наказание—Зинглиус в Вене—В Бейле—Музыка в Бейле—Виттембах преподает
Евангелие—Лео Джуда-Викарий Глариса. 211

ГЛАВА III.

Любовь к войне—Шиннер—Пенсия от папы Римского—Лабиринт—Зинглий в
Италии—Принцип реформы—Зинглий и Лютер—Зинглий и Эразм—Зинглий и
Старейшины—Парис и Гларис. 217

ГЛАВА IV.

Цуинглиус в отношении Эразма—Освальд Миконий—Бродяги—Николампадий—
Цуинглиус в Мариньяне—Цуинглиус и Италия—Метод Цуинглиуса—Начало 223

реформы—Открытие.

ГЛАВА V.

Майнрад Гогенцоллернский—Богоматерь Айнзидленская—Призвание Цуинглиуса—Аббат—Герольдсек—Товарищество в изучении—Переписанная Библия—Цуинглиус и суеверия —Первое противодействие ошибке—Сенсация—Геддио—Зинглий и легаты—Почести Рима—Епископ Констанца—Самсон и индульгенции—Штапфер—Благотворительность Зинглия—Его друзья. 229

ГЛАВА VI.

Цюрих—Коллегия каноников—Избрание в Кафедральный собор—Обвинения Басни—Исповедь Зинглия—Раскрытие замыслов Божьих—Прощание с Айнзидленом—Прибытие в Цюрих—Смелое заявление Зинглия—Первые проповеди—Последствия—Оппозиция—Характер Зинглия—Музыкальный вкус—Организация дня—Распространение лоточниками. 237

ГЛАВА VII.

Индульгенции—Самсон в Берне—Самсон в Бадене—Декан Бремгартена—Молодой Генри Буллингер—Самсон и декан—Внутренняя борьба Зинглиуса—Зинглиус против индульгенций—Самсон уволен. 246

ГЛАВА VIII.

Труды Зинглия—Бани Пфефферса—Божье время—Великая смерть—Зинглий, пораженный чумой—Его враги—Его друзья—Выздоровление—Всеобщая радость—Последствия чумы—Миконий в Люцерне—Освальд поощряет Зинглия—Зинглий в Бейле—Капито вызван к Менцу-Хеддио в Бейле—Неестественный сын—Подготовка к битве. 251

ГЛАВА IX.

Два реформатора—Грехопадение человека—Искушение Богочеловека—Нет заслуг в делах—Возражения опровергнуты—Сила любви ко Христу—Избрание—только Христос Хозяин—Последствия этой Проповеди—Уныние и мужество—Первый акт магистрата—Церковь и государство—Нападки-Гальстер. 260

Глава X.

Новый участник боевых действий—Бернский реформатор—Зинглиус поощряет Галлера—Евангелие в Люцерне—Освальд подвергся гонениям—Проповедь Зинглиуса—Генри Буллингер и Герольд из Кнонау—Рубли в Бейле—Капеллан госпиталя—Война в Италии—Зинглиус—Служба в иностранных делах. 267

ГЛАВА XI.

Цуинглий против заповедей Человека—Брожение во время Великого поста—Истина продвигается в бою—Депутаты епископов—Обвинение перед Духовенством и Советом—Апелляция к Великому Совету—Коадъютор и Цуинглий—Постановление Большого Совета—Положение дел—Атака Хоффмана. 273

ГЛАВА XII.

Горе и радость в Германии—Засада против Зинглиуса—Мандат епископа—
Архетипы—Епископ обращается к сейму—Запрет нападать на монахов—
Декларация Зинглиуса—Монахини Тенбаха—Обращение Зинглиуса к Швицу. 279

ГЛАВА XIII.

Французский монах—Он преподает в Швейцарии—Спор между монахом и
Зинглиусом—Беседа лидера иоаннитов—Карнавал в Берне—Пожиратели
мертвых—Череп святой Анны-Аппенцель-Гризоны—Убийство и прелюбодеяние—
Женитьба Зинглиуса. 284

ГЛАВА XIV.

Как торжествует истина—Общество в Айнзидлене—Просьба к епископам—К
союзникам—Жители Айнзидлена расходятся—Сцена в монастыре—Обед
Микония—Сила реформаторов—Последствия петиций в Люцерн—Совет сейма—
Халлер в Городском доме-Фрибург—Нужда Освальда—Зинглиус утешает его—
Освальд покидает Люцерн—Первая строгость сейма—Ужас братьев Зинглиуса—
Его решение—Будущее—Молитва Освальда Цинлиус. 293

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ

ИЗ

ШЕСТИНАДЦАТЫЙ ВЕК.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

ОБСУЖДЕНИЕ ЛЕЙПЦИГА, 1519 ГОД.

Опасности Лютера—Бог спасает Лютера—Папа посылает камергера—Путешествие
легата—Краткие сведения о Риме—Обстоятельства, благоприятные для Реформации—
Мильтиц со Спалатином—Ужас Тезеля—Ласки Мильтица—Требование отречения—Лютер
отказывается, но предлагает молчать—Соглашение между Лютером и нунцием—Объятия
легата—Тезель ошеломлен легатом—Лютер Папе—Природа Реформации—Лютер против
разделения—Де Ви и Мильтиц в Треве— Дело Лютера распространяется в разных странах
—труды Лютера положили начало Реформации.

Опасность сгустилась вокруг Лютера и Реформации. Обращение доктора Виттембергского к
Генеральному собору было новой атакой на папскую власть. Буллой Пия II большее отлучение от
церкви было наложено даже на императоров, которые осмелились бы взять на себя вину за
такой мятеж. Фридрих Саксонский, еще недостаточно утвердившийся в евангельской доктрине,
был готов выслать Лютера из его штатов; [1] и, следовательно, новое послание от Льва могло
бросить Реформатора среди незнакомцев, которые побоялись бы скомпрометировать себя,

приняв монаха, которого Рим предал анафеме. И даже если бы какой-нибудь дворянин обнажил меч в его защиту, простые рыцари, неспособные справиться с могущественными князьями Германии, вскоре должны были пасть жертвой этого опасного предприятия.

БОГ СПАСАЕТ ЛЮТЕРА. MILTITZ.

Но в тот момент, когда все придворные Льва X призывали его к суровым мерам и когда еще один удар мог бы привести к тому, что его противник окажется в его руках, папа внезапно изменил свой курс на примирение и кажущуюся мягкость. [2] Без сомнения, можно сказать, что он заблуждался относительно чувств избирателя и считал их более решительными в пользу Лютера, чем они были на самом деле. Можно также признать, что общественный голос и дух эпохи, силы, которые в то время были совершенно новыми, казалось, воздвигли неприступный барьер вокруг Реформатора. Можно даже предположить, вместе с одним из биографов Лео, [3], что он следовал побуждениям своего ума и сердца, которые склоняли к мягкости и умеренности. И все же этот новый образ действий Рима в такой момент настолько необычен, что невозможно не распознать в нем более высокую и могущественную руку.

Тогда при римском дворе жил саксонский дворянин, который был камергером папы римского и каноником Менца, Трева и Мейсена. Он обратил свои таланты во благо. Поскольку он хвастался тем, что в какой-то степени состоит в союзе с саксонскими князьями, римские придворные иногда называли его герцогом Саксонии. В Италии он до абсурда демонстрировал свое немецкое благородство, в то время как в Германии подражал манерам и лоску итальянцев. Он пристрастился к вину [4]— порок, который усилило его пребывание при Римском дворе. И все же римские придворные возлагали на него большие надежды. Его немецкое происхождение, вкрадчивое обращение и умение вести переговоры — все это заставляло их ожидать, что Шарль де Мильтиц (таково было его имя) благодаря своему благоразумию сумеет остановить могущественную революцию, которая угрожала потрясти мир.

Было важно скрыть истинную цель миссии камергера, и в этом не было никаких трудностей. Четырьмя годами ранее благочестивый курфюрст обратился к папе с просьбой вручить ему золотую розу. Эта роза, прекраснейший из цветов, символизировала тело Иисуса Христа и, ежегодно освящаемая верховным понтификом, была преподнесена одному из первых принцев Европы. По этому случаю было решено отправить его курфюрсту. Мильтиц отправился с поручением изучить положение дел и заручиться поддержкой советников курфюрста, Спалатина и Пфеффингера, для которых у него были особые письма. Рим надеялся, что, заручившись благосклонностью людей, окружавших принца, она вскоре станет хозяйкой своего грозного противника.

MILTITZ. ОПАСНОСТЬ ЛЮТЕРА.

Новый легат, прибывший в Германию в декабре 1518 года, был осторожен, когда приезжал сюда, чтобы выяснить состояние общественного мнения. К своему великому удивлению, в каждом месте, где он останавливался, он замечал, что большинство жителей были дружелюбны к Реформации, [5] и говорили о Лютере с энтузиазмом. На одного человека, благосклонного к папе, приходилось трое благосклонных к Реформатору. [6] Лютер сохранил анекдот о путешествии — "Что вы думаете о римском престоле?" - часто спрашивал легат у хозяек гостиниц и их служанок. Однажды одна из этих бедных женщин с великой простотой ответила: "Откуда мы можем знать, какие скамьи есть у вас в Риме и из дерева они или из камня?" [7]

Один только слух о прибытии нового легата наполнил двор курфюрста, университет, город Виттемберг и всю Саксонию подозрительностью и недоверием. "Слава Богу", - с тревогой написала Меланхтон, [8] "Мартин все еще дышит". Было уверенно заявлено, что римский камергер получил приказ завладеть личностью Лютера силой или обманом; и доктору было рекомендовано от всех сторон остерегаться хитростей Мильтица. "Цель его прихода, - сказали они, - схватить вас и выдать папе римскому. Лица, заслуживающие доверия, видели документы, которые он предъявил". "Я жду воли Божьей", - ответил Лютер. [9]

На самом деле Мильтиц привез письма, адресованные курфюрсту и его советникам, епископам и бургомистру Виттемберга. Ему также были предоставлены семьдесят апостольских записок. Если лезть и благосклонность Рима достигнут своей цели и Фридрих передаст Лютера в ее руки, эти семьдесят записок должны были послужить своего рода паспортами. Он должен был предъявить и расклеить по одному из них в каждом из городов, через которые ему предстояло проехать, и надеялся, что таким образом ему удастся протащить своего пленника без сопротивления до самого Рима. [10]

Папа, казалось, принял все меры предосторожности. Избирательный суд не очень хорошо знал, какой курс избрать. Насилию можно было бы воспротивиться, но трудность заключалась в том, чтобы противостоять главе христианства, говорящему с такой мягкостью и, по-видимому, с таким основанием. Говорили, что не лучше ли было бы поместить Лютера куда-нибудь в укрытие до тех пор, пока не утихнет буря?... Неожданное событие вывело Лютера, курфюрста, и Реформацию из этой сложной ситуации. Положение дел внезапно изменилось.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, БЛАГОПРИЯТНЫЕ ДЛЯ РЕФОРМАЦИИ.

12 января 1519 года умер император Германии Максимилиан, и Фридрих Саксонский, в соответствии с германской конституцией, стал регентом империи. С этого времени курфюрстина не боялась происков нунциев, в то время как римский двор начали охватывать новые интересы — интересы, которые, вынуждая ее остерегаться оскорблять Фридриха, предотвратили удар, который, несомненно, замыслили Мильтиц и Де Вио.

Папа искренне желал помешать Карлу Австрийскому, уже королю Неаполя, взойти на императорский трон. Соседний король казался ему более грозным, чем немецкий монах; и в своем стремлении обезопасить курфюрста, который мог бы оказать ему существенную услугу в этом деле, он решил дать монаху некоторую отсрочку, чтобы тот мог лучше противостоять королю. Однако оба продвигались вперед вопреки ему.

В дополнение к перемене, произошедшей таким образом во Льве, было еще одно обстоятельство, которое имело тенденцию предотвратить бурю, надвигавшуюся на Реформацию. За смертью императора немедленно последовали политические волнения. На юге империи Швабская конфедерация стремилась наказать Ульрика Вюртембергского за его неверность ей, в то время как на юге епископ Хильдесхайма с мечом в руке вторгся в епископство Минден и территории герцога Брауншвейгского. Как могли люди, стоящие у власти, среди таких беспорядков придавать какое-либо значение спору, касающемуся отпущения грехов? Но, прежде всего, репутация мудреца, которой пользовался курфюрст, ныне регент империи, и покровительство, которое он оказывал новым учителям, были поставлены Провидением на службу прогрессу Реформации. "Буря, - говорит Лютер, - утихла, и папское отлучение от церкви стало вызывать презрение. Евангелие под сенью регентства курфюрста

распространилось далеко и широко, и таким образом папству был нанесен огромный ущерб". [11]

Более того, самые строгие запреты, естественно, смягчались во время междуцарствия. Во всем было больше свободы и больше свободы действий. Свобода, начавшая проливать свои лучи на зарождающуюся Реформацию, быстро развила еще нежный росток, и любой мог бы предсказать, насколько благоприятной окажется политическая свобода для прогресса евангельского христианства.

МИЛЬТИЦ Со СПЛАТИНЫМ. УЖАС ТЕЗЕЛЯ.

Мильтиц, прибыв в Саксонию незадолго до смерти Максимилиана, не теряя времени, навестил своего старого друга Спалатина; но не успел он начать свою жалобу на Лютера, как капеллан набросился на Тезеля, ознакомив нунция с ложью и богохульствами продавца индульгенций и заверив его, что вся Германия обвиняет доминиканца в разделении, раздирающем Церковь.

Мильтиц был застигнут врасплох. Вместо обвинителя он стал обвиняемым. Обратив весь свой гнев на Тезеля, он вызвал его в Альтенбург и дал отчет в своем поведении.

Доминиканец, такой же трус, как и хулиган, и боявшийся людей, которых он провоцировал своим самозванством, прекратил свои скитания по городам и деревням и жил на покое в колледже Святого Павла. Он побледнел, получив письмо Мильтица. Даже Рим бросает его, угрожает и осуждает - настаивает на том, чтобы вытащить его из единственного убежища, в котором он чувствует себя в безопасности, и подвергает ярости его врагов.... Тезель отказался подчиниться призыву нунция. "Несомненно, - писал он Мильтицу 31 декабря 1518 года, - я бы не обращал внимания на тяготы путешествия, если бы мог покинуть Лейпциг, не подвергая опасности свою жизнь; но августин, Мартин Лютер, так взбудоражил людей у власти и настроил их против меня, что я нигде не нахожусь в безопасности. Большое количество сторонников Лютера замыслили мою смерть, и поэтому я никак не могу прийти к вам". [12] Между двумя мужчинами, один из которых в то время жил в колледже Святого Павла в Лейпциге, а другой - в монастыре августинцев в Виттемберге, был разительный контраст. Перед лицом опасности слуга Божий проявил бесстрашное мужество, слуга людей — презренную трусость.

Мильтицу было приказано в первую очередь пустить в ход оружие убеждения; и только в случае неудачи он должен был представить свои семьдесят судебных исков и в то же время попытаться всеми благосклонностями Рима побудить курфюрста низложить Лютера. Соответственно, он выразил желание побеседовать с Реформатором. Их общий друг, Спалатин, предложил свой дом для этой цели, и Лютер покинул Виттемберг 2 или 3 января, чтобы отправиться в Альтенбург.

В этой беседе Мильтиц исчерпал все возможности дипломата и римского придворного. Как только Лютер прибыл, нунций подошел к нему с горячими проявлениями дружбы. "О, - подумал Лютер, - как полно его жестокость превратилась в мягкость! Этот новый Савл прибыл в Германию с более чем семьюдесятью апостольскими записками, чтобы доставить меня живым и в цепях в смертоносный Рим, но Господь низверг его по дороге". [13]

ЛАСКИ МИЛЬТИЦА.

"Дорогой Мартин, - сказал ему папский камергер вкрадчивым тоном, - я думал, ты старый богослов, тихо сидящий за своей печкой и набитый богословскими выдумками; но я вижу, что

ты все еще молод и в полном расцвете сил. [14] Знаете ли вы, - продолжил он более серьезным тоном, - что вы настроили весь мир против папы Римского и привязали его к себе?" [15] Мильтиц понимал, что льстить мужскому самолюбию - самый эффективный способ их соблазнения; но он не знал мужчину, с которым ему предстояло иметь дело. "Будь у меня армия в двадцать пять тысяч человек, - добавил он, - я, конечно, не взялся бы схватить тебя и увезти в Рим". [16] Рим, несмотря на свою силу, чувствовал себя слабым в присутствии бедного монаха, а монах чувствовал себя сильным в присутствии Рима. "Бог, - сказал Лютер, - останавливает волны океана у берега и задерживает их... песком". [17]

Нунций, думая, что таким образом подготовил разум своего оппонента, продолжил следующим образом: "Вы сами перевязываете рану, которую нанесли Церкви и которую только вы можете вылечить". "Берегитесь, - добавил он, уронив несколько слезинок, - берегитесь поднять бурю, которая принесет гибель христианскому миру". [18] Затем он начал постепенно намекать, что отречение было единственным средством от зла; но в то же время он смягчил оскорбительность термина, дав Лютеру понять, что он глубоко уважает его, и выразив свое возмущение Тезелем. Сеть была расставлена умелой рукой, и как можно было не попасться в нее? "Если бы архиепископ Менца сказал мне это с самого начала, - сказал впоследствии Реформатор, - это дело не наделало бы столько шума". [19]

Затем Лютер ответил: Спокойно, но также с достоинством и силой он изложил справедливые претензии Церкви; выразил все негодование, которое он испытывал по отношению к архиепископу Менца, и благородно пожаловался на недостойное обращение, которому он подвергся со стороны Рима, несмотря на чистоту его намерений. Мильтиц, хотя и не ожидал столь решительных высказываний, сумел, однако, скрыть свой гнев.

ЛЮТЕР ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЛЧАТЬ.

Лютер продолжил: "Я предлагаю в будущем хранить молчание по этим вопросам и позволить делу заглотнуть само собой", [20] при условии, что мои оппоненты также будут молчать; но если они продолжат нападать на меня, мелкая ссора вскоре перерастет в серьезную драку. Мои доспехи вполне готовы. Я сделаю еще больше, - добавил он после минутной паузы, - я напишу его Святейшеству, признавая, что я был несколько чересчур вспыльчив, и заявляя, что как верное дитя Церкви я боролся с разглагольствованиями, которые подвергали ее насмешкам и оскорблениям со стороны народа. Я даже соглашаюсь опубликовать документ, в котором я попрошу всех, кто читает мои книги, не видеть в них ничего враждебного Римской церкви, но оставаться ей послушным. Да, я готов все сделать и все вынести; но что касается отказа, никогда не ждите его от меня".

Решительный тон Лютера убедил Мильтица, что самым мудрым решением было бы казаться удовлетворенным обещанием, которое только что дал Реформатор, и он просто предложил назначить архиепископа арбитром для решения определенных вопросов, которые могли бы стать предметом обсуждения. "Пусть будет так, - сказал Лютер, - но я очень боюсь, что папа не согласится назначить судью. В таком случае я больше не приму решения папы римского, и тогда борьба начнется заново. Папа римский обнародует текст, а я сделаю комментарий".

Так закончилась первая беседа между Лютером и Мильтицем. У них была вторая, в ходе которой было подписано перемирие, или, скорее, мир. Лютер немедленно сообщил курфюрсту о том, что произошло. "Светлейший принц и все милостивый государь, — писал он, - я спешу

смирненно сообщить вашему Высочеству Выборщику, что мы с Чарльзом де Мильтицем наконец пришли к соглашению и прекратили это дело посредством двух следующих статей:

"во-первых, обеим сторонам запрещено проповедовать или писать, или делать что-либо еще в связи с возникшим спором.

"2. Мильтиц немедленно ознакомит святого отца с положением дел. Его святейшество прикажет просвещенному епископу расследовать это дело и указать на ошибочные статьи, от которых я должен отказаться. Если меня уличат в ошибке, я добровольно отрекусь от своих слов и никогда больше не сделаю ничего, что может нанести ущерб чести или авторитету святой Римской церкви". [21]

Таким образом, соглашение было достигнуто, и Мильтиц, казалось, был весьма доволен. "За сто лет, - воскликнул он, - ни одно дело не вызывало у кардиналов и римских придворных большего беспокойства, чем это. Они скорее отдали бы десять тысяч дукатов, чем согласились на его более длительное продление". [22]

МИЛЬТИЦ И ТЕЗЕЛЬ.

Камергер папы римского демонстрировал свои чувства монаху из Виттемберга. Иногда он выражал радость, иногда проливал слезы. Это проявление чувствительности произвело мало впечатления на Реформатора, но он воздержался от того, чтобы показать, что он думает по этому поводу. "У меня был такой вид, словно я не понял, что подразумевалось под этими крокодиловыми слезами", - [23] сказал он. Говорят, что крокодил плачет, когда не может схватить свою добычу.

Лютер принял приглашение Мильтица поужинать, хозяин отбросил чопорность, присущую его должности, в то время как Лютер дал полный простор своей естественной веселости. Это была радостная трапеза, [24] и когда настал час расставания, легат заключил еретического доктора в объятия и поцеловал его. [25] "Поцелуй Иуды", - подумал Лютер. "Я притворялся, - писал он Штаупицу, - "что не понимаю всех этих итальянских манер". [26]

Было ли это на самом деле поцелуем примирения между Римом и зарождающейся Реформацией? Мильтиц надеялся на это и радовался этому, поскольку он лучше, чем римские придворные, представлял себе ужасающие последствия, к которым Реформация могла привести в отношении папства. "Если Лютер и его противники будут молчать, - сказал он себе, - спор будет прекращен, и Рим, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, вернет себе все свое древнее влияние". Таким образом, казалось, что дебаты подходили к концу: Рим протянул к нему руки, и Лютер, очевидно, бросился в них; но Реформация была делом рук не человека, а Бога. Ошибка Рима состояла в том, что он увидел ссору монаха там, где ей следовало бы видеть пробуждение Церкви. Возрождение христианского мира не должно было быть остановлено поцелуями папского камергера.

ПИСЬМО ЛЮТЕРА ПАПЕ РИМСКОМУ.

Мильтиц, выполняя только что заключенное им соглашение, проследовал из Альтенбурга в Лейпциг, где проживал Тезель. Не было никакого повода затыкать рот Тезелю, ибо скорее, чем заговорить, он, если бы это было возможно, спрятался бы в недрах земли; но нунций был полон

решимости обрушить на него свой гнев. Сразу же по прибытии в Лейпциг Мильтиц вызвал к себе несчастного Тезеля, осыпал его упреками, обвинил в том, что он был автором всего этого злодеяния, и пригрозил ему немилостью папы римского. [27] И это было не все: агент дома Фуггера, который тогда находился в Лейпциге, столкнулся с ним лицом к лицу. Мильтиц предъявил доминиканцу счета этого дома вместе с бумагами, которые он сам подписал, и доказал, что он растратил или украл значительные суммы. Бедняга, который ни за что не цеплялся в дни своей славы, был потрясен справедливостью этих обвинений: им овладело отчаяние, здоровье его пошатнулось, и он не знал, куда девать свой стыд. Лютер слышал о плачевном состоянии своего старого врага и был единственным человеком, который сочувствовал ему. В письме Спалатину он говорит: "Мне жаль Тезеля". [28] Он также не ограничился подобными выражениями. Он ненавидел не этого человека, а его проступок, и в тот момент, когда Рим изливал на него свой гнев, написал ему в самых утешительных выражениях. Но все было напрасно. Тезель, терзаемый угрызениями совести, встревоженный упреками своих лучших друзей и страшаясь гнева папы римского, вскоре после этого умер в мучениях и, как предполагалось, с разбитым сердцем. [29]

Лютер, выполняя свои обещания Мильтицу, 3 марта написал папе следующее письмо:

"Благословенный Отец! не Соболаговолит ли твое Блаженство обратить свои отеческие уши, подобные ушам самого Христа, к твоей бедной овечке и благосклонно прислушаться к ее бляению. Что мне делать, Святейший Отец! Я не в силах вынести ярость твоего гнева и не знаю, как спастись от него. Меня просят взять назад, и я поспешил бы сделать это, если бы это привело к тому концу, который предлагается в нем. Но из-за преследований моих врагов мои труды распространились повсюду и слишком глубоко запечатлелись в сердцах людей, чтобы их можно было стереть. Отречение только усугубило бы бесчестие Римской Церкви и подняло бы всеобщий крик обвинения против нее. Святейший Отец! Я заявляю перед Богом и всеми его созданиями, что я никогда не желал и сейчас не желаю ни силой, ни хитростью посягать на авторитет Римской церкви или вашего Святейшества. Я признаю, что ни на небесах, ни на земле нет ничего, что следовало бы ставить выше этой Церкви, если только это не Иисус Христос, Господь всего сущего". [30]

Эти слова могли бы показаться странными и даже предосудительными в устах Лютера, если бы мы не задумались о том, что свет снизошел на него не сразу, а медленными и поступательными шагами. Они показывают, и это очень важно, что Реформация была не просто оппозицией папству. Ее достижение не было достигнуто путем борьбы с той или иной формой или посредством той или иной негативной тенденции. Оппозиция папе была лишь одной из его второстепенных черт. Его созидющим принципом была новая жизнь, позитивная доктрина — "Иисус Христос, Господь всего и превыше всего - для самого Рима", как говорит Лютер в заключении своего письма. Этому принципу действительно следует приписать революцию 16 века.

ЛЮТЕР ПРОТИВ РАЗДЕЛЕНИЯ.

Вполне вероятно, что в более ранний период письмо от виттембергского монаха, категорически отказывающегося отречься, не было бы допущено папой к передаче без предварительного подтверждения. Но Максимилиан был мертв, темой всепоглощающего интереса были выборы его преемника, и среди политических интриг, которые тогда волновали папский город, письмо Лютера было упущено из виду.

Реформатор использовал свое время с большей пользой, чем его могущественный противник. В то время как Лев X, поглощенный своими интересами светского правителя, напрягал все силы, чтобы помешать ужасному соседу взойти на императорский трон, Лютер с каждым днем возрастал в знаниях и вере. Он изучал Декреталии пап и сделал открытия, которые значительно изменили его взгляды. В письме Спалатину он говорит: "Я читаю Декреталии пап, и, позвольте мне сказать это вам на ухо, я не знаю, является ли папа сам Антихристом или только его апостолом; [31] до такой степени в этих Декреталиях Христос оскорблен и распят".

Тем не менее он продолжал уважать древнюю Римскую церковь и не думал отделяться от нее. "Пусть Римская церковь, - сказал он в объяснении, которое обещал Мильтицу опубликовать, - будет почитаема Богом превыше всех других. В этом не может быть сомнений. Святой Петр, святой Павел, сорок шесть пап и несколько сотен тысяч мучеников пролили свою кровь на ее груди и там победили ад и весь мир, так что око Божье особенно пристально смотрит на нее. Хотя все в ней сейчас находится в очень печальном состоянии, что не является основанием для отделения от нее. Напротив, чем хуже обстоят дела, тем крепче мы должны цепляться за нее. Наше разделение - это не то средство, с помощью которого ее можно улучшить. Мы не должны оставлять Бога из-за того, что существует дьявол; ни детей Божьих, которые все еще находятся в Риме, потому что большинство из них нечестивы. Никакой грех, никакое нечестие не может оправдать нас в разрушении милосердия или нарушении единства; ибо милосердие способно на все, и для единства нет ничего трудного". [32]

Не Лютер отделился от Рима, а Рим отделился от Лютера и тем самым отверг древнюю католическую веру, представителем которой он тогда был. И не Лютер лишил Рим его власти и вынудил его епископа сойти с узурпированного трона. Доктрины, которые он провозгласил, доктрины Апостолов, снова божественным образом провозглашенные по всей Церкви с великой силой и восхитительной чистотой, одни могли одержать верх над властью, которой Церковь веками была порабощена.

СХЕМА МИЛЬТИЦА И ДЕ ВИО.

Эти заявления, которые Лютер опубликовал в конце февраля, не полностью удовлетворили Мильтица и Де Вио. Эти два стервятника, после того как оба упустили свою добычу, уединились в древних стенах Трева. Там, при поддержке принца-архиепископа, они надеялись сообща достичь цели, в которой потерпели неудачу по отдельности. Оба нунция понимали, что от Фридриха, теперь облеченного верховной властью в империи, больше нечего было ожидать. Они видели, что Лютер упорствовал в своем отказе отречься от престола. Поэтому единственный план состоял в том, чтобы лишить монаха-еретика защиты курфюрста и заманить его в их собственный район. Если бы Реформатор когда-то находился в Треве, в государстве, подвластном князю Церкви, он был бы действительно ловок, если бы ушел, не удовлетворив полностью суверенного понтифика. План был немедленно реализован. "Лютер, - сказал Мильтиц курфюрсту-архиепископу Тревскому, - признал вашу светлость арбитром; поэтому вызовите его к себе". Соответственно, курфюрст Тревский (3 мая) написал курфюрсту Саксонскому и попросил его прислать Лютера. Де Вио, а впоследствии и сам Мильтиц, также написали, объявив, что золотая роза прибыла в Аугсбург, в дом Фуггера. Теперь, думали они, настал момент нанести решающий удар.

Но все изменилось, и ни Фридрих, ни Лютер не испытывали тревоги. Курфюрст, понимая свое новое положение, больше не испытывал страха перед папой и еще меньше - перед его слугами.

Реформатор, увидев Мильтица и Де Вио вместе, имел некоторое представление о судьбе, которая ожидала его, если он примет их приглашение. "Повсюду, - говорит он, - со всех сторон и всеми способами они ищут моей жизни". [33] Кроме того, он просил папу принять решение; но папа, поглощенный коронами и интригами, не дал ответа. Лютер так писал Мильтицу: "Как я мог предпринять это путешествие без приказа из Рима, посреди смут, сотрясающих империю? Как я мог столкнуться с таким количеством опасностей и подвергнуть себя таким большим расходам, я, беднейший из людей?"

Курфюрст Тревский, человек мудрый и умеренный, друг Фредерика, был готов согласиться с его взглядами. Более того, у него не было желания вмешиваться в это дело без официального призыва. Поэтому он согласился с курфюрстом Саксонии отложить расследование до следующего сейма. Прошло два года, прежде чем эта диета была собрана в Вормсе.

ПУБЛИКАЦИЯ ТРУДОВ ЛЮТЕРА.

В то время как рука Провидения успешно отводила все опасности, которые ему угрожали, Лютер смело продвигался к результату, о котором он сам не подозревал. Его репутация росла, дело истины набирало силу, и число студентов Виттемберга, среди которых были самые выдающиеся молодые люди Германии, быстро увеличивалось. "Наш город, - писал Лютер, - едва может вместить всех, кто приезжает в него"; а в другом случае "число студентов увеличивается безмерно, подобно ручью, выходящему из берегов". [34]

Но Германия была уже не единственной страной, в которой был услышан голос Реформатора. Она перешла границы империи и начала сотрясать основы римского могущества в различных государствах христианского мира. Фробениус, знаменитый печатник из Бале, опубликовал собрание сочинений Лютера, от которого быстро избавились. В Бале даже епископ аплодировал Лютеру; а кардинал Сиона, прочитав его труд, воскликнул с некоторой иронией, выделив его имя: "О, Лютер, ты истинный Лютер!" (истинный очиститель, Лотерер.)

Эразм был в Лувене, когда труды Лютера прибыли в Нидерланды. Приор августинцев Антверпена, который учился в Виттемберге и, по свидетельству Эразма, придерживался истинного первобытного христианства, и многие другие бельгийцы, кроме него, читали их с жадностью. "Но, - говорит ученый из Роттердама, - те, кто преследовал только свои собственные интересы и развлекал народ бабушкиными баснями, дали полную волю своему пресмыкающемуся фанатизму". "Не в моей власти, - говорит Эразм в письме к Лютеру, - описывать эмоции, поистине трагические сцены, вызванные вашими произведениями". [35]

Фробениус отправил шестьсот экземпляров своих работ во Францию и Испанию. Они были публично проданы в Париже, и, насколько представляется, доктора Сорбонны затем прочитали их с одобрением. "Настало время, - сказали некоторые из них, - чтобы те, кто занимается изучением Священного Писания, говорили так свободно". В Англии эти Работы были приняты с еще большим рвением. Испанские торговцы в Антверпене перевели их на свой родной язык и отправили в Испанию. "Несомненно, - говорит Паллавичини, - в жилах этих купцов текла мавританская кровь". [36]

ФРОБЕНИУС. ЭК.

Кальви, ученый книготорговец из Павии, привез большое количество экземпляров этих произведений в Италию и распространил их во всех трансальпийских городах. Этим ученым

человеком двигала не жажда наживы, а желание внести свой вклад в возрождение благочестия. Энергия, с которой Лютер отстаивал дело благочестия, наполняла его радостью. "Все ученые Италии, - воскликнул он, - согласятся со мной, и мы увидим, как вас прославят в строфах, сочиненных нашими самыми выдающимися поэтами".

Передавая экземпляр публикации Лютеру, Фробениус сообщил ему все эти радостные новости и добавил: "Я продал все экземпляры, кроме десяти, и никогда не получал такой хорошей отдачи". Другие письма также сообщали Лютеру о радости, которую доставляли его труды. "Я рад, - говорит он, - что истина доставляет столько удовольствия, хотя она говорит малоучено и в таком варварском стиле". [37]

Таково было начало возрождения в разных странах Европы. Во всех странах, за исключением Швейцарии и даже Франции, где Евангелие было услышано ранее, появление трудов Лютера стало первой страницей в истории Реформации. Печатник из Бале распространил эти первые ростки истины. В тот момент, когда римский понтифик лелеял надежду пресечь эту работу в Германии, она началась во Франции, Нидерландах, Италии, Испании, Англии и Швейцарии; и теперь, даже если Рим срубит первоначальный ствол, что это даст? Семена уже рассыпаны по каждой почве.

ГЛАВА II.

Война в Германии, кажется, закончилась—Эк возобновляет состязание—Дебаты между Эком и Карлштадтом—Вопрос о Папе —Ответы Лютера—Тревога друзей Лютера—Мужество Лютера—Истина торжествует в одиночку-Отказ герцога Георга—Восторг Мозеллана и опасения Эразма.

В то время как битва только начиналась за пределами империи, ему казалось, что она почти прекратилась внутри нее. Самые буйные солдаты Рима, францисканские монахи Ютербока, после неосторожного нападения на Лютера, после энергичного ответа Реформатора поспешили восстановить молчание. Сторонники папы вели себя тихо, а Тезель был непригоден к службе. Друзья Лютера умоляли его не упорствовать в борьбе, и он пообещал подчиниться. Тезисы начали забываться. Этот вероломный мир полностью парализовал красноречивый язык Реформатора, и Реформация, казалось, была остановлена. "Но, - скажет впоследствии Лютер, говоря об этом периоде, - люди воображали тщетные вещи, ибо Господь восстал, чтобы судить народы". [38] "Бог, - говорит он в другом месте, - не ведет, а побуждает и торопит меня. Я не хозяин сам себе. Я хотел бы обрести покой, но я брошен в самую гущу беспорядков и революции". [39]

ЭК. КАРЛШТАДТ.

Человеком, возобновившим соревнование, был школяр Эк, старый друг Лютера и автор Обелисков. Он был искренне привязан к папству, но, по-видимому, был лишен подлинного религиозного чувства и принадлежал к классу людей, во все времена слишком многочисленному, которые ценят ученость, и даже теологию и религию, просто как средство завоевать имя в мире. Тщеславная слава скрывается под сутаной священника так же, как и под шлемом солдата. Эк изучал искусство ведения диспута в соответствии со схоластическими правилами и был признанным мастером в этом виде ведения войны. В то время как рыцари

средневековья и воины периода Реформации искали славы на турнирах, схоласты искали ее в силлогистических диспутах, которые часто устраивались в университетах. Эк, который был самоуверен, высоко ценил собственное мнение и гордился своими талантами, популярностью своего дела и наградами, завоеванными им в восьми университетах Венгрии, Ломбардии и Германии, с нетерпением ждал возможности продемонстрировать свою силу и ловкость в дебатах с Реформатором. Он не пожалел ничего, чтобы закрепить за собой репутацию одного из самых знаменитых ученых своего времени. Он всегда стремился разжечь новые дискуссии, произвести сенсацию и с помощью своих подвигов обеспечить себе доступ ко всем радостям жизни. Турне, которое он совершил по Италии, по его собственному признанию, было всего лишь серией триумфов. Самые образованные из образованных были вынуждены подписаться под его тезисами. С отработанной бравадой он устремил свой взор на новое поле битвы, где, как ему казалось, победа была ему обеспечена. Этот маленький монах, который вдруг вырос в великана, этот Лютер, которого до сих пор никто не мог победить, оскорбил его гордость и возбудил его ревность. [40] Возможно, что Эк, стремясь к собственной славе, мог разрушить Рим ... но схоластическое тщеславие не могло быть остановлено никакими подобными соображениями. Богословы, так же как и князья, неоднократно приносили общие интересы в жертву своей личной славе. Давайте обратим внимание на обстоятельства, которые дали врачу из Ингольштадта возможность выйти на ристалище вместе со своим беспокойным соперником.

ТЕЗИСЫ ЭКА.

Ревностный, но слишком пылкий Карлштадт все еще был единомышленником Лютера — особыми узами союза между ними была их приверженность доктрине благодати и восхищение св. Августином. Карлштадт, обладавший восторженным темпераментом и не отличавшийся благоразумием, был не из тех, кого можно было бы остановить обращением и политикой Мильтица. В противовес Обелискам доктора Эка он опубликовал тезисы, в которых защищал Лютера и их общую веру. Эк ответил, и Карлштадт, решив не оставлять за ним последнее слово, ответил. Бой становился все жарче. Экк, стремясь воспользоваться столь благоприятной возможностью, бросил вызов, и пылкий Карлштадт принял его. Бог использовал страсти этих двух людей для осуществления своих замыслов. Хотя Лютер не принимал участия в этих дебатах, ему было суждено стать героем борьбы. Есть люди, которых сила обстоятельств всегда выводит на сцену. Внимание было сосредоточено на Лейпциге, отсюда и зародилась знаменитая дискуссия, носящая его название.

Эка мало заботила борьба с Карлштадтом и даже победа над ним. Лютер был тем противником, которого он имел в виду. Соответственно, он использовал все средства, чтобы привлечь его к работе; и с этой целью опубликовал тринадцать тезисов, [41] направленных против ведущих доктрин, которые поддерживал Реформатор. Тринадцатое было в таких выражениях: "Мы отрицаем, что Римская церковь не была выше других Церквей до времен папы Сильвестра; и мы всегда признаем, что тот, кто занимал престол Святого Петра и исповедовал свою веру, [42] является преемником Святого Петра и наместником Иисуса Христа". Сильвестр жил во времена Константина Великого; и, следовательно, Экк в этом тезисе отрицал, что первенство, которым пользовался Рим, было даровано ему этим императором.

Лютер, чье согласие хранить молчание было дано не без сопротивления, был сильно взволнован, когда прочитал эти предложения. Он видел, что именно на него нацелены, и чувствовал, что не сможет с честью уклониться от состязания. "Этот человек, - сказал он, -

называет Карлштадта своим противником и в то же время нападает на меня. Но Бог правит и знает, к какому результату он стремится привести эту трагедию. [43] Вопрос не между доктором Эком и мной. Божий замысел будет выполнен. Благодаря Эку это дело, которое до сих пор было просто забавой, наконец станет серьезным и нанесет смертельный удар римской тирании и римскому понтифику".

УМЕРЕННОСТЬ И МУЖЕСТВО ЛЮТЕРА.

Рим сам нарушил соглашение. Он сделал больше; когда он возобновил сигнал к битве, он направил его в точку, которую Лютер ранее не атаковал. Темой, которую доктор Экк выделил для своих противников, было первенство папы римского. Следуя таким образом опасному примеру, приведенному Тезелем, [44] Рим навлекал удары чемпиона; и если она оставляла свои искалеченные члены на арене, то сама была виновата в наказании, причиненном его могучей рукой.

Однажды папское превосходство было свергнуто, и вся римская платформа развалилась на куски. Следовательно, папство находилось в неминуемой опасности; и все же ни Мильтиц, ни Каэтан не предприняли никаких шагов, чтобы предотвратить это новое соперничество. Воображали ли они, что Реформация будет побеждена, или они были поражены той слепотой, с помощью которой совершается гибель сильных мира сего?

Лютер, который своим долгим молчанием показал пример редкой умеренности, смело встретил вызов своего противника, тезисы которого он немедленно опроверг встречными тезисами. Последнее было в таких выражениях: "Первенство Римской церкви защищается с помощью жалких декреталий римских понтификов, составленных за последние четыреста лет; тогда как этому первенству противоречит подлинная история одиннадцати веков, заявления Священного Писания и каноны Никейского собора, который является чистейшим из всех Соборов". [45]

В то же время Лютер писал курфюрсту следующее: "Бог свидетель, я твердо решил хранить молчание; и я радовался, что игра наконец подошла к концу. Я настолько точно соблюдал соглашение, заключенное с уполномоченным папы римского, что не ответил Сильвестру Приериасу, несмотря на насмешки противников и советы друзей. Но теперь доктор Экк нападает на меня, и не только на меня, но и на весь Виттембергский университет в придачу. Я не могу допустить, чтобы это было таким образом оклеветано". [46]

В то же время Лютер писал Карлштадту: "Я не желаю, достопочтенный Эндрю, чтобы ты ввязывался в эту ссору, поскольку именно на меня нацелены". "Я с радостью отложу свои серьезные труды и приму участие в забавах этих льстецов римскому понтифику". [47] Затем, с презрением обращаясь к своему противнику и взывая из Виттемберга в Ингольштадт, он восклицает: "Итак, мой дорогой Эк, будь мужествен и прижми свой меч к бедру, ты, могучий человек. [48] Поскольку я не смог понравиться вам как посредник, возможно, я больше понравлюсь вам как антагонист. Не то чтобы у меня было какое-либо намерение победить вас, но после всех трофеев, которые вы завоевали в Венгрии, Ломбардии и Баварии (по крайней мере, если мы примем это во внимание), я дам вам возможность приобрести имя завоевателя Саксонии и Миснии, чтобы вы навсегда были отмечены славным титулом Августа". [49]

УВЕРЕННОСТЬ ЛЮТЕРА.

Не все друзья Лютера разделяли его мужество, ибо до этого часа никто не мог противостоять софистике доктора Эка. Но больше всего их встревожил предмет спора — первенство папы римского!... Как бедный монах из Виттемберга осмелился встретиться лицом к лицу с этим гигантом, который веками сокрушал всех своих врагов? Придворные курфюрста начинают дрожать. Спалатин, доверенное лицо принца и близкий друг Реформатора, полон беспокойства. Фридрих тоже чувствует себя неловко: даже меч рыцаря Гроба Господня, которым он был вооружен в Иерусалиме, был бы неравен в этой войне. Один только Лютер не испытывает тревоги. Его мысль такова: "Господь предаст его в мои руки". Вера, которой он воодушевлен, позволяет ему укреплять своих друзей. "Я прошу вас, мой дорогой Спалатин, - сказал он, - не поддаваться страху; вы хорошо знаете, что если бы Христос не был со мной, все, что я делал до этого часа, привело бы меня к гибели. Разве не писали недавно из Италии канцлеру герцога Померанского, что я расстроил Рим и что, не зная, как утихомирить беспорядки, они намеревались напасть на меня не в соответствии с формами правосудия, а с помощью римской хитрости (сами употребленные слова), то есть, я полагаю, с помощью яда, засады и убийства?"

"Я сдерживаю себя и из любви к курфюрсту и университету воздерживаюсь от многих действий, которые я применил бы против Вавилона, будь я в другом месте. О! мой бедный Спалатин! невозможно говорить о Писании и Церкви, не раздражая зверя. Поэтому никогда не надейтесь увидеть меня в покое, по крайней мере, до тех пор, пока я не отрекусь от теологии. Если это дело от Бога, оно не прекратится до тех пор, пока все мои друзья не оставят меня, как Христа оставили его ученики. Истина выстоит в одиночку и восторжествует благодаря своей собственной доблести, а не моей, или вашей, или чьей-либо еще. [50] Если я паду, мир не погибнет вместе со мной. Но, каким бы я ни был несчастным, боюсь, я недостоин умереть за такое дело". "Рим, - снова писал он об этом времени, - Рим горит желанием уничтожить меня, в то время как я сижу тихо и высмеиваю его. Мне сообщили, что на поле Флоры в Риме был публично сожжен чучело некоего Мартина Лютера, после того как его осыпали проклятиями. Я терплю их ярость. [51] Весь мир, - продолжает он, - находится в волнении, колеблется взад и вперед. Что произойдет? Бог знает. Со своей стороны, я предвижу войны и бедствия. Да смилуется над нами Господь". [52]

ГЕРЦОГ ГЕОРГ. АДЛЬФ МЕРЗБУРГСКИЙ.

Лютер писал письмо за письмом герцогу Георгу, [53] в чьих штатах находится Лейпциг, умоляя разрешения отправиться туда и принять участие в дебатах, но ответа не получил. Внук чешского короля Подебрад, встревоженный предложением Лютера относительно папы римского и боявшийся втянуть Саксонию в войны, театром которых Богемия так долго была, не пожелал удовлетворить просьбу доктора. Поэтому Лютер решил опубликовать пояснения к своему тринадцатому тезису. Но этот трактат отнюдь не убедил герцога Георга, напротив, утвердил его в своем решении. Категорически отказываясь предоставить Реформатору полномочия вести дебаты, он просто позволил ему присутствовать в качестве зрителя. [54] Это было большим разочарованием для Лютера. Тем не менее, поскольку у него было только одно желание — повиноваться Богу, - он решил присутствовать в качестве зрителя и ждать результата.

В то же время принц сделал все, что было в его силах, чтобы продвинуть дискуссию между Эком и Карлштадтом вперед. Герцог Георг был предан древнему учению, но он был честен, благосклонен к свободному исследованию и не считал, что какое-либо мнение может быть

обвинено в ереси только потому, что оно не нравится римскому двору. Курфюрст, более того, убедил своего кузена разрешить обсуждение; и герцог, подтвержденный заявлениями Фридриха, приказал провести его. [55]

Епископ Мерзебургский Адольф, в епархии которого находится Лейпциг, более живо, чем Мильтиц и Кайетан, осознавал опасность того, что в таких важных вопросах приходится полагаться на шансы единоборства. Рим не мог подвергать плоды трудов столетий такому риску. Все лейпцигские богословы были одинаково встревожены и умоляли своего епископа предотвратить дискуссию. Соответственно, Адольфус высказал самые энергичные увещевания герцогу Георгу, который ответил с большим здравым смыслом. [56] "Я удивлен, видя епископа, столь напуганного древним и похвальным обычаем наших отцов при рассмотрении сомнительных вопросов веры. Если ваши теологи откажутся защищать свои доктрины, выделяемые им деньги были бы гораздо лучше потрачены на содержание пожилых женщин и маленьких детей, которые могли бы, по крайней мере, прясть и петь".

MOSELLANUS. ЭРАЗМУС.

Это письмо не произвело особого впечатления на епископа и его богословов. В ошибке присутствует тайное сознание, которое заставляет ее бояться расследования, даже когда она громко заявляет о своей благосклонности к нему. После неосторожного наступления оно трусливо отступает. Истина не бросила вызов, но твердо стояла на своем. Ошибка бросила его и убежала. Более того, процветание Виттембергского университета вызывало зависть у Лейпцигского. Монахи и священники проклинали с кафедр этого города, призывая людей избегать новых еретиков, клеветая на Лютера и рисуя его, а также его друзей, в самых черных красках, чтобы разжечь фанатизм населения против реформаторов. [57] Тезель, который был еще жив, проснулся и закричал из глубины своего убежища: "Это дьявол навязывает это состязание". [58]

Однако все лейпцигские профессора не участвовали в этих опасениях. Некоторые принадлежали к классу равнодушных, состоящему из людей, которые всегда готовы посмеяться над недостатками обеих сторон. В этом классе был профессор греческого языка Питер Мозелланус, которого очень мало заботили Джон Экк, Карлштадт и Мартин Лютер, но он предвкушал большое развлечение от борьбы. В письме своему другу Эразму он пишет: "Джон Экк, который является самым прославленным гладиатором пера и рапсодом и, подобно Сократу Аристофана, презирает даже богов, должен вступить в спор с Эндрю Карлштадтом. Битва закончится шумихой, и над ней будут смеяться десять демократов". [59]

Робкий Эразм, напротив, был напуган мыслью о поединке, и его благоразумие, всегда готовое поднять тревогу, с радостью предотвратило бы это обсуждение. В письме Меланхтону он говорит: "Если Эразмус даст вам совет, вы будете больше стремиться способствовать развитию здоровой литературы, чем нападать на ее врагов. [60] Я верю, что таким образом наш прогресс будет больше. Прежде всего, участвуя в этой борьбе, давайте не забывать, что победа должна быть достигнута не только красноречием, но и умеренностью и кротостью". Ни тревога священников, ни благоразумие сторонников умиротворения не могли теперь предотвратить схватку. Стороны приготовили оружие.

ГЛАВА III.

Прибытие Эка и виттембергцев—Амсдорф—Студенты—Авария Карлштадта—Плакат—Экк и Лютер—Плейссенбург—Будут ли назначены судьи?—Возражает Лютер.

ПРИБЫТИЕ ЭКА. AMSDORF. СТУДЕНТЫ.

В то время, когда курфюрсты собрались во Франкфурте, чтобы назначить императора Германии (июнь 1519 г.), богословы собрались в Лейпциге для акта, который, хотя и остался незамеченным миром, должен был иметь не менее важные результаты.

Эк был первым, кто прибыл на место встречи. 21 июня он прибыл в Лейпциг в компании с Полиандром, молодым человеком, которого он привез из Ингольштадта для репортажа о дебатах. Доктору-схоласту были оказаны всевозможные почести, и в праздничный день он прошествовал по городу в полном каноническом облачении во главе многочисленной процессии. Все стремились увидеть его. По его собственному рассказу, все жители были настроены в его пользу. "Тем не менее, - добавляет он, - по городу распространился слух, что я потерплю поражение в этой стычке".

На следующий день после праздника, а именно в пятницу, 24 июня (День святого Иоанна), прибыли виттембергцы. Карлштадт, будущий соперник Эка, приехал первым на колеснице в одиночку. Следующим в открытом экипаже ехал герцог Барним Померанский, который в то время учился в Виттемберге под руководством наставника и был избран ректором университета. По обе стороны от него сидели два великих богослова, отцы Реформации, Меланхтон и Лютер. Меланхтон не хотел расставаться со своим другом. Он сказал Спалатину: "Мартин, воин Господень, разворошил это зловонное болото. [61] Я не могу думать о позорном поведении папских богословов без негодования. Будьте тверды и присоединяйтесь к нам ". Сам Лютер выразил желание, чтобы его Ахат, как его называли, сопровождал его.

Джон Ланге, викарий августинцев, несколько докторов права, несколько магистров искусств, два лиценциата богословия и другие священнослужители, среди которых выделялся Николас Амсдорф, замыкали шествие. Амсдорф, представитель знатной семьи из Саксонии, пренебрегши блестящей карьерой, которую могло бы сделать его происхождение, посвятил себя теологии. Тезисы об индульгенциях привели его к познанию истины, и он сразу же смело провозгласил свою веру. [62] Обладающий сильным интеллектом и неистовым нравом, Амсдорф часто подталкивал Лютера, по натуре чрезвычайно пылкого, к поступкам, которые, возможно, были неосмотрительными. Рожденный в высоком звании, он не испытывал благоговейного трепета перед великими и иногда обращался к ним со свободой, граничащей с грубостью. "Евангелие Иисуса Христа, - сказал он однажды в собрании знати, - принадлежит бедным и страждущим, а не вам, принцам, лордам и придворным, чья жизнь проходит в роскоши и радости". [63]

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ С КАРЛШТАДТОМ.

Но мы еще не упомянули весь поезд из Виттемберга. Большая группа студентов сопровождала своих учителей. Эк утверждает, что их было около двухсот. Вооруженные пиками и алебардами, они шли рядом с экипажами врачей, готовые защищать их и гордые своим делом.

Таков был порядок, в котором группа реформаторов вошла в Лейпциг. Как раз в тот момент, когда они проезжали ворота Гримма, которые находятся перед кладбищем Святого Павла, у кареты Карлштадта сломалось одно из колес. Архидьякон, который с большим самодовольством наслаждался торжественным вступлением, упал в грязь. Он не пострадал, но был вынужден отправиться к себе домой пешком. Колесница Лютера, следовавшая сразу за колесницей Карлштадта, быстро двинулась вперед и доставила Реформатора целым и невредимым. Жители Лейпцига, собравшиеся, чтобы засвидетельствовать вступление виттембергских чемпионов, сочли этот несчастный случай плохим предзнаменованием для Карлштадта; и вскоре по городу распространился слух, что он потерпит поражение в бою, но Лютер выйдет победителем. [64]

Адольф Мерсебергский не сидел сложа руки. Как только он узнал о приближении Лютера и Карлштадта и еще до того, как они вышли из своих экипажей, он приказал развесить на всех церковных дверях объявления, запрещающие дискуссию под страхом отлучения от церкви. Герцог Георг, пораженный такой самонадеянностью, приказал городскому совету снести епископскую табличку и заключить в тюрьму человека, нанятого для ее установки. [65] Герцог Георг, который лично прибыл в Лейпциг в сопровождении всего своего двора, в том числе Жерома Эмзера, с которым Лютер провел знаменитый вечер в Дрездене, послал спорщикам обычные подарки. [66] "Герцог, - хвастался Эк, - подарил мне прекрасного оленя, а Карлштадту подарил только косулю". [67]

Как только Экку сообщили о прибытии Лютера, он обратился к нему: "Что? — воскликнул он. - Говорят, вы отказываетесь дискутировать со мной".

Лютер.— "Как я могу, когда герцог запрещает мне?"

Эк.— "Если я не могу спорить с вами, я не стремлюсь иметь ничего общего с Карлштадтом. Я пришел сюда ради тебя. Затем, после короткой паузы, он добавил: "Если я получу разрешение герцога, ты выйдешь на поле боя?" [68]

Лютер (радостно). — Получите это, и мы обсудим.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДОГОВОРЕННОСТИ.

Экк немедленно отправился к герцогу и попытался рассеять его опасения, заявив ему, что он уверен в победе и что авторитет папы, который не только не пострадал из-за этого спора, но и станет более славным. "Мы должны бить в голову. Если Лютер стоит прямо, то и все его приверженцы делают то же самое — если он падает, падают все они". Джордж разрешил.

Герцог распорядился подготовить большой зал в своем плейсенбургском дворце. Два письменных стола были установлены друг напротив друга, столы для нотариусов, которые должны были записывать обсуждение в письменном виде, и скамьи для зрителей. Столы и скамьи были покрыты богатым гобеленом. На столе доктора Виттембергского висел портрет святого Мартина, в честь которого он был назван, а на столе доктора Экка - портрет Георгиевского кавалера. "Посмотрим, - сказал высокомерный Эк, не сводя глаз с эмблемы, - не растопчу ли я своим конем своих врагов". Каждая вещь свидетельствовала о важности, которая придавалась этому бою.

25 июня стороны встретились в замке, чтобы договориться о порядке рассмотрения дела. Эк, который был больше уверен в своей речи и жестах, чем в своих аргументах, воскликнул: "Мы будем вести дебаты свободно, без участия посторонних, и нотариусы не будут записывать наши слова в письменном виде".

Карлштадт.— "Соглашение заключалось в том, что обсуждение должно быть записано, опубликовано и представлено на суд всех людей".

Эк.— "Записывать все - значит изматывать дух спорящих и затягивать битву. В этом случае не может быть никакой надежды на живость, необходимую для оживленных дебатов. Не останавливайте поток красноречия". [69]

Друзья доктора Эка поддержали его предложение, но Карлштадт настаивал на своем, и Эку пришлось уступить.

Эк.— "Пусть будет так, пусть будет письменная запись; но, во всяком случае, дебаты, записанные нотариусами, не должны публиковаться до тех пор, пока они не будут представлены на решение судей".

Лютер.— "Правда доктора Эка и экианцев боится света".

Эк.— "Должны быть судьи".

Лютер.— "А какие судьи?"

Эк.— "После окончания дебатов мы их согласуем".

Цель сторонников Рима была очевидна. Если теологи Виттемберга согласились с судьями, их дело было проиграно. Заранее было очевидно, кто те люди, которых предложат их оппоненты; и все же реформаторы, если бы они им отказали, были бы покрыты клеветой, поскольку повсюду было бы распространено мнение, что они боятся подчиниться беспристрастным судьям.

ЛЮТЕР ВОЗРАЖАЕТ.

Судьями, которых хотели видеть реформаторы, были не отдельные люди, чье мнение уже было озвучено, а весь христианский мир. Их апелляция была обращена ко всеобщему голосу. Не имело большого значения, кто их осудит, если, отстаивая свое дело в присутствии христианского мира, они преуспели в том, чтобы вывести некоторых людей на свет божий. "Лютер, — говорит римский историк, - требовал, чтобы судьями были все верующие - другими словами, требовал трибунала столь многочисленного, что не могло быть урны, достаточно большой, чтобы вместить его голоса". [70]

Собрание разошлось. "Посмотрите на их уловку", - сказали друг другу Лютер и его друзья. "Они наверняка попросили бы назначить судьями папу римского или университеты".

На самом деле, на следующее утро римские богословы послали одного из своих сторонников к Лютеру с предложением назначить судьей ... папа римский!... "Папа римский! - воскликнул Лютер. - как я мог принять его?"

"Остерегайтесь, - восклицали все его друзья, - принимать столь несправедливые условия". Эк и его друзья, посоветовавшись еще раз, отказались от папы и предложили несколько

университетов. "Не отнимайте у нас свободу, которую вы нам уже предоставили", - ответил Лютер. "Мы не можем уступить в этом вопросе", - продолжил Эк. "Тогда, - воскликнул Лютер, - не спорю". [71]

Они снова расстались, и о том, что только что произошло, говорил весь город. Римляне продолжали повсюду кричать: "Лютер не будет вести дебаты — он отказывается признавать любого судью!" Комментируя и истязая его слова, они пытались представить их в самом невыгодном свете. "Что? в самом деле? он не будет спорить?" - говорят лучшие друзья Реформатора и спешат выразить ему свою тревогу. "Вы отказываетесь от состязания", - восклицают они. "Ваш отказ навлечет вечный позор на ваш университет и ваше дело". Это было сделано для того, чтобы напасть на Лютера в его самое уязвимое место. "Очень хорошо, - ответил он, и сердце его наполнилось негодованием, - я принимаю условия, которые мне навязывают, но я оставляю за собой право на апелляцию и отказываюсь обращаться в Римский суд". [72]

ПРОЦЕССИЯ. МЕССА.

ГЛАВА IV.

Процессия—Месса—Мозелланус—Вени, Святой Дух!—Портреты Лютера и Карлштадта—Доктор Экк—Книги Карлштадта—Заслуга конгруэнтности—Естественные силы—Схоластическое различие—Точка, где Рим и Реформация расходятся—Благодать дает человеку свободу—Записная книжка Карлштадта-Суматоха в аудитории—Меланхтон во время дебатов—Маневры Экка—Лютер проповедует—Граждане Лейпцига—Ссоры студентов и учителей.

27 июня было назначено на день начала обсуждения. Утром стороны встретились в холле университета, а затем процессией направились к церкви Святого Фомы, где орденом и за счет герцога была отслужена торжественная месса. После службы присутствующие проследовали в герцогский замок. Во главе их шли герцог Георг и герцог Померанский; далее следовали графы, аббаты, рыцари и другие выдающиеся личности; и, наконец, доктора обеих партий. Стража, состоящая из семидесяти шести горожан с алебардами, сопровождала процессию с развевающимися знаменами и барабанным боем и остановилась у ворот замка.

По прибытии во дворец каждый занял свое место в зале, где должны были проходить дебаты, — герцог Георг, наследный принц Джон, принц Георг Ангальтский, двенадцатилетний мальчик, и герцог Померании заняли отведенные им места.

Мозеллан по приказу герцога взошел на кафедру, чтобы напомнить богословам о том, в какой манере должна вестись дискуссия. "Если вы начнете ссориться, - сказал им оратор, - какая разница будет между теологическим диспутантом и чванливым дуэлянтом? Что такое победа здесь, как не просто напомнить брату о его заблуждении?... Казалось бы, каждый должен больше желать быть побежденным, чем побеждать." [73]

ПОРТРЕТЫ ЛЮТЕРА, КАРЛШТАДТА, ЭКА.

По окончании выступления в проходах Плейссенберга зазвучала духовная музыка, все собравшиеся преклонили колени, и был исполнен древний гимн обращения к Святому Духу "Veni, Sancte Spiritus". Торжественный час в анналах Реформации! Призыв был трижды повторен; и, пока гремело торжественное песнопение, защитники древних и поборники новых доктрин, служители Церкви средневековья и те, кто желал восстановить Церковь апостолов, смешавшись без различия, в смиренной позе склонили свои лица к земле. Древние узы единого общения все еще объединяли все эти разные умы, и одна и та же молитва все еще исходила из всех этих уст, как будто ее диктовало единое сердце.

Это были последние мгновения внешнего безжизненного единства, на смену которому вот-вот должно было прийти новое духовное живое единство. Святой Дух был призван от имени Церкви, и Святой Дух был готов ответить возрождением христианского мира.

Когда гимн и молитва были закончены, собравшиеся встали. Обсуждение должно было начаться прямо сейчас, но, поскольку наступил полдень, был объявлен перерыв на два часа.

Ведущие персоны, предложившие присутствовать на дебатах, пообедав с герцогом, вернулись вместе с ним после ужина в зал замка, который был заполнен зрителями. Собрания, подобные этому описанию, были общественными собраниями, на которых представители эпохи обсуждали вопросы, представляющие общий и всепоглощающий интерес. Ораторы вскоре были на своих постах. Чтобы составить о них лучшее представление, мы приведем их портреты, нарисованные одним из самых беспристрастных свидетелей дебатов.

"Мартин Лютер среднего роста и настолько истощен усердной учебой, что можно почти пересчитать его кости. Он полон сил, и голос у него чистый и звучный. Его ученость и знание Священного Писания не имеют себе равных: в его распоряжении все слово Божье. [74] В дополнение к этому у него большой запас аргументов и идей. Возможно, следовало бы пожелать, чтобы он проявил немного больше здравого смысла в размещении своих материалов. В разговоре он откровенен и вежлив; в нем нет ничего стоического или надменного; он обладает искусством приспособливаться к каждому человеку. Его речь приятна и полна хорошего настроения. Он проявляет твердость, и его никогда не выводят из равновесия угрозы его противников, какими бы они ни были. Человек в некотором смысле вынужден верить, что в тех великих делах, которые он совершил, ему, должно быть, помогал Бог. Однако его обвиняют в том, что в его ответах больше сарказма, чем подобает теологу, особенно когда он провозглашает новые религиозные идеи.

"Карлштадт меньше ростом; цвет его лица смуглый и желтоватый, голос неприятный, память менее цепкая, а характер более вспыльчивый, чем у Лютера. Однако все же он обладает, хотя и в меньшей степени, теми же качествами, которые отличают его друга.

КНИГИ КАРЛШТАДТА. ПРИРОДНЫЕ СИЛЫ.

"Эк высокий и широкоплечий. У него сильный и истинно немецкий голос и такие превосходные легкие, что его было бы хорошо слышно на сцене или он стал бы замечательным городским глашатаем. Его акцент скорее грубый, чем элегантный, и в нем нет ни капли изящества, столь восхваляемого Цицероном и Квинтилианом. Его рот, глаза и все черты лица наводят на мысль о солдате или мяснике, а не о богослове. [75] У него превосходная память, и будь его интеллект равен ей, он был бы безупречен. Но он медлителен в понимании и нуждается в суждении, без которого все остальные дары бесполезны. Следовательно, когда он спорит, он нагромождает,

без отбора или различения, отрывки из Библии, цитаты Отцов Церкви и аргументы всех мастей. Более того, его уверенность безгранична. Когда он оказывается в затруднительном положении, он уклоняется от рассматриваемого вопроса и набрасывается на другого; иногда, даже, он принимает точку зрения своего противника и, меняя форму выражения, самым ловким образом обвиняет его в той самой нелепости, которую он сам защищал".

Таковы, по словам Мозеллануса, были люди, привлекавшие внимание толпы, которая в то время стекалась в большой зал Плейссенбурга.

Дискуссию открыли Экк и Карлштадт.

Эк на несколько мгновений задержал взгляд на книгах, которые лежали на маленьком столике перед столом его оппонента и, казалось, вызывали у него беспокойство: это были Библия и Отцы Церкви. "Я отказываюсь от дискуссии, - внезапно воскликнул он, - если вам позволено приносить с собой книги". Теолог прибегает к своим книгам при обсуждении! Изумление доктора Экка было еще более поразительным. "Это всего лишь фиговый лист, которым этот Адам пользуется, чтобы скрыть свой позор", - сказал Лютер. "Неужели Августин не обращался к книгам, сражаясь с манихеями?" [76] Неважно! Партизаны Эка подняли большой шум. Карлштадт возмутился. "Этот человек совершенно лишен памяти", - сказал Эк. Наконец, согласно желанию ингольштадтского канцлера, было решено, что каждый участник спора должен пользоваться только своей памятью и своим языком. "Таким образом, - говорили некоторые, - целью этого спора будет не установление истины, а демонстрация красноречия и памяти спорящих".

Обсуждение длилось семнадцать дней; но поскольку невозможно изложить его полностью, мы должны, как говорит историк, подражать художникам, которые, изображая битву, помещают наиболее выдающиеся подвиги впереди, а остальные оставляют на заднем плане. [77]

ДОСТОИНСТВО КОНГРУЭНТНОСТИ. СХОЛАСТИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ.

Тема обсуждения между Эком и Карлштадтом была важной. "До обращения, - сказал Карлштадт, - воля человека неспособна творить добро; всякое доброе дело исходит целиком и исключительно от Бога, который дает сначала желание творить, а затем способность совершать". Эта истина провозглашается Священными Писаниями, которые говорят: *"Это Бог действует в вас, как желать, так и совершать по своему благоволению"*, [78] и Августином, который, споря с пелагианами, излагает это почти в тех же терминах. Всякая работа, в которой нет ни любви к Богу, ни послушания его воле, в его глазах лишена единственного качества, которое могло бы сделать ее по-настоящему хорошей, даже если бы в других отношениях она была продиктована самыми благородными человеческими мотивами. Итак, в человеке есть естественная вражда к Богу — вражда, которую он совершенно не в состоянии подавить. У него нет на это силы — ему даже нужна воля. Следовательно, если когда-либо она и должна быть подавлена, то только силой Божьей.

Это учение о свободе воли, против которого так много говорят в мире, и все же оно такое простое. Это было учение церкви. Но схоласты объяснили это таким образом, что это было неправильно понято. "Без сомнения, - говорили они, - естественная воля человека не может делать ничего, что было бы по-настоящему угодно Богу; но она может многое сделать, чтобы сделать человека более способным и более достойным получения божественной благодати". Эти препараты они называли заслугой соответствия; [79] "потому что, - как выразился святой

Фома, - Богу свойственно даровать особую милость тем, кто хорошо использует свою волю". Что касается обращения, которому должен подвергнуться человек, то, несомненно, верно, что, по мнению схоластов, благодать Божья должна была совершить это, но все же не исключая его природных сил. "Эти силы, - говорили они, - не были уничтожены грехом; грех только ставит препятствие на пути их развития; но как только это препятствие устраняется (а это, по их мнению, должна была сделать благодать Божья), эти силы снова начинают действовать". Используя одно из их любимых сравнений— "птица, у которой связаны ноги, от этого не теряет ни своих сил, ни забывает искусство полета, хотя ее должна освободить какая-то другая рука, прежде чем она снова сможет использовать свои крылья". "То же самое, - сказали они, - происходит и с человеком". [80]

СВОБОДА ВОЛИ. ЕЕ ИСТИННАЯ ПРИРОДА.

Таков был вопрос, обсуждавшийся между Эком и Карлштадтом. Сначала Экк, казалось, полностью отрицал предложения Карлштадта, но, чувствуя, что ему трудно отстаивать свою точку зрения, сказал: "Я допускаю, что воля не имеет силы совершать доброе дело, но получает его от Бога". "Тогда признайтесь, - возразил Карлштадт, вне себя от радости, получив такую уступку, - что всякое доброе дело исходит всецело от Бога". "Всякое доброе дело действительно исходит от Бога, - тонко возразил ученый, - но не полностью". "Вот, - воскликнул Меланхтон, - открытие, вполне достойное теологической науки". "Яблоко, - добавил Эк, - полностью создается солнцем, но не полностью и без участия дерева". [81] Несомненно, ни одному человеку никогда не приходило в голову утверждать, что все яблоки производятся солнцем.

"Очень хорошо, - сказали его оппоненты, еще глубже углубляясь в этот деликатный вопрос, столь важный в философии и религии, - давайте рассмотрим, как Бог действует на человека и как человек ведет себя, когда на него так воздействуют". "Я признаю, - сказал Эк, - что при обращении первый импульс исходит от Бога и что человеческая воля полностью пассивна". [82] На данный момент участники спора пришли к согласию. "Я признаю, - сказал Карлштадт, со своей стороны, - что после этого первого действия со стороны Бога что-то должно исходить от человека, что-то, что святой Павел называет *волей* и что отцы церкви обозначают *согласием*". И здесь обе стороны снова пришли к согласию — но с этого момента началось разделение. "Это согласие человека, - сказал Эк, - исходит частично из нашей естественной воли, а частично из милости Божьей". [83] "Нет, - сказал Карлштадт, - эта воля в человеке полностью создана Богом". [84] После этого Эк начал выражать удивление и возмущение словами, столь хорошо приспособленными для того, чтобы внушить человеку ощущение его полного ничтожества. "Ваше учение, - восклицает он, - превращает человека в камень или глыбу, неспособную ни к какому противодействию..." "Что, - возразили Реформаторы, - разве способность воспринимать силы, которые Бог производит в нем (способность, которой, как мы признаем, он обладает), недостаточно отличает его от камня и глыбы?" "Но, - продолжал их противник, - отрицая всю естественную силу человека, вы противоречите опыту". "Мы не отрицаем, - последовал ответ, - что человек обладает определенными способностями и обладает способностью размышлять, медитировать и выбирать. Мы рассматриваем эти силы и способности лишь как простые инструменты, неспособные творить что-либо хорошее до тех пор, пока рука Божья не приведет их в движение. Они подобны пиле в руках пильщика". [85]

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА КАРЛШТАДТА. ПОРТРЕТ МЕЛАНХТОН.

Здесь обсуждался великий вопрос о свободе, и было легко продемонстрировать, что доктрина реформаторов не лишала человека свободы морального агента и не превращала его в пассивную машину. Свобода морального деятеля заключается в способности действовать в соответствии со своим выбором. Каждое действие, совершаемое без внешнего принуждения и вследствие решимости самого разума, является свободным действием. Разум определяется мотивами, но мы постоянно видим, что одни и те же мотивы действуют по-разному на разные умы. Многие действуют не в соответствии с теми мотивами, которые одобряет их суждение. Эта неэффективность мотивов объясняется препятствиями, с которыми они сталкиваются в растлении разума и сердца. Теперь Бог, давая новое сердце и новый дух, устраняет эти препятствия, и таким образом, он не только не лишает человека свободы, напротив, устраняет то, что мешало ему действовать свободно и повиноваться велениям своей совести. Выражаясь языком Евангелия, это делает его "воистину свободным". (Иоанна, viii, 36.)

Небольшой инцидент на короткое время прервал дебаты. Карлштадт (это учетная запись Эка [86]) подготовил различные варианты аргументации; и, как это делают многие ораторы наших дней, прочитал то, что он написал. Эка увидел в этом всего лишь тактику школьника и возразил. Карлштадт, смущенный и опасаящийся, что его могут выставить в невыгодном свете, если лишат его записной книжки, настоял на том, чтобы сохранить ее. "Ах! - сказал доктор-схоласт, весьма гордый преимуществом, которое, как ему казалось, он имел перед ним. - у него память короче, чем у меня". После того как этот вопрос был передан арбитрам, было решено, что можно зачитать цитаты из Отцов Церкви, но в остальном обсуждение должно быть импровизированным.

Эта первая часть обсуждения часто прерывалась аудиторией. Они возмущались и кричали. Любое предложение, оскорбительное для ушей большинства, немедленно вызывало их возмущение, и тогда, как и в наши дни, приходилось призывать к порядку. Спорящие также иногда позволяли себе увлечься в пылу дискуссии.

МНЕНИЕ МЕЛАНХТОНА. МАНЕВРЫ ЭКА.

Меланхтон сидел рядом с Лютером и привлекал почти такое же внимание. Он был невысокого роста, и вряд ли можно было подумать, что ему больше восемнадцати. Лютер, который был на целую голову выше его, казалось, был связан с ним самой тесной дружбой; они входили, выходили и гуляли вместе. "Если посмотреть на Меланхтона, - говорит швейцарский теолог, [87], который учился в Виттемберге, - то можно подумать, что он простой мальчик, но в суждениях, учености и таланте он гигант. Трудно понять, как столько мудрости и гениальности может содержаться в таком тщедушном теле". В перерыве между заседаниями Меланхтон беседовала с Карлштадтом и Лютером. Он помогал им готовиться к дебатам и предлагал аргументы, почерпнутые из запасов его обширной эрудиции; но во время дискуссии он спокойно сидел среди зрителей, внимательно прислушиваясь ко всему, что говорили теологи. [88] Иногда, однако, он приходил на помощь Карлштадту. [89] Когда последний был готов уступить под мощную речь ингольштадтского канцлера, молодой профессор шептал ему на ухо какое-нибудь слово или незаметно подсовывал листок бумаги, на котором был записан ответ. Однажды Эк заметил это и, возмущенный тем, что этот грамматик, как он его называл, осмеливается вмешиваться в дискуссию, повернулся к нему и надменно сказал: "Замолчи, Филип, занимайся своими занятиями и не мешай мне". Возможно, Эк уже предчувствовал грозного противника, с которым ему впоследствии предстояло столкнуться в лице этого молодого человека. Лютер был

оскорблен грубым оскорблением, нанесенным его другу.; "Суждение Филипа, - сказал он, - для меня важнее, чем мнение тысячи докторов Эксов".

Невозмутимый Меланхтон легко разглядел слабые места этой дискуссии. "Мы можем только удивляться, - говорит он с мудростью и изяществом, сквозящими во всех его словах, - когда думаем о насилии, которое было вызвано обсуждением подобных тем. Какую пользу можно извлечь из этого? Дух Божий любит уединение и тишину: там обитают те, в сердца которых он проникает. Невеста Христова не стоит на улицах и в общественных местах, но ведет Жениха в дом своей матери". [90]

ПРОПОВЕДЬ ЛЮТЕРА. БЮРГЕРЫ ЛЕЙПЦИГА.

Обе стороны заявили о победе. Эк использовал все свое обаяние, чтобы создать впечатление, что он ее одержал. Когда точки расхождения почти совпадали, он часто восклицал, что ему удалось склонить своего оппонента к своему мнению, или, подобно новому Протею, как называет его Лютер, внезапно поворачиваясь, он излагал собственное мнение Карлштадта другими словами, а затем с видом триумфатора спрашивал, не чувствует ли он себя вынужденным уступить. Неискушенные, неспособные разгадать маневр софиста, аплодировали и торжествовали вместе с ним.... Во многих отношениях поединок был неравным. Карлштадт был медлителен и иногда оставлял возражения своего оппонента без ответа до следующего дня. Экк, напротив, был мастером своего дела и мог сразу наложить руку на все, что ему требовалось. Он выступил вперед с надменным видом, твердым шагом взобрался на свой стол, а когда оказался там, топнул ногой, заходил взад-вперед, заставляя потолок звенеть своим мощным голосом, давал какой-нибудь ответ на каждый аргумент и поражал аудиторию своей памятью и ловкостью. И все же Эк, сам того не замечая, уступил в дискуссии гораздо больше, чем намеревался. Его партизаны кричали и смеялись при каждом его повороте, "но, - говорит Лютер, - я сильно подозреваю, что они только притворялись, что смеются, и были чрезвычайно раздосадованы в глубине души, когда увидели, что их вождь, который начал с такой бравады, оставил свое знамя, бросил свою армию и стал бесстыдным дезертиром". [91]

Через три или четыре дня после начала обсуждения оно было прервано праздником святых Петра и Павла.

Герцог Померании попросил Лютера прочитать перед ним проповедь по этому случаю в его часовне. Лютер с радостью подчинился. Вскоре часовня была заполнена, а толпы все прибывали, и возникла необходимость переместиться в большой зал замка, где проходила дискуссия. Лютер проповедовал, опираясь на тогдашний текст, о благодати Божьей и силе Петра, и популярно изложил взгляды, которых он обычно придерживался перед ученой аудиторией. Христианство позволяет свету истины проникать одинаково как в самые высокие, так и в самые скромные умы, и этим отличается от всех других религий и от всех философских систем. Лейпцигские богословы, присутствовавшие на проповеди, поспешили ознакомить Экка с оскорбившими их выражениями. "Эти тонкие ошибки, - восклицали они, - должны быть устранены, должны быть публично опровергнуты". Это было именно то, чего хотел Эк. Все церкви были открыты для него, и четыре раза подряд он поднимался на кафедру, чтобы выступить с речью против Лютера и его проповеди. Друзья Лютера были возмущены и потребовали, чтобы виттембергский богослов был заслушан в свою очередь. Но они требовали напрасно. Кафедры были открыты для врагов евангельской истины, но закрыты для тех, кто ее

провозглашал. "Я хранил молчание, - говорит Лютер, - и был вынужден подвергаться нападкам, оскорблениям и клевете, не имея возможности оправдаться и защититься". [92]

ССОРЫ ВРАЧЕЙ.

Церковники были не единственными людьми, проявлявшими враждебность к евангельскому учению: жители Лейпцига были в этом отношении единодушны со своим духовенством и со слепым фанатизмом поддавались лжи и враждебности, которые усердно распространялись. Главные жители не посещали ни Лютера, ни Карлштадт. Они оставляли их незамеченными, когда встречали на улице, и пытались настроить герцога против них. С другой стороны, они ежедневно посещали доктора из Ингольштадта и устраивали угощения, который наслаждался их хорошим настроением и со знанием дела обсуждал сравнительные достоинства саксонского и баварского пива. Его манеры, несколько свободные, не свидетельствовали об очень строгой морали. [93] Единственное, что было предложено Лютеру, - это обычное угощение спорщиков вином. Более того, даже те, кто желал ему добра, беспокоились о том, чтобы другие не узнали об этом; несколько никодимитов посещали его ночью или тайно. Только двое оказали себе честь, публично заявив о своей дружбе. Это были доктор Ауэрбек, с которым мы уже встречались в Аугсбурге, и доктор Пистор-младший.

В городе царило величайшее возбуждение. Обе партии образовали, так сказать, два враждебных лагеря, и иногда дело доходило до драк. В тавернах часто происходили ссоры между студентами Лейпцига и Виттемберга. Открыто утверждалось, даже на собраниях духовенства, что Лютер повсюду носил с собой дьявола, заключенного в маленькую шкатулку. "Я не знаю, в ящике ли дьявол или только у него под одеждой, - ехидно заметил Эк, - но совершенно точно он в одном из них".

Во время спора несколько врачей с обеих сторон обратились к печатнику Гербиполису; и спор разгорелся так сильно, что хозяину пришлось посадить во главе стола городского чиновника с алебардой, чтобы поддерживать мир и не допустить, чтобы гости подрались. Однажды Баумгартнер, торговец индульгенциями, подрался с джентльменом, другом Лютера, и впал в такую ярость, что упал замертво. Фрешель, который приводит этот отчет, говорит: "Я был одним из тех, кто унес его в могилу". [94] Таким образом проявилось всеобщее возбуждение, которое преобладало. Тогда, как и сейчас, разговоры за столом эхом отдавались в гостиной и на улицах.

Герцог Георг, хотя и был очень решительно настроен в пользу Экка, не проявлял такой страсти, как его подданные. Он пригласил Экка, Лютера и Карлштадта отобедать вместе с ним. Он даже попросил Лютера нанести ему визит наедине, но вскоре показал, насколько сильно он к нему предубежден. "Своей книгой о молитве Господней, - с горечью сказал ему герцог, - вы ввели в заблуждение многих людей. Есть люди, которые жалуются на то, что не могли произнести ни одного слова благодарности в течение более чем четырех дней".

ГЛАВА V.

Иерархия и рационализм—Два крестьянских сына—Эк и Лютер бегин—Глава Церкви—Первенство Рима—Равенство епископов—Основание Петра—Основание Христа—Эк намекает, что Лютер гусит—Лютер об учении Гуса—Волнение в аудитории—Шутка доктора

Эка—Только слово—Придворный шут—Лютер на мессе—Выступление герцога—Чистилище—Завершение дискуссии.

ИЕРАРХИЗМ И РАЦИОНАЛИЗМ. ДВА КРЕСТЬЯНСКИХ СЫНА.

4 июля начались дебаты между Эком и Лютером. Каждая вещь предвещала, что она будет острее, решительнее и интереснее, чем та, которая только что завершилась и во время которой аудитория постепенно редела. Два противника спустились на арену, решив не складывать оружия до тех пор, пока победа не будет объявлена в пользу одного из них. Все были в нетерпеливом ожидании, поскольку предметом обсуждения было первенство папы римского. У христианства есть два великих противника: иерархизм и рационализм. Рационализм, применяемый к учению о природных силах человека, подвергся нападкам со стороны Реформации в бывшей ветви лейпцигской дискуссии. Теперь следовало рассмотреть иерархизм, рассматриваемый применительно к тому, что является одновременно его вершиной и основанием, а именно к доктрине папы римского. С одной стороны, появился Эк, хвастающийся дебатами, в которых он участвовал, как генерал хвастается своими сражениями. [95] На другой стороне стоял Лютер, которому состязание, казалось, сулило только преследования и поругание, но который выступил вперед с чистой совестью, твердым решением пожертвовать всем ради дела истины и уверенным ожиданием, основанным на вере в Бога и даруемое им избавление. Новые убеждения глубоко засели в его сознании; пока они еще не были выстроены в систему, но в пылу дебатов они вспыхнули подобно молнии. Серьезный и бесстрашный, он проявил решимость, которая бросила вызов всем запретам. Черты его лица носили следы бурь, бушевавших в его душе, и мужества, с которым он был готов встретить лицом к лицу новые бури. Два крестьянских сына, представители двух систем, которые до сих пор разделяют христианский мир, были накануне состязания, исход которого должен был решить дальнейшую судьбу государства и Церкви.

ГЛАВА ЦЕРКВИ.

В семь утра два противника сидели за своими столами посреди многочисленного и внимательного собрания.

Лютер встал и, соблюдая необходимую предосторожность, скромно сказал: —

"Во имя Господа! Аминь. Я заявляю, что уважение, которое я испытываю к Суверенному Понтифику, побудило бы меня избежать этого обсуждения, если бы превосходный доктор Экк оставил мне какую-либо альтернативу".

Эк. — "Во имя твое, дорогой Иисус! прежде чем я выйду на арену, я протестую в вашем присутствии, могущественные лорды, что все, что я скажу, подлежит исправлению первым из всех видящих и мастером, который его занимает".

После минутной паузы Эк продолжил— "В церкви Божьей существует первенство, исходящее от самого Иисуса Христа. Церковь воинствующая - это образ церкви торжествующей. Но последняя представляет собой монархическую иерархию, восходящую шаг за шагом к единственному главе, который есть Бог, и, соответственно, Христос установил ту же градацию на земле. Каким чудовищем была бы Церковь, если бы у нее не было главы!" [96]...

Лютер(поворачиваясь к аудитории). — "Доктор прав, говоря, что у Вселенской Церкви должен быть глава. Если здесь есть кто-то, кто утверждает обратное, пусть он встанет? это замечание ко мне совершенно не относится".

Эк. — "Если воинствующая Церковь никогда не оставалась без монарха, я хотел бы знать, кто этот монарх, если он не понтифик Рима?"

Лютер. — "Главой воинствующей Церкви является не человек, а сам Иисус Христос. Я верю в это по свидетельству Божьему". *"Христос, - говорится в Священном Писании, -должен царствовать до тех пор, пока не повергнет ВСЕХ СВОИХ ВРАГОВ под ноги"*. [97] "Поэтому мы не можем слушать тех, кто хочет ограничить Христа Церковью, торжествующей на небесах. Его правление - это правление веры. Мы не можем видеть свою Голову, и все же она у нас есть". [98]

Экк, не признавший, что был побежден, прибегнул к другим аргументам и продолжил: "Согласно святому Киприану, священническое единство происходит от Рима". [99]

Лютер. — "Даровано в отношении Западной Церкви. Но разве сама Римская церковь не является потомком Иерусалимской церкви, которая, по сути, является матерью и кормилицей всех церквей?" [100]

ПЕРВЕНСТВО РИМА. РАВЕНСТВО ЕПИСКОПОВ.

Эк. — "Святой Иероним заявляет, что до тех пор, пока папе не будет дана чрезвычайная власть, превосходящая все другие полномочия, в церквях будет столько же расколов, сколько и понтификов". [101]

Лютер. — "Даровано, то есть эта власть может быть присвоена римскому понтифику человеческим авторитетом при условии согласия на это всех верующих. [102] И, аналогичным образом, я, со своей стороны, не отрицаю, что если бы все верующие во всем мире согласились признать епископа Рима, Парижа или Магдебурга в качестве первого и суверенного понтифика, было бы необходимо признать его таковым в знак уважения к этому всеобщему согласию Церкви. Однако этого никогда не было и никогда не будет видно. Разве даже в наши дни греческая церковь не отказывается от своего согласия с Римом?"

В этот период Лютер был вполне готов признать папу первым магистратом Церкви, избранным по ее собственному свободному выбору; но он отрицал, что он принадлежит к божественному учреждению. В более поздний период он отрицал, что подчинение в каком-либо отношении было его обязанностью, и этим отрицанием он был обязан дискуссии в Лейпциге. Экк вступил на почву, которую знал не так хорошо, как Лютер. Последний, правда, не смог подтвердить свой тезис о том, что папства не существовало более четырех столетий. Экк цитировал авторитетные источники более раннего времени, и Лютер не смог их опровергнуть, поскольку критика еще не атаковала поддельные декреты. Но чем ближе дискуссия подходила к первобытным временам, тем больше возрастала сила Лютера. Экк апеллировал к Отцам Церкви. В ответ Лютер процитировал Святых Отцов, и все слушатели были поражены его превосходством над своим соперником.

"Что мое изложение, - сказал он, - соответствует изложению святого Иеронима, я доказываю собственным Посланием святого Иеронима к Евагрию, в котором он говорит: "Каждый епископ, будь то в Риме, или Эвгубии, или Константинополе, или Реги, или Александрии, или Танисе,

имеет те же заслуги и то же священство". [103] Власть богатства и унижение бедности составляют единственное преимущество или неполноценность среди епископов".

От писаний Отцов Церкви Лютер перешел к постановлениям Соборов, которые рассматривают римского епископа лишь как первого среди равных. [104]

ПЕРВЕНСТВО СВЯТОГО. ПЕТРА.

"Мы читаем, - говорит он, - в постановлении Африканского совета", "епископ первого престола не должен называться ни принцем понтификов, ни суверенным понтификом, ни каким-либо другим подобным именем, но только епископом первого престола. Если бы верховенство римского епископа было божественным установлением, разве эти слова не были бы еретическими?"

Эк ответил одним из тех тонких различий, которые были ему так знакомы.

"Епископ Рима, если вам угодно, является не вселенским епископом, а епископом вселенской церкви". [105]

Лютер.— "Я вполне готов оставить этот ответ без ответа: пусть наши слушатели судят сами".

"Несомненно, - сказал он впоследствии, - этот лозунг достоин теолога и вполне подходит для удовлетворения спорщика, жаждущего славы. Мое дорогостоящее пребывание в Лейпциге не прошло даром, поскольку я узнал, что папа римский, хотя на самом деле и не вселенский епископ, является епископом вселенской церкви". [106].

Эк.— "Очень хорошо, я подхожу к самому главному. Достопочтенный доктор призывает меня доказать, что первенство Римской церкви имеет божественное установление — я доказываю это следующими словами Христа: *"Ты - Петр, и на этой скале Я построю свою Церковь."* Святой Августин в одном из своих посланий так разъяснил этот отрывок: "Ты - Петр, и на этой скале, то есть на этом Петре, я построю свою Церковь". Правда, Августин в другом месте сказал, что под этой скалой следует понимать самого Христа, но он никогда не отказывался от своего прежнего объяснения.

Лютер.— "Если преподобный доктор нападет на меня, он должен сначала согласовать эти противоположные утверждения Августина. Нельзя отрицать, что святой Августин снова и снова говорил, что скалой был Христос, и, возможно, однажды он сказал, что это был сам Петр. Но даже если бы святой Августин и все Отцы Церкви говорят, что апостол - это скала, о которой говорит Христос, я бы оспорил их точку зрения на авторитет апостола, другими словами, божественный авторитет; [107] ибо написано: *"Никакое другое основание не может заложить человек, кроме того, которое заложено, а именно Иисусом Христом."* [108] Сам Петр называет Христа *"главным и краеугольным камнем, на котором мы строим духовный дом."* [109]

Эк.— "Я поражен смирением и скромностью, с которыми преподобный доктор берется в одиночку сражаться со столькими выдающимися отцами и знать больше, чем суверенные понтифики, советы, врачи и университеты.... Было бы, конечно, удивительно, что Бог скрыл правду от стольких святых и мучеников ... и не открывал ее до прихода преподобного отца!"

СТРАТЕГИЯ ЭКА. ГУСИТЫ.

Лютер.— "Отцы Церкви не против меня. Выдающиеся врачи, святой Августин и святой Амвросий, говорят то же, что и я. "*Главное артикулирование веры, данные о фундаменте церкви*", [110] говорит святой Амвросий, объясняя, что следует понимать под скалой, на которой построена церковь. Тогда позвольте моему оппоненту обуздать свой язык. Выражаться так, как он это делает, значит разжигать раздор, а не дискутировать, как настоящий врач".

Эк не ожидал, что его противник будет обладать такими обширными знаниями по этому предмету и сможет выпутаться из лабиринта, в котором он пытался сбить его с толку. "Преподобный доктор, - сказал он, - внесен в списки после тщательного изучения своего предмета. Ваши высочества извинят меня за то, что я не представил им таких точных исследований. Я пришел дискутировать, а не писать книгу". Эк был поражен, но не сломлен. Не имея больше аргументов, которые можно было бы привести, он прибегнул к подлой уловке, которая если и не победила бы его противника, то, по крайней мере, поставила бы его в большое замешательство. Если обвинение в том, что он богемец, еретик, гусит, будет предъявлено Лютеру, он будет побежден, ибо богемцев ненавидели в Церкви. Место обсуждения находилось недалеко от границ Богемии. Саксония, которая сразу же после осуждения Яна Гуса Констанцским собором подверглась всем ужасам долгой и разорительной войны, гордилась сопротивлением, которое она тогда оказала гуситам. Лейпцигский университет был основан для противостояния их догматам, и дискуссия проходила в присутствии знати, принцев и горожан, чьи отцы пали в той знаменитой борьбе. Доказать, что Лютер был заодно с Гуссом, было почти равносильно нанесению ему завершающего удара, и именно к этой уловке прибегнул доктор из Ингольштадта. "С самых первобытных времен, - говорит он, - всеми добрыми христианами признавалось, что Римская церковь признает главенство самого Иисуса Христа, а не человека. Однако я должен признаться, что богемцы, упрямо защищая свои заблуждения, нападали на эту доктрину. Достопочтенный отец должен простить меня, если я враг богемцев, потому что они враги Церкви, и если нынешняя дискуссия напомнила мне об этих еретиках; ибо, ... по моему слабому суждению, ... все выводы, к которым пришел доктор, свидетельствуют в пользу их ошибок. Утверждается даже, что гуситы громко хвастаются этим". [111]

ЛЮТЕР О ГУСЕ. СЕНСАЦИЯ.

Эк хорошо рассчитал. Все его сторонники встретили этот намек одобрительными возгласами, и аплодисменты разразились по всей аудитории. "Эта клевета, - сказал Реформатор позднее, - гораздо приятнее щекотала их воображение, чем сама дискуссия".

Лютер.— "Я не люблю раскол и никогда не буду любить. Поскольку богемцы по собственной воле отделяются от нашего единства, они поступают неправильно, даже если бы божественный авторитет решал в пользу их доктрины; ибо во главе всякого божественного авторитета стоят милосердие и единство Духа". [112]

Именно на утреннем заседании 5 июля Лютер высказался таким образом. Вскоре после этого собрание было закрыто на ужин. Лютер почувствовал себя неловко. Не зашел ли он слишком далеко, таким образом осуждая христиан Богемии? Разве они не придерживались доктрины, которую Лютер отстаивает в этот час? Он видит всю трудность предстоящего ему шага. Выступит ли он против Собора, осудившего Яна Гуса, или отречется от великой идеи вселенской христианской церкви, идеи, глубоко запечатлевшейся в его сознании? Решительный Лютер не

колебался. "Я должен выполнить свой долг во что бы то ни стало". Соответственно, когда ассамблея снова собралась в два часа, он встал и твердо сказал: —

"Некоторые догматы Яна Гуса и Богемы совершенно ортодоксальны. В этом можно не сомневаться. Например, "Что существует только одна вселенская церковь", и еще: "Что для спасения нет необходимости верить в превосходство Римской Церкви над другими". Сказали ли это Уиклиф или Гусс, меня не волнует.... Это правда".

ШУТКА ЭКА.

Это заявление Лютера произвело огромную сенсацию в аудитории. Отвратительные имена Гуса и Уиклифа, произнесенные с хвалебной речью монахом в самом центре католического собрания!... Послышался общий ропот. Сам герцог Георг был встревожен не меньше, чем если бы он действительно увидел знамя гражданской войны, которая так долго опустошала государства его предков по материнской линии, развернутое в Саксонии. Не в силах скрыть своего волнения, он ударил себя по бедру, покачал головой и воскликнул достаточно громко, чтобы его услышало все собрание: "Этот человек сумасшедший!" [113] Вся аудитория была чрезвычайно взволнована. Они поднялись на ноги, и каждый продолжал разговаривать со своим соседом. Те, кто заснул, проснулись. Противники Лютера выразили свое ликование, в то время как его друзья были сильно смущены. Несколько человек, которые до тех пор слушали его с удовольствием, начали сомневаться в его ортодоксальности. Впечатление, произведенное на герцога этим заявлением, никогда не изгладилось; с этого момента он стал относиться к Реформатору с неприязнью и стал его врагом. [114]

Лютера не испугал этот взрыв неодобрения, одним из его главных аргументов было то, что греки никогда не признавали папу римского и все же никогда не объявлялись еретиками; что Греческая Церковь существовала, существует и будет существовать без папы, и была Церковью Христа в такой же степени, как и Римская Церковь. Эрк, напротив, смело утверждал, что христианская церковь и Римская церковь были одним и тем же; что греки и выходцы с Востока, отказавшись от Церкви, также отказались от христианской веры и, несомненно, были еретиками. "Как! - воскликнул Лютер. - Разве Григорий Нанцианзенский, Василий Великий, Епифаний, Златоуст и огромное количество других греческих епископов не блаженствуют? и все же они не верили, что Римская церковь превосходит другие церкви!... Не во власти римского понтифика устанавливать новые символы веры. У верующего христианина нет другого авторитета, кроме Священного Писания — только они составляют божественный закон. Я молю прославленного доктора признать, что римские понтифики были мужчинами, и иметь доброту не делать из них богов". [115]

Эрк прибегнул к одной из тех остроумий, которые за небольшую плату придают лицу, их употребляющему, вид триумфатора.

"Преподобный отец, - говорит он, - не будучи сведущим в кулинарном искусстве, готовит странную смесь греческих святых и еретиков, так что благоухание святости в одном маскирует яд в другом". [116]

Лютер(поспешно перебивая Эка.) — "Достойный доктор дерзок. Я не считаю, что между Христом и Велиалом существует какое-либо общение".

ПРИДВОРНЫЙ ШУТ. ЛЮТЕР НА МЕССЕ.

Лютер сделал большой шаг вперед. В 1516 и 1517 годах он лишь критиковал рассуждения торговцев индульгенциями и уважал указы пап. Позднее он отклонил эти указы, но обжаловал их в совете. Теперь он отказался и от этого последнего авторитета, заявив, что ни один собор не может установить новый символ веры или претендовать на непогрешимость. Таким образом, все человеческие авторитеты последовательно пали перед ним. Песок, принесенный дождями и наводнениями, исчез, и теперь для возведения руин дома Господня осталась только вечная скала Слова Божьего. "Достопочтенный отец! - сказал ему Экк. - если ты веришь, что законно собранный совет может ошибаться, то ты для меня всего лишь язычник и мытарь".

Таковы были дискуссии между двумя врачами. Зрители были внимательны, но иногда начинали расслабляться, и поэтому были довольны любым инцидентом, который оживлял сцену и давал им минутное расслабление. Самые серьезные дела имеют свои комические интерлюдии; так было и в Лейпциге.

У герцога Георга, согласно обычаю того времени, был придворный шут, которому некоторые остряки сказали: "Лютер утверждает, что придворный шут может жениться. Экк утверждает обратное". За это шут сильно невзлюбил Экка и каждый раз, когда тот входил в зал со слугами герцога Георга, бросал на богослова угрожающий взгляд. Ингольштадтский канцлер, не брезгуя снизойти до шутки, однажды закрыл один глаз (дурак был слеп на один), а другим стал коситься на беднягу, который в совершенной ярости разразился градом оскорблений. "Все собрание, - рассказывает Пайффер, - разразилось смехом". Этот забавный инцидент несколько отвлек их от напряжения, в котором они находились. [117]

В то же время как в городе, так и в церквях происходили сцены, которые показали, насколько римские приверженцы были в ужасе от смелых утверждений Лютера. Против него поднялся шум, особенно в монастырях, пристроенных к папе.

Однажды Лютер зашел в доминиканскую церковь перед великой мессой. Единственными присутствующими были несколько монахов, служивших тихую мессу у боковых алтарей. Как только в монастыре стало известно, что еретик Лютер находится в церкви, монахи со всей поспешностью спустились вниз, схватили *ostensorium*, занесли его в дарохранительницу, заперли, тщательно следя за тем, чтобы святое таинство не было осквернено еретическим оком Августина Виттембергского. В то же время те, кто служил мессу, поспешно собрали свои вещи, покинули алтарь, пробежали через церковь и укрылись в ризнице, "как будто дьявол гнался за ними по пятам", - говорит историк.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ ГЕРЦОГА ГЕОРГА. ЗАВЕРШЕНИЕ ДИСКУССИИ.

Дискуссия стала общей темой разговоров. На постоянных дворах, в университете и при дворе каждый высказывал свое мнение. Герцог Георг, каким бы ни было его раздражение, не стал упрямо затыкать уши, чтобы не услышать осуждения. Однажды, когда Экк и Лютер обедали с ним, он прервал их разговор, сказав: "Пусть папа будет папой, будь то по божественному или человеческому закону; во всяком случае, он папа". [118] Лютеру очень понравилось это выражение. "Принц, - говорит он, - никогда бы этого не произнес, если бы мои доводы не произвели на него некоторого впечатления".

Дискуссия о первенстве папы продолжалась в течение пяти дней. 8 июля обсуждалась доктрина чистилища, которая заняла два дня. Лютер все еще верил в существование чистилища; но он отрицал, что это учение, которого придерживались схоласты и его оппонент, было изложено

либо в Священных Писаниях, либо Отцами Церкви. "Наш доктор Экк, - сказал он, имея в виду поверхностные познания своего оппонента, - вынужден сегодня пробегать по Священному Писанию, почти не прикасаясь к нему, подобно тому, как насекомое скользит по воде".

11 июля обсуждались индульгенции. "Это был просто спорт и пародия", - говорит Лютер. "Поблажки прекратились сразу, и Эк почти полностью разделял мое мнение". [119] Сам Эк сказал: "Если бы я не спорил с доктором Мартином о первенстве папы римского, я мог бы почти согласиться с ним". [120]

После этого разговор зашел о покаянии, отпущении грехов священником и сатисфакции. Эк, как обычно, цитировал схоластов, доминиканцев и каноны папы римского. Лютер завершил дискуссию такими словами: —

"Преподобный доктор бежит перед Священным Писанием, как дьявол перед крестом. Со своей стороны, при всем должном уважении к Отцам Церкви, я предпочитаю авторитет Священного Писания и рекомендую его нашим судьям". [121]

На этом спор между Эком и Лютером закончился, но Карлштадт и доктор из Ингольштадта еще два дня продолжали обсуждать тему человеческих заслуг и добрых дел. 16 июля весь процесс, длившийся двадцать дней, был завершен речью лейпцигского настоятеля. В тот момент, когда речь была закончена, зазвучала волнующая музыка, и все завершилось *Te Deum*.

Но во время этого торжественного пения чувства зрителей уже не были такими, как во время *Veni Spiritus*. Предчувствия, которые высказывали несколько человек, казалось, действительно сбылись. Удары, нанесенные поборниками двух систем, нанесли папству большую рану.

ГЛАВА VI.

Интерес, испытываемый мирянами—Мнение Лютера—Признания и хвастовство доктора Экка—Результаты дискуссии—Полиандр—Целлариус—Молодой принц Ангальтский—Студенты Лейпцига—Круцигер—Призвание Меланхтона—Освобождение Лютера.

ИНТЕРЕС, ИСПЫТЫВАЕМЫЙ МИРЯНАМИ.

Эти богословские дискуссии, которым современные светские люди не стали бы посвящать и нескольких коротких минут, посещались и слушались с жаром в течение двадцати дней — миряне, рыцари и принцы до последнего проявляли к ним глубокий интерес. Герцог Барним и герцог Георг казались особенно внимательными, тогда как некоторые лейпцигские богословы, друзья доктора Экка, спали, по выражению очевидца, "довольно крепко". Пришлось даже будить их во время перерыва, чтобы они не лишились своего обеда.

Лютер первым покинул Лейпциг, а затем Карлштадт. Эк остался еще через несколько дней после их отъезда.

Никакого официального решения по обсужденным вопросам принято не было. [122] Каждый говорил то, что думал. "В Лейпциге, - говорит Лютер, - была потеря времени и никакого исследования истины. За два года, в течение которых мы изучали доктрины наших противников,

мы пересчитали все их кости. Эк, напротив, едва коснулся поверхности; [123] но за один час он плакал больше, чем мы за два долгих года".

ОТЧЕТ ЭКА ОБ ЭТОЙ ДИСКУССИИ.

Эк в частном письме своим друзьям в определенной степени признал свое поражение, хотя и не затруднился с объяснениями. "Виттембергцы", - писал он Хохстратену 24 июля, [124] "победили меня по нескольким пунктам — во-первых, потому что они привезли с собой книги — во-вторых, потому что они записали дебаты в письменном виде и изучили их дома на досуге — и в-третьих, потому что они были более многочисленными. Два доктора (Карлштадт и Лютер) Ланге, викарий августинцев, два лиценциата Амсдорф и очень высокомерный племянник Рейхлина (Меланхтон), три доктора права и несколько магистров искусств, оказывали свою помощь как публично, так и в частном порядке, тогда как я стоял один, не имея ничего, кроме уважительной причины для моего товарища". Эк забыл Эмсера и всех лейпцигских врачей.

Хотя эти уступки ускользнули от Эка в переписке со знакомыми, публично он вел себя иначе. Доктор из Ингольштадта и лейпцигские богословы наделали много шума тем, что они называли *своей победой*. Они повсюду распространяли ложные сообщения, в то время как все языки партии повторяли их выражения самодовольства. "Эк торжествует", [125] написал Лютер. Однако в римском лагере возникли разногласия по поводу лавров. "Если бы мы не пришли на помощь Экку, - говорили лейпцигские богословы, - прославленный доктор был бы свергнут". "Лейпцигские богословы, - сказал со своей стороны Экк, - достаточно хороши, но я слишком многого от них ожидал — я все сделал сам". "Вы видите, - сказал Лютер Спалатину, - как они воспевают новую Илиаду и новую Энеиду. Они настолько добры, что делают из меня Гектора или Турна, в то время как Эк - их Ахиллес или Эней. Их единственное сомнение заключается в том, была ли победа одержана оружием Экка или Лейпцига. Все, что я могу сказать, чтобы пролить свет на это дело, - это то, что Экк одинаково продолжал реветь, а лейпцигцы столь же равномерно хранили молчание". [126]

"Экк, - говорит элегантный, умный и проницательный Мозелланус, - одержал победу в глазах тех, кто не понимает предмета и состарился, изучая схоластов; но в глазах всех людей образованных, интеллектуальных и умеренных победителями являются Лютер и Карлштадт". [127]

ГЕРЦОГ ГЕОРГ АНГАЛЬТСКИЙ. СТУДЕНТЫ.

Лейпцигской дискуссии, однако, не суждено было развеяться как дым. Каждая работа, выполняемая с преданностью, приносит плоды. Слова Лютера с непреодолимой силой проникли в умы его слушателей. Некоторые из тех, кто ежедневно толпился в зале замка, были покорены истиной, чьи ведущие победы были одержаны среди ее самых решительных противников. Даже Полиандр, секретарь, близкий друг и ученик Экка, был привлечен к Реформации и начал в 1522 году проповедовать Евангелие в Лейпциге. Джон Камерариус, профессор иврита, один из ярых противников Реформации, впечатленный словами могущественного учителя, начал более тщательно изучать Священное Писание; и вскоре после того, как бросил свое положение, приехал в Виттемберг, чтобы учиться у ног Лютера. Впоследствии он был пастором во Франкфурте и Дрездене.

Среди тех, кто занял свои места, отведенные для придворных, и сопровождал герцога Георга, был Георг Ангальтский, двенадцатилетний принц из семьи, отличившейся в войнах с

сарацинами. В это время он учился в Лейпциге у своего наставника. Большое увлечение наукой и сильная привязанность к истине уже стали отличительными чертами прославленного молодого принца. Часто было слышно, как он повторяет слова Соломона о том, что *ложь плохо сказывается на принце*. Лейпцигская дискуссия вдохновила этого ребенка на серьезные размышления и на решительное пристрастие к Лютеру. [128] Через некоторое время после того, как ему предложили епископство. Его брат и вся его семья, стремясь возвысить его до высоких почестей в Церкви, уговаривали его принять это, но он решительно отказался. Его благочестивая мать, которая втайне благоволила Лютеру, умерла, и он стал обладателем всех трудов Реформатора. Он постоянно и горячо молился Богу, чтобы тот обратил его сердце к истине, и часто в уединении своей комнаты восклицал со слезами: *"Будь милостив к рабу твоему и научи меня уставам Твоим"*. [129] Его молитвы были услышаны. Руководствуясь своими убеждениями, он бесстрашно вступил в ряды друзей Евангелия. Напрасно его опекуны, и особенно герцог Георг, осаждали его мольбами и увещаниями. Он оставался непреклонным, и герцог, наполовину убежденный доводами своего ученика, воскликнул: "Я не могу ответить ему; тем не менее, я останусь верен своей Церкви — я слишком старая собака, чтобы ее дрессировать". Впоследствии мы увидим в этом любезном принце одного из лучших персонажей Реформации, человека, который сам проповедовал слово жизни своим подданным и к которому были применены слова Диона об императоре Марке Антонине: "Он всю жизнь был последователен сам с собой, он был хорошим человеком, человеком, свободным от лукавства". [130]

Но слова Лютера были встречены с энтузиазмом, особенно студентами. Они чувствовали разницу между духом и жизнью виттембергского доктора и софистическими различиями и тщетными спекуляциями ингольштадтского канцлера. Они видели, что Лютер опирался на слово Божье, а доктор Экк опирался только на человеческие традиции. Эффект был вскоре замечен. После обсуждения аудитории Лейпцигского университета почти опустели. Отчасти этому способствовало одно обстоятельство. Чума угрожала проявиться, но было много других университетов — например, Эрфуртский или Ингольштадтский, в которые студенты могли бы вернуться. Сила истины привлекла их в Виттемберг, где число студентов удвоилось. [131]

КРУЦИГЕР. ЗВОНОК МЕЛАНХТОНА.

Среди тех, кто перешел из одного университета в другой, был шестнадцатилетний юноша с меланхоличным видом, который мало говорил и часто среди разговоров и игр своих сокурсников казался поглощенным собственными мыслями. [132] Его родители сначала считали его слабоумным, но вскоре обнаружили, что он настолько склонен к обучению и настолько полностью поглощен учебой, что возлагали на него большие надежды. Его честность, его откровенность, его скромность и набожность сделали его всеобщим любимцем, и Мозеллан выделил его как образец для всего университета. Его звали Гаспар Круцигер, и он был родом из Лейпцига. Этот новый студент Виттемберга впоследствии стал другом Меланхтона и помощником Лютера в переводе Библии.

Лейпцигская дискуссия привела к результатам еще более важным, поскольку богослов Реформации тогда получил свой призыв. Скромная и молчаливая, Меланхтон присутствовала при обсуждении, почти не принимая в нем никакого участия. До этого его внимание было поглощено литературой, но дискуссия придала ему новый импульс и привела его к богословию. Отныне его наука отдавала дань уважения слову Божьему. Он воспринял евангельскую истину с

простотой ребенка. Слушатели слышали, как он излагал доктрины спасения с изяществом и ясностью, которые очаровали всех. Он смело продвигался по этому новому для него пути, "ибо, - сказал он, - Христос никогда не оставит свой народ". [133] С этого момента два друга шли бок о бок, борясь за свободу и истину, один с энергией святого Павла, а другой с кротостью святого Иоанна. Лютер превосходно выразил разницу в их призвании: "Я был рожден, - сказал он, - чтобы выйти на поле битвы и бороться с фракциями и демонами. Поэтому мои произведения дышат войной и бурей. Я должен вырвать с корнем стволы, удалить шипы и ежевику и засыпать болота и заводи. Я крепкий дровосек, который должен расчистить проход и выровнять землю; но мастер Филипп продвигается спокойно и мягко; он копает и сажает, сеет и поливает с радостью, в соответствии с дарами, которыми Бог столь щедрой рукой наградил его". [134]

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛЮТЕРА.

Если Меланхтона, тихого сеятеля, лейпцигская дискуссия призвала к работе, то Лютер, отважный дровосек, почувствовал, что его рука окрепла, а мужество еще больше воспламенилось. Самый мощный результат этой дискуссии был достигнут в лице самого Лютера. "Схоластическое богословие, - сказал он, - по моей оценке, полностью погибло под триумфальным руководством доктора Экка". Что касается реформатора, то завеса, которую Школа и Церковь повесили перед святилищем, была разорвана сверху донизу. Вынужденный заниматься новыми исследованиями, он пришел к неожиданным открытиям. С равным изумлением и негодованием он увидел зло во всем его размахе. Углубляясь в летописи Церкви, он обнаружил, что верховенство Рима имело не что иное, как честолубие, с одной стороны, и легковое невежество - с другой. Узкая точка зрения, с которой он до сих пор смотрел на Церковь, сменилась более ясной и широкой. В христианах Греции и Востока он признавал истинных членов Католической Церкви; и вместо видимого главы, восседающего на берегах Тибра, он поклонялся, как единственному Главе своего народа, тому невидимому и вечному Искупителю, который, согласно своему обетованию, всегда и во всех частях света находится среди тех, кто верит в его имя. Латинскую церковь Лютер больше не считал вселенской Церковью. Узкие барьеры Рима были разрушены; и он закричал от радости, когда увидел славные владения Иисуса Христа, простиравшиеся далеко за их пределами. Отныне он чувствовал, что может быть членом Церкви Христа, не принадлежа к Церкви папы Римского. В частности, труды Яна Гуса произвели на него сильное впечатление. К своему великому удивлению, он обнаружил в них учение святого Павла и святого Августина, учение, к которому он сам пришел после стольких усилий. "Я верил, - сказал он, - и, сам того не подозревая, учил всем доктринам Яна Гуса. [135] То же самое сделал Штаупиц. Короче, сам того не подозревая, все мы гуситы, а также Св. Павла и Св. Августин. И я в замешательстве, и не знаю, что и думать.... О, каких только ужасных судов не заслужили люди от Бога! Евангельская истина, когда она была раскрыта и опубликована более века назад, была осуждена, сожжена и замалчивалась.... Горе! Горе земле!"

Лютер отошел от папства, относясь к нему с решительным отвращением и святым негодованием. Все свидетели, которые во все века восставали против Рима, последовательно предстали перед ним, чтобы свидетельствовать против него и раскрыть некоторые из его злоупотреблений или ошибок. - О тьма! - воскликнул он.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЛЮТЕРА. ЭК НАПАДАЕТ На МЕЛАНХТОН.

Ему не позволили умолчать об этих печальных открытиях. Гордыня его противников, их притворный триумф и усилия, которые они приложили, чтобы погасить свет, укрепили его в этом решении. Он продвигался по пути, которым его вел Бог, не испытывая ни малейшего беспокойства по поводу результата. Лютер определил это как момент своего освобождения от папского ига: "Узнайте на моем примере, — сказал он, — как трудно освободиться от заблуждений, которые весь мир подтверждает своим примером и которые по давней привычке стали его второй натурой. [136] В течение семи лет я читал и с большим усердием публично излагал Священное Писание, так что выучил его почти полностью наизусть. [137] У меня также были все зачатки знания и веры в Господа Иисуса Христа, то есть я знал, что мы были оправданы и спасены не нашими делами, а верой во Христа; и я даже открыто утверждал, что папа не является главой христианской Церкви божественной властью. И все же ... Я не мог видеть вывода, а именно, что, безусловно, папа римский - от дьявола. Ибо все, что не от Бога, по необходимости должно быть от дьявола". [138] Далее Лютер добавляет: "Я больше не выражаю своего негодования против тех, кто все еще привязан к папе, поскольку я сам, после столь тщательного прочтения Священного Писания и на протяжении стольких лет, все еще цеплялся за папу с таким упрямством". [139]

Таковы были истинные результаты обсуждения Лейпцига — результаты гораздо более важные, чем само обсуждение, и напоминающие те первые успехи, которые дисциплинируют армию и воспламеняют ее мужество.

ГЛАВА VII.

Экк нападает на Меланхтона—Защита Меланхтона—Толкование Священного Писания—Твердость Лютера—Богемские братья—Эмсер—Штаупиц.

Экк полностью отдался опьянению тем, что, как ему хотелось бы, можно было бы выдать за победу. Он продолжал нападать на Лютера и громоздил обвинение за обвинением [140] против него. Он также написал Фридриху. Как опытный полководец, он хотел воспользоваться неразберихой, которая всегда наступает после сражения, чтобы добиться от принца важных уступок. Готовясь к шагам, которые он намеревался предпринять лично против своего противника, он призвал пламя против своих сочинений, даже тех из них, которые он не читал. Умоляя курфюрста созвать провинциальный совет, грубоватый доктор воскликнул: "Давайте уничтожим всех этих паразитов, пока они не размножились сверх всякой меры". [141]

ЗАЩИТА МЕЛАНХТОНА.

Лютер был не единственным человеком, на которого он излил свой гнев. У него хватило неосторожности вызвать Меланхтона на поле боя. Меланхтон, который был в наибольшей близости с превосходным Николампатием, рассказал ему о дискуссии и отозвался об Эке в хвалебных выражениях. [142] Тем не менее гордость канцлера Ингольштадта была оскорблена, и он немедленно взялся за перо против этого "грамматика из Виттемберга, который, правда, - сказал он, - не был невеждой в латыни и греческом, но осмелился опубликовать письмо, в котором оскорбил его, доктора Экка". [143]

Ответил Меланхтон. Это его первое богословское сочинение, демонстрирующее изысканную вежливость, которая характеризовала этого замечательного человека. Излагая

фундаментальные принципы герменевтики, он показывает, что Священное Писание следует объяснять не в соответствии с Отцами Церкви, а Отцы - в соответствии со Священным Писанием. "Как часто, - говорит он, - Иероним не совершал ошибок, как часто Августин, как часто Амвросий; как часто они расходятся во мнениях, как часто они отказываются от своих собственных ошибок; ... есть только один том, вдохновленный Духом небес— чистый и правдивый во всем". [144]

"Лютер, - говорится, - не следует некоторым двусмысленным толкованиям древних, да и зачем ему следовать им? Когда он разъясняет отрывок из евангелия от Матфея: *"Ты - Петр, и на сем камне Я построю Церковь Мою"*, он соглашается с Оригеном, который один стоит воинства; с Августином в его проповеди и Амвросием в его шестой книге о святом Луке, не говоря уже о других. Что же, тогда, скажете вы, Отцы противоречат друг другу? Удивительно ли, что они так поступают? [145] Я верю в Отцов, потому что я верю в Священное Писание. Смысл Священного Писания един и прост, как сама небесная истина. Мы приходим к этому, сравнивая разные отрывки вместе; мы выводим это из нити и связи дискурса. [146] Существует философия, предписываемая нам в отношении Книги Божьей, и она заключается в том, чтобы использовать ее как пробный камень, с помощью которого должны быть проверены все мнения и максимы людей ". [147]

ТВЕРДОСТЬ ЛЮТЕРА, ЭМСЕР. STAUPITZ.

Прошло много времени с тех пор, как эти великие истины излагались так элегантно. Слово Божье было возвращено на свое надлежащее место, а Отцы Церкви - на свое. Был отчетливо прослежен простой метод, с помощью которого мы выясняем значение Священного Писания. Слово имело приоритет над всеми трудностями и разъяснениями Школы. Меланхтон дала ответ тем, кто, подобно доктору Эку, окутал бы этот предмет туманом далекой древности. Хилый *грамматик* поднялся, и широкие и крепкие плечи гладиатора-схоласта согнулись под первым же ударом его руки.

Чем слабее был Эк, тем больше шума он поднимал, как будто его родомонады и обвинения должны были обеспечить победу, которой ему не удалось добиться в дебатах. Монахи и все сторонники Рима вторили его призыву, Германия разразилась бранью против Лютера, который, однако, оставался пассивным. "Чем больше я вижу, как мое имя покрывается позором, - сказал он, заканчивая опубликованные им разоблачения лейпцигских высказываний, - тем больше я горжусь; истина, другими словами, Христос, должна возрастать, а я должен уменьшаться. Голоса жениха и невесты восхищают меня больше, чем весь этот шум пугает меня. Мужчины не являются виновниками моих страданий, и я не испытываю к ним ненависти. Это сатана, князь зла, который привел бы меня в ужас. Но тот, кто в нас, больше того, кто в мире. Суждения наших современников плохи; суждения потомков будут лучше". [148]

Если Лейпцигская дискуссия умножила врагов Лютера в Германии, она также увеличила число его друзей за границей; "Кем Гус был раньше в Богемии, ты, о Мартин, теперь в Саксонии", - писали ему богемские братья. "А потому молись и укрепляйся в Господе".

Примерно в это же время была объявлена война между Лютером и Эмсером, ныне профессором Лейпцига. Последний направил письмо доктору Заку, ревностному католику из Праги, в котором заявлял, что его целью было разубедить гуситов в том, что Лютер принадлежал к их партии. Лютер не сомневался, что под видом защиты его истинной целью ученого лейпцигца было

навлечь на него подозрение в принадлежности к богемской ереси, и он решил сорвать завесу, под которой его старый дрезденский хозяин пытался скрыть свою враждебность. С этой целью он опубликовал письмо, адресованное "козлу Эмсера", гербом Эмсера был козел. Лютер заканчивает словами, которые хорошо характеризуют его собственный характер: "Любить всех, но никого не бояться". [149]

ЛЮТЕР О ПОСЛАНИИ К ГАЛАТАМ.

В то время как таким образом появлялись новые друзья и новые враги, старые друзья, казалось, отдалялись от Лютера. Штаупиц, который был средством вывести Реформатора из мрака эрфуртского монастыря, начал проявлять к нему некоторую прохладу. Лютер поднялся слишком высоко, чтобы Штаупиц мог последовать за ним. — "Ты бросаешь меня", - написал ему Лютер. "Весь день я чрезвычайно горевал из-за тебя, как ребенок, только что отнятый от груди и оплакивающий свою мать. [150] Прошлой ночью, - продолжает Реформатор, - ты снился мне, ты держался в стороне от меня, и я рыдал и проливал слезы; затем ты протянул мне руку и сказал, чтобы я осушил свои слезы, потому что ты вернешься ко мне".

Миротворец Мильтиц хотел предпринять новую попытку примирения. Но какое влияние можно оказать на мужчин, все еще находясь под впечатлением состязания? Его усилия ни к чему не привели. Он привез знаменитую золотую розу, но курфюрст даже не потрудился получить ее лично. [151] Фридрих знал уловки Рима, и ему нельзя было навязываться. [152]

ГЛАВА VIII.

Послание к Галатам—Христос для нас—Слепота противников Лютера—Первые идеи о Вечере—Достаточно ли Причастия без Веры?—Лютер богемец, на которого напал Эк,—Эк отправляется в Рим.

СЛЕПОТА ПРОТИВНИКОВ.

Отнюдь не отступая, Лютер неуклонно продолжал продвигаться вперед и на этот раз нанес один из самых серьезных ударов по ошибке, опубликовав свой первый комментарий к Посланию к Галатам. [153] Это правда, что второй комментарий превосходил первый; но все же первый содержал убедительное изложение доктрины оправдания верой. Каждое выражение лица нового апостола было полно жизни, и Бог использовал его, чтобы наполнить сердца людей божественным знанием. "Христос отдал себя за наши грехи", - говорил Лютер своим современникам. [154] "Он дал за нас не серебро и не золото, и это не были ни люди, ни ангелы. Он отдал себя — себя, в ком нет истинного величия; и это несравненное сокровище он отдал... за наши грехи. Где сейчас те, кто гордо хвалится силой нашей воли? где уроки моральной философии? где сила закона? Поскольку наши грехи настолько велики, что их невозможно устранить без огромного выкупа, должны ли мы претендовать на обретение праведности силой нашей воли, силой закона и учений человеческих? Какую пользу принесут нам все эти хитрые уловки, все эти иллюзии? Ах! мы только прикроем наши беззакония ложной праведностью и превратимся в лицемеров, которых не спасет никакая мирская сила".

Но хотя Лютер таким образом доказывает, что единственное спасение человека - во Христе, он также показывает, как это спасение изменяет его природу и позволяет ему преуспевать в

добрых делах. "Человек, - говорит он, - который истинно услышал слово Христово и соблюдает его, немедленно облачается духом милосердия. Если ты любишь того, кто подарил тебе двадцать флоринов, или оказал тебе какую-нибудь услугу, или каким-то образом доказал тебе свою привязанность, насколько больше ты должен любить того, кто ради тебя пожертвовал не серебро или золото, а самого себя, получил так много ран, пролил кровавый пот и даже умер за тебя; одним словом, кто, заплатив за все твои грехи, уничтожил смерть и обеспечил тебе Отца, исполненного любви на небесах!... Если ты не любишь его, значит, твое сердце не прислушивалось к тому, что он делал; ты не верил этому, ибо вера действует любовью". "Это послание, — сказал Лютер, говоря о Послании к Галатам, - мое послание, я женат на нем".

Его противники заставили его двигаться в более быстром темпе, чем он сделал бы в противном случае. В это время Экке подстрекал францисканцев Ютербока к новой атаке на него; и Лютер в своем ответе, [155], не удовлетворившись повторением того, чему он уже учил, атаковал ошибки, которые он недавно обнаружил. "Я хотел бы знать, - говорит он, - в какой части Священного Писания папам была дана власть канонизировать святых, а также в чем необходимость или даже полезность их канонизации?"... "Впрочем, - добавляет он с иронией, - пусть они канонизируют, как им заблагорассудится". [156]

Эти новые нападки Лютера остались без ответа. Слепота его врагов была так же благоприятна для него, как и его собственное мужество. Они страстно защищали второстепенные вопросы и не сказали ни слова, когда увидели, что основы римской доктрины сотрясаются под его рукой. Пока они яростно защищали какие-то внешние укрепления, их бесстрашный противник проник в сердце цитадели и смело водрузил там знамя истины; отсюда их изумление, когда они увидели, что крепость разрушена, пылает и разваливается на куски среди пламени, в тот момент, когда они считали ее неприступной и бросали вызов нападавшим. Таким образом, совершаются великие перемены.

ПЕРВЫЕ ИДЕИ О ВЕЧЕРЕ ГОСПОДНЕЙ.

В это время таинство вечери Господней начало привлекать внимание Лютера. Он искал его в мессе, но тщетно. Однажды, вскоре после своего возвращения из Лейпцига, он вззошел на кафедру. Давайте обратим внимание на его слова, ибо это первые, которые он произнес по вопросу, который впоследствии разделил Церковь и Реформацию на две партии. "В святом таинстве алтаря, - говорит он, - есть три вещи, которые необходимо знать: знак, который должен быть внешним, видимым и иметь телесную форму; то, что обозначается, которое является внутренним, духовным и находится в разуме; и вера, которая пользуется обоими". [157] Если бы определения не были расширены, unity не был бы уничтожен.

Лютер продолжает. "Было бы хорошо, если бы Церковь общим советом постановила, что оба вида должны быть распространены среди всех верующих; однако не на том основании, что одного вида недостаточно, ибо веры самой по себе было бы достаточно". Эти смелые слова понравились его слушателям, хотя некоторые были удивлены и оскорблены и воскликнули: "Это ложь и скандал". [158]

Проповедник продолжает. "Нет союза более тесного, глубокого и неразделимого, чем между пищей и телом, которое ею питается. В таинстве Христос соединяется с нами так тесно, что действует в нас так, как если бы он был отождествлен с нами. Наши грехи нападают на него. Его праведность защищает нас".

Но Лютер, не считая этого достаточным для изложения истины, нападает на одно из самых фундаментальных заблуждений Рима. [159] Римская церковь делает вид, что таинство действует само по себе, независимо от расположения того, кто его принимает. Ничто не может быть более удобным, чем такое мнение, поскольку ему следует приписать как рвение, с которым добиваются причастия, так и прибыль духовенства. Лютер нападает на эту доктрину, [160] и поддерживает ее противоположность [161]— а именно, что вера и правильное расположение сердца необходимы.

Этому энергичному протесту было суждено ниспровергнуть древние суеверия, но, как ни странно, он не привлек никакого внимания. Рим упустил из виду то, что могло заставить ее закричать в агонии, и безудержно атаковал неважное замечание, которое Лютер бросил в начале своей речи о двояком общении. После того как дискурс был опубликован в декабре, поднялся всеобщий крик о ереси. "Это просто неподдельная пражская доктрина", - прозвучало восклицание при дрезденском дворе, куда проповедь прибыла во время рождественских праздников. "Более того, она написана на немецком языке, чтобы сделать ее доступной для простых людей". [162] Преданность принца была обеспокоена, и на третий день фестиваля он написал своему кузену Фредерику. "С момента публикации этой беседы число людей, принимающих причастие в двух видах, увеличилось на 6000 человек. Ваш Лютер из профессора Виттемберга вот-вот станет епископом Праги и архиеретиком".... Кричали: "Он родился в Богемии, у богемных родителей, вырос в Праге и изучал труды Уиклифа".

Лютер считал правильным опровергнуть эти слухи в письме, в котором он серьезно описал свое происхождение. "Я родился в Эйслебене, - сказал он, - и был крещен в церкви Святого Петра. Ближайший к Богемии город, в котором я когда-либо бывал, - Дрезден". [163]

Письмо герцога Георга не настроило курфюрста против Лютера, поскольку через несколько дней после этого он пригласил его на великолепный прием, который он устроил для испанского посла и на котором Лютер отважно сражался с министром Карла. [164] Капеллан курфюрста по приказу своего хозяина попросил Лютера проявлять умеренность в защите своего дела. "Чрезмерная глупость не нравится человеку, - ответил Лютер Спалатину, - но чрезмерная мудрость не нравится Богу. Евангелие нельзя защищать без шума и скандалов. Слово Божье - это меч, война, разорение, скандал, разрушение, яд"; [165] и, следовательно, как выражает это Амос, "оно представляет себя подобно медведю на тропе и львице в лесу. Я ничего не прошу, я ничего не требую. Есть тот, кто больше Меня, кто просит и требует. Выстоит он или падет, я не выиграю и не проиграю." [166]

АТАКА ЭКА.

Было очевидно, что вера и мужество вот-вот станут Лютеру нужнее, чем когда-либо. Эк разрабатывал планы мести. Вместо лавров, на которые он рассчитывал, он стал посмешищем для всех интеллектуальных людей по всей стране. [167] Против него публиковались резкие сатиры. Эка до глубины души задело "Послание невежественных каноников", написанное Коломпадием, и жалоба на него, вероятно, написанная превосходным Пиркхаймером из Нюрнберга, демонстрирующая сочетание сарказма и достоинства, о котором только "Провинциальные письма" Паскаля могут дать некоторое представление.

Лютер выразил свое недовольство некоторыми из этих сочинений. "Лучше, - сказал он, - нападать открыто, чем продолжать лаять за изгородью". [168]

Как сильно просчитался ингольштадтский канцлер! Соотечественники покидают его, и он готовится к путешествию за Альпы, чтобы призвать на помощь чужеземцев. Куда бы он ни пошел, он обрушивает свои угрозы на Лютера, Меланхтона, Карлштадта и самого курфюрста. "Судя по надменному выражению его лица, - говорит виттембергский доктор, - можно было бы сказать, что он воображает себя Всемогушим Богом". [169] Охваченный яростью и жаждой мести, Эк, опубликовав в феврале 1520 года работу о первенстве святого Петра, — работу, лишенную здоровой критики, в которой он утверждал, что этот апостол, первый из пап, двадцать пять лет проживал в Риме, - отправился в Италию, чтобы получить награду за свое мнимое служение. триумфы и ковать в Риме, близ папского капитолия, гремят громче, чем хрупкое схоластическое оружие, которое дрогнуло в его руках.

Лютер осознавал все опасности, которым могло подвергнуть его путешествие его противника, но он не боялся. Встревоженный Спалатин призвал его выступить с мирными предложениями. "Нет, - ответил Лютер, - пока он настаивает, я не могу отказаться от состязания. Я верю все дело Богу, а свою лодку оставляю ветрам и волнам. Это битва Господа. Как можно представить, что Христос будет продвигать свое дело миром? Разве он не сражался даже до смерти, и разве все мученики с тех пор не поступали так же?" [170]

Таково было положение двух сражающихся при Лейпциге в начале 1520 года. Тот подстрекал все папство нанести удар своему сопернику, который, со своей стороны, ждал войны так же спокойно, как если бы он ждал мира. В год, в который мы вступаем, разразится буря.

КНИГА ШЕСТАЯ.

РИМСКАЯ БУЛЛА.

1520г.

ГЛАВА I.

Характер Максимилиана—Претенденты на империю—Карл—Франциск I—Склонности немцев—Корона, предложенная Фридриху—Карл избран.

На сцене должен был появиться новый персонаж. Богу было угодно поставить виттембергского монаха перед лицом самого могущественного монарха, который когда-либо появлялся в христианском мире со времен Карла Великого. Он выбрал принца в пылкой молодости, которому все предвещало долгое правление, — принца, чей скипетр простирался на значительную часть как старого, так и нового света; так что, согласно знаменитому выражению, солнце никогда не заходило над его обширными владениями, — и противопоставил его этой скромной Реформации, которая началась с тоски и вздохов бедного монаха в темной келье Эрфуртского монастыря. Истории этого монарха и его правления, похоже, было суждено преподать миру великий урок. Это было сделано для того, чтобы показать ничтожество всей "силы человека", когда он осмеливается бороться со "слабостью Бога". Если бы в империю был призван князь, дружественный Лютеру, успех Реформации был бы приписан его покровительству. Если бы даже император, выступающий против новой доктрины, но слабый, занял трон, триумфальный успех работы был бы объяснен слабостью монарха. Но именно гордый завоеватель Павии должен был смирить свою гордыню перед силой Божественного

Слова, чтобы весь мир увидел, как он, которому было легко притащить Франциска I пленником в Мадрид, был вынужден опустить меч перед сыном бедного шахтера.

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ИМПЕРАТОРСКУЮ КОРОНУ.

Император Максимилиан был мертв, и курфюрсты собрались во Франкфурте, чтобы назначить ему преемника. В тех обстоятельствах, в которых оказалась Европа, эти выборы имели огромное значение и были восприняты с глубоким интересом всем христианским миром. Максимилиан не был великим князем, но память о нем была дорога народу, который получал удовольствие, вспоминая его присутствие духа и добродушную приветливость. Лютер часто рассказывал о нем своим друзьям и однажды рассказал следующий анекдот.

За ним все время бегал нищий, прося милостыню и обращаясь к нему как к своему *брату*: "Ибо, - сказал он, - мы оба произошли от одного отца, Адама. Я беден, — продолжал он, - но ты богат, и твой долг - помочь мне". При этих словах император обернулся и сказал ему: "Держи, вот пенни: иди к другим своим братьям, и если каждый даст тебе столько же, ты скоро будешь богаче меня". [171]

Человек, которого вот-вот должны были призвать в империю, не был добродушным Максимилианом. Времена должны были измениться; честолюбивые властители боролись за императорский трон Запада; бразды правления империей должны были быть захвачены энергичной рукой; на смену длительным и кровопролитным войнам должен был прийти прочный мир.

ФРАНЦИСК I. ГЕНРИХ VIII. ФРЕДЕРИК.

На ассамблее во Франкфурте три короля претендовали на корону цезарей. Юный принц, внук последнего императора, родившийся в начале века и, следовательно, достигший девятнадцатилетнего возраста, первым представился. Его звали Чарльз, и он родился в Генте. Его бабушка по отцовской линии, Мария, дочь Карла Смелого, оставила ему Фландрию и богатые земли Бургундии. Его мать, Жанна, дочь Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, и жена Филиппа, сына императора Максимилиана, передала ему объединенные королевства Испании, Неаполя и Сицилии, к которым Христофор Колумб добавил новый свет, в то время как недавняя смерть его деда передала ему во владение наследственные государства Австрия. Это молодой принц, который был наделен большими талантами. К увлечению военными упражнениями (в которых издавна отличались герцоги Бургундские), к утонченности и проницательности итальянцев, к почтению к существующим институтам, которое все еще характеризует австрийский дом и обещает папству надежного защитника, он присоединил доскональное знание государственных дел, приобретенное под руководством Кьева, поскольку с пятнадцатилетнего возраста принимал участие во всех заседаниях его кабинета. [172] Эти разнообразные качества были в некотором роде скрыты за испанской сдержанностью и неразговорчивостью. Внешне он был высокого роста и имел несколько меланхолический вид. "Он набожный и спокойный, - сказал Лютер, - и, по-моему, за год говорит не так много, как я за день". [173] Если бы характер Карла сформировался под влиянием свободы и христианства, он, возможно, был бы одним из самых замечательных правителей в истории человечества; но политика поглотила его жизнь и заглушила его великие и благие качества.

Не довольствуясь всеми скипетрами, которые он держал в руках, юный Карл стремился к императорскому достоинству. "Это подобно солнечному лучу, который бросает блеск на дом,

который он освещает, - говорили некоторые, - но протяни руку, чтобы ухватиться за него, и ты ничего не найдешь". Карл, напротив, видел в этом вершину всего земного величия и средство приобрести магическое влияние на дух народов.

Франциск I был вторым из соперников. Молодые паладины двора этого рыцарского короля непрестанно втолковывали ему, что он, подобно Карлу Великому, имеет право быть императором всего Запада и, возрождая подвиги древних рыцарей, атаковать полумесяц, угрожавший империи, привести в замешательство неверных и вернуть гроб господень.

"Необходимо, - говорили послы Франциска курфюрстам, - необходимо доказать герцогам австрийским, что императорская корона не передается по наследству. Кроме того, в существующих обстоятельствах Германия нуждается не в девятнадцатилетнем молодом человеке, а в принце, который, по опытному суждению, сочетает в себе таланты, которые уже были признаны. Франциск объединит оружие Франции и Ломбардии с оружием Германии и объявит войну мусульманам. Суверен миланского герцогства, он уже является членом императорского корпуса ". Эти доводы французские послы подкрепили четырьмя сотнями тысяч крон, которые они распределили на покупку голосов и на празднества, которыми они пытались расположить к себе своих гостей.

Третьим соперником был Генрих VIII, который, завидуя влиянию, которое выбор выборщиков мог оказать Франциску или Карлу, также участвовал в списках, но вскоре оставил своих могущественных соперников единственными спорщиками за корону.

Избиратели не были расположены отдавать предпочтение ни тому, ни другому. Их подданные думали, что они получают во Франциске иностранного господина, который может лишить самих курфюрстов их независимости, как недавно он лишил дворян своих собственных владений. Что касается Карла, то среди выборщиков существовало древнее правило не выбирать принца, который уже играл важную роль в империи. Папа разделял эти опасения. Он не желал иметь дела ни с королем Неаполя, который был его соседом, ни с королем Франции, предприимчивый дух которого внушал ему тревогу; "Выбирайте лучше кого-нибудь из себя", - таково было его послание избирателям. Курфюрст Тревский предложил кандидатуру Фридриха Саксонского, и императорская корона была возложена к ногам друга Лютера.

КАРЛ V ИЗБРАН ИМПЕРАТОРОМ.

Этот выбор получил бы одобрение всей Германии. Мудрость Фридриха и его привязанность к своему народу были хорошо известны. Во время восстания в Эрфурте его уговаривали взять город штурмом, но он отказался, чтобы избежать кровопролития. "Но это не будет стоить пяти человек". "Одного человека было бы слишком много", - ответил принц. [174] Казалось, что триумф Реформации накануне будет обеспечен избранием ее покровителя. Разве Фридрих не должен был рассматривать предложение курфюрстов как призыв самого Бога? Кто мог бы лучше распоряжаться судьбами империи, чем столь мудрый принц? Кто мог бы быть сильнее в противостоянии туркам, чем император, сильный в вере? Отказ курфюрста Саксонии, столь восхваляемый историками, возможно, был ошибкой. Возможно, отчасти он виноват в сражениях, которые впоследствии разорвали Германию на части. Но трудно сказать, заслуживает ли Фридрих порицания за недостаток веры или чести за свое смирение. Он считал, что даже безопасность империи обязывает его отказаться от короны. [175] "Для спасения

Германии, - сказал этот скромный и бескорыстный принц, - необходим император более могущественный, чем я".

Римский легат, видя, что выбор падет на Карла, дал понять, что папа снимает свои возражения, и 28 июня был избран внук Максимилиана. "Бог, - сказал впоследствии Фредерик, - дал его нам в милости и в гневе". [176] Испанские послы послали курфюрсту Саксонии подарок в тридцать тысяч золотых флоринов в знак благодарности своего повелителя; но принц отказался от него и приказал своим министрам не принимать никаких подарков. В то же время он обеспечил германские свободы помолвкой, в которой посланники Карла принесли присягу от его имени. Обстоятельства, при которых последний принц возложил на свою голову императорскую корону, казались еще более подходящими, чем клятва, для обеспечения германских свобод и успеха Реформации. Молодой принц завидовал лаврам, которые его соперник Франциск I завоевал при Мариньяне. Борьба должна была продолжаться в Италии, и тем временем Реформация, несомненно, была бы обеспечена. Карл покинул Испанию в мае 1520 года и был коронован 22 октября в Экс-ла-Шапель.

ГЛАВА II.

Лютер пишет императору—Опасности, подстерегающие Лютера—Инструкции Фридриха римскому двору—Чувства Лютера—Опасения Меланхтона—Немецкая знать, благосклонная к Реформации—Шаумбург—Секкинген—Ульрик де Хюттен—Уверенность Лютера—Большая свобода Лютера—Вера как источник дел—Что дает вера—Лютер оценивает свои собственные труды.

ПИСЬМО ЛЮТЕРА ИМПЕРАТОРУ.

Лютер предвидел, что дело Реформации вскоре будет представлено новому императору; и, когда Карл все еще находился в Мадриде, направил ему письмо, в котором сказал: "Если дело, которое я защищаю, достойно быть представленным небесному Величеству, оно не может быть недостойным привлечения внимания князя мира сего. О, Чарльз! князь царей земных, я бросаюсь в качестве просителя к ногам вашего светлейшего величества и умоляю вас соблагovolить взять под сень своих крыльев не меня, а само дело вечной истины, для защиты которого Бог доверил вам меч". [177] Молодой король Испании отбросил в сторону это странное письмо от немецкого монаха и не дал ответа.

Пока Лютер тщетно поворачивал к Мадриду, вокруг него, казалось, собиралась буря. В Германии вновь разгорелся фанатизм. Хохстратен, неутомимый в своих усилиях по пресечению преследований, извлек определенные тезисы из трудов Лютера и добился их осуждения университетами Кельна и Лувена. Эрфуртцы, которые всегда имели зуб на Лютера за то, что тот отдал предпочтение Виттенбергу, были накануне того, чтобы последовать их примеру. Но доктор, узнав об этом, написал Ланге в таких энергичных выражениях, что эрфуртские богословы испугались и промолчали. И все же, однако, осуждения, произнесенного Кельном и Лувеном, было достаточно, чтобы воспламенить умы людей. Более того, священники Миснии, которые поддерживали ссору Эмсера, открыто заявили (таково заявление Меланхтона), что в убийстве Лютера не было бы греха. [178] "Пришло время, - сказал Лютер, - когда люди думают,

что они послужат Иисусу Христу, предав нас смерти". Убийственный язык священников возымел свое действие.

ИНСТРУКЦИИ ФРИДРИХА СВОЕМУ ПОСЛАННИКУ.

"Однажды, - рассказывает биограф, - когда Лютер стоял перед монастырем Августинцев, к нему подошел незнакомец с пистолетом, зажатым под мышкой, и спросил: "Почему ты ходишь здесь совершенно один?" "Я в руках Божьих, - ответил Лютер. - Он - моя сила и мой щит". "После этого, - добавляет биограф, - незнакомец побледнел и, дрожа, убежал". [179] Примерно в то же время Серра Лонга, оратор Аугсбургской конференции, написал курфюрсту: "Пусть Лютер не найдет убежища в штатах вашего высочества, но, отвергнутый всеми, пусть его забьют камнями до смерти перед лицом небес. Это обрадовало бы меня больше, чем подарок в десять тысяч крон. [180]

Но звук надвигающейся бури был слышен, особенно в направлении Рима. Валентин Тевтлебен, дворянин из Тюрингии, викарий архиепископа Менца и ревностный сторонник папства, был представителем курфюрста Саксонии в Риме. Тевтлебен, устыдившийся покровительства, которое его господин оказал монаху-еретику, не мог вынести, что его миссия парализована таким неосторожным поведением, и вообразил, что, встревожив курфюрста, он заставит его отказаться от мятежного богослова. В письме своему учителю он сказал: "Меня не слушают из-за защиты, которую вы оказываете Лютеру". Но римляне ошибались, если думали, что смогут напугать мудреца Фридриха. Он знал, что воля Божья и движения народа были более непреодолимыми, чем указы папской канцелярии. Он приказал своему посланнику намекнуть папе, что, отнюдь не защищая Лютера, он всегда предоставлял ему защищаться самому, что он более того посоветовал ему покинуть Саксонию и университет, что доктор заявил о своей готовности повиноваться и что его бы сейчас не было в избирательных штатах, если бы легат Шарль де Мильтиц не попросил принца держать его при себе из опасения, что в других странах он будет действовать с еще меньшей сдержанностью, чем в Саксонии. [181] Фридрих сделал еще больше; он пытался просветить Рим. "Германия, - продолжает он в своем письме, - в настоящее время обладает большим количеством образованных людей, отличающихся ученостью и наукообразием; сами миряне начинают развивать свое понимание и любить Священное Писание. Следовательно, есть серьезные основания опасаться, что, если справедливые предложения доктора Лютера не будут приняты, мир никогда не будет восстановлен. Доктрина Лютера пустила глубокие корни во многих сердцах. Если вместо того, чтобы опровергнуть это отрывками из Библии, будет предпринята попытка сокрушить его громами церковной власти, разразится великий скандал и последуют пагубные и ужасные вспышки ". [182]

ЧУВСТВА ЛЮТЕРА. СТРАХИ МЕЛАНХТОН.

Курфюрст, полностью доверяя Лютеру, распорядился передать ему письмо Тевтлебена, а также еще одно письмо от кардинала Святого Георгия. Реформатор был тронут, читая их. Он сразу увидел все опасности, которыми был окружен, и на мгновение его сердце упало. Но именно в такие моменты, как этот, его вера проявляла всю свою силу. Часто, ослабев и готовый впасть в уныние, он снова приходил в себя и казался более великим среди бушующей бури. Он был бы рад избавиться от всех этих испытаний, но, сознавая цену, которую пришлось заплатить за покой, с негодованием отверг его. "Замолчи!" - сказал он. "Я склонен быть таким, если мне позволят, то есть если другие будут молчать. Если кто-то завидует моему положению, то добро

пожаловать. Если кто-то желает уничтожить мои труды, пусть сожжет их. Я готов хранить молчание, при условии, что евангельская истина также не вынуждена молчать. [183] Я не прошу кардинальской шапки; я не прошу ни золота, ни чего-либо еще, что ценит Рим. Нет ничего, с чем я не согласился бы, при условии, что христиане не будут исключены с пути спасения. [184] Все их угрозы не пугают — все их обещания не могут соблазнить меня".

Воодушевленный этими чувствами, Лютер вскоре вернулся к своему воинственному темпераменту, предпочитая христианскую битву спокойствию одиночества. Одной ночи было достаточно, чтобы возродить его желание свергнуть Рим. "Моя часть принята", - писал он на следующий день. "Я презираю ярость Рима и его благосклонность. Никогда больше не будет ни примирения, ни общения с ней. [185] Пусть она осудит и сожжет мои труды! Я, в свою очередь, осужу и публично сожгу папский закон, это гнездо всех ересей. Умеренность, которую я проявлял до этого часа, была бесполезна, и я покончил с этим!"

Его друзья были далеки от того, чтобы чувствовать себя столь же спокойно. В Виттемберге царила великая тревога. "Мы ждем в крайней тревоге", - сказал Меланхтон. "Я скорее умру, чем разлучусь с Лютером. [186] Если Бог не придет к нам на помощь, мы погибнем". В письме месяц спустя, охваченный тревогой, он говорит: "Наш Лютер все еще жив, и дай Бог, чтобы он продержался долго; ибо римские подхалимы используют все средства, чтобы уничтожить его. Молитесь за жизнь того, кто является единственным защитником здравого богословия". [187]

SCHAUMBURG. СЕККИНГЕН. ULRIC VON HUTTEN

Эти молитвы были не напрасны. Предупреждения, которые курфюрст передал Риму через своего посланника, были не лишены оснований. Слово Лютера было слышно повсюду: в коттеджах и монастырях, у очагов горожан, в замках знати, в академиях и во дворцах королей. Он сказал герцогу Иоанну Саксонскому: "Пусть моя жизнь внесет вклад только в спасение одного человека, и я охотно соглашусь, чтобы все мои книги погибли". [188] Не один человек, а великое множество людей нашли свет в трудах скромного доктора; и, следовательно, повсюду были люди, готовые защитить его. Меч, которым предстояло сразить его, лежал на наковальне Ватикана; но в Германии нашлись герои, которые подставили свои тела в качестве его щита. В тот момент, когда епископы приходили в ярость, когда князья молчали, когда народ ожидал результата и когда гром уже рокотал над семью холмами, Бог поднял немецкую знать и поставил ее крепостным валом вокруг своего слуги.

В это время Сильвестр Шаумбургский, один из самых могущественных дворян Франконии, отправил своего сына в Виттемберг с письмом для Реформатора, в котором говорилось: "Ваша жизнь подвергается опасности. Если поддержка курфюрстов, князей или магистратов подведет вас, я умоляю вас остерегаться поездки в Богемию, где в старину очень образованным людям приходилось много страдать; приходите скорее ко мне; С Божьей помощью я скоро соберу более сотни джентльменов и с их помощью смогу уберечь вас от беды". [189]

УВЕРЕННОСТЬ ЛЮТЕРА.

Франциск Секингенский, герой своего времени, чье бесстрашное мужество мы уже видели, [190] любил Реформатора, потому что считал его достойным любви, а также потому, что монахи ненавидели его. [191] "Моя личность, моя собственность и услуги, все, чем я обладаю, - написал он ему, - в вашем распоряжении. Ваше желание - поддерживать христианскую истину, и в этом я готов вам помочь". [192] Хармут из Кронберга высказался в схожих выражениях. Ульрик фон

Хюттен, поэт и доблестный рыцарь шестнадцатого века, не переставал восхвалять Лютера. Но как велик контраст между этими двумя людьми! Хюттен писал Реформатору— "У нас должны быть мечи, луки, дротики и пули, чтобы сокрушить ярость дьявола". Лютер, получив эти письма, воскликнул: "Я не желаю, чтобы люди прибегали к оружию и кровопролитию для защиты Евангелия. Именно Словом был побежден мир, этим Словом Церковь была спасена, и этим Словом она будет восстановлена". "Я не отвергаю его предложения, - сказал он, получив вышеупомянутое письмо от Шаумбурга, - но все же я не хочу полагаться ни на кого, кроме Христа". [193] Так не говорили римские понтифики, когда они купались в крови водуа и альбигойцев. Хюттен осознавал разницу между своим делом и делом Лютера и соответственно писал с благородной откровенностью: "Я занят делами человеческими, но ты, поднявшись на гораздо большую высоту, всецело отдаешь себя делам Божьим". [194] Написав это, он решил попытаться, если возможно, добиться от Фердинанда и Карла V правды. [195]

Таким образом, с одной стороны, враги Лютера нападают на него, а с другой - его друзья поднимаются на его защиту. "Моя кора, - говорит он, - плавает туда-сюда по воле ветра ... Надежда и страх правят поочередно, но какое это имеет значение?" [196] Тем не менее на его разум не могли не повлиять знаки сочувствия, которые он получал. "Господь царствует, - сказал он, - и так явно, что его почти можно осязать". [197] Лютер увидел, что он больше не одинок; его слова оказались верными, и эта мысль придала ему нового мужества. Теперь, когда у него есть другие защитники, готовые противостоять ярости Рима, его больше не будет сдерживать страх скомпрометировать курфюрста. Он становится более свободным и, по возможности, более решительным. Это важный период в развитии сознания Лютера. В письме, адресованном в это время капеллану курфюрста, он говорит: "Рим должен быть поставлен в известность, что, хотя своими угрозами ему удастся изгнать меня из Виттемберга, это только повредит его делу. Тех, кто готов защитить меня от громов папства, можно найти не в Богемии, а в самом сердце Германии. Если я еще не сделал со своими врагами всего, что я для них готовлю, они должны приписать это не моей умеренности и не их тирании, а моему страху скомпрометировать имя курфюрста и процветание Виттембергского университета. Теперь, когда у меня больше нет таких страхов, я с новой стремительностью ринусь на Рим и его придворных". [198]

ПЛОДЫ ВЕРЫ. ВЕРА И ДЕЛА.

И все же Лютер возлагал надежды не на великих. Его часто уговаривали посвятить книгу герцогу Джону, брату курфюрста, но он так и не сделал этого. "Боюсь, - сказал он, - что это предположение исходит от него самого. Священное Писание должно служить только славе имени Божьего". [199] Впоследствии Лютер отбросил свои подозрения и посвятил герцогу Иоанну свою речь о добрых делах, речь, в которой он убедительно излагает доктрину оправдания верой, могущественную доктрину, силу которой он оценивает намного выше, чем меч Хюттена, армия Секингена или защита герцогов и курфюрстов.

"Первое, благороднейшее, возвышеннейшее из всех дел, - говорит он, - это вера в Иисуса Христа. [200] Из этой работы должны исходить все остальные работы; все они являются вассалами веры, и только от нее зависит их эффективность.

"Если собственное сердце человека уверяет его, что то, что он делает, угодно Богу, то работа хороша, если это просто поднятие соломинки, но при отсутствии этой уверенности работа не хороша, хотя бы это и было воскрешение мертвых. Язычник, еврей, турок, грешник могут совершать любые другие дела, но твердо уповать на Господа и чувствовать уверенность в том,

что угодят ему, - это дела, на которые не способен никто, кроме христианина, укрепленного благодатью.

"Христианин, верующий в Бога, всегда действует свободно и радостно, тогда как человек, который не един с Богом, полон забот и заключен в рабство; он с тревогой спрашивает, сколько дел ему следует совершить, он бежит взад и вперед, допрашивая того и другого человека, и, нигде не находя покоя, все делает с неудовлетворенностью и страхом.

"Поэтому я всегда превозносил веру. Но в мире все иначе: там главное - иметь много дел, великих и возвышенных, всех измерений, в то время как безразлично, вера их оживляет или нет. Таким образом, люди строят свой мир не на благоволении Божьем, а на своих собственных заслугах, то есть на песке.... (Мф. vii, 27.)

"Проповедовать веру - значит, как говорят, препятствовать добрым делам; но хотя один человек должен обладать силами всех людей или даже всех созданий, [201] простое обязательство жить по вере было бы для него непосильной задачей. Если я скажу больному человеку: "Будь здоров, и ты сможешь использовать свои члены" — скажут ли, что я запрещаю ему использовать свои члены? Разве здоровье не должно предшествовать труду? То же самое справедливо и в проповеди веры; она должна предшествовать делам, чтобы сами дела могли существовать.

"Где же тогда, - спросите вы, - обретается эта вера и как она принимается? Это, действительно, самый важный из всех вопросов. Вера исходит исключительно от Иисуса Христа, который обещан и дан безвозмездно.

ЛЮТЕР СУДИТ О СВОИХ ТРУДАХ.

"О, человек! представь себе Христа и подумай, как в нем Бог проявляет свою милость к тебе, не предвосхищая никаких заслуг с твоей стороны. [202] В этом образе его благодати прими веру и заверение, что все твои грехи прощены тебе. Дела не могут произвести его. Оно вытекает из крови, ран и смерти Христа, откуда оно проникает в сердце. Христос - это скала, из которой выходят молоко и мед. (Deut. xxxii.)

Не имея возможности дать отчет обо всех трудах Лютера, мы процитировали несколько коротких фрагментов этого рассуждения о добрых делах, исходя из мнения о нем самого Реформатора. "По моему мнению, - сказал он, - это лучшая работа, которую я опубликовал". Он немедленно присоединяет это глубокое наблюдение. "Но я знаю, что когда какая-либо вещь, которую я пишу, нравится мне самому, заражение этой дурной закваской мешает ей нравиться другим". [203] Меланхтон, посылая копию этого рассуждения другу, так выразился: "Из всех греческих и латинских авторов никто не приблизился к духу святого Павла ближе, чем Лютер". [204]

ГЛАВА III.

Атака на папство—Обращение к знати—Три стены—Все христиане священники—
Обязанность магистрата исправлять духовенство—Злоупотребления Рима—Разорение
Италии—Опасности Германии—Папа—Легаты—Монахи—Брак священников—Безбрачие—
Фестивали—Богемцы—Благотворительность—Университеты—Империя—Император
должен вернуть Рим—Книга не опубликована—Скромность Лютера—Успех выступления.

ТРИ СТЕНЫ.

Но замена идеи благодати и амнистии системой похвальных дел была не единственным злом, существовавшим в Церкви. Среди смиренных пасторов Христовой паствы поднялась властная сила. Лютер должен выступить против этой узурпированной власти. Смутный и отдаленный слух об интригах и успехах Эка в Риме пробудил воинственный дух в Реформаторе, который среди всех своих потрясений спокойно изучал происхождение, прогресс и узурпацию папства. Его открытия наполнили его удивлением, и он больше не колебался, чтобы сообщить о них и нанести удар, которому было суждено, подобно древнему жезлу Моисея, пробудить целый народ от летаргии, ставшей результатом долгого рабства. Еще до того, как Рим успел опубликовать свою грозную буллу, он опубликовал объявление войны. "Время молчания, - восклицает он, - прошло; пришло время говорить. Тайны Антихриста должны, наконец, быть раскрыты". 24 Июня 1520 года он опубликовал свое знаменитое *"Обращение к его Императорскому Величеству и христианскому дворянству Германии о реформировании христианства"*.¹ [205] Эта работа послужила сигналом к атаке, которая должна была сразу завершить прорыв и решить исход победы.

"Не из самонадеянности, - говорит он в начале этого Трактата, - я, всего лишь один из людей, берусь обращаться к вашим светлостям. Страдания и угнетение, которым подвергаются в этот момент все государства христианского мира, и особенно Германия, вырывают у меня крик отчаяния. Я должен позвать на помощь; я должен посмотреть, не отдаст ли Бог свой Дух кому-нибудь из наших соотечественников и не протянет ли руку помощи нашему несчастному народу. Бог дал нам молодого и щедрого принца (императора Карла V) [206] и, таким образом, наполнил наши сердца большими надеждами. Но мы тоже должны, со своей стороны, сделать все, что в наших силах.

"Итак, первое, что необходимо, - это не полагаться на нашу собственную великую силу или нашу собственную высокую мудрость. Когда какое-либо дело, в остальном доброе, начинается с уверенности в себе, Бог низвергает его и уничтожает. Фридрих I, Фридрих II и многие другие императоры, перед которыми трепетал мир, были попорчены папами, потому что они больше полагались на свои собственные силы, чем на Бога. Они не могли не упасть. В этой войне мы должны сражаться с силами ада, и наш способ ведения ее должен заключаться в том, чтобы ничего не ожидать от силы человеческого оружия — смиренно уповать на Господа и еще больше обращать внимание на бедствия христианского мира, чем на преступления нечестивых. Возможно, что при другой процедуре работа началась бы при более благоприятных обстоятельствах, но внезапно в пылу состязания возникла бы неразбериха, плохие люди вызвали бы ужасную катастрофу, и мир был бы залит кровью. Чем больше сила, тем больше опасность, когда все делается не в страхе Господнем".

После этой фразы Лютер продолжает: —

"Римляне, чтобы защититься от всякого рода реформации, окружили себя тремя стенами. Подвергаясь нападкам со стороны светской власти, они отрицали ее юрисдикцию над собой и поддерживали превосходство духовной власти. Когда их проверяли Священным Писанием, они отвечали, что никто не может истолковать его, кроме папы. Когда им пригрозили собором, они снова ответили, что никто, кроме папы римского, не может его созвать.

ВЛАСТЬ ГРАЖДАНСКОГО МАГИСТРАТА.

Таким образом, они забрали у нас три розги, предназначенные для их наказания, и предались всевозможным злодеяниям. Но теперь да поможет нам Бог и дарует нам одну из труб, которые разрушили стены Иерихона. Давайте разрушим стены из бумаги и соломы, которые римляне возвели вокруг себя, и поднимем розги, которыми наказывают нечестивых, вынося козни дьявола на свет божий".

Затем Лютер начинает атаку и потрясает до основания папскую монархию, которая на протяжении веков объединяла народы Запада в одно целое под скипетром римского епископа. В христианстве нет касты священнослужителей. Эту истину, которой Церковь была так рано лишена, он энергично излагает в следующих выражениях: —

"Было сказано, что папа, епископы, священники и все те, кто населяет монастыри, образуют духовное или церковно-приходское сословие; и что принцы, дворяне, горожане и крестьяне образуют светское или мирское сословие. Это вымышленная история. Но пусть никто не пугается. Все христиане принадлежат к духовному сословию, и единственная разница между ними заключается в функциях, которые они выполняют. У нас есть все, кроме одного крещения, но одна вера, и все это составляет духовного человека. Елеосвящение, тонзура, рукоположение, хиротония, данные папой римским или епископом, могут сделать лицемера, но никогда не смогут сделать духовного человека. Все мы посвященные священники через крещение, как говорит святой Петр: "Вы - царственное священство", хотя на самом деле не все исполняют обязанности царей и священников, потому что никто не может принять на себя то, что является общим для всех, без общего согласия. Но если бы это посвящение Богом не принадлежало нам, то помазание папы римского не смог бы совершить ни один священник. Если бы десять братьев, сыновей одного короля, обладающих равными притязаниями на его наследство, выбрали одного из своего числа для управления от их имени, все они были бы королями, и все же только один из них был бы распорядителем их общей власти. Так же обстоит дело и в Церкви. Если бы несколько благочестивых мирян были сосланы в пустыню, и если бы они, не имея среди себя священника, рукоположенного епископом, согласились выбрать одного из своего числа, женатого или нет, он был бы таким же истинным священником, как если бы все епископы мира посвятили его. Таким образом были избраны Августин, Амвросий и Киприан.

Отсюда следует, что мирян и священников, князей и епископов, или, как мы уже сказали, духовных лиц и мирян ничто не отличает, кроме их функций. Все они находятся в одинаковом состоянии, но не всем им приходится выполнять одинаковую работу.

УЗУРПАЦИЯ ПАПЫ. РАЗОРЕНИЕ ИТАЛИИ.

"Если это так, то почему бы магистрату не поправить духовенство? Светская власть была назначена Богом для наказания нечестивых и защиты добрых, и ей должна быть предоставлена свобода действий во всем христианском мире без уважения к отдельным лицам, будь то папа римский, епископы, священники, монахи или монахини. Святой Павел говорит всем христианам: *"Пусть всякая душа(а следовательно, и папа римский)"будет подчинена высшим силам; ибо они не напрасно носят меч."* [207]

Лютер, разрушив таким же образом две другие стены, делает обзор всех злоупотреблений Рима. С красноречием, достойным поистине популярного описания, он разоблачает зло, которое веками пользовалось дурной славой. Никогда еще не слышали более благородного

увещевания. Собрание, к которому обращается Лютер, - это Церковь, власть, злоупотребления которой он критикует, - это то папство, которое веками было угнетателем всех наций, и Реформации, к которой он громко призывает, суждено оказывать свое мощное влияние на христианский мир по всему миру, и так долго, пока в нем существует человек.

Он начинает с папы римского. "Чудовищно, - говорит он, - видеть того, кто называет себя наместником Иисуса Христа, демонстрирующим великолепие, не сравнимое ни с одним императором. Это тот способ, которым он доказывает свое сходство с непритязательным Иисусом или смиренным Петром? Говорят, что он господин мира. Но Христос, наместником которого он хвалится быть, сказал: *"Царство Мое не от мира сего"*. Может ли власть наместника превышать власть его князя?.."

Лютер продолжает описывать последствия папского господства. "Знаете ли вы, для чего нужны кардиналы? Я расскажу вам. В Италии и Германии много монастырей, фондов и бенефиций, щедро обеспеченных. Как их доходы могли поступать в Рим?... Были созданы кардиналы; затем им были дарованы монастыри и прелатства, и именно в этот час ... Италия почти превратилась в пустыню — монастыри разрушены—епископства разорены - города в упадке —жители развращены —богослужения вымирают, а проповеди отменены.... Почему? Потому что все доходы церквей идут в Рим. Сам турок никогда бы так не разорил Италию".

Затем Лютер обращается к своим соотечественникам.

ОПАСНОСТЬ ГЕРМАНИИ. СРЕДСТВА, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ЛЮТЕРОМ.

И теперь, когда они таким образом высосали кровь из своей собственной страны, они вторгаются в Германию. Они начинают осторожно, но давайте будем настороже. Германия скоро станет похожа на Италию. У нас уже есть несколько кардиналов. Их идея такова— прежде чем деревенские немцы поймут наш замысел, у них не будет ни епископства, ни монастыря, ни бенефиции, ни пенни, ни фартинга. Антихрист должен завладеть сокровищами земли. Тридцать или сорок кардиналов будут избраны в один день; одному будет отдан Бамберг, другому герцогство Вюрцбург, и богатые бенефиции будут присоединены до тех пор, пока церкви и города не придут в запустение. И тогда папа скажет: "Я наместник Христа и пастырь его паствы. Пусть немцы смиряются".

Негодование Лютера нарастает.

"Как мы, немцы, можем мириться с таким грабежом и контузией со стороны папы римского? Если Франция успешно сопротивлялась, почему мы позволяем, чтобы с нами так забавлялись и оскорбляли? Ах! если бы они не лишили нас ничего, кроме нашего имущества. Но они разоряют церкви, грабят овец Христовых, отменяют богослужение и подавляют слово Божье".

Затем Лютер разоблачает уловки Рима с целью получения денег и обеспечения доходов Германии. Аннотации, паллиумы, рекомендации, администрации, ожидаемые услуги, регистрации, оговорки и т.д. - все проходит проверку. Затем он говорит: "Давайте попытаемся положить конец этому опустошению и нищете. Если мы хотим выступить против турок — давайте начнем с худших из них. Если мы вешаем карманников и обезглавливаем грабителей, давайте не позволим вырваться наружу римской алчности — алчности, которая является величайшей из всех воров и разбойников, и это тоже во имя Святого Петра и Иисуса Христа. Кто может это

вынести? Кто может молчать? Разве не украдено все, чем владеет папа? Он не купил это и не унаследовал от святого Петра, и не приобрел в поте лица своего. Где же тогда он это взял?"

Лютер предлагает средства от всех этих зол и энергично призывает немецкую знать положить конец римским грабежам. Затем он переходит к реформе самого папы. "Разве это не смешно, - говорит он, - что папа притворяется законным наследником империи? Кто дал ему это? Было ли это Иисусом Христом, когда он сказал: *"Цари земли господствуют над ними, но с вами этого не будет"*? (Луки, ххii, 25, 26). Как он может управлять империей и в то же время проповедовать, молиться, учиться и заботиться о бедных? Иисус Христос запретил своим ученикам носить с собой золото или одежду, потому что служение не может осуществляться без свободы от любых других забот; и все же папа будет управлять империей и в то же время оставаться папой"....

ПАПА РИМСКИЙ. БЕЗБРАЧИЕ ДУХОВЕНСТВА.

Лютер продолжает лишать суверенного понтифика его добычи. "Пусть папа откажется от всех видов титулов на Неаполитанское королевство и Сицилию. У него на это не больше прав, чем у меня. Его владение Болоньей, Имолей, Равенной, Романьей, Марке д'Анкаона и т.д. несправедливо и противоречит заповедям Иисуса Христа. *"Никто, - говорит Святой Павел, - идущий на войну, не связывает себя делами этой жизни"* (2 Тим. ii, 2). И папа римский, который претендует на то, чтобы возглавить войну за Евангелие, больше увязает в делах этой жизни, чем любой император или король. Он должен быть освобожден от всего этого тяжелого труда. Император должен передать библию и молитвенник в руки папы, чтобы папа мог оставить королей управлять страной и посвятить себя проповеди и молитве". [208]

Лютер испытывает такое же отвращение к церковной власти папы в Германии, как и к его светской власти в Италии. "Первое, что необходимо, - это изгнать из всех стран Германии папских легатов и мнимые благословения, которые они продают нам на вес золота и которые являются чистым обманом. Они забирают наши деньги — и почему? За легализацию неправомерно нажитой выгоды, за нарушение клятв и за то, что учат нас нарушать веру, грешить и идти напрямиком в ад.... Слышишь ли ты, о, папа! не самый святой папа, а самый грешный папа.... Пусть Бог со своего места на небесах низвергнет твой трон в адскую бездну!"

Христианский трибун следует своим курсом. Сославшись на папу римского в своей коллегии адвокатов, он перечисляет все злоупотребления в свите папства и пытается выместить из Церкви весь мусор, которым она загромождена. Он начинает с монахов.

"А теперь я прихожу в ленивую группу, которая много обещает, но мало выполняет. Не сердитесь, дорогие господа, мои намерения благие; то, что я должен сказать, является правдой одновременно сладкой и горькой, а именно, что больше нет необходимости строить монастыри для нищенствующих монахов. Боже милостивый! у нас их слишком много, и если бы они все были подавлены.... Скитаться бродягой по стране никогда не приносило и никогда не принесет пользы".

Следующим по порядку следует брак священнослужителей. Это первый случай, когда Лютер говорит о нем.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ. ПОДАВЛЕНИЕ ЕРЕСИ.

"В какое состояние впало духовенство, и сколько священников обременены женщинами, детьми и угрызениями совести, в то время как никто не приходит им на помощь? Пусть папа и епископы идут своим чередом, а те, кто захочет, пусть идут на погибель; все очень хорошо! но я полон решимости облегчить свою совесть и свободно открыть рот, как бы ни были оскорблены папа римский, епископы и другие!... Итак, я говорю, что согласно установлению Иисуса Христа и апостолов, в каждом городе должен быть пастор или епископ, и что у этого пастора может быть жена, как святой Павел пишет Тимофею: *"Епископ да будет мужем одной жены"* (1 Тим. iii. 2,) и как до сих пор практикуется в греческой церкви. Но дьявол убедил папу, как говорит апостол Павел Тимофею (1 Тим. iv, 1-3), запретить духовенству вступать в брак. И, следовательно, зла так много, что невозможно описать их подробно. Что же делать? Как нам спасти многих пасторов, которые достойны порицания только в том, что они живут с женщиной, с которой они всем сердцем желают законного союза? Ах! пусть они спасут свою совесть! пусть они возьмут эту женщину в законный брак и будут жить с ней достойно, не заботясь о том, нравится это папе римскому или неужгодно. Спасение вашей души имеет большее значение, чем произвольные и тиранические законы, законы, установленные не Господом".

Таким образом Реформация стремилась восстановить чистоту нравов внутри Церкви. Реформатор продолжает: —

"Пусть праздничные дни будут отменены, и пусть будет соблюдено только воскресенье, или, если будет сочтено уместным соблюдать великие христианские праздники, пусть они будут отмечаться утром, а остаток дня пусть будет обычным рабочим днем. Ибо обычным способом тратить их на выпивку, азартные игры и совершение всевозможных грехов или просто на праздность Бог оскорбляется в праздничные дни гораздо больше, чем в другие".

Впоследствии он нападает на посвящения Церквей (которые он описывает как простые таверны), а после них на посты и братства. Он желает не только пресечь злоупотребления, но и положить конец расколам. "Настало время, - говорит он, - серьезно рассмотреть дело богемы, чтобы ненависть и зависть прекратились и снова установился союз". Он предлагает превосходные методы примирения и добавляет— "Таким образом, еретики должны быть опровергнуты Писанием, как это делали древние отцы, а не покорены огнем. В противоположной системе палачи были бы самыми образованными из всех врачей. О! молю Бога, чтобы каждая партия среди нас пожала друг другу руки в братском смирении, а не ожесточалась в идее нашей силы и права! Милосердие более необходимо, чем римское папство. Сейчас я сделал то, что было в моих силах. Если папа или его народ воспротивятся этому, им придется отчитаться. Папа должен быть готов отказаться от папства, от всего своего богатства и от всех своих почестей, если бы он мог таким образом спасти хоть одну душу. Но он скорее увидит, как вселенная идет к разрушению, чем уступит хотя бы крупицу своей узурпированной власти. [209] Я в курсе этих вещей".

Затем Лютер обращается к университетам и школам.

ХРИСТИАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОТБИТ.

"Я очень боюсь, что университеты превратятся в широкие ворота в ад, если не будет предпринято должного внимания к объяснению Священного Писания и запечатлению его в сердцах студентов. Мой совет каждому человеку таков: не помещайте своего ребенка туда, где Священное Писание не имеет первостепенного значения. Каждое учреждение, в котором

проводимые исследования приводят к непринужденному рассмотрению Слова Божьего, должно оказаться развращающим; [210] веское мнение, над которым правительствам, литераторам и родителям всех возрастов не мешало бы задуматься ".

Ближе к концу своего обращения он возвращается к империи и императору.

"Папы, - говорит он, - будучи не в состоянии по своей воле руководить древними хозяевами римской империи, решили отобрать у них титул и империю и передать их нам, немцам. Они добились этого, и мы стали рабами папы римского. Ибо папа сам овладел Римом и связал императора клятвой никогда в нем не проживать; и следствием этого является то, что император является императором Рима, не имея Рима. У нас есть имя; у папы есть страна и ее города. У нас есть титул и знаки отличия империи; у папы - ее казна, власть, привилегии и свобода. Папа ест фрукты, а мы развлекаемся с кожурой. Таким образом, гордыня и тирания римлян всегда злоупотребляли нашей простотой.

"Но теперь, пусть Бог, который дал нам такую империю, будет нам на помощь! Давайте действовать в соответствии с нашим именем, нашим титулом, нашими знаками отличия; давайте сохраним нашу свободу и дадим римлянам знать, что через их руки она была передана нам Богом. Они хвастаются, что подарили нам империю. Очень хорошо! давайте возьмем то, что принадлежит нам. Пусть папа сдаст Рим и каждую часть империи, которой он владеет. Пусть он положит конец своим налогам и поборам. Пусть он вернет нам свободу, нашу власть, наше богатство, нашу честь, нашу душу и наше тело. Пусть империя будет такой, какой должна быть империя; и пусть меч государей больше не будет вынужден унижаться перед лицемерными притязаниями папы".

В этих словах слышны не только энергия и красноречие, но и веские аргументы. Никогда еще оратор так не обращался к знати империи и к самому императору. Отнюдь не удивляясь тому, что так много германских государств восстали против Рима, мы скорее должны удивляться тому, что вся Германия не двинулась к берегам Тибра и там не восстановила ту имперскую власть, знаки отличия которой папы неосторожно возложили на голову своего главы.

Так завершает Лютер свою бесстрашную речь.

КНИГА НЕ ОПУБЛИКОВАНА.

"Я предполагаю, однако, что я взял слишком высокую ноту, предложил много вещей, которые покажутся невозможными, и был несколько слишком суров ко многим ошибкам, которые я критиковал. Но что я могу сделать? Пусть лучше мир обидится на меня, чем Бог!... Максимум, что он может отнять у меня, - это жизнь. Я часто предлагал заключить мир со своими противниками, но с их помощью Бог всегда вынуждал меня выступать против них. У меня все еще есть в запасе песнь о Риме, и если у них чешутся уши, я спою им ее во весь голос. Рим! ты меня понимаешь?"... Вполне вероятно, что Лютер здесь имеет в виду трактат о папстве, который он готовил к публикации, но который так и не был опубликован. Ректор Буркхард, писавший в это время Шпенглеру, говорит: "Более того, существует краткий трактат *"Об изгнании вены Римской"*, но он хранится в резерве". Название работы, по-видимому, намекает на что-то, что вызвало бы сильное оскорбление, и приятно думать, что у Лютера хватило сдержанности не публиковать ее.

"Если мое дело правое, - продолжает он, - оно должно быть осуждено на земле и оправдано только Христом на небесах. Поэтому пусть папа римский, епископы, священники, монахи, врачи выйдут вперед, проявят все свое рвение и дадут полный выход своей ярости. Несомненно, они как раз те люди, которые должны преследовать истину, как они преследовали ее во все века".

Откуда этот монах получил такое ясное знание государственных дел, в которых даже государствам империи часто бывает так трудно разобраться? Откуда этот немец черпал такое мужество, которое позволяет ему высоко держать голову среди своих соотечественников, находившихся в порабощении столько веков, и наносить такие жестокие удары папству? Какой таинственной энергией он одушевлен? Не кажется ли вам, что он, должно быть, слышал слова, с которыми Бог обратился к кому-то из древних времен: "Вот! Я укрепил твое лицо против их лиц, я сделал твое чело подобным алмазу и тверже кремня; тогда не бойся из-за них"?

ОБРАЩЕНИЕ К НЕМЕЦКОЙ ЗНАТИ.

Это увещевание, адресованное немецкой знати, вскоре попало в руки всех тех, кому оно предназначалось. Оно распространилось по Германии с невообразимой быстротой. Друзья Лютера задрожали, в то время как Штаупиц и те, кто хотел следовать мягким методам, сочли удар слишком серьезным. "В наши дни, - ответил Лютер, - все, к чему относятся спокойно, предается забвению, и это никого не волнует". [211] В то же время он проявил необычайную простоту и смирение. Он не признавал своих сил. "Я не знаю, - пишет он, - что сказать о себе; возможно, я предшественник Филиппа (Меланхтона). Подобно Элиасу, я готовлю для него путь духом и силой, чтобы однажды он мог причинить беспокойство Израилю и дому Ахава". [212] Но не было повода ждать кого-либо другого, кроме того, кто появился. Дом Ахава уже был потрясен. *Обращение к немецкому дворянству* было опубликовано 26 июня 1520 года, и за короткое время было продано 4000 экземпляров, что для того периода было беспрецедентным числом. Изумление было всеобщим, и весь народ пришел в смятение. Энергия, дух, проницательность и благородная смелость, которыми она была пронизана, сделали ее поистине работой для людей, которые чувствовали, что тот, кто говорит в таких выражениях, действительно любит их. Запутанные взгляды, которых придерживались многие мудрецы, обрели просветление. Все узнали об узурпации власти в Риме. В Виттемберге ни у кого не было никаких сомнений в том, что папа был антихристом. Даже двор курфюрста, при всей его робости и осмотрительности, не выразил неодобрения Реформатору, а только ждал решения. Знать и народ даже не стали ждать. Нация пробудилась и, услышав голос Лютера, приняла его дело и сплотилась под его знаменем. Ничто не могло быть более выгодным для Реформатора, чем эта публикация. Во дворцах, в замках, в жилищах горожан и даже в коттеджах все теперь подготовлено и как бы доказано против приговора осуждения, который вот-вот обрушится на пророка народа. Вся Германия в огне, и бык, приди он когда угодно, никогда не потушит этот пожар.

ГЛАВА IV.

Приготовления в Риме — Мотивы сопротивления папству — Эк в Риме — Эк одерживает Победу — Папа — это Мир — Бог производит Разделение — Швейцарский священник ходатайствует за Лютера — Римская консистория — Преамбула Буллы — Осуждение Лютера.

В Риме было подготовлено все необходимое для осуждения защитника свободы Церкви. Люди долгое время жили там в надменной безопасности. Монахи Рима давно обвиняли Льва X в том, что он посвятил себя роскоши и удовольствиям и проводил все свое время на охоте, театральных представлениях и музыке, [213] в то время как Церковь разваливалась на куски. Наконец, благодаря призывам доктора Экка, который приехал из Лейпцига, чтобы призвать к власти Ватикан, папу римского, кардиналов, монахов, весь Рим проснулся и встрепнулся, чтобы спасти папство.

УСПЕХ ЭКА В РИМЕ.

Рим, по сути, был вынужден принять самые суровые меры. Перчатка была брошена, и битве было суждено стать смертельной. Лютер нападал не на злоупотребления римского понтификата, а на сам понтификат. По его приказу папа должен был смиренно сойти со своего трона и снова стать простым пастором, или епископом, на берегах Тибра. От всех сановников римской иерархии требовалось отказаться от своих богатств и мирской славы и снова стать старейшинами или дьяконами церквей Италии. Все великолепие и мощь, которые веками ослепляли Запад, должны были исчезнуть и уступить место смиренному и простому богослужению первобытных христиан. Все это Бог мог бы сделать и однажды сделает, но этого нельзя было ожидать от людей. Даже если бы папа был достаточно бескорыстен и смел, чтобы попытаться свергнуть древнее и роскошное здание Римской церкви, тысячи священников и епископов бросились бы ему на помощь. Папа получил власть при четком условии сохранения всего, что было ему доверено. Рим считал себя назначенным Богом управлять Церковью; и поэтому неудивительно, что с этой целью он был готов принять самые решительные меры. И все же с самого начала он проявлял нерешительность. Несколько кардиналов и сам папа были против суровых разбирательств. Лев обладал слишком большой проницательностью, чтобы не понимать, что решение, исполнение которого зависело от весьма сомнительных склонностей гражданской власти, могло серьезно подорвать авторитет Церкви. Более того, он видел, что насильственные методы, к которым уже прибегали, только увеличили зло. "Неужели невозможно заполучить этого саксонского монаха?" - спросили политики Рима. "Неужели вся мощь Церкви и все хитрости Италии окажутся неэффективными для достижения этой цели? Все еще необходимо предпринять попытку переговоров".

ПАПСТВО И РЕФОРМАЦИЯ.

Соответственно, Эк столкнулся с огромными препятствиями. Он ничем не пренебрегал, чтобы предотвратить то, что он называл нечестивыми уступками. Ходя взад и вперед по Риму, он дал волю своей ярости и взывал к отмщению. Фанатичная фракция монахов немедленно объединилась с ним, и он почувствовал себя сильным в этом союзе и с новой смелостью принялся докучать папе и кардиналам. По его словам, все попытки примирения были бесполезны. "Мысль об этом, - сказал он, - всего лишь тщетная мечта тех, кто дремлет вдали от места происхождения". Но он знал об опасности, потому что боролся с отважным монахом. Необходимо было ампутировать пораженную гангреной конечность и таким образом предотвратить распространение болезни на все тело. Неистовый спорщик из Лейпцига разрешает возражения одно за другим и прилагает усилия, но ему трудно убедить папу. [214] Он хочет спасти Рим вопреки ей самой. Не жалея сил, он проводил целые часы в раздумьях в кабинете понтифика, [215] и подал заявление как в суд, так и в монастыри, к народу и Церкви.

"Эк взывает ко всей глубине глубин против меня, - сказал Лютер, - и поджигает леса Ливана".

[216] Наконец ему это удалось. Фанатики на папских соборах победили политиков. Лев уступил, и вопрос об осуждении Лютера был решен. Эк снова начал дышать, и его гордость почувствовала удовлетворение от мысли, что его собственные усилия привели к гибели его соперника-еретика и тем самым спасли церковь. "Хорошо, - сказал он, - что я приехал в Рим в это время, потому что мало что было известно об ошибках Лютера. Когда-нибудь станет видно, как много я сделал для этого дела". [217]

Никто так не старался поддержать доктора Экка, как хозяин священного дворца Сильвестр Маццолини Де Приерио, который только что опубликовал работу, в которой утверждал, что не только одному папе принадлежит непогрешимое решение по всем спорным вопросам, но также и то, что папское господство было пятой монархией Даниила и единственной истинной монархией; что папа был князем всего церковного и отцом всех светских князей, главой мира и даже, по сути, сам мир. [218] В другом письме он подтвердил, что папа настолько же превосходит императора, насколько золото превосходит свинец; [219] что папа может назначать и смещать императоров и избиратели, установите и аннулируйте позитивные права; и что император, со всеми законами и всеми народами христианского мира, не может решить ни малейшего вопроса вопреки воле папы. Таков был голос, доносившийся из дворца суверенного понтифика, такова чудовищная выдумка, которая в союзе со схоластическими догмами была направлена на подавление возрождающейся истины. Если бы этот вымысел не был разоблачен, как это уже было сделано, и даже учеными членами католической церкви, не было бы ни истинной истории, ни истинной религии. Папство - это не просто ложь по отношению к Библии, это также ложь по отношению к летописям народов. И поэтому Реформация, уничтожив свою чарующую силу, освободила не только Церковь, но также королей и народы. Реформация была описана как политическая работа, и в этом вторичном смысле она действительно была таковой.

НИКАКОГО ИСКАЖЕНИЯ ИСТИНЫ. ЦВИНГЛЕ ЗАЩИЩАЕТ ЛЮТЕРА.

Таким образом, Бог наслал духа заблуждения на римских докторов. Теперь необходимо провести границу между истиной и заблуждением, и задача возложена именно на заблуждение. Если бы был достигнут компромисс, это, должно быть, произошло бы за счет истины; ибо исказить истину в малейшей степени - значит проложить путь к ее полному уничтожению. Подобно насекомому, которое, как говорят, умирает при потере одной из своих антенн, она должна быть целостной во всех своих частях, чтобы проявлять энергию, которая позволяет ей одерживать великие и выгодные победы и размножаться в грядущие эпохи. Примешивать какую-либо долю заблуждения к истине - все равно что подбрасывать крупицу яда в большое блюдо с едой. Одной крупинки достаточно, чтобы полностью изменить свою природу, и смерть наступает медленно, может быть, но все же верно. Те, кто защищает учение Христа от нападок его противников, столь же ревниво следят за его самыми дальними аванпостами, как и за самой цитаделью, ибо в тот момент, когда враг обретает хоть какую-то опору, он оказывается на пути к завоеванию. Римский понтифик решил в период, о котором мы сейчас рассказываем, расколоть Церковь; и осколок, оставшийся в его руке, каким бы великолепным он ни был, тщетно пытается под помпезными украшениями скрыть пагубный принцип, с помощью которого на него нападают. Жизнь есть только там, где есть слово Божье. Лютер, каким бы великим ни было его мужество, вероятно, промолчал бы, если бы Рим был таким же, и сделал бы какое-нибудь слабое проявление уступчивости. Но Бог не оставил

Реформацию зависеть от слабого человеческого сердца. Лютер находился под руководством более ясного интеллекта, чем его собственный. Папа был инструментом в руке Провидения, призванным разорвать все связи между прошлым и будущим и направить Реформатора на новую, неизвестную и для него неопределенную карьеру, а также на трудные пути, которые он не смог бы найти, если бы был предоставлен самому себе. Папская булла была документом о разводе, отправленным из Рима чистой Церквю Иисуса Христа, олицетворенной в нем, который тогда был ее скромным, но верным представителем. И Церковь приняла это письмо при том понимании, что отныне она не должна зависеть ни от кого, кроме своего небесного Главы.

ОСУЖДЕНИЕ ЛЮТЕРА.

В то время как в Риме осуждение Лютера продвигалось с такой яростью, скромный священник, живущий в одном из скромных городков Гельвеции и никогда не имевший никакой переписки с Реформатором, был глубоко тронут, когда подумал о нанесенном ему ударе; в то время как даже друзья виттембергского врача молча дрожали, этот швейцарский горец решил использовать все средства, чтобы остановить грозного быка. Его звали Ульрик Цвингл. Уильям де Фокон, который был секретарем папского легата в Швейцарии и управлял делами Рима во время отсутствия легата, был его другом и за несколько дней до этого сказал ему: "Пока я жив, ты можешь рассчитывать на получение от меня всего, что может дать настоящий друг". Гельветийский священник, поверив этому заявлению, отправился в римское посольство. Это, по крайней мере, можно заключить из одного из его писем. Что касается его самого, то он не боялся опасностей, которым подвергала его евангельская вера, зная, что ученик Иисуса Христа всегда должен быть готов пожертвовать своей жизнью; "Все, чего я прошу у Христа для себя, - сказал он другу, которому не скрывал своей заботы о Лютере, - все, чего я прошу, это быть способным переносить, как мужчина, любое зло, ожидающее меня. Я глиняный сосуд в его руках. Пусть он разобьет или укрепит меня, как ему заблагорассудится". [220] Но швейцарский евангелист опасался за христианскую церковь, если этот страшный удар настигнет Реформатора, и он попытался убедить представителя Рима просветить папу и использовать все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы помешать ему отлучить Лютера от Церкви. [221] "На карту поставлено достоинство самого святого престола, - сказал он ему, - ибо, если дело дойдет до такой точки, Германия, на пике своего энтузиазма по отношению к Евангелию и его проповеднику, будет презирать папу и его анафемы". [222] Усилия Цвингле были напрасны. Действительно, оказывается, что когда он их делал, удар был уже нанесен. Таков был первый случай, когда пути саксонского врача и швейцарского священника пересеклись. С последним мы снова встретимся в ходе этой истории и увидим, как он постепенно расширяется и растет, пока не достигнет высокого положения в Церкви Господней.

ПАПСКАЯ БУЛЛА.

После того, как вопрос об осуждении Лютера был наконец решен, в Консistorии возникли новые трудности. Богословы хотели сразу перейти к критике, в то время как юристы были за то, чтобы начать с цитаты, спросив своих коллег-богословов: "Разве Адам не был процитирован первым? *"Адам, где ты?"*" - сказал Господь. То же самое было и с Каином, ему был задан вопрос: *"Где твой брат Авель?"* Эти странные аргументы, почерпнутые из Священного Писания, канонисты подкрепили апелляцией к принципам закона природы. "Очевидность преступления, - говорили они, - не может лишить преступника его права на защиту". [223] Отрадно видеть, что чувство справедливости все еще существует в римской консistorии. Но эти сомнения не

устраивали теологов, которые, подгоняемые страстью, думали только о том, как побыстрее приступить к делу. В конце концов было решено, что доктрина Лютера должна быть немедленно осуждена и что ему и его приверженцам должен быть предоставлен шестидесятидневный срок; по истечении которого, при условии, что они не откажутся, все они должны быть, *ipso facto*, отлучены от церкви. Де Вио, вернувшегося из Германии с плохим самочувствием, привезли на встречу, чтобы он не упустил этот маленький триумф, который нес с собой некоторое утешение. Потерпев поражение при Аугсбурге, он страстно желал иметь возможность в Риме осудить непобедимого монаха, перед которым его знания, утонченность и авторитет оказались бессильны. Поскольку Лютера не было рядом, чтобы ответить, Де Вио почувствовал себя сильным. Последняя конференция, на которой присутствовал Эк, проходила в присутствии самого папы римского на его вилле в Мальяно. 15 июня священная коллегия приняла решение об осуждении и одобрила знаменитую буллу.

"Восстань, о Господь!" - сказал римский понтифик, выступая в этот торжественный момент как наместник Бога и глава Церкви. - "восстань и будь судьей в своем собственном деле. Вспомни оскорбления, ежедневно наносимые тебе влюбленными мужчинами. Восстань, о Петр, вспомни о своей святой Римской Церкви, матери всех церквей и госпоже веры! Восстань, о Павел, ибо вот новый Порфирий, который нападает на твои доктрины и святых пап, наших предшественников! Восстань, наконец, собрание всех святых, святая Церковь Божья, и ходатайствуй перед Всемогущим!" [\[224\]](#)

Впоследствии папа приводит как пагубные, скандальные и ядовитые сорок одно положение, в котором Лютер излагал святое учение Евангелия. Среди этих предложений мы находим следующие:—

"Отрицать, что грех остается в младенце после крещения, - значит попирает Святого Павла и Господа нашего Иисуса Христа".

"Новая жизнь - это лучшее и благороднейшее покаяние".

"Сжигать еретиков противоречит воле Святого Духа и т.д."

МЕЛАНХТОН.

"В тот момент, когда эта Булла будет опубликована, - продолжил папа, - обязанностью епископов станет тщательный поиск трудов Мартина Лютера, которые содержат эти ошибки, и их публичное и торжественное сожжение в присутствии духовенства и мирян. Что касается самого Мартина, Боже милостивый! чего только мы не натворили! Подражая благодати Всемогущего, мы все еще готовы принять его в лоно Церкви и даем ему шестьдесят дней на то, чтобы передать нам свое отречение в письменном виде, скрепленном печатью двух прелатов; или, что будет для нас более приятным, приехать в Рим лично, чтобы не возникло сомнений в его покорности. Тем временем, и с этого момента, он должен прекратить проповедовать, учить или писать и должен предать свои произведения огню. Если в течение шестидесяти дней он не откажется от своих слов, мы этими подарками осуждаем его и его приверженцев как публичных и абсолютных еретиков". Впоследствии папа произносит множество отлучений, проклятий и интердиктов против Лютера и всех его приверженцев с предписаниями арестовать их и отправить в Рим. [\[225\]](#) Легко предположить, какова была бы судьба этих благородных исповедников Евангелия в застенках папства.

Таким образом, над головой Лютера собиралась гроза. Некоторые смогли убедить себя после дела Рейхлина, что римский двор больше не будет объединяться с доминиканцами и инквизиторами. Они, однако, снова набрали силу, и старый союз был торжественно возобновлен. Булла была опубликована, и на протяжении веков уста Рима никогда не произносили осуждающего приговора без того, чтобы за ним не последовал смертельный удар. Это убийственное послание должно было вот-вот распространиться с семи холмов и напасть на саксонского монаха в его монастыре. Момент был выбран удачно. Были все основания предполагать, что новый император, который по многим причинам стремился заручиться дружбой папы, поспешит заслужить ее принесением в жертву безвестного монаха. Лев X, кардиналы и весь Рим ликовали, веря, что их враг уже в их власти.

ГЛАВА V.

Виттемберг—Меланхтон—Его женитьба—Екатерина—Семейная жизнь—
Благотворительность—Хорошее настроение—Христос и античность—Труд—Любовь к
литературе—Его мать—Вспышка среди студентов.

ЖЕНИТЬБА МЕЛАНХТОН.

В то время как жители вечного города были взволнованы таким образом, в Виттемберге происходили более спокойные события, где Меланхтон излучал мягкий, но яркий свет. Вокруг него часто собиралось от 1500 до 2000 слушателей, съехавшихся из Германии, Англии, Нидерландов, Франции, Италии, Венгрии и Греции. Ему было двадцать четыре года, и он не принимал орденов. Каждый дом в Виттемберге был открыт для этого образованного и дружелюбного молодого профессора. Иностранные университеты, в частности ингольштадтский, стремились заполучить его, а его виттембергские друзья хотели женить его и таким образом удержать среди них. Лютер, хотя и согласился с желанием, чтобы у его дорогого Филиппа была компаньонка женского пола, открыто заявил, что не будет давать советов в этом вопросе. Эту задачу взяли на себя другие. Молодой врач был частым гостем бургомистра Краппа. Бургомистр происходил из древнего рода, и у него была дочь по имени Екатерина, примечательная мягкостью своего характера и большой чувствительностью. Меланхтона уговаривали сделать ей предложение, но молодой ученый был погружен в свои книги и не мог говорить ни о чем другом. Его восхищали греческие авторы и Новый Завет. Он оспаривал доводы своих друзей, но в конце концов его согласие было получено, и, когда все приготовления были сделаны другими, Кэтрин стала его женой. Он принял ее с большой прохладой, [226] и сказал со вздохом: "Так пожелал Бог; поэтому я должен отказаться от своих занятий и удовольствий, чтобы следовать желаниям моих друзей". [227] Тем не менее, он ценил хорошие качества Кэтрин. "Характер и образование этой девушки, - сказал он, - таковы, какие я мог бы просить Бога дать ей, δεξιὸν θεὸς τεκμαίροιτο. [228] Она, безусловно, заслуживала лучшего мужа". Дело было улажено в августе. Бракосочетание состоялось 25 сентября, а бракосочетание было отпраздновано в конце ноября. По этому случаю старый Джон Лютер и его жена приехали со своими дочерьми в Виттемберг. [229] Также присутствовали многие ученые и выдающиеся личности.

ПОРТРЕТ МЕЛАНХТОН.

Молодая невеста была так же горяча в своей привязанности, как молодой профессор был холоден. Всегда полная тревоги за своего мужа, Кэтрин забила тревогу в тот момент, когда увидела, что ему угрожает хотя бы видимость опасности. Если Меланхтон предлагал предпринять какой-либо шаг, который мог бы его скомпрометировать, она убеждала и умоляла его отказаться от этого. "В одном из таких случаев, - писала Меланхтон, - я была вынуждена уступить ее слабости.... Это наш удел". Сколько неверности в Церкви имеет схожее происхождение. Влиянию Екатерины, возможно, следует приписать робость и опасения, в которых часто упрекали ее мужа. Екатерина была такой же любящей матерью, как и женой. Она щедро раздавала бедным. "О Боже, не оставь меня в старости, когда мои волосы начнут седеть!" Так часто молилась эта благочестивая и робкая душа. Любовь жены вскоре покорила Меланхтона. Вкусив радости домашнего общения, он почувствовал, насколько они сладки, поскольку был от природы склонен к ним. Самые счастливые моменты он проводил рядом со своей Катариной и ее детьми. Французский путешественник, однажды обнаруживший, что "наставник Германии" одной рукой качает своего младенца, а в другой держит книгу, удивленно отшатнулся; но Меланхтон, ничуть не смутившись, с такой теплотой объяснил ему ценность детей в глазах Бога, что незнакомец покинул дом (по его собственным словам) "мудрее, чем вошел в него".

ВИЗИТ МЕЛАНХТОНА К СВОЕЙ МАТЕРИ.

Женитьба Меланхтона дала Реформации новый домашний очаг. С тех пор в Виттемберге жила семья, дом которой был открыт для всех, кого теперь воодушевлял принцип новой жизни. Толпа незнакомцев была огромной. [230] Меланхтону прислуживали по тысяче различных дел, и его правилом было никогда ни в чем себе не отказывать. [231] Молодой профессор был особенно искусен в сокрытии своих собственных добрых дел. Если у него больше не было денег, он тайно относил свое серебряное блюдо какому-нибудь торговцу, не колеблясь расставаясь с ним, при условии, что у него были средства помочь тем, кто терпел бедствие. "Следовательно, - говорит его друг Камерарий, - для него было бы невозможно обеспечить свои собственные нужды и нужды своей семьи, если бы божественное и скрытое благословение время от времени не снабжало его средствами". Он доводил свое добродушие до крайности. У него было несколько старинных золотых и серебряных медалей, которые были чрезвычайно любопытны. Однажды, показывая их гостившему у него незнакомцу, Меланхтон сказал: "Возьми любую из них, какую пожелаешь". "Я желаю их все", - ответил незнакомец. "Признаюсь, - говорит Филипп, - сначала я был оскорблен эгоистичностью просьбы; однако я передал их ему". [232] Труды Меланхтона отдавали древностью. Это, однако, не мешало им вдыхать сладкое благоухание Христа, в то время как придавало им невыразимое очарование. Нет ни одного из его писем к друзьям, которое не содержало бы какого-нибудь очень уместного намека на Гомера, Платона, Цицерона и Плиния, в то время как Христос всегда предстает как его учитель и его Бог. Спалатин попросил его объяснить слова нашего Спасителя: *"Без Меня не можете делать ничего"* (Иоанна, xv, 5). Меланхтон отправляет его к Лютеру: *"Почему вы смотрите на Рошио?"* как выражает это Цицерон; [233] а затем продолжает: "Этот отрывок означает, что мы должны быть поглощены Христом, чтобы действовать больше не мы, а Христос, который живет в нас. Как в его личности Божественное было соединено с человеческой природой, так и человек должен быть соединен с Иисусом Христом верой".

У выдающегося ученого была привычка ложиться спать вскоре после ужина и вставать за свои занятия в два-три часа ночи. [234] В эти ранние часы были написаны его лучшие произведения.

Его рукописи обычно лежали на столе, выставленные на обозрение всех, кто приходил и уходил, так что некоторые из них были украдены. Когда у него собирались друзья, он просил кого-нибудь из них, прежде чем они сядут за стол, прочитать какое-нибудь короткое сочинение в прозе или стихах. Во время своих путешествий его всегда сопровождали молодые люди, с которыми он беседовал одновременно поучительно и забавно. Если разговор затягивался, каждый из них должен был в свою очередь повторить какой-нибудь отрывок, взятый из древних поэтов. Он часто прибегал к иронии, но всегда смягчал ее с большой мягкостью. "Он жалит и режет, - сказал он о себе, - но все равно не причиняет никакого вреда".

Приобретение знаний было его главной страстью. Целью его жизни было распространение литературы и обучение. Не будем забывать, что при нем первое место в литературе отводилось Священному Писанию и лишь второстепенное - древней классике. "Моя единственная цель, - сказал он, - защита литературы; мы должны своим примером внушить молодежи восхищение литературой и заставить их любить ее саму по себе, а не ради денежной выгоды, которую она может принести. Падение литературы влечет за собой разрушение всего хорошего - религии и морали, всего человеческого и божественного. [235]... Чем лучше человек, тем усерднее он стремится к знанию, ибо он знает, что самым пагубным из всех вредителей является невежество".

РЕЧЬ ЛЮТЕРА.

Через некоторое время после женитьбы Меланхтон отправился в Бреттен, что в Пфальце, в сопровождении Камерария и других друзей, чтобы навестить свою любящую мать. Завидев свой родной город, он спешил, бросился на колени и возблагодарил Бога за то, что тот позволил ему увидеть его снова. Маргарет, обняв сына, чуть не упала в обморок от радости. Она хотела бы, чтобы он жил в Бреттене, и искренне умоляла его продолжать следовать вере своих отцов. На этот счет Меланхтон извинился, но с большой нежностью, чтобы не оскорбить совестливые чувства своей матери; ему было очень трудно расставаться с ней, и всякий раз, когда какой-нибудь путешественник приносил ему новости о его родном городе, он радовался, по его собственному выражению, как будто к нему вернулись радости его детства. Таков был характер одного из величайших инструментов, использованных в религиозной революции шестнадцатого века.

Домашнее спокойствие и прилежная деятельность Виттемберга были, однако, нарушены волнениями, ставшими следствием разрыва, произошедшего между студентами и горожанами. Ректор проявил большую слабость. Можно предположить, как глубоко был опечален Меланхтон, когда увидел, что эти ученики литературы совершают такие эксцессы. Лютер был возмущен, и ему и в голову не приходило пытаться расположить их к себе ложной снисходительностью. Позор, который эти беспорядки навлекли на университет, ранил его в самое сердце. [236] Взойдя на кафедру, он в резких выражениях выступил против этих беспорядков, призвав обе стороны подчиниться властям. [237] Его речь вызвала сильное раздражение; "Сатана, - говорит он, - неспособный напасть на нас извне, пытается причинить нам вред изнутри. Я не боюсь Его, но я боюсь, как бы гнев Божий не возгорелся против нас за то, что мы должным образом не получили его слова. За последние три года я трижды подвергался большой опасности. В 1518 году в Аугсбурге; в 1519 году в Лейпциге; и теперь, в 1520 году, в Виттемберге. Обновление Церкви будет совершено не мудростью и не оружием, а смиренными молитвами и неустрашимой верой, которая ставит Иисуса Христа на нашу сторону. [238] О, мой друг!

соедините свои молитвы с моими, чтобы злой дух не смог с помощью этой маленькой искры разжечь огромный пожар".

ГЛАВА VI.

Евангелие в Италии—Беседа о мессе—Вавилонское пленение Церкви—Крещение—Отмена обетов—Прогресс Реформации.

ЕВАНГЕЛИЕ В ИТАЛИИ. РЕЧЬ ЛЮТЕРА О МЕССЕ.

Но Лютера ожидали более ожесточенные бои. Рим размахивал мечом, которым он решил атаковать Евангелие. Однако ее угрожающий приговор не только не удручил Реформатора, но и придал ему мужества. Удары этой высокомерной власти его мало беспокоили. Он сам нанесет более мощные удары и тем самым нейтрализует удары своих противников. В то время как трансальпийские консистории обрушивают на него свои анафемы, он пронзит мечом Евангелия самое сердце итальянских государств. Лютер, получивший из писем из Венеции информацию о благоприятном приеме, оказанном его взглядам, почувствовал горячее желание перенести Евангелие через Альпы. Необходимо найти евангелистов, которые могли бы его перевезти. "Я хотел бы, - сказал он, - чтобы у нас были живые книги, я имею в виду проповедников, [239] и чтобы мы могли умножать их и обеспечивать им защиту во всех кругах, чтобы они могли передавать людям знание святых вещей. Принц не мог совершить работу, более достойную его. Если бы жители Италии узнали правду, наше дело было бы непоколебимым ". Не похоже, что этот проект Лютера был реализован. Это правда, что в более поздний период евангелисты, даже сам Кальвин, некоторое время жили в Италии, но в то время замысел не был реализован. Он обратился к одному из великих людей земли. Если бы он обратился с призывом к людям низкого положения, но полным рвения к царству Божьему, результат мог бы быть совсем другим. Идея того периода заключалась в том, что все должно делаться правительствами. Объединение частных лиц, с помощью которого сейчас так много делается в христианском мире, было почти неизвестно.

Если Лютеру и не удалось осуществить свои планы по распространению истины в далекой стране, то он лишь еще более усердно провозглашал ее сам. В это время его речь "О святой мессе", [240] была произнесена в Виттемберге. В нем он обрушивался с бранью на многочисленные секты Римской церкви и справедливо упрекал ее в отсутствии единства. "Многообразие духовных законов, - сказал он, - наполнило мир сектами и разделениями. Священники, монахи и миряне проявляют друг к другу больше ненависти, чем существует между христианами и турками. Что я говорю? Священники - смертельные враги священников, а монахи монахов. Каждый привязан к своей конкретной секте и презирает всех остальных. Христианской любви и единству пришел конец." Затем он нападает на идею о том, что месса является жертвой и сама по себе обладает какой-либо эффективностью. "Лучшее, что есть в каждом таинстве, а следовательно, и в Вечере, - это слово и обетования Божьи. Без веры в это слово и эти обетования таинство мертво; тело без души, кувшин без вина, кошелек без денег, прообраз без прообраза, буква без духа, шкатулка без бриллианта, ножны без меча".

"ВАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ ЦЕРКВИ". ОБЕТЫ.

Однако голос Лютера звучал не только в Виттемберге; и если ему не удалось нанять миссионеров, которые донесли бы его наставления до далеких стран, Бог даровал ему миссионера нового типа. Искусство книгопечатания заняло место евангелистов. Печатному станку было суждено пробить брешь в римской крепости. Лютер подготовил мину, взрыв которой потряс римское здание до самого основания. Это был его знаменитый трактат о *Вавилонском пленении Церкви*, который появился 6 октября 1520 года. [241] Никогда человек не проявлял такого мужества в таких критических обстоятельствах.

В этом письме он сначала перечисляет, со своего рода иронической гордостью, все преимущества, которыми он обязан своим врагам.

"Хочу я того или нет, - говорит он, - я с каждым днем становлюсь все более образованным, подстегиваемый столькими знаменитыми мастерами. Два года назад я напал на индульгенции, но с таким страхом и нерешительностью, что теперь мне стыдно за это. Но, в конце концов, способ атаки не вызывает удивления, потому что у меня не было никого, кто помог бы мне перекачать камень ". Он возвращает благодарность Приерио, Эку, Эмзеру и другим своим оппонентам и продолжает— "Я отрицал, что папство от Бога, но я допускал, что оно имеет власть человека. Теперь, прочитав все тонкости, с помощью которых эти искры поддерживают своего идола, я знаю, что папство - это всего лишь вавилонское царство и тирания великого охотника Нимрода. Поэтому я прошу всех моих друзей и всех книготорговцев сжечь книги, которые я написал на эту тему, и заменить их единственным предложением — *"Папство - это всеобщее преследование по приказу римского понтифика с целью преследования и уничтожения душ"*. [242]

Впоследствии Лютер нападает на преобладающие заблуждения относительно таинств, монашеских обетов и т.д. Семь таинств Церкви он сводит к трем, а именно: крещению, покаянию и вечере Господней. Затем он переходит к крещению и, обсуждая его, особенно акцентирует внимание на превосходстве веры и выступает с энергичными нападками на Рим. "Бог, - говорит он, - сохранил для нас это единственное таинство свободным от человеческих традиций. Бог сказал: *"Всякий, кто уверовал и крестился, будет спасен"*. Это божественное обещание должно иметь приоритет над всеми делами, какими бы великолепными они ни были, над всеми обетами, над всеми удовольствиями, над всеми поблажками, над всем, что придумал человек. От этого обетования, если мы примем его с верой, зависит все наше спасение. Если мы верим, божественное обетование укрепляет наше сердце, и хотя все остальное должно оставить верующего, это обетование не оставит его. С его помощью он будет сопротивляться искушению, который нападает на его душу, и встретит смерть, хотя и безжалостную, и даже суд самого Бога. Во всех испытаниях его утешением будет сказать: "Бог верен своим обещаниям, и они были даны мне при крещении; если Бог за меня, кто может быть против меня?" О, как богат христианин, крещеный! Ничто не может уничтожить его, кроме его собственного отказа верить".

ПРОГРЕСС РЕФОРМАЦИИ.

"Может случиться так, что моим наблюдениям о необходимости веры будет противопоставлено крещение маленьких детей. Но как Слово Божье способно изменить даже сердце нечестивца, хотя оно не менее глухо и не менее бессильно, чем сердце маленького ребенка; так и молитва Церкви, для которой все возможно, изменяет маленького ребенка посредством веры, которую Богу угодно излить в его душу, и таким образом очищает и обновляет ее ". [243]

Объяснив учение о крещении, Лютер использует его как оружие против папства. В самом деле, если христианин находит полное спасение в обновлении, которое сопровождает крещение верой, то зачем ему нужны предписания Рима?

"А потому, - говорит Лютер, - я заявляю, что ни папа, ни епископ, ни кто-либо другой не имеет права возлагать ни малейшего бремени на христианина — по крайней мере, без его согласия. Все, что делается иначе, делается тиранически. [244] Мы свободны от всех мужчин. Обет, который мы дали при крещении, достаточен сам по себе, и это больше, чем все, чего мы когда-либо могли бы достичь. [245] Следовательно, все остальные обеты могут быть отменены. Пусть каждый, кто вступает в священство или религиозный орден, хорошенько обдумает, что труды монаха или священника, какими бы трудными они ни были, с точки зрения Бога ни в коем случае не выше трудов крестьянина, работающего в поле, или женщины, выполняющей обязанности по дому. [246] Бог оценивает все эти вещи по правилу веры. И часто бывает, что простой труд слуги или служанки более угоден Богу, чем посты и труды монаха, поскольку им недостает веры.... Христианский народ - это народ Божий, уведенный в плен, в Вавилон, и там лишенный своего крещения".

Таково было оружие, с помощью которого была совершена религиозная революция, историю которой мы прослеживаем. Сначала была установлена необходимость веры, а затем реформаторы использовали ее как молот, чтобы разбить суеверие вдребезги. Они атаковали заблуждение с той божественной силой, которая сдвигает горы. Эти и многие подобные отрывки из Лютера, распространенные в городах, монастырях и сельской местности, были той закваской, которая размешала весь ком.

MILTITZ AT EISLEBEN.

Завершение этой знаменитой постановки о вавилонском пленении выражается в следующих выражениях:—

"Я узнал, что против меня подготовлено новое папское отлучение от церкви. Если это так, то настоящую книгу можно рассматривать как часть моего будущего отречения. В доказательство моего послушания вскоре последуют остальные, и все они, с помощью Христа, составят собрание, подобного которому Рим никогда раньше не видел и не слышал".

ГЛАВА VII.

Новые переговоры—Мильтиц и августинцы Эйслебена—Депутация к Лютеру—Мильтиц и курфюрсты—Конференция в Лихтемберге—Письмо Лютера Папе Римскому—Книга, подаренная Папе Римскому—Союз верующего со Христом—Свобода и рабство.

После этой публикации всякая надежда на примирение между папой и Лютером, должно быть, исчезла. Люди с наименьшей возможной проницательностью, должно быть, были поражены несовместимостью веры Реформатора с доктриной Церкви; и все же в этот самый момент должны были начаться новые переговоры. В конце августа 1520 года, за пять недель до публикации "Вавилонского пленения", главное отделение августинцев собралось в Эйслебене. На этой встрече достопочтенный Штаупиц сложил с себя полномочия генерального викария своего ордена, и это был Винцеслас Линк, тот, кто сопровождал Лютера в Аугсбург. Внезапно, в

середине Главы, появился неутомимый Мильтиц, сгоравший от нетерпения примирить Лютера и папу римского. [247] Были заинтересованы в его алчности и, прежде всего, в его ревности и ненависти. Эк и его чванство раздражали его; он знал, что ингольштадтский доктор пренебрежительно отзывался о нем в Риме, и не было ничего, чем бы он не пожертвовал, чтобы помешать планам этого беспокойного соперника посредством быстро заключенного мира. Религиозные интересы его не волновали. Однажды, по его собственному признанию, он обедал с епископом Лейпцига. После того как гости вволю выпили, принесли новое сочинение Лютера. Когда епископа вскрыли и прочитали, он пришел в ярость, чиновник выругался, но Мильтиц рассмеялся от всего сердца. [248] К Реформации Мильтиц относился как к светскому человеку, а Экк - как к теологу.

ДЕПУТАЦИЯ К ЛЮТЕРУ.

Возбужденный прибытием доктора Экка, Мильтиц обратился к капитулу августинцев с речью, которую произнес с очень заметным итальянским акцентом, [249] думая таким образом внушить благоговейный страх своим соотечественникам. "Весь орден Августина скомпрометирован этим делом", - сказал он. "Покажите мне какой-нибудь способ заставить Лютера замолчать". [250] "Мы не имеем никакого отношения к доктору, - ответили Отцы, - и мы не знаем, какой совет дать вам". Они, несомненно, основывались на том, что Штаупиц сделал в Аугсбурге, когда освободил Лютера от обета послушания ордену. Мильтиц настаивал: "Пусть депутация от этого почтенного Капитула посетит Лютера и попросит его написать письмо папе, заверяя его, что он никогда не замышлял ничего против его личности. [251] Этого будет достаточно, чтобы прекратить роман ". Капитул дал свое согласие и поручил бывшему генеральному викарию Штаупицу и его преемнику Линку провести совещание с Лютером, несомненно, по просьбе нунция. Депутация немедленно отправилась в Виттемберг с письмом Мильтица к доктору, полным выражений глубочайшего уважения. "Нельзя терять времени, - сказал он, - гром, уже нависший над головой Реформатора, скоро разразится, и тогда все будет кончено".

Ни Лютер, ни депутаты, которые согласились с его мнением, [252] ничего не ожидали от письма папе римскому. Это, однако, было причиной для того, чтобы не отказываться от его написания, поскольку это было бы всего лишь вопросом формы и могло бы послужить выявлению прав Лютера. "Этот саксонский итальянец (Мильтиц), - подумал Лютер, - выдвигая это требование, несомненно, имеет в виду свой особый интерес. Очень хорошо, пусть будет так, я напишу, насколько смогу правдиво, что я никогда не возражал лично папе. Я даже постараюсь воздержаться от резких нападок на Римский престол. И все же это будет посыпано солью". [253]

МИЛЬТИЦ И ЛЮТЕР В ЛИХТЕМБЕРГЕ.

Вскоре после этого Лютер, которому сообщили о прибытии буллы в Германию, 3 октября заявил Спалатину, что не будет писать папе римскому, и 6 числа того же месяца опубликовал свою книгу о *"Вавилонском пленении"*. Мильтиц даже еще не отчаялся в успехе. Его стремление унижить Эка заставило его поверить в невозможность этого. 2 октября он написал Курфюрсту в приподнятом настроении. "Все будет хорошо, но, ради всего Святого, не откладывайте больше выплату пенсии, которую я получал от вас и вашего брата в течение нескольких лет. Мне нужны деньги, чтобы завести новых друзей в Риме. Напиши папе и отдай дань уважения молодым кардиналам, родственникам его святейшества, золотыми и серебряными монетами с монетного двора вашего высочества-выборщика, и добавь немного и для меня, ибо у меня отняли те, что вы мне дали". [254]

Даже после того, как Лютер был ознакомлен с буллой, интригующий Мильтиц не был обескуражен и попросил о встрече с Лютером в Лихтемберге. Курфюрст приказал Лютеру отправиться туда. [255] Но его друзья, и особенно любящий Меланхтон, воспротивились этому. [256] "Что, подумали они, в тот момент, когда появилась булла, предписывающая схватить Лютера и доставить его в Рим, согласиться на совещание с папским нунцием в уединенном месте! Разве не очевидно, что, поскольку доктор Экк, слишком открыто заявивший о своей ненависти, не может приблизиться к Реформатору, коварный чемберлен был нанят, чтобы заманить Лютера в свои сети?"

Эти опасения не могли удержать доктора Виттемберга. Принц приказал, и он будет повиноваться. "Я отправляюсь в Лихтемберг, - писал он капеллану 11 октября, - помолись за меня". Друзья не бросили его. В тот же день, ближе к вечеру, Лютер въехал в Лихтемберг верхом на лошади в окружении тридцати всадников, одним из которых был Меланхтон. Папский нунций прибыл почти одновременно всего с четырьмя сопровождающими. [257] Был ли этот скромный эскорт уловкой, направленной на то, чтобы застать Лютера и его друзей врасплох?

Мильтиц обратился к Лютеру с самыми настоятельными просьбами, заверив его, что вина будет возложена на Эка и его глупое хвастовство, [258] и что все закончится к удовлетворению обеих сторон. "Очень хорошо, - ответил Лютер, - отныне я предлагаю хранить молчание при условии, что мои оппоненты будут соблюдать его также. Ради мира я сделаю все, что в моих силах". [259]

Мильтиц был в восторге; и, сопровождая Лютера до Виттемберга, Реформатор и папский нунций рука об руку вошли в город, к которому сейчас приближался доктор Экк, угрожающе держа в руке грозную буллу, которая должна была свергнуть Реформацию. "Мы доведем дело до счастливого завершения, - немедленно написал Мильтиц курфюрсту. - Поблагодарим папу за его розу и в то же время пошлем сорок или пятьдесят флоринов кардиналу *Святому престолу*". [260]

ПИСЬМО ЛЮТЕРА ПАПЕ РИМСКОМУ.

Лютер чувствовал себя обязанным сдержать свое обещание написать папе. Прежде чем пожелать Риму вечного прощания, он хотел еще раз сообщить ему важные и спасительные истины. Некоторые, возможно, расценят его письмо только как иронию — горькую и оскорбительную сатиру, — но это было бы ошибкой в отношении чувств, которыми он руководствовался. Он искренне верил, что Рим виноват во всех бедах христианского мира; и с этой точки зрения его слова являются не оскорблениями, а торжественными предостережениями. Чем больше он любил Льва и чем больше он любил Церковь Христа, тем больше он желал раскрыть весь масштаб болезни. Энергия его выражений пропорциональна энергии его чувств. Наступил кризис, и он кажется пророком, в последний раз обходящим город, упрекая его во всех его мерзостях, осуждая суды Всемогущего и громко восклицая: "Еще несколько дней передышки". Письмо выглядит следующим образом:—

"Святейшему Отцу в Боге Льву X, Папе Римскому, Спасение во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

"Посреди ужасной войны, которую я веду уже три года с неуправляемыми людьми, я не могу не смотреть на тебя, о Лев, Пресвятейший Отец в Боге. И хотя глупость ваших нечестивых льстецов вынудила меня апеллировать к вашему суждению перед будущим советом, мое сердце не

отворачивается от вашего Святейшества, и я не переставал искренне и с глубокими вздохами молить Бога даровать процветание вам и вашему понтификату. [261]

"Это правда, что я нападаю на некоторые антихристианские доктрины и нанес глубокую рану своим противникам из-за их нечестия. В этом я не раскаиваюсь, поскольку у меня есть здесь Христос в качестве примера. Что толку в соли, если она потеряла свой вкус, или в острие меча, если оно не режет? [262] Проклят тот, кто небрежно выполняет работу Господа. Превосходнейший Лео, я далек от того, чтобы иметь какие-либо дурные мысли по отношению к тебе, мое желание состоит в том, чтобы ты мог наслаждаться самыми драгоценными благословениями на протяжении вечности. Я сделал только одно: я сохранил слово истины. Я готов уступить всем во всем; но что касается этого слова, я не откажусь от него. [263] Тот, кто думает иначе по этому вопросу, ошибается.

ПИСЬМО ЛЮТЕРА ПАПЕ РИМСКОМУ.

"Это правда, что я нападаю на Римский двор; но ни вы, ни кто-либо другой из живущих не может отрицать, что там царит еще большая коррупция, чем в Содоме и Гоморре, и что царящее там нечестие делает лечение безнадежным. Да, я пришел в ужас, увидев, как под вашим именем были обмануты бедные последователи Христа. Я выступал против этого и буду выступать до сих пор, не то чтобы я представлял себе возможным, несмотря на противодействие льстецов, совершить что-либо в этом Вавилоне, который сам по себе является беспорядком; но я обязан перед моими братьями попытаться, если возможно, избавить некоторых из них от этого ужасного зла.

- Ты это знаешь; Рим уже много лет наводняет мир всем, что может разрушить и душу, и тело. Римская церковь, некогда первая по святости, превратилась в логово разбойников, место проституции, царство смерти и ада; [264] так что сам Антихрист, если бы он появился, не смог бы увеличить количество зла. Все это ясно как божий день.

"И все же, о Лев, ты сам подобен агнцу среди волков - Даниилу во рву львином. Но что ты можешь противопоставить этим монстрам в одиночку? Может быть три или четыре кардинала, которые к знаниям добавляют добродетель. Но что они значат против стольких? Вы должны были погибнуть от яда еще до того, как смогли бы попробовать какое-либо средство. При римском дворе все кончено — гнев Божий настиг и поглотит его. [265] Оно ненавидит советы, оно боится реформ, оно не умерит ярость своего нечестия; и поэтому о нем можно справедливо сказать как о его матери: *Мы бы исцелили Вавилон, но он не исцелен; оставь ее.* [266] Применить лекарство принадлежало вам и вашим кардиналам; но пациент смеется над врачом, а лошадь отказывается чувствовать удила....

"Питая глубочайшую привязанность к тебе, превосходнейший Лео, я всегда сожалел о том, что, будучи сформированным для лучшего возраста, ты был возведен на понтификат в эти времена. Рим недостойн тебя и тех, кто похож на тебя; единственный вождь, которого он заслуживает, - это сам сатана, и, следовательно, истина в том, что в этом Вавилоне он больший царь, чем ты. Молил бы Бога, чтобы, отложив в сторону эту славу, которую так превозносят твои враги, ты променял ее на скромную пастырскую должность или жил на отцовское наследство. Слава Рима подобает только искариотам.... О, мой дорогой Лев, какая от тебя польза при римском дворе, если не для того, чтобы позволить самым отвратительным людям использовать твое имя

и твой авторитет для разорения состояний, уничтожения душ, умножения преступлений, угнетения веры, истины и всей Церкви Божьей? О Лео, Лео, ты самый несчастный из людей, и ты восседаешь на самом опасном из тронов. Я говорю тебе правду, потому что желаю тебе добра.

ПИСЬМО ЛЮТЕРА ПАПЕ РИМСКОМУ.

"Разве это не правда, что под бескрайними небесными просторами нет ничего более развращенного, более ненавистного, чем Римский двор? В пороке и коррупции она бесконечно превосходит турок. Когда—то врата рая превратились в пасть ада - широкую пасть, которую гнев Божий держит открытой, так что, увидев, как столько несчастных людей бросаются в нее очертя голову, я был вынужден возвысить свой голос, как во время бури, чтобы, по крайней мере, некоторые могли спастись из страшной бездны. [267] Такова, о Лев, отец мой, была причина, по которой я выступал против этого дарующего смерть престола. Я был далек от того, чтобы нападать на вас лично, я думал, что забочусь о вашей безопасности, когда отважно атаковал эту тюрьму, или, скорее, этот ад, в котором вы заключены. Причинять всевозможное зло Римскому двору - значит исполнять свой собственный долг; покрывать это позором - значит чтить Христа; одним словом, быть христианином - значит быть кем угодно, только не римлянином.

Тем временем, видя, что, помогая римскому престолу, я теряю силы, я отправил ей письмо о разводе. Я сказал ей: "Прощай, Рим! *Тот, кто несправедлив, пусть остается несправедливым, а тот, кто мерзок, пусть остается мерзким по-прежнему;*" [268] и посвятил себя спокойному и уединенному изучению священного тома. Тогда сатана открыл глаза и разбудил своего слугу Джона Эка, великого врага Иисуса Христа, чтобы он мог снова заставить меня спуститься на арену. Желание Эка состояло в том, чтобы установить главенство не Петра, а самого себя и с этой целью привести побежденного Лютера к триумфу. Вина за все злословия, обрушившиеся на римский престол, лежит на нем".

Лютер рассказывает о своем общении с Де Вио, Мильтицем и Эком, а затем продолжает.

"Итак, я прихожу к тебе, о Святейший Отец, и, падая ниц к твоим ногам, молю тебя, если возможно, обуздать врагов истины. Но я не могу отказаться от своего учения. Я не могу допустить, чтобы Священному Писанию навязывались правила толкования. Слово Божье, источник, из которого истекает всякая свобода, должно быть оставлено свободным. [269]

"О, Лео, отец мой! не слушайте этих льстивых Сирен, которые говорят вам, что вы не простой человек, а полубог и можете повелевать всем, чем вам заблагорассудится. Ты слуга слуг, и место, которое ты занимаешь, из всех прочих самое опасное и самое несчастное. Воздавай должное не тем, кто возвышает, а тем, кто унижает тебя. Возможно, я слишком дерзок, давая советы столь высокому величеству, чей долг - наставлять всех людей. Но я вижу опасности, которые окружают вас в Риме, я вижу, как вас гоняют туда-сюда, как бы бросая на волны бушующего моря. Милосердие побуждает меня, и я не могу удержаться, чтобы не издать предостерегающий крик.

О СВОБОДЕ ХРИСТИАНИНА.

"Чтобы не предстать перед вашим Святейшеством с пустыми руками, я дарю вам небольшую книгу, которая вышла под вашим именем и которая познакомит вас с предметами, которым я смогу посвятить себя, если ваши льстецы позволят мне. Это небольшой вопрос с точки зрения размера книги, но важный с точки зрения ее содержания, поскольку он содержит краткое

изложение христианской жизни. Я беден, и мне больше нечего предложить; кроме того, вы ни в чем не испытываете недостатка, кроме духовных даров. Вверяю себя вашему Святейшеству. Да хранит вас Господь во веки веков, аминь".

Маленькой книгой, которой Лютер засвидетельствовал почтение папе, был его "Трактат о свободе христианина", в котором он демонстрирует без каких-либо полемических дискуссий, как христианин, не посягая на свободу, которую дала ему вера, может подчиняться любому внешнему предписанию в духе свободы и любви. Две истины составляют основу всего дискурса, а именно: христианин свободен - все принадлежит ему: христианин - слуга, подчиняющийся всем во всем. По вере он свободен, по любви он подвластен.

Сначала он объясняет силу веры, делающую христианина свободным. "Вера соединяет душу со Христом, как невесту с женихом. Все, что есть у Христа, становится собственностью верующего, все, что есть у верующего, становится собственностью Христа. Христос обладает всеми благословениями, даже вечным спасением, и отныне они являются собственностью верующего. Верующий обладает всеми пороками и всеми грехами, и отныне они становятся собственностью Христа. Теперь происходит счастливый обмен. Христос, который есть Бог и человек, Христос, который никогда не грешил и чья святость непобедима, Христос, Всемогущий и Вечный, присваивающий себе своим обручальным кольцом, то есть верой, все грехи верующего; эти грехи поглощаются им и уничтожаются; ибо никакой грех не может существовать в присутствии его бесконечной праведности. Таким образом, посредством веры душа освобождается от всех грехов и облачается в вечную праведность Иисуса Христа, жениха. О счастливый союз! Иисус Христос, богатый, благородный, святой жених, берет в жены эту бедную, виноватую, презираемую невесту, избавляет ее от всякого зла и облачает в самые богатые одежды. [270]... Христос, Царь и Священник, разделяет эту честь и славу со всеми христианами. Христианин - царь, и, следовательно, обладает всем. Он священник, и, следовательно, обладает Богом. И именно вера, а не дела, обеспечивает ему эту честь. Христианин свободен от всего, и превыше всего - вера, дающая ему все в изобилии".

БЫК В ГЕРМАНИИ.

Во второй части трактата Лютер представляет истину с другой точки зрения. "Хотя христианин таким образом стал свободным, он добровольно становится слугой, чтобы поступать по отношению к своим братьям так, как Бог поступил по отношению к нему через Иисуса Христа. Я желаю, - сказал он, - свободно, радостно и безвозмездно служить Отцу, который таким образом излил на меня все богатство своей доброты. Я хочу стать всем для моего ближнего, как Христос стал всем для меня".... "Из веры, - продолжает Лютер, - проистекает любовь к Богу, а из любви - жизнь, полная свободы, милосердия и радости. О, как благородна и возвышенна жизнь христианина! Но, увы, никто этого не знает и никто не проповедует. Верую христианин возвышается даже до Бога: любовью он нисходит до человека, оставаясь, однако, всегда в Боге. Это истинная свобода, свобода, которая настолько же выше всех других видов свободы, насколько небеса выше земли".

Таков был трактат, сопровождавший письмо Лютера Льву X.

ГЛАВА VIII.

Бык в Германии—Прием Эка —Бык в Виттемберге—Вмешательство Зинглиуса.

ЭК ПРИБЫВАЕТ, ЧТОБЫ ОПУБЛИКОВАТЬ БУЛЛУ.

В то время как Реформатор обращался таким образом к римскому понтифику в последний раз, булла, предававшая его анафеме, уже была в руках Германской церкви и у дверей самого Лютера. По-видимому, в Риме не сомневались в успехе меры, которая таким образом была принята против Реформации. Папа поручил двум высокопоставленным чиновникам своего двора, Каррачоли и Алеандру, передать его архиепископу Менца, которому было поручено проследить за его исполнением. Но сам Экк появился в Саксонии как провозвестник и исполнитель великой папской работы. Никто лучше ингольштадтского доктора не знал, насколько сильными были удары, нанесенные Лютером. Осознав опасность, он протянул руку, чтобы поддержать пошатнувшееся здание Рима. По его собственной оценке, он был Атласом, которому суждено было поддерживать древнеримский мир на своих крепких плечах, когда тот был на грани развала. Гордый успехом своего путешествия в Рим; гордый поручением, которое он получил от верховного понтифика; гордый появлением в Германии с новым титулом протонотария и папского нунция; гордый буллой, которую он держал в руке и которая содержала осуждение его неукротимого соперника, он рассматривал свою нынешнюю миссию как триумф, более великолепный, чем все победы, которые он одержал в Венгрии, Баварии, Ломбардии и Саксонии и от которых он ранее получил такую большую известность. Но эту гордыню вскоре пришлось смирить. Папа, доверив публикацию буллы Экку, допустил грубую ошибку, которой было суждено свести на нет ее эффект. Гордое отличие, оказанное человеку, не занимавшему высокого положения в Церкви, оскорбляло чувствительных и ревнивых людей. Епископы, привыкшие получать буллы непосредственно от папы римского, были оскорблены публикацией этой буллы в их епархиях выскочкой-нунцием. Нация, приветствовавшая мнимого завоевателя Лейпцига в момент его бегства в Италию, была не менее удивлена и возмущена, когда увидела, как он вновь переходит Альпы, украшенный знаками отличия папского нунция и способный сокрушить любого, кого пожелает. Приговор, вынесенный его непримиримым противником, Лютер расценил как акт личной мести. "Он рассматривал это, - говорит Паллавичини, - как вероломный кинжал смертельного врага, а не как законный поступок римского ликтора". [271] Обычно это считалось буллой не столько суверенного понтифика, сколько доктора Эка. Таким образом, удар был заранее предотвращен и ослаблен тем самым человеком, по чьему наущению он был нанесен.

БЫК В ГЕРМАНИИ.

Ингольштадтский канцлер поспешил обратно в Саксонию, которая, как он желал, была ареной битвы и стала ареной его победы. Прибыв на место, он опубликовал буллу в Мейсене, Мерзебурге и Бранденбурге ближе к концу сентября. Но в первом из этих городов она была вывешена в таком месте, где ее никто не мог прочитать; и епископы этих трех епархий не спешили ее публиковать. Даже герцог Георг, великий покровитель Эка, запретил Лейпцигскому собору предавать это огласке до получения приказа от епископа Мерзебургского, и эти приказы поступили только в следующем году. "Это всего лишь формальные трудности", - поначалу сказал себе Джон Экк, поскольку все остальное, казалось, вызывало у него улыбку. Герцог Георг прислал ему золотой кубок и несколько дукатов. Даже Мильтиц, который поспешил в Лейпциг, узнав, что его соперник прибыл, пригласил его на ужин. Два легата были приятными

компаньонами, и Мильтиц подумал, что у него не может быть лучшей возможности выразить свое восхищение, чем за их вином. "После того, как он изрядно выпил, он начал, — говорит камергер папы римского, - хвастаться с размахом - он продемонстрировал свою буллу и рассказал, как собирается образумить этого весельчака Мартина". [272] Но вскоре ингольштадтский врач имел случай заметить, что ветер изменился. В течение года в Лейпциге произошли большие перемены. [273] В день Святого Михаила некоторые студенты расклеили в десяти разных местах плакаты, содержащие жестокие нападки на нового нунция, который в изумлении укрылся в монастыре Святого Павла, где ранее нашел убежище Тецель, и, отказываясь от каждого визита, побудил ректора призвать к ответу своих юных оппонентов. Этим бедный Эк мало что добился. Студенты сочинили о нем песню и распевали ее на улицах. Эк, должно быть, услышал ее в своей тюрьме. На этом все его мужество покинуло его, и грозный чемпион задрожал всем телом. Каждый день ему приносили письма с угрозами. Сто пятьдесят студентов, прибывших из Виттемберга, смело выступили против папского посланника. На этот раз бедный апостольский нунций больше не мог сдерживаться. "Я бы не хотел, чтобы они убили его, - сказал Лютер, - хотя и желаю, чтобы его планы провалились". [274] Эк, покинув свое убежище ночью, тайно сбежал из Лейпцига, чтобы спрятаться в Кобурге. Мильтиц, который приводит отчет, восторжествовал больше, чем Реформатор. Его триумф, однако, был недолгим. Все планы камергера по примирению провалились, и в конце концов он пришел к плачевному концу. Однажды, будучи пьяным, он упал в Рейн в Менце и утонул.

К Эку постепенно возвращалось мужество. Отправившись в Эрфурт, богословы которого не раз выказывали свою зависть к Лютеру, он настоял на том, чтобы его булла была опубликована в этом городе, но студенты отобрали экземпляры, разорвали их на куски и бросили в реку, сказав: "Поскольку это бык, пусть плавает". [275] "Итак, - сказал Лютер, оказавшись в воде". проинформированный об этом, "документ папы римского - настоящая булла". Экк не осмелился появиться в Виттемберге, но послал буллу ректору с угрозой, что, если она не будет выполнена, он разрушит университет. В то же время он писал герцогу Джону, брату Фредерика и соправителю: "Не воспринимайте то, что я делаю, плохо, я действую во имя веры, и это стоит мне многих забот, большого труда и больших денег". [276]

УЛЬРИК ЗУИНГЛИУС.

Епископ Бранденбургский, если предположить его склонность, не имел права действовать в Виттемберге в качестве ординарца, поскольку университет был защищен своими привилегиями. Лютера и Карлштадта, которые были осуждены буллой, попросили принять участие в собраниях, которые проводились для обсуждения ее содержания. Ректор заявил, что, поскольку он не получил письма от папы вместе с буллой, он отказался ее публиковать. Университет уже приобрел больший авторитет в соседних странах, чем сам суверенный понтифик. Его декларация послужила образцом для правления курфюрста, и таким образом дух, который был в Лютере, восторжествовал над римской буллой.

САМОАНАЛИЗ ЛЮТЕРА.

В то время как немецкие умы были так сильно взволнованы этим делом, серьезный голос был услышан в другой части Европы. Один человек, предвидя огромную брешь, которую папская булла собиралась нанести Церкви, выступил с торжественным предупреждением и встал на защиту Реформатора. Это был швейцарский священник, о котором мы уже говорили, а именно Ульрих Зинглиус, который, хотя и не был связан с Лютером никакими дружескими узами,

опубликовал трактат, полный мудрости и достоинства, первый из своих многочисленных трудов. [277] Своего рода братская привязанность, казалось, влекла его к доктору Виттембергу. "Благочестие понтифика, - сказал он, - требует, чтобы он с радостью пожертвовал всем, что ему дороже всего, во славу Христа, своего Царя, и во имя общественного спокойствия Церкви. Нет ничего более оскорбительного для его достоинства, чем защищать его с помощью пенсий или террора. Еще до того, как были прочитаны труды Лютера, он был оклеветан народом как еретик, раскольник и как сам Антихрист. Никто не предупредил его, никто не опроверг его. Он призвал к дискуссии; но все, чего он смог добиться, - это осуждающего приговора. Опубликованная булла вызывает недовольство даже у тех, кто чтит величие папы Римского. Ибо это повсюду рассматривается как выражение бессильной ненависти некоторых монахов, а не мягкости понтифика, который должен быть наместником Спасителя, полного любви. Все признают, что истинное учение Евангелия Иисуса Христа сильно выродилось и что требуется публичная и тщательная реформа законов и нравов. [278] Рассмотрим всех образованных и добродетельных людей — чем они искреннее, тем сильнее их привязанность к евангельской истине и тем меньше их неудовлетворенность трудами Лютера. [279] Нет ни одного, кто не признал бы, что извлек пользу из этих книг, хотя он, возможно, встречал отрывки, которые не мог одобрить. Пусть будут выбраны люди здоровой доктрины и признанной честности. Пусть три принца вне всяких подозрений — император Карл, король Англии и король Венгрии — назовут судей. Пусть эти судьи прочтут труды Лютера. Пусть они выслушают его защиту, а затем пусть их решение, каким бы оно ни было, будет подтверждено. Νίψατω ἡ τοῦ Χριστοῦ παιδεία καὶ ἐλθεία." [280]

Это предложение, поступившее из страны швейцарцев, не привело ни к какому результату. Было необходимо, чтобы состоялся великий развод. Было необходимо, чтобы христианский мир был разорван надвое. Самим ее ранам было суждено стать лекарством от ее болезней.

ГЛАВА IX.

Лютер исследует себя в присутствии Бога—Мнение Лютера о Быке—Нейтральная семья—Лютер о Быке и против Быка Антихриста—Папа запрещает веру—Последствия Быка—Куча хвороста в Лувене.

НЕЙТРАЛЬНАЯ СЕМЬЯ.

Но что означало все это сопротивление студентов, ректоров и священников? Если могучая рука Карла V соединится с могучей рукой папы римского, разве они не сокрушат этих ученых и грамматиков? Сможет ли кто-нибудь противостоять объединенной власти понтифика христианского мира и императора Запада? Удар нанесен. Лютер отлучен от церкви, и Евангелие, похоже, утрачено. В этот торжественный момент Реформатор не скрывает от себя величины опасности, которой он подвергается; но он смотрит вверх и готовится принять, как от руки самого Господа, удар, который, кажется, предназначен уничтожить его. Он замыкается в себе и медитирует у подножия престола Божьего. "Каков будет результат, - говорит он, - я не знаю и не стремлюсь знать; я уверен, что Тот, Кто восседает на небесах, от века предвидел начало, ход и конец этого дела. Куда бы ни был нанесен удар, я без страха. Лист дерева не падает без воли нашего Отца. Насколько меньше мы будем падать. Умереть за Слово - дело небольшое, поскольку это Слово, которое воплотилось и которое для нас само сначала умерло. Если мы умрем вместе с ним, мы воскреснем вместе с ним; и, пройдя по той же дороге, по

которой прошло оно, прибудем туда, куда оно прибыло, и останемся с ним на всю вечность".

[281] Иногда, однако, Лютер не мог сдерживать презрения, которое он испытывал к маневрам своих врагов. В таких случаях он демонстрирует характерное для него сочетание возвышенности и сарказма. "Я ничего не знаю об Эке, - говорит он, - за исключением того, что он прибыл с длинной бородой, длинным быком и длинным кошельком.... Но я буду смеяться над его быком". [282]

Третьего октября он был ознакомлен с папским письмом. "Наконец, - говорит он, - прибыла эта римская булла. Я презираю это и отвергаю как нечестивое, лживое и во всех отношениях достойное Восхищения. Осужден сам Христос. В нем нет никаких аргументов; он просто цитирует меня, не для того, чтобы меня услышали, а просто для того, чтобы спеть палиноду. Я отнесусь к нему как к подделке, хотя не сомневаюсь, что он подлинный. О, если бы Карл V был мужчиной и из любви к Христу напал бы на этих демонов! [283] Я радуюсь тому, что мне приходится терпеть некоторые трудности ради благих целей. Я уже чувствую больше свободы в своем сердце, ибо, наконец, я знаю, что папа - антихрист и что его престол принадлежит самому сатане".

Не только римские раскаты вызвали тревогу в Саксонии. Тихая семья из Швабии, нейтральная семья, внезапно увидела, что ее мир нарушен. Билибальд Пиркхаймер из Нюрнберга, один из самых выдающихся людей своего времени, рано потеряв свою любимую жену Кресцентию, был связан самой тесной привязанностью с двумя своими молодыми сестрами, Чаритас, настоятельницей Сент-Клера, и Кларой, монахиней того же монастыря. Эти две благочестивые женщины служили Богу в уединении и делили свое время между учебой, заботой о бедных и подготовкой к вечности. Билибальд, который был государственным деятелем, отвлекся от общественных дел, поддерживая с ними переписку. Они были образованны, читали по-латыни и изучали Отцов Церкви; но их любимым томом было Священное Писание. У них никогда не было другого учителя, кроме их брата. Письма Чаритас написаны в тонком и дружелюбном духе. Нежно привязанная к Билибальду, она тревожилась при малейшей опасности, которая ему угрожала. Пиркхаймер, чтобы рассеять страхи этого робкого духа, написал диалог между Charitas и Veritas (Милосердие и истина), в котором Veritas пытается укрепить Charitas. [284] Ничто не может быть более трогательным или лучше подходящим для утешения нежного и измученного сердца.

ЛЮТЕР О БУЛЛЕ

Каков же, должно быть, был ужас Charitas, когда распространился слух, что в папской булле имя Билибальда было вывешено рядом с именем Лютера на дверях соборов? Фактически, Эк, движимый слепой яростью, связал с Лютером шестерых самых выдающихся людей Германии, а именно Карлштадта, Фельдкирхена и Эгрануса (которые очень мало беспокоились по этому поводу), а также Адельмана, Пиркхаймера и его друга Шпенглера, чьи общественные должности сделали их особенно восприимчивыми к оскорблению. В монастыре Сен-Клер царил большое волнение. Как перенесут позор Билибальда? Ничто так глубоко не затрагивает родственников, как подобные испытания. Напрасно город Нюрнберг, епископ Бамбергский и даже герцоги Баварские вступались за Шпенглера и Пиркхаймера; эти благородно мыслящие люди были вынуждены смириться перед доктором Эком, который заставил их почувствовать всю важность римского протонотария и заставил их написать письмо папе, заявляя, что они придерживаются доктрин Лютера только в той мере, в какой они согласуются с христианской

верой. В то же время Адельман, с которым ЭКК однажды подрался, вставая из-за стола после обсуждения важного вопроса, занимавшего тогда все умы, должен был предстать перед епископом Аугсбурга и под присягой очистить себя от всякого участия в лютеранской ереси. И все же гнев и месть оказались плохими советчиками для ЭКА. Имена Билибальда и его друзей повредили быку. Характер этих выдающихся людей и их обширные связи усиливали общее раздражение.

Лютер сначала притворился, что сомневается в подлинности буллы. "Я узнал, - говорит он в первой работе, которую опубликовал после нее, - что ЭКК привез из Рима новую буллу, которая так похожа на него, так напичкана ложью и ошибками, что ее вполне можно было бы назвать *Доктор ЭКК*. Он выдает, что это дело рук папы римского, в то время как это всего лишь произведение лжи". Объяснив причины своих сомнений в подлинности буллы, Лютер заключает: "Я должен собственными глазами увидеть свинец, печать, ленту, заключение, подпись буллы - короче говоря, каждую ее часть, иначе я не буду оценивать всю эту шумиху на вес соломинки". [285]

Но никто не сомневался, даже сам Лютер, что булла принадлежала папе. Германия ждала, что предпримет Реформатор. Будет ли он тверд? Все взгляды были прикованы к Виттембергу. Лютер недолго держал своих современников в напряжении. 4 ноября 1520 года он ответил как гром среди ясного неба публикацией своего трактата "*Против буллы Антихриста*".

"Какие ошибки, какой обман, - сказал он, - прокрались среди бедных людей под покровом Церкви и мнимой непогрешимости папы! сколько душ было таким образом потеряно! сколько пролито крови! какие совершены убийства! какие королевства разрушены!"

ПОСЛЕДСТВИЯ БЫКА.

Далее он иронически говорит: "Я очень хорошо знаю, как отличить искусство от злого умысла, и придаю очень мало значения злему умыслу, в котором нет искусства. Сжигать книги - настолько простое дело, что это могут делать даже дети; насколько же больше Святой отец и его врачи. [286] Им подобало бы проявить больше способностей, чем требуется для простого сжигания книг.... Кроме того, пусть они уничтожат мои работы! Я ничего больше не желаю; ибо все, чего я хотел, - это направлять людей к Библии, чтобы после этого они могли отложить в сторону все мои труды. [287] Боже милостивый! если бы у нас было знание Священного Писания, какая была бы нужда в моих трудах?... Я свободен милостью Божьей, и быки не утешают и не пугают меня. Моя сила и утешение там, где ни люди, ни дьяволы не могут напасть на них".

Десятое предложение Лютера, осужденное папой, было сформулировано в следующих выражениях: "Ни один грех человека не может быть прощен, если, когда священник отпускает ему грехи, он не верит, что они прощены". Папа римский, осуждая это, отрицал, что вера необходима для Причастия. "Они утверждают, - восклицает Лютер, - что мы не должны верить, что наши грехи прощены, когда нас отпускает священник. Что же тогда нам делать? Послушай теперь, О! Христиане, вновь прибывшим из Рима. Осуждается этот символ веры, который мы исповедуем, когда говорим: "Я верю в Святого Духа, Святую Католическую Церковь и прощение грехов". Если бы я знал, что папа действительно издал эту буллу в Риме" (он в этом не сомневался), "и что это не выдумка закоренелого лжеца ЭКА, я бы громко воззвал ко всем христианам, что они должны относиться к папе как к истинному Антихристу, о котором говорится в Писании. И если он не воздержится от запрещения веры Церкви, ... то пусть

светский меч устоит перед ним даже раньше, чем перед турком!.... Ибо турки допускают веру, но папа запрещает ее".

Пока Лютер говорил таким убедительным тоном, опасность для него возрастала. План его врагов состоял в том, чтобы изгнать его из Виттемберга. Если Лютер и Виттемберг будут разделены, оба будут уничтожены. Таким образом, один удар освободил бы Рим как от еретического доктора, так и от еретического университета. Герцог Георг, епископ Мерзебургский, и лейпцигские богословы тайно трудились над этой работой. [288] Узнав об этом, Лютер сказал: "Я оставляю это дело в руках Божьих". [289] Это разбирательство не прошло даром: Адриан, профессор иврита в Виттемберге, внезапно выступил против доктора. Требовалась большая твердость в вере, чтобы выдержать удар, нанесенный римской буллой. Есть личности, которые следуют истине лишь на определенном расстоянии, и таким был Адриан. Испуганный осуждением, он покинул Виттемберг и отправился в Лейпциг, чтобы быть рядом с доктором Эком.

ЛУВЕНСКИЕ ВРАЧИ И РЕГЕНТША МАРГАРИТА.

Буллу начали казнить. Голос понтифика христианского мира не был пустым звуком. Долгое время огонь и меч учили подчиняться ему. По его приказу были приготовлены кучи хвороста, и все указывало на то, что ужасная катастрофа должна была положить конец дерзкому восстанию монаха Августина. В октябре 1520 года все экземпляры сочинений Лютера в лавках книготорговцев Ингольштадта были изъяты и опечатаны. Архиепископ-курфюрст Менца, каким бы умеренным он ни был, был вынужден изгнать Ульрика Хюттенского из своего двора и заключить в тюрьму его печатника. Папские нунции осадили молодого императора, Карл заявил, что будет защищать древнюю религию; [290] и в некоторых его наследственных владениях были возведены эшафоты, на которых труды еретика были обращены в пепел. На этих *аутодафе* присутствовали князья Церкви и магистраты. Алякандер был в восторге от своего успеха. "Папа, - сказал он, подражая Приерио, - может свергать королей! Он может, если захочет, сказать императору: "Ты всего лишь кожевник!" Он хорошо знает, как привести в чувство одного или двух жалких грамматистов. Более того, мы избавимся и от герцога Фредерика. Послушать гордого нунция, так можно было бы сказать, что груда Менца, поглотившая книги Лютера, была "началом конца" (*the beginning of the end.*) В Риме говорили, что это пламя принесет ужас во все кварталы. Таков, по правде говоря, был эффект на многих суеверных и робких людей; но даже в наследственных государствах Карла, где только и отваживались казнить буллу, народ и даже вельможи часто отвечали на эти папские демонстрации насмешками или выражением негодования. "Лютер, - сказали врачи Лувена, представ перед Маргаритой, регентшей Нидерландов, - Лютер ниспровергает христианскую веру". "Кто такой этот Лютер?" - спросила принцесса. "Невежественный монах". "Ну, тогда, - ответила она, - неужели вы, люди ученые и в таком количестве, пишете против него?" Мир скорее поверит множеству ученых людей, чем изолированному невежественному монаху". Врачи Лувена предпочли более простой метод. Они приказали возвести огромное здание за свой счет. Место казни было заполнено зрителями, и было видно, как студенты и бюргеры спешили сквозь толпу с большими томами в руках, которые они бросали в огонь. Их усердие послужило назиданием монахам и врачам, но впоследствии хитрость была раскрыта. Вместо сочинений Лютера они бросили в огонь "*Ученические проповеди*", "*Тартарет*" и другие схоластические и папистские книги. [291]

РЕШИТЕЛЬНЫЕ ШАГИ РЕФОРМАТОРА.

Граф Нассауский, вице-король Голландии, когда доминиканцы просили о милости сжечь книги врача, сказал им: "Идите и проповедуйте Евангелие так же чисто, как Лютер, и вам не на кого будет жаловаться". На празднестве, на котором присутствовали ведущие князья империи, когда Реформатор стал предметом разговоров, барон Равенштейн сказал вслух: "За четыре столетия только один христианин осмелился поднять голову, и папа желает предать его смерти". [292]

Лютер, сознавая силу своего дела, оставался спокойным среди суматохи, вызванной буллой. [293] "Если бы вы не убеждали меня так настойчиво, - сказал он Спалатину, - я бы молчал, хорошо зная, что силой и советом Божиим эта работа должна быть завершена". [294] Робкому человеку хотелось высказаться, сильному человеку хотелось помолчать. Это было потому, что Лютер различил силу, невидимую для глаз его друга. "Наберитесь мужества, - продолжает Реформатор. - Христос начал все это, и Христос совершит это, даже если я буду обращен в бегство или предан смерти. Иисус Христос присутствует здесь, и Тот, кто в нас, более могуществен, чем тот, кто в мире". [295]

ГЛАВА X.

Решительные шаги реформатора—Обращение Лютера к Генеральному совету—Борьба в ближнем бою—Булла, сожженная Лютером—Значение этого смелого поступка—Лютер на академической кафедре—Лютер против Папы—Новая работа Меланхтона—Как Лютер поощряет своих друзей—Ход состязания—Мнение Меланхтона о робких—Работа Лютера над Библией—Доктрина Благодати—Отречение Лютера.

ОБРАЩЕНИЕ ЛЮТЕРА КЪ ВСЕОБЩЕМУ СОБОРУ.

Но долг обязывал его заговорить, чтобы явить миру истину. Рим нанес удар, и он сообщит об этом, как примет удар. Папа наложил на него церковный запрет, и он наложит на папу римского запрет христианского мира. До этого часа слово папы было всемогущим. Лютер будет противопоставлять слово слову, и мир узнает, кто из них более могуществен. "Я желаю, - сказал он, - успокоить свою совесть, сообщив людям об опасности, которой они подвергаются". [296] В то же время он готовится возобновить свое обращение к вселенскому собору. Обращение папы к собору было преступлением, и, следовательно, способ, которым Лютер пытается оправдать себя, является новым актом враждебности папской власти.

Утром 17 ноября нотариус и пятеро свидетелей, одним из которых был Круцигер, встретились в десять часов в одном из залов Августинского монастыря, в котором проживал доктор. Там государственный служащий, саркаст из Эйслебена, усевшись, чтобы составить протокол своего протеста, Реформатор в присутствии свидетелей говорит торжественным тоном:

"Учитывая, что генеральный совет христианской церкви выше папы римского, особенно во всем, что касается веры;

"Принимая во внимание, что власть папы находится не выше, а ниже Священного Писания, и что он не имеет права тревожить овец Христовых и бросать их в пасть волку:

"Я, Мартин Лютер, Августин, доктор Священного Писания в Виттемберге, настоящим письмом обращаюсь от своего имени и от имени всех, кто присоединится ко мне, от святейшего папы Льва к будущему вселенскому христианскому собору.

"Я обращаюсь к вышеупомянутому папе Льву, *во-первых*, как к несправедливому, опрометчивому, деспотичному судье, который осуждает меня, не выслушав меня и не объяснив оснований своего решения; *во-вторых*, как к еретику, заблудшему, упрямому отступнику, осуждаемому Священным Писанием, поскольку он предписывает мне отрицать, что христианская вера необходима для использования таинств; [297] *thirdly*, as an enemy, an antichrist, an adversary, a tyrant of the Holy Scripture, [298] Бог; *в-четвертых*, как презирующий, клеветник, хулитель святой христианской Церкви и свободного Собора, поскольку он делает вид, что Собор сам по себе ничто.

БЫК, СОЖЖЕННЫЙ ЛЮТЕРОМ.

"Посему я смиреннейшим образом умоляю светлейших, наиболее прославленных, превосходных, великодушных, благородных, храбрых, мудрых и благоразумных лордов, Карла, римского императора, курфюрстов, принцев, графов, баронов, рыцарей, дворян, советников, города и общины по всей Германии присоединиться к моему протесту и присоединиться ко мне в сопротивлении антихристианскому поведению папы во славу Божью, в защиту Церкви и христианского учения и в поддержании свободных соборов в христианском мире. Позвольте им сделать это, и Христос, Господь наш, щедро вознаградит их своей вечной благодатью. Но если есть те, кто пренебрегает моей молитвой и продолжает повиноваться этому нечестивому человеку, папе римскому, а не Богу, [299] Этими подарками я освобождаю себя от ответственности. Добросовестно предупредив их совесть, я оставляю их, а также папу римского и всех его приверженцев на суверенный суд Божий".

Таков акт о разводе Лютера, таков его ответ папской булле. В этом заявлении содержится большая серьезность. Обвинения, которые он выдвигает против папы римского, очень серьезны и выдвинуты не в духе легкомыслия. Этот протест распространился по всей Германии и был направлен в ведущие суды христианского мира.

ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО СМЕЛОГО ПОСТУПКА.

Хотя шаг, который только что сделал Лютер, казался верхом смелости, у него был в запасе шаг еще более смелый. Виттембергский монах сделает все, на что осмелится папа римский. Сын Медичи и сын шахтера из Мансфельда вышли на ристалище, и в этой смертельной схватке, которая сотрясает мир, ни один удар, нанесенный одним, не остается без ответа от другого. 10 декабря на стенах Виттемберга появилось объявление, приглашавшее профессоров и студентов встретиться в девять часов утра у восточных ворот, недалеко от святого креста. Собралось множество учителей и учеников, и Лютер, шедший во главе процессии, повел ее к назначенному месту. Сколько куч хвороста разжиг Рим за прошедшие века! Лютер желает лучше применить великий римский принцип. Он всего лишь хочет избавиться от некоторых старых бумаг, и огонь, по его мнению, является подходящим инструментом для этого. Были приготовлены строительные леса. Один из старейших мастеров искусств применил факел. В тот момент, когда пламя разгорелось, было видно, как грозный Августин, одетый в свое одеяние, приблизился к куче, держа в руках Каноническое право, Декреталии, Клементины, "Экстравагантности пап", некоторые труды Экка и Эмсера и папскую буллу. Когда Декреталии

были съедены, Лютер поднял буллу и, сказав: "Поскольку ты огорчил Помазанника Господня, пусть вечный огонь опечалит и поглотит тебя", бросил ее в пламя. Никогда война не объявлялась с такой энергией и решимостью. Лютер спокойно вернулся в город, и толпа врачей, профессоров и студентов, после громких приветствий, вернулась с ним в Виттемберг. "Декреталии, - сказал Лютер, - напоминают тело с головой нежной, как у девушки, конечностями, полными насилия, как у льва, и хвостом с таким же количеством хитростей, как у змеи. Во всех папских законах нет ни единого слова, которое учило бы нас, кто такой Иисус Христос. [300] Мои враги, - продолжает он, - смогли, сжигая мои книги, исказить истину в умах простых людей, и поэтому я, в свою очередь, сжег их книги. Сейчас началась серьезная борьба. До сих пор у меня была только детская игра с папой. Я начал работу во имя Бога; она будет завершена без меня и его властью. Если они сожгут мои книги, в которых, говоря без тщеславия, Евангелия больше, чем во всех книгах папы римского, я имею право, *тем более*, сжечь их книги, в которых нет ничего хорошего".

Если бы Лютер начал Реформацию таким образом, подобный ход событий, несомненно, привел бы к фатальным результатам. Фанатизм смог бы овладеть ею и ввергнуть Церковь в хаос и насилие. Но серьезное изложение Писания Реформатором стало прелюдией к его работе. Основы были заложены мудро, и теперь мощный удар, который он только что нанес, не только не подвергнет его никакой опасности, но даже приблизит час, когда христианский мир будет освобожден от своих цепей.

Так торжественно Лютер объявил о своем отделении от папы и его церкви. После своего письма Льву он мог счесть это необходимым. Он принял отлучение, объявленное Римом. Это заставило христианский мир осознать, что теперь между ним и папой идет смертельная война. Достигнув берега, он сжег свои корабли и не оставил себе иного выбора, кроме как вступить в бой.

Лютер вернулся в Виттемберг. На следующий день академический зал был полон больше обычного. Умы людей были взволнованы. В аудитории царило торжественное настроение в ожидании выступления доктора. Он прокомментировал Псалмы - работу, к которой он приступил в марте прошлого года. Закончив свою лекцию, он сделал паузу на несколько мгновений, а затем твердо сказал: "Будьте осторожны с законами и статутами папы римского. Я сжег Декреталии, но это всего лишь детская забава. Пришло время, и даже больше, чем время, сжечь папу Римского. Я имею в виду, что он немедленно вернулся к римскому престолу со всеми его доктринами и мерзостями". Затем, приняв более торжественный тон, он сказал: "Если вы всем своим сердцем не будете бороться с нечестивым правительством папы римского, вы не сможете спастись. Тот, кто получает удовольствие от религии и богослужения папства, будет навеки потерян в грядущей жизни". [301]

"Если мы отвергнем это, - добавил он, - нас могут ожидать всевозможные опасности и даже человеческие жертвы. Но гораздо лучше подвергаться такому риску в этом мире, чем молчать! Пока я жив, я буду предупреждать своих братьев о язвах и чуме Вавилона, чтобы те, кто с нами, не упали вместе с остальными в бездну ада".

ЛЮТЕР ПРОТИВ ПАПЫ РИМСКОГО.

Едва ли возможно представить себе эффект, производимый на аудиторию языком, энергия которого до сих пор заставляет нас удивляться. "Никто из нас, - добавляет искренний исследователь, которому мы обязаны этим фактом, - по крайней мере, если он не тупица без

разума ("каковыми, - добавляет он в скобках, - являются все паписты"), — никто из нас не сомневается, что в нем содержится простая истина. Для всех верующих очевидно, что доктор Лютер - ангел Бога Живого, призванный пасти божественным Словом давно сбитых с толку овец Христа". [302]

Это выступление и завершивший его акт знаменуют важную эпоху Реформации. Лейпцигская дискуссия внутренне отделила Лютера от папы. Но в тот момент, когда он сжег буллу, он самым выразительным образом заявил о своем полном отделении от римского епископа и его церкви и о своей привязанности ко вселенской Церкви, основанной апостолами Иисуса Христа. По прошествии трех столетий огонь, который он зажег у восточных ворот, все еще горит.

"У папы, — сказал он, — три короны, и они таковы: *первая* направлена против Бога, поскольку он осуждает религию, - *вторая* направлена против императора, поскольку он осуждает светскую власть, - и *третья* направлена против общества, поскольку он осуждает брак". [303] Когда его упрекали в том, что он слишком яростно выступал против папства, он отвечал: "Ах! Я хотел бы, чтобы каждое мое свидетельство против него было раскатом грома, а каждое мое слово - ударом молнии". [304]

Эта твердость Лютера была передана его друзьям и соотечественникам. Вокруг него сплотилась целая нация. Виттембергский университет, в частности, всегда был больше привязан к герою, которому он был обязан своим значением и известностью. Карлштадт поднял свой голос против "разъяренного льва Флоренции", который разорвал в клочья божественные и человеческие законы и растоптал принципы вечной истины. В это время Меланхтон также обратился к государствам империи в письме, отличающемся присущей ему элегантностью и мудростью. Это был ответ на трактат, приписываемый Эмсери, но опубликованный под именем Радина, римского богослова. Сам Лютер говорил не более убедительно, и все же в словах Меланхтона есть благодать, которая открывает им доступ к сердцу.

НОВАЯ РАБОТА МЕЛАНХТОНА.

После того как он показал отрывками из Священного Писания, что папа не выше других епископов, "Что мешает нам, - обращается он к государствам империи, - лишить папу привилегии, которую мы ему дали? [305] Для Лютера мало имеет значения, что наши богатства, то есть сокровища Европы, отправляются в Рим. Но что вызывает его и наше горе, так это то, что законы понтификов и правление папы римского не только подвергают опасности души людей, но и полностью уничтожают их. Каждый человек может судить сам, подходит ему или нет отдавать свои деньги на поддержание римской роскоши, но судить о религиозных вещах и священных мистериях - это недоступно простолюдинам. Итак, здесь Лютер умоляет вас о вере и усердии, и все благочестивые люди умоляют вместе с ним, одни громким голосом, другие со стонами и вздохами. Помните, князья христианского народа, что вы христиане, и спасите печальные обломки христианства от тирании Антихриста. Вы обмануты теми, кто притворяется, что у вас нет власти над священниками. Тот же дух, который воодушевлял Ииуя против жрецов Ваала, побуждает вас, подражая этому древнему примеру, уничтожить римское суеверие — суеверие гораздо более ужасное, чем идолопоклонство Ваалу". [306] Так говорил кроткий Меланхтон принцам Германии.

Среди друзей Реформации слышались тревожные крики. Робкие люди, склонные к чрезмерной умеренности, в частности Штаупиц, выражали самую острую тоску. "До сих пор, - сказал ему Лютер, - все это было просто забавой. Вы сами сказали: "Если бы Бог не сделал всего этого, то невозможно, чтобы они могли это сделать". Суматоха становится все более и более суматошной! и я не думаю, что это будет подавлено до последнего дня". [307] Таков был способ Лютера подбадривать робких. Беспорядки существуют уже три столетия и до сих пор не подавлены!

"Папство, - продолжал он, - сейчас не то, что вчера и позавчера. Пусть оно отлучит от церкви и сожжет мои труды... пусть оно убьет меня! это не может остановить то, что происходит в будущем. Что-то замечательное уже на пороге. [308] Я сжег быка в большом трепете, но теперь я испытываю от этого больше радости, чем от любого действия в моей жизни". [309]

Мы невольно останавливаемся и с восторгом читаем в великой душе Лютера все, что готовит будущее. "О, отец мой, - говорит он Штаупицу в заключение, - молись за слово Божье и за меня. Я вздымаюсь на волнах и как бы кружусь на них". [310]

ХОД БОРЬБЫ.

Таким образом, война объявлена всем сторонам. Сражающиеся отбросили ножны. Слово Божье восстановило свои права и низлагает того, кто дошел до того, что узурпировал место Бога. Общество потрясено повсюду. Ни один период не обходится без эгоистичных людей, которые охотно оставили бы человеческое общество в заблуждении и развращенности, но мудрые люди, даже самые робкие среди них, думают иначе. "Мы хорошо знаем, - говорит мягкий и умеренный Меланхтон, - что государственные деятели испытывают ужас перед любым нововведением; и следует признать, что в печальном беспорядке, называемом человеческой жизнью, разлад, даже тот, который возникает по самым благим причинам, всегда сопровождается злом. Тем не менее необходимо, чтобы в Церкви Слово Божье имело приоритет над всем человеческим. [311] Бог обличает вечный гнев против тех, кто стремится уничтожить истину; и поэтому долгом Лютера — христианским долгом, от которого он не мог уклониться, — было обличить пагубные заблуждения, которые беспорядочные люди распространяли с непостижимой наглостью. Если разногласия порождают много зла (к моему великому сожалению, я вижу, что это так, добавляет мудрец Филипп), то это вина тех, кто вначале распространял ошибки, и тех, кто, исполненный дьявольской ненависти, в настоящее время стремится поддерживать их".

Однако не все были того же мнения. На Лютера посыпались упреки; буря обрушилась на него со всех сторон. "Он совершенно одинок", — говорили одни. "Он учит новшествами", - говорили другие.

"Кто знает, — ответил Лютер в соответствии с добродетелью, данной ему свыше, - кто знает, не избрал ли меня Бог и не призвал ли меня, [312] и не следует ли им опасаться, что, презирая меня, они, возможно, презирают самого Бога?... Моисей был один, когда пришел из Египта, Илия был один во времена царя Ахава, Исайя был один в Иерусалиме, Иезекииль был один в Вавилоне.... Бог никогда не избирал в пророки ни первосвященника, ни какую-либо другую великую личность. Обычно он выбирал людей низких и презираемых, — однажды он даже выбрал пастуха (Амоса). Во все времена святым приходилось обличать великих - королей, принцев, священников, ученых — рискуя своей жизнью. И в Новом Устроении разве не то же

самое? Амвросий в свое время был одинок; после него был одинок Иероним; еще позже был одинок Августин.... Я не говорю, что я пророк, [313] но я говорю, что они должны бояться только потому, что я один, а их много. В одном я уверен — Слово Божье со мной, а не с ними.

"Говорят также, - продолжает он, - что я продвигаю новинки и что невозможно поверить, что все другие врачи так долго ошибались.

БИБЛИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО.

"Нет, я не проповедую новшества. Но я говорю, что все христианские доктрины исчезли, даже среди тех, кто должен был их сохранить; я имею в виду епископов и ученых. Однако я не сомневаюсь, что истина осталась в некоторых сердцах, если бы она была даже у младенцев в колыбели. [314] Бедные крестьяне, простые младенцы, теперь понимают Иисуса Христа лучше, чем папа римский, епископы и врачи.

"Меня обвиняют в том, что я отвергаю святых учителей Церкви. Я не отвергаю их: но поскольку все эти доктора пытаются доказать свои писания Священным Писанием, оно должно быть яснее и достовернее, чем они есть. Кому придет в голову доказывать неясное рассуждение еще более неясным? Таким образом, необходимость вынуждает нас обратиться к Библии, как это делают все врачи, и попросить ее принять решение относительно их писаний; ибо Библия - господь и наставница.

- Но говорят, что люди, стоящие у власти, преследуют его. И разве из Священного Писания не ясно, что преследователи обычно неправы, а преследуемые правы; что большинство всегда выступает за ложь, а меньшинство - за истину? Правда во все времена вызывала шумиху". [315]

Впоследствии Лютер рассматривает положения, осужденные в булле как еретические, и демонстрирует их истинность с помощью доказательств, почерпнутых из Священного Писания. С какой силой, в частности, он теперь поддерживает учение о благодати!

"Что, - говорит он, - сможет ли природа до благодати и без нее ненавидеть грех, избегать его и каяться в нем; в то время как даже с тех пор, как пришла благодать, эта природа любит грех, ищет его, желает его и не перестает бороться с благодатью и раздражаться против нее; факт, о котором постоянно стонют все святые!... Это все равно, как если бы было сказано, что большое дерево, которое я не в состоянии согнуть, напрягая все свои силы, гнется само по себе, когда я позволяю ему уйти; или что поток, который не могут остановить стены и дамбы, останавливается в тот момент, когда я предоставляю его самому себе.... Нет, мы приходим к покаянию не через размышление о грехе и его последствиях, а через размышление об Иисусе Христе, его ранах и безграничной любви. [316] Осознание греха должно быть результатом покаяния, а не покаяния от осознания греха. Знание - это плод, покаяние - это дерево. У нас плод растет на дереве, но, похоже, в государстве святого отца дерево растет на плоде".

Мужественный доктор, хотя и протестует, также отказывается от некоторых своих утверждений. Удивление пройдет, когда станет известно, как он это делает. После цитирования четырех положений об индульгенциях, осужденных буллой, [317] он просто добавляет,

КОРОНАЦИЯ КАРЛА V.

"В честь святого и ученого быка я отказываюсь от всего, чему я когда-либо учил, касающегося индульгенций. Если мои книги были сожжены справедливо, то это, несомненно, потому, что я в

чем-то уступил папе римскому в доктрине индульгенций; а потому я сам обрекаю их на сожжение".

Он также отказывается от своих слов в отношении Иоанна Гуса. "Я говорю сейчас, что не *некоторые* статьи, а *все* статьи Яна Гуса во всем являются христианскими. Папа, осудив Гуса, осудил Евангелие. Я сделал в пять раз больше, чем он, и все же, боюсь, сделал недостаточно. Гус просто говорит, что нечестивый папа не является членом христианского мира; но я, если бы сам святой Петр восседал сегодня в Риме, отрицал бы, что он был папой по назначению Бога".

ГЛАВА XI.

Коронация Карла—нунций Алеандр—Будут ли сожжены книги Лютера?—Алеандр и император—Нунции и курфюрст—Сын герцога Иоанна ходатайствует за Лютера—Спокойствие Лютера—Курфюрст защищает Лютера—Ответ нунциев—Эразм в Кельне—Эразм с курфюрстом—Декларация Эразма—Совет Эразма—Система Карла V.

Могущественные слова Реформатора проникли во все умы и способствовали их освобождению. Искры света, которые бросало каждое слово, были переданы всей нации. Но оставалось решить важный вопрос. Одобрил бы князь, в чьих владениях жил Лютер, приведение в исполнение буллы или выступил бы против этого? Ответ показался сомнительным. В то время курфюрст и все принцы империи находились в Экс-ла-Шапель, где корона Карла Великого была возложена на голову самого молодого, но могущественного монарха христианского мира. Церемония отличалась беспрецедентной пышностью. Карл V, Фридрих, принцы, министры и послы сразу после этого отправились в Кельн. Экс-ла-Шапель, где свирепствовала чума, казалось, опустела, превратившись в этот древний город на берегах Рейна.

НУНЦИЙ АЛЕАНДР.

Среди толпы незнакомцев, вторгшихся в город, были два папских нунция, Марино Каррачоли и Джером Алеандр. Каррачоли, который ранее выполнял поручение Максимилиана, был назначен поздравить нового императора и посовещаться с ним по государственным вопросам. Но Рим осознал, что для успешного подавления Реформации необходимо было послать в Германию нунция, которому была специально поручена эта задача, и который обладал бы характером, адресом и деятельностью, подходящими для ее выполнения. Алеандр была выбрана. [318] Этот человек, которого впоследствии наградили пурпуром кардиналов, по-видимому, происходил из довольно древнего рода, а не еврейского происхождения, как было сказано. Виновный Борджиа вызвал его в Рим, чтобы тот стал секретарем его сына, цезаря, перед смертоносным мечом которого трепетал весь Рим. [319] "Как хозяин, так и слуга", - говорит историк, который, таким образом, сравнивает Алеандра с Александром VI. Это суждение кажется слишком суровым. После смерти Борджиа Алеандр с новым рвением посвятил себя учебе. Его знание греческого, иврита, халдейского и арабского языков обеспечило ему репутацию самого образованного человека своего времени. Он вкладывал всю душу во все, за что брался. Усердие, с которым он изучал языки, было ничуть не сильнее того, которое он проявлял, преследуя Реформацию. Лев X взял его к себе на службу. Протестантские историки говорят о его эпикурейских привычках, римские — о честности его жизни. [320] Похоже, он любил роскошь, шоу и развлечения. "Алеандр, - говорит его старый друг Эразм, -

жил в Венеции, занимал высокий пост, но придерживался низкого эпикурейства". Признается, что он был вспыльчив, быстр в действиях, полон пыла, неутомим, властолюбив и предан папе. Эк - неистовый, бесстрашный чемпион школы, Алеандр — гордый посол высокомерного двора понтификов. Казалось, он создан для того, чтобы быть нунцием.

Рим сделал все возможное, чтобы уничтожить виттембергского монаха. Обязанность присутствовать при коронации императора в качестве представителя папы была для Алеандра лишь второстепенной миссией, призванной облегчить его задачу благодаря тому уважению, которое она к нему обеспечивала. Существенной частью его поручения было приказать Карлу сокрушить растущую Реформацию. [321] Передавая буллу в руки императора, нунций обратился к нему следующим образом: "Папе, который добился успеха при стольких великих князьях, будет нетрудно призвать к порядку трех грамматистов". Под ними он подразумевал Лютера, Меланхтона и Эразма. Эразм присутствовал на этой аудиенции.

БУДУТ ЛИ СОЖЖЕНЫ ТРУДЫ ЛЮТЕРА?

Как только Алеандр прибыл в Кельн, он вместе с Каррачоли приступил к подготовке сожжения еретических сочинений Лютера по всей империи, но особенно на глазах собравшихся князей Германии. Карл V уже дал согласие на то, чтобы это было сделано в его наследственных государствах. Умы людей были сильно взволнованы. "Такие меры, - было сказано министрам Карла и самим нунциям, - отнюдь не излечат зло, а только усугубят его. Неужели вы воображаете, что учение Лютера существует только в книгах, которые вы бросаете в огонь? Оно написано там, где вы не можете до него дотянуться — в сердцах населения. [322] Если вы хотите применить силу, это должны быть бесчисленные мечи, обнаженные для уничтожения огромного множества людей. [323] Несколько деревянных заготовок, собранных с целью употребления в пищу нескольких кусочков бумаги, ничего не дадут; такое оружие не подобает достоинству ни императора, ни понтифика". Нунций защищал свои кучи хвороста. "Эти языки пламени, - сказал он, - являются приговором, написанным гигантскими буквами, и его одинаково понимают те, кто находится рядом, и те, кто на расстоянии, образованные и невежественные, даже те, кто не умеет читать".

Но на самом деле усилия нунция были направлены не против бумаг и книг, а против самого Лютера. "Этого пламени, - продолжал он, - недостаточно, чтобы очистить зараженный воздух Германии. [324] Если они сдерживают простых, они не исправляют злых. То, что требуется, - это указ императора против головы Лютера. [325]

Алеандр не находил императора столь покладистым в отношении личности Реформатора, как в отношении его книг.

"Только что взойдя на трон, - сказал он Алеандру, - я не могу без совета моих советников и согласия принцев нанести такой удар по огромной фракции, окруженной такими могущественными защитниками. Давайте сначала узнаем, что думает об этом деле наш отец, курфюрст Саксонии; после этого мы посмотрим, какой ответ дать папе". [326] Таким образом, нунции испытали на Курфюрсте свои уловки и силу своего красноречия.

В первое воскресенье ноября, после того как Фредерик посетил мессу в монастыре Кордельеров, Каррачоли и Алеандр попросили аудиенции. Он принял их в присутствии епископа Трентского и нескольких своих советников. Каррачоли сначала представил папскую сводку. Более мягкий, чем Алеандр, он счел за лучшее расположить к себе курфюрста лестью и

начал восхвалять его и его предков. "В вас, - сказал он, - мы надеемся на спасение Римской церкви и Римской империи".

НУНЦИИ И КУРФЮРСТ.

Но пылкий Алеандр, желая перейти к делу, быстро выступил вперед и прервал своего коллегу, который скромно уступил ему дорогу. [327] "Дело Мартина поручено мне, - сказал он, - и Эку. Посмотрите на огромные опасности, которым этот человек подвергает христианское содружество. Если не принять срочных мер, империя будет разрушена. Что погубило греков, если не то, что они отказались от папы? Вы не можете оставаться едиными с Лютером, не отделяясь от Иисуса Христа. [328] Во имя его Святейшества я прошу вас о двух вещах: *во-первых*, сжечь труды Лютера; *во-вторых*, наказать его в соответствии с его проступками или, по крайней мере, передать его в плен папе. [329] Император и все принцы империи заявили о своей готовности удовлетворить наши требования; вы один все еще колеблетесь...."

Фредерик ответил, благодаря вмешательству епископа Трентского: "Это дело слишком серьезное, чтобы решаться сгоряча. Мы ознакомим вас с нашей резолюцией".

Положение Фредерика было трудным. Какой курс он изберет? С одной стороны - император, князь империи и верховный понтифик христианского мира, от власти которого курфюрст пока и не думает отказываться; с другой - монах, слабый монах; ибо его личность - это все, что требуется. Правление императора только началось, и внесет ли раздор в империю Фридрих, старейший и мудрейший из всех князей Германии? Кроме того, может ли он отказаться от того благочестия, которое привело его ко гробу Христову?..

Затем послышались другие голоса. Джон Фредерик, сын герцога Джона и племянник Фредерика, ученика Спалатина, молодой семнадцатилетний принц, который впоследствии надел корону выборщика и чье правление было отмечено большими несчастьями, был проникнут искренней любовью к истине и был сильно привязан к Лютеру. [330] Когда он увидел, что на него обрушились римские анафемы, он принял его дело с теплотой молодого христианина и юного принца. Он написал доктору, а также своему дяде, умоляя его защитить Лютера от его врагов. В то же время Спалатин, хотя на самом деле он часто впадал в уныние, Понтанус и другие советники, находившиеся с курфюрстом в Кельне, объяснили ему, что он не может бросить Реформатора. [331]

КУРФЮРСТ ЗАЩИЩАЕТ ЛЮТЕРА.

Среди общего волнения только один человек оставался спокойным — этим человеком был Лютер. В то время как другие пытались спасти его под влиянием великих, монах в своем монастыре в Виттемберге думал, что великие больше нуждаются в его спасении. В письме к Спалатину он говорит: "Если бы Евангелие по своей природе могло распространяться или поддерживаться силами всего мира, Бог не доверил бы его рыбакам. [332] Защищать Евангелие - дело не князей и понтификов этого мира. У них достаточно дел, чтобы укрыться от судов Господа и его Помазанников. Если я говорю, я делаю это для того, чтобы они могли получить знание божественного слова и быть спасены им".

Ожиданиям Лютера не суждено было сбыться. Вера, которую исповедовал Виттембергский монастырь, оказала свое влияние во дворцах Кельна. Сердце Фредерика, поколебавшееся, возможно, на мгновение, постепенно набиралось сил. Он был возмущен тем, что папа,

несмотря на настоятельные просьбы расследовать этот вопрос в Германии, осудил его в Риме по требованию личного врага Реформатора; и что в его отсутствие этот враг посмел опубликовать в Саксонии буллу, которая угрожала существованию университета и спокойствию его народа. Кроме того, курфюрст был убежден, что с Лютером поступили несправедливо. Он содрогнулся при мысли о том, что невинный человек попадет в жестокие руки его врагов. Правосудие, а не папа римский, таково было правило, которое он принял. Он решил не уступать Риму. 4 ноября, когда римские нунции присутствовали в присутствии епископа Трентского, его советники объявили им от имени курфюрста, что он был очень огорчен тем, что доктор Экк воспользовался случаем своего отсутствия, чтобы привлечь к осуждению нескольких лиц, не упомянутых в булле; что, возможно, после его ухода огромное количество ученых и невежественных, духовенства и мирян объединились в поддержке дела и призыва Лютера; [333] что ни его Императорское Величество, ни кто-либо другой не показали ему, что труды Лютера были опровергнуты, и что единственное, что теперь необходимо, - это бросить их в огонь, что он, более того, потребовал для доктора Лютера безопасного удостоверения, позволяющего ему предстать перед учеными, благочестивыми и важными судьями.

ЭРАЗМУС В КЕЛЬНЕ.

После этого заявления Алеандр, Каррачоли и их свита удалились совещаться. [334] Это был первый раз, когда Курфюрст публично заявил о своих намерениях в отношении Реформатора. Нунции ожидали совсем другого результата. "Теперь, - думали они, - когда курфюрст, продолжая играть свою роль беспристрастного наблюдателя, подвергает себя опасностям, масштабы которых невозможно предвидеть, он без колебаний пожертвует монахом". Так рассуждал Рим. Но ее планам было суждено потерпеть неудачу перед силой, к которой она не обращалась, — любовью к справедливости и истине.

Когда я снова предстал перед советниками курфюрста, "Я хотел бы знать, - сказал властный Алеандр, - что подумал бы курфюрст, если бы один из его подданных выбрал короля Франции или какого-нибудь другого иностранного принца в качестве судьи?" Видя, наконец, что саксонских советников не поколебать, он сказал: "Мы приведем в исполнение буллу; мы предадим суду и сожжем труды Лютера. Что касается его личности, - добавил он, изображая презрительное безразличие, - то у папы нет ни малейшего желания обагрять свою руку кровью негодяя.

Известие об ответе, который курфюрст дал нунциям, достигло Виттемберга, и друзья Лютера были вне себя от радости. Меланхтон и Амсдорф, в частности, лелеяли самые лестные надежды. "Немецкая знать, - сказала Меланхтон, - будет определять свой курс по примеру принца, которому они во всем следуют как своему Нестору. Если Гомер называл своего героя "*стена греков*", то почему бы Фридриху не называться "*стена немцев*?" [335]

ЭРАЗМ С ИЗБИРАТЕЛЕМ.

Эразм, придворный оракул, светоч школ, светоч мира, находился тогда в Кельне, будучи приглашен туда несколькими князьями, желавшими посоветоваться с ним. В период Реформации Эразм был во главе истинно средней партии (*juste milieu*), по крайней мере, он так думал, но ошибочно; ибо, когда истина и заблуждение присутствуют друг у друга, правая сторона не является серединой. Он был главой той философской и университетской партии, которая веками стремилась исправить Рим, не будучи в состоянии сделать это; он был

представителем человеческой мудрости; но эта мудрость была слишком слаба, чтобы подавить высокомерие папства. Необходима была мудрость Божья — та мудрость, которую мир часто называет безумием, но по велению которой рушатся горы. Эразм не желал ни бросаться в объятия Лютера, ни садиться к ногам папы римского. Он колебался и часто колебался между этими двумя силами, иногда испытывая влечение к Лютеру, а затем внезапно испытывая отвращение к папе римскому. Он выступил в защиту Лютера в письме архиепископу Менца, в котором сказал: "Последняя искра христианского благочестия, кажется, готова погаснуть. Именно это тронуло сердце Лютера: его не интересуют ни деньги, ни почести". [336] Публикация этого письма неосторожным Ульриком фон Хюттеном вызвала у Эразма такое сильное раздражение, что он решил действовать более осмотрительно в будущем. Кроме того, его обвинили в том, что он был заодно с Лютером, чьи неосторожные речи, кроме того, оскорбили его. "Почти все хорошие люди", [337] сказал он, "за Лютера, но я вижу, что мы находимся на высоком пути к восстанию. Я бы не хотел, чтобы мое имя сочеталось с его именем. Это ранит меня и не приносит ему пользы". [338] "Пусть будет так, - ответил Лютер, - поскольку это причиняет тебе боль, я обещаю никогда не упоминать ни твоего имени, ни имени кого-либо из твоих друзей". Таков был человек, к которому обращались как враги, так и друзья Реформатора.

МНЕНИЕ ERASMUS.

Курфюрст, понимая, что мнение такого уважаемого человека, как Эразм, будет иметь большой вес, пригласил знаменитого голландца прийти к нему. Эразм подчинился. Это было 5 декабря. Друзья Лютера восприняли этот шаг не без тайных опасений. Курфюрст сидел перед камином, рядом с ним был Спалатин, когда представили Эразма. "Что вы думаете о Лютере?" - немедленно спросил Фредерик. Благоразумный Эразм, удивленный прямым вопросом, сначала попытался уклониться от него. Он скривил рот, прикусил губу и ничего не сказал. Затем курфюрст, открыв глаза (говорит Спалатин), как он обычно делал, разговаривая с людьми, от которых хотел получить точный ответ, пристально посмотрел на Эразма, [339] который, не зная, как вывести себя из затруднительного положения, наконец сказал полушутя: "Лютер совершил две большие ошибки: он напал на папскую корону и на монашеский живот. Курфюрст улыбнулся, но дал Эразму понять, что говорит серьезно. Тогда Эразм, отбросив свою сдержанность, сказал: "Источник всего этого спора - ненависть монахов к литературе и их страх увидеть конец их тирании. [340] Что они использовали против Лютера? Шум, интриги, ненависть, клевета. Чем добродетельнее и больше привязан к евангельским доктринам человек, тем меньше он настроен против Лютера. [341] Жестокость быка вызвала негодование всех добрых людей, и никто не смог обнаружить в нем кротости наместника Иисуса Христа. [342] Из стольких университетов только два атаковали Лютера, и даже они только осудили, а не признали его виновным. Пусть люди не обманывают себя; опасность больше, чем некоторые предполагают. Впереди трудные дела. [343]... Начать правление Карла с такого отвратительного поступка, как заключение Лютера в тюрьму, было бы печальным предзнаменованием. Мир жаждет евангельской истины. [344] Давайте остерегаться преступного сопротивления ей. Пусть это дело рассмотрят серьезные люди со здравым смыслом; это было бы более созвучно достоинству самого папы".

Так говорил Эразм курфюрсту. Читатель, возможно, будет поражен его откровенностью; но Эразм знал, к кому обращался. Спалатин был в восторге и, выйдя на улицу вместе с Эразмом, проводил его до дома графа Нуэнара, ректора Кельна, где проживал знаменитый ученый. Эразм в порыве откровенности зашел в свою комнату, взял ручку, записал суть того, что он сказал

курфюрсту, и отдал ее Спалатину. Но страх перед Алеандром вскоре овладел робким Эразмом, мужество, которое он испытывал в присутствии курфюрста и его капеллана, исчезло, и он умолял Спалатина отослать обратно его слишком смелое письмо, чтобы оно не попало в руки грозного нунция. Было уже слишком поздно.

Курфюрст, укрепившись во мнении Эразма, обратился к императору в более решительных выражениях. Сам Эразм стремился на ночных конференциях, [345] подобно Никодиму в древности, убедить советников Карла в необходимости передать все дело беспристрастным судьям. Возможно, у него была какая-то надежда стать арбитром в этом деле, которое угрожало расколоть христианский мир. Эта должность польстила бы его тщеславию. Но в то же время, чтобы не потеряться в Риме, он писал Льву самые смиренные письма, которые тот отвечал в добрых выражениях, и тем самым подверг бедного Алеандра пыткам. [346] Из любви к папе римскому он мог бы резко упрекнуть папу римского. Эразм передал письма понтифика, потому что они увеличили его авторитет. Нунций подал жалобу в Рим: "Притворись, - был ответ, - что ты не замечаешь проказ этого человека. Этого требует благоразумие: необходимо оставить дверь открытой для покаяния". [347]

ПОЛИТИКА КАРЛА V.

Сам Карл V придерживался неустойчивой системы, которая заключалась в том, чтобы льстить как папе, так и курфюрсту и, по-видимому, попеременно склоняться то к одному, то к другому в зависимости от потребностей момента. Один из его министров, которого он отправил в Рим по некоторым испанским делам, прибыл в то самое время, когда Эрк громко требовал осуждения Лютера. Хитрый посол мгновенно понял преимущества, которые его господин мог извлечь из саксонского монаха, и 12 мая 1520 года написал императору, который все еще находился в Испании: "Вашему величеству следует отправиться в Германию и там оказать некоторую милость некоему Мартину Лютеру, который находится при саксонском дворе и своими речами доставляет много беспокойства Римскому двору". [348] Таким с самого начала был взгляд Чарльза на этот вопрос. Его целью не было знать, на чьей стороне правда или заблуждение, или выяснять, чего требовали великие интересы Германии. Чего требует политика и какими средствами можно убедить папу поддержать императора? В этом заключался весь вопрос, и в Риме это было хорошо известно. Министры Карла намекнули Алеандру на план, которому намеревался следовать их повелитель. "Император, - говорили они, - будет действовать по отношению к папе так, как папа действует по отношению к императору: ибо он не желает увеличивать власть своих соперников, и в особенности короля Франции". [349] При этих словах властный нунций дал волю своему негодованию: "Как? - ответил он. - Даже если папа откажется от императора, император должен отказаться от религии? Если Карл намеревается таким образом отомстить... пусть он трепещет! Этот беспринципный курс обернется против него самого". Имперских дипломатов не тронули угрозы нунция.

ГЛАВА XII.

Лютер на исповеди—Истинное отпущение грехов—Антихрист—Сплочение вокруг Лютера—Сатиры—Ульрик фон Хюттен—Лукас Кранах—Карнавал в Виттемберге—Штаупиц запуган—Труды Лютера—Смирение Лютера—Прогресс Реформации.

ЛЮТЕР ОБ ИСПОВЕДИ И ИСТИННОМ ОТПУЩЕНИИ ГРЕХОВ.

Если римские легаты потерпели неудачу в борьбе с сильными мира сего, то низшие агенты папства преуспели в том, чтобы посеять смуту среди слабых. Римское ополчение услышало приказ своего начальника. Фанатичные священники использовали буллу, тревожа совесть, а честные, но плохо информированные священнослужители считали священным долгом действовать в соответствии с указаниями папы. Лютер начал свою борьбу против Рима в конфессиональной среде, [350] и в конфессиональной среде Рим дал бой приверженцам Реформатора. Булла, хотя и открыто презираемая нацией, приобрела силу в этих одиночных трибуналах. "Читали ли вы труды Лютера, - требовали исповедники, - они у вас есть? вы считаете их здоровыми или еретическими?" Если кающийся не решался произнести анафему, священник отказывал ему в отпущении грехов. Некоторых мучила совесть. Народ был сильно взволнован. Этот искусный маневр обещал вернуть под папское иго целые районы, уже завоеванные Евангелием. Рим поздравил себя с тем, что в XIII веке воздвиг трибунал, призванный подчинить свободную совесть христиан священникам. [351] Пока это остается в силе, ее правление не закончилось.

Лютеру стало известно об этих обстоятельствах. Что он сделает в одиночку, чтобы победить этот маневр? Слово — слово, произнесенное громко и смело: таково его оружие. Слово найдет эти встревоженные сознания, эти испуганные души и укрепит их. Требовался мощный импульс, и был слышен голос Лютера, обращавшийся к кающимся с героической смелостью и благородным пренебрежением ко всем второстепенным соображениям. "Когда вас спросят, - говорит он, - одобряете ли вы мои книги, отвечайте: "Вы исповедник, а не инквизитор или тюремщик. Мой долг - признаться в том, что диктует моя совесть; ваш - не копаться в тайнах моего сердца. Дай мне отпущение грехов и после этого спорь с Лютером, папой римским и с кем тебе заблагорассудится; но не связывай таинство мира со спорами и борьбой. "Если исповедник не уступит, тогда, - продолжает Лютер, - я предпочел бы обойтись без его отпущения грехов. Не беспокойтесь; если человек не отпустит вам грехи, Бог отпустит вам грехи. Радуйтесь тому, что вы отпущены самим Богом, и без страха приступайте к таинству алтаря. Священнику придется отчитываться на страшном суде за отпущение грехов, в котором он вам отказал. Они действительно могут отказать нам в причастии, но они не могут лишить нас силы и благодати, которые Бог вложил в это.—Бог поместил спасение не в их волю и не в их могущество, а в нашу веру. Оставляют свое причастие, алтарь, священника, церковь: Слово Божье, осужденное в булле, - это больше, чем все это. Душа может обойтись без причастия, но не может жить без Слова. Христос, истинный Епископ, сам возьмется окормлять вас духовно". [352]

АНТИХРИСТ. СПЛОТИТЕСЬ ВОКРУГ ЛЮТЕРА.

Таким образом, голос Лютера проникал в семьи и будоражил совесть, придавая им мужество и веру. Но ему было недостаточно просто защищаться; он считал своим долгом атаковать и отвечать ударом на удар. Амвросий Катерин, римский богослов, писал против него. [353] "Я расшевелю желчь итальянского зверя", - сказал Лютер; и он сдержал свое слово. В своем ответе он доказал откровениями Даниила и святого Иоанна, посланиями святого Павла, святого Петра и святого Иуды, что царствование Антихриста, предсказанное и описанное в Библии, было папством. "Я знаю наверняка, - говорит он в заключение, - что Господь наш Иисус Христос жив и царствует. Твердо уверенный в этом, я не побоялся бы нескольких тысяч пап. Пусть Бог,

наконец, посетит вас в соответствии со своей бесконечной силой и озарит день славного пришествия Своего Сына, тот день, в который он уничтожит нечестивых. И пусть все люди скажут: "Аминь!" [354]

И весь народ сказал: Аминь! Святой страх овладел душами людей. Они увидели Антихриста, восседающего на папском троне. Эта новая идея, получившая огромную силу из пророческого описания, будучи брошенной Лютером в разгар его эпохи, повергла Рим в ужасное потрясение. Вера в божественное Слово была заменена той, которой до тех пор обладала только Церковь, и власть папы, которую народ долгое время боготворил, стала объектом его ненависти и ужаса.

Германия ответила на папскую буллу одобрительными возгласами, окружив Лютера. В Виттемберге свирепствовала чума, и все же ежедневно прибывали новые студенты, в то время как от четырехсот до шестисот учеников регулярно занимали свои места в академических залах у ног Лютера и Меланхтона. Монастырская и городская церкви были слишком малы для толпы, жаждущей услышать слова Реформатора. Приор августинцев был в ужасе, что эти церкви уступят под давлением собравшихся. [355] Но движение не ограничивалось стенами Виттемберга: оно распространилось по всей Германии. Письма, полные утешения и веры, от принцев, благородных и ученых мужей доходили до Лютера со всех сторон. Он показал капеллану более тридцати из них. [356]

Однажды маркграф Бранденбургский вместе с несколькими другими принцами прибыл в Виттемберг, чтобы навестить Лютера. "Они хотели видеть этого человека", [357] сказал маркграф. На самом деле все хотели *увидеть человека*, слова которого встревожили папу римского и заставили западного понтифика пошатнуться на своем троне.

САТИРЫ. ULRICH VON HUTTEN.

Энтузиазм друзей Лютера возрастал день ото дня. "Беспримерная глупость Эмсера!" — воскликнул Меланхтон. — "осмелиться померяться оружием с нашим Геркулесом, не заметив перста Божьего в действиях Лютера", [358] так же, как царь Египта не заметил его в руке Моисея". Мягкий Меланхтон находил сильные выражения, чтобы возбудить тех, кто казался ему ретроградным или неподвижным. "Лютер встал на защиту истины, - писал он Джону Гессу, - и все же вы храните молчание. Он все еще дышит, он все еще процветает, хотя Лео возмущен и рычит от ярости. Помните, римское нечестие не может одобрить Евангелие. [359] Каким был бы этот несчастливый век без его Иудеев, Каиафазов, Пилатов и иродов? Тогда вооружитесь силой Слова Божьего против таких противников".

Все труды Лютера, его "Молитву Господню" и особенно новое издание "Немецкой теологии" были с жадностью поглощены. Общества чтения были созданы с целью приобретения его произведений для использования членами. Друзья получили о них новые впечатления и распространили их через разносчиков. Их также рекомендовали с кафедр. Требовалась немецкая церковь, в которой в будущем не должно быть присвоено никакого сана никому, кто не способен проповедовать народу на немецком языке, и немецкие епископы которой должны повсюду выступать против папской власти.

Более того, резкие сатиры, направленные против ведущих ультрамонтанистов, были распространены по всем провинциям империи. Оппозиция объединила все свои силы вокруг этой новой доктрины, которая дала ей именно то, чего она хотела, оправдав ее с точки зрения религии. Большая часть юристов, устав от причуд церковных судов, примкнула к Реформации,

но ее дело было горячо поддержано прежде всего гуманистами. Ulric von Hütten was indefatigable. Он писал письма Лютеру, легатам и руководящим деятелям Германии. "Я говорю тебе и повторяю еще раз, о Маринус!" — сказал он легату Каррачоли в одной из своих публикаций. "Туман, которым ты нас ослепил, рассеивается — Евангелие проповедуется — истина провозглашается — к нелепостям Рима относятся с презрением — твои постановления ослабевают и умирают - наступает свобода". [360]

ЛУКАС КРАНАХ. ЧУЧЕЛО ПАПЫ Римского.

Не довольствуясь прозой, Хюттен обратился и к стихам. Он опубликовал свой "Крик о сожжении" Лютера. [361] Обращаясь к Иисусу Христу, он молился ему поглотить сиянием своего лика тех, кто осмелился отрицать его силу. Более того, он начал писать по-немецки. "До сих пор, - сказал он, - я писал на латыни, языке, который не все могли понять, но теперь я обращаюсь к своей стране". Его немецкие стихи открыли людям доступ к постыдному и объемистому повествованию о грехах Римского двора. Но Хюттен не желал ограничиваться одними словами; ему не терпелось пустить в ход свой меч, ибо он думал, что мечами и алебардами многих доблестных воинов, которыми гордилась Германия, должно было свершиться Божье возмездие. Лютер выступал против его безумных проектов. "Я бы не хотел, - сказал он, - чтобы люди боролись за Евангелие насилием и резней. Я написал об этом Хюттену. [362]

Знаменитый художник Лукас Кранах опубликовал под названием "*Страсти Христовы и Антихрист*" гравюры, которые изображали, с одной стороны, великолепие папы римского, а с другой - смирение и страдания Искупителя. Надписи были сделаны Лютером. Эти гравюры, выполненные с большим воодушевлением, произвели поразительный эффект. Люди покинули церковь, которая, казалось, так противоречила духу своего Основателя. "Эта работа, - сказал Лютер, - превосходна для мирян". [363]

Некоторые, выступая против папства, прибегали к оружию, которое плохо сочеталось со святостью христианской жизни. Эмсер, отвечая на трактат Лютера, озаглавленный "К козлу Эмсера", опубликовал другой, озаглавленный "К Виттембергской булле". Название было выбрано удачно. Но в Магдебурге книга Эмзера была повешена на виселице с надписью: "Книга достойна этого места", а рядом с ней был прикреплен жезл, указывающий на наказание, которого заслуживал автор. [364] В Дублине под папской буллой в насмешку над ее бессильными раскатами грома было написано: "Гнездо здесь, но птицы улетели". [365]

ШТАУПИЦ ЗАПУГАН.

В Виттемберге студенты, воспользовавшись карнавалом, нарядили одного из своих в платье, напоминающее платье папы римского, и провели его по улицам "помпезно, но, скорее, слишком нелепо", - говорит Лютер. [366] По прибытии на общественную площадь они спустились к берегу реки, и некоторые из них, симулируя внезапное нападение, казалось, хотели бросить папу в воду; но папе, не любившему такое купание, пустился наутек. Его кардиналы, епископы и приближенные последовали его примеру, рассеявшись по всем кварталам города, в то время как студенты продолжали преследовать их. В Виттемберге не было ни одного уголка, где какой-нибудь римский сановник не бежал бы под крики и смех жителей, которые все были в движении. [367] "Враг Христа, - говорит Лютер, - который забавляется как с королями, так и с самим Христом, вполне заслуживает, чтобы с ним так забавлялись". В этом мы

считаем его заблуждающимся. Истина слишком прекрасна, и ее никогда не следует заставлять ходить по грязи. Она должна бороться без таких вспомогательных средств, как песни, карикатуры и карнавальные забавы. Возможно, без этих народных демонстраций ее успех был бы менее очевидным, но он был бы более чистым и, следовательно, более долговечным. Как бы то ни было, неосмотрительное и страстное поведение Римского двора возбудило всеобщую антипатию, и булла, которой папство намеревалось все подавить, сама по себе стала причиной всеобщего восстания.

Однако весь курс Реформатора не был полон ликования и триумфа. Позади повозки, в которую его влекли его ревностные соотечественники, охваченные восхищением, не было недостатка в рабе, назначенном напоминать ему о его слабости. Некоторые из его друзей, казалось, были склонны остановиться. Штаупиц, которого он называл своим отцом, казался потрясенным. Папа обвинил его, и Штаупиц заявил о своей готовности подчиниться суду его Святейшества. "Я боюсь, - сказал ему Лютер, - что, принимая папу в качестве судьи, вы, по-видимому, отвергаете меня и доктрины, которых я придерживался. Если Христос любит вас, он заставит вас отозвать свое письмо. Христос осужден, испорчен, поруган; пришло время не бояться, а громко плакать. [368] А потому, в то время как вы призываете меня к смирению, я призываю вас к гордыне; ибо в вас слишком много смирения, точно так же, как у меня слишком много его противоположности. Меня назовут гордым и скупым, прелюбодеем, убийцей, антипапой, человеком, виновным во всех преступлениях. Это не имеет значения, пока они не могут обвинить меня в том, что я хранил нечестивое молчание в тот момент, когда Господь был опечален и сказал: "Я взглянул по правую руку мою и увидел, но не было человека, который узнал бы меня". (Пс. cxlii, 4.) Слово Иисуса Христа - это не слово мира, но меч. Если ты не последуешь за Иисусом Христом, я буду идти один, продвигаться вперед в одиночку и одержу победу". [369]

ТРУДЫ ЛЮТЕРА.

Таким образом, Лютер, подобно командующему армией, следил за всем полем битвы, и, направляя свежие войска вперед, в самую гущу сражения, отмечал тех, кто казался малодушным, и отзывал их на их посты. Его увещевания были услышаны повсюду. Его письма быстро сменяли одно другое. Для размножения его произведений постоянно использовались три печатные машины. [370] Его слова имели свободный ход среди людей, укрепляли совесть, которую встревожили исповедники, поднимали тех, кто был готов упасть в обморок в монастырях, и поддерживали права истины во дворцах принцев.

"Среди обрушивающихся на меня бурь, - писал он курфюрсту, - я всегда надеялся, что однажды обрету покой. Но теперь я вижу, что это была всего лишь мысль человека. День за днем волна поднимается, и я уже стою посреди океана. Буря вырывается на свободу со страшным ревом. [371] Одной рукой я хватаюсь за меч, а другой воздвигаю стены Сиона. [372] Ее древние связи разорваны в клочья рукой, которая обрушила на нее громы отлучения". "Отлученный буллой, - говорит он, - я освобожден от власти папы римского и монастырских законов. С радостью принимаю это освобождение. Но я не отказываюсь ни от привычки ордена, ни от монастыря. [373] И все же, среди всего этого волнения, он никогда не упускает из виду опасности, которым подвергается его собственная душа во время борьбы. Он чувствует необходимость следить за собой. "Вы хорошо делаете, что молитесь за меня", - писал он Пелликану, который жил в Бале. "Я не могу уделять достаточно времени святым упражнениям. Моя жизнь - это крест. Ты правильно делаешь, что призываешь меня к скромности. Я чувствую нужду в этом, но я не сам

себе хозяин: я не знаю, какой дух управляет мной. Я никому не желаю зла; [374] но мои враги давят на меня с такой яростью, что я недостаточно остерегаюсь соблазнов сатаны. Тогда молись за меня".

ЗАВОЕВАНИЯ СЛОВОМ БОЖЬИМ.

Таким образом, и Реформатор, и Реформация поспешили в том направлении, в котором их призвал Бог. Движение расширилось. Люди, от которых можно было ожидать наибольшей верности иерархии, начали испытывать потрясение. "Даже те, - довольно простодушно говорит Эк, - кто считает папу лучшим бенефицием и богатейшими канонами, молчат как рыбы. Некоторые из них даже превозносят Лютера как человека, исполненного Духа Божьего, и называют защитников папы софистами и льстецами". [375] Церковь, внешне великая по силе, поддерживаемая сокровищами, силами и армиями мира, но на самом деле истощенная и немощная, без любви к Богу, без христианской жизни, без энтузиазма по отношению к истине, оказалась в присутствии людей, простых, но смелых, людей, которые, зная, что Бог с теми, кто сражается за Его Слово, не сомневались в победе? Каждая эпоха испытала, насколько могущественна идея в проникновении в массы, в возбуждении наций и, при необходимости, в спешке тысяч людей на поле битвы и на смерть; но если таково влияние человеческой идеи, то какова должна быть сила идеи, ниспосланной с небес, когда Бог открывает дверь человеческого сердца. Мир не часто видел такую силу в действии. Однако он видел это в первые дни христианства и Реформации; и он увидит это в грядущие дни. Люди, которые презирали богатство и величие мира и были довольны жизнью, полной боли и бедности, начали выступать во имя самого святого на земле — учения о вере и благодати. В этом подъеме общества все религиозные элементы были приведены в действие, и огонь энтузиазма смело толкал людей вперед, в новую жизнь, в эпоху обновления, которая только что так величественно открылась и к которой Провидение торопило народы.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РАЦИОН ЧЕРВЕЙ.

1521 ГОД. (Январь—май.)

ГЛАВА I.

Победы Словом Божьим—Вормсский рацион—Трудности—Карл требует Лютера—Курфюрст к Карлу—Состояние умов людей—Тревога Алеандра—Курфюрст отправляется в путь без Лютера—Алеандр пробуждает Рим—Отлучение Папы от Церкви и общение со Христом—Воплощение Буллы в жизнь—Мотивы Лютера в Реформации.

Реформация, начавшаяся с борьбы смиренной души в келье женского монастыря в Эрфурте, никогда не переставала развиваться. Безвестный человек со Словом жизни в руке стоял прямо перед мирским величием и заставлял его трепетать. Сначала он противопоставил это Слово Тезелю и его многочисленной войску, и эти алчные торговцы после минутного сопротивления обратились в бегство. Затем он противопоставил это римскому легату в Аугсбурге, и легат, парализованный, позволил своей жертве сбежать. Позднее он противопоставил это поборникам учености в залах Лейпцига, и изумленные теологи увидели, как их силлогистическое оружие разбилось вдребезги в их руках. В конце концов он противопоставил

это папе, который, потревоженный во сне, поднялся со своего трона и обрушился с громом на беспокойного монаха; но это Слово парализовало всю мощь главы христианского Мира. Слову предстояла еще последняя борьба за сохранение. Оно должно было восторжествовать над императором Запада, над королями и князьями земли, а затем, победив все силы мира, занять свое место в Церкви, чтобы царствовать в ней как чистое Слово Божье.

РАЦИОН ЧЕРВЕЙ.

Все королевство было взволновано. Принцы и знать, рыцари и горожане, духовенство и миряне, города и деревни - все были охвачены волнением. Мощная религиозная революция, главной движущей силой которой был сам Бог, но которая также глубоко укоренилась в умах людей, угрожала свергнуть давно почитаемого главу римской иерархии. Новое поколение, обладавшее серьезным, глубоким, деятельным и энергичным духом, заполнило университеты, города, дворы и замки, сельские округа, а нередко и монастыри. Ощущение того, что близится великое социальное преобразование, наполняло все умы священным энтузиазмом. В каком отношении будет находиться новый император к этому движению эпохи и каков будет результат могучего импульса, благодаря которому все чувствуют, что их несет вперед?

Вот-вот должен был открыться торжественный сейм. Это было первое императорское собрание, на котором должен был председательствовать юный Карл. Нюрнберг, где в силу Золотой буллы он должен был состояться, был опустошен чумой и был созван на собрание в Вормсе 6 января 1521 года. [376] Никогда еще на диете не присутствовало столько принцев. Все желали присутствовать при этом первом акте правления молодого императора и продемонстрировать свою власть. Среди прочих, молодой ландграф Филипп Гессенский, которому впоследствии суждено было сыграть столь важную роль в Реформации, прибыл в Вормс в середине января с шестьюстами кавалеристами, среди которых были люди известной доблести.

Но был еще более мощный мотив, который побудил курфюрстов, герцогов, архиепископов, ландграфов, маркграфинь, епископов, баронов и лордов империи, а также городских депутатов и послов королей христианского мира в этот момент запрудить дороги, ведущие в Вормс, своими блестящими экипажами. Было объявлено, что сейм будет занят назначением регентского совета для управления империей во время отсутствия Карла, с юрисдикцией императорской палаты и другими важными вопросами. Но особое внимание общественности было приковано к другому вопросу, о котором император также упомянул в своем письме о созыве Сейма, а именно к Реформации. Великие политические деятели трепетали перед делом Виттембергского монаха. Это дело было главной темой разговоров всех лиц, прибывавших в Вормс.

ЧАРЛЬЗ ТРЕБУЕТ ЛЮТЕРА.

Все говорило о том, что Диета будет сложной и насыщенной. Чарльз, которому едва исполнилось двадцать лет, бледный и болезненный, но столь же искусный, как и любой другой, в изящном обращении с лошадью и в ломке копья, с несовершенным развитым характером, с серьезным и меланхолическим, но все еще благожелательным выражением лица, пока еще не выказывал выдающегося таланта и, казалось, не избрал определенного курса. Способный и деятельный Вильгельм Кройский, лорд Кьеврский, который был его великим камергером, губернатором и премьер-министром и обладал абсолютной властью при дворе, умер в Вормсе. Многочисленные амбициозные проекты конкурировали друг с другом. Сталкивались многие

страсти. Испанцы и бельгийцы стремились проникнуться советами молодого принца. Нунции умножали свои интриги, в то время как принцы Германии выступали смело. Можно было предвидеть борьбу, но борьбу, в которой главную роль сыграли бы тайные движения фракций. [377]

Карл открыл сейм 28 января 1521 года, в праздник Карла Великого. У него было высокое представление о важности императорского достоинства. В своем вступительном слове он сказал, что никакая монархия не может сравниться с Римской империей, которой в древности подчинялся почти весь мир; что, к несчастью, империя теперь стала лишь тенью того, чем она была; но что он надеется с помощью своих королевств и могущественных союзов восстановить ее в ее древней славе.

Но перед молодым императором немедленно возникли многочисленные трудности. Как он поступит, оказавшись между папским нунцием и курфюрстом, которому он обязан своей короной? Как он может избежать недовольства Алеандра или Фредерика? Первый убеждал императора привести в исполнение папскую буллу, а второй умолял его ничего не предпринимать против монаха, не выслушав его. Желая угодить этим двум противоположным партиям, молодой принц во время пребывания в Оппенгерме написал курфюрсту с просьбой ввести Лютера в состав сейма, заверяя его, что к нему не будет допущено никакой несправедливости, что он не встретит насилия и что ученые люди будут совещаться с ним.

Это письмо Карла, сопровождаемое письмами из Кьева и графа Нассау, повергло курфюрста в большое замешательство. Союз с папой римским мог в любой момент стать необходимым молодому и амбициозному императору, и в этом случае с Лютером все было кончено. Фридрих, доставив Реформатора в Вормс, возможно, возводил его на эшафот; и все же приказ Карла был недвусмысленным. Курфюрст приказал Спалатину ознакомить Лютера с письмами, которые он получил. "Враг, - сказал ему капеллан, - пускает в ход все, чтобы ускорить это дело". [378]

ПИСЬМО КУРФЮРСТА КАРЛУ V.

Друзья Лютера дрожали, но он не дрожал. Тогда у него было очень слабое здоровье; неважно. "Если я не могу отправиться в Вормс здоровым, - ответил он курфюрсту, - я прикажу, чтобы меня перенесли; поскольку император зовет меня, я не сомневаюсь, что это зов самого Бога. Если они намереваются применить против меня насилие, что вполне вероятно (ибо, несомненно, они заставляют меня появиться не с целью их собственного наставления), Я оставляю это дело в руках Господа. Тот, кто спас трех юношей в печи, до сих пор живет и царствует. Если Ему не угодно спасти меня, то моя жизнь - это всего лишь мелочь; только давайте не допустим, чтобы Евангелие было выставлено на посмешище нечестивым, и давайте скорее прольем за него нашу кровь, чем позволим им восторжествовать. Что больше всего повлияет на общую безопасность - моя жизнь или моя смерть? Не нам решать. Давайте только помолимся Богу, чтобы наш молодой император не начал свое правление с того, что обмакнул руки в мою кровь; я бы предпочел погибнуть от меча римлян. Вы знаете, какие кары постигли императора Сигизмунда после убийства Яна Гуса. Ожидайте от меня всего — кроме бегства и отречения; [379] Я не могу летать, еще меньше я могу отречься".

Прежде чем получить это письмо от Лютера, курфюрст принял решение. По мере того, как он продвигался в познании Евангелия, он стал более решительным в своих действиях. Видя, что конференция в Вормсе не может иметь счастливого результата, он написал императору. "Мне

кажется трудным привезти Лютера со мной в Вормс; освободите меня от этой задачи. Кроме того, я никогда не хотел брать его учение под свою защиту, а только для того, чтобы предотвратить его осуждение без заслушивания. Легаты, не дожидаясь ваших приказов, предприняли шаг, оскорбительный как для Лютера, так и для меня, и я очень боюсь, что таким образом они подтолкнули его к опрометчивому поступку, который мог подвергнуть его большой опасности, если бы он появился на Сейме ". Курфюрст упомянул о куче, поглотившей папскую буллу.

Но слух о поездке Лютера в Вормс уже распространился. Люди, жаждущие новизны, радовались этому. Придворные императора были встревожены, но никто не испытывал такого негодования, как папский легат. Алеандр во время своего путешествия убедился, какое глубокое впечатление Евангелие, проповедуемое Лютером, произвело на все классы общества. Литераторы, юристы, дворяне, низшее духовенство, обычные ордена и простой народ были привлечены к Реформации. [380] Эти друзья новой доктрины высоко держали головы и были смелы в своих высказываниях, в то время как страх и ужас сковали сторонников Рима. Папство все еще стояло, но его подпорки шатались. Уже был слышен шум разрушения, чем-то напоминающий скрип, который возникает в то время, когда гора начинает сползать. [381]

ТРЕВОГА АЛЕАНДР.

Алеандр во время своего путешествия в Вормс был крайне раздосадован. Когда ему нужно было обедать или спать, ни литераторы, ни дворяне, ни священники, даже из числа предполагаемых друзей папы, не осмеливались принять его, и гордый нунций был вынужден искать убежища в тавернах самого низкого пошиба. [382] Таким образом, он был в ужасе и не сомневался, что его жизнь в большой опасности. Таким образом, он прибыл в Вормс, и с тех пор к его римскому фанатизму добавилось негодование из-за нанесенных ему личных увечий. Он немедленно пустил в ход все средства, чтобы предотвратить дерзкое выступление грозного Лютера. "Разве не было бы скандально, - сказал он, - видеть, как миряне пересматривают дело, которое папа уже осудил?" Ничто так не тревожит римского придворного, как расследование; и, более того, расследование, которое должно проводиться в Германии, а не в Риме. Насколько унижительно даже единогласное решение об осуждении Лютера! И даже не было уверенности, что таков будет результат. Не приведет ли могущественное слово Лютера, которое уже принесло такой хаос, многих принцев и знать к неизбежной гибели? Алеандр, находясь перед Карлом, настаивал, умолял, угрожал и выступал в качестве нунция главы Церкви. [383] Карл уступил и написал курфюрсту, что срок, отпущенный Лютеру, уже истек, монах находится под папским отлучением; и что поэтому, если он не захочет отозвать свои труды, Фридрих должен оставить его в Виттемберге. Фридрих уже покинул Саксонию без Лютера. "Я молюсь, чтобы Господь был благосклонен к нашему курфюрсту, - таковы были слова Меланхтона, провожавшего его в путь. - На нем покоятся наши надежды на восстановление христианского мира. Его враги отваживаются на все, καὶ πάντα λίθον κτήσομενους; [384] но Бог сведет на нет совет Ахитофела. Что касается нас, давайте внесем свой вклад в сражение нашими уроками и нашими молитвами ". Лютер был глубоко опечален тем, что ему запретили появляться в Вормсе. [385]

Алеандр не считал достаточным, чтобы Лютер не приезжал в Вормс — он хотел, чтобы его осудили. Постоянно возвращаясь к обвинениям перед князьями, прелатами и различными членами сейма, он обвинял монаха Августина не только в непослушании и ереси, но и в подстрекательстве к мятежу, нечестии и богохульстве. Сам акцент, с которым он говорил,

выдавал страсти, которыми он был движим; так что люди восклицали: "его возбуждают ненависть и жажда мести, а не рвение и благочестие". [386] Какими бы частыми и яростными ни были его проповеди, он не обращал людей в свою веру. [387]

АЛЕАНДР ПРОБУЖДАЕТ РИМ.

Некоторые указывали ему, что папская булла осудила Лютера лишь условно; другие не вполне скрывали радость, которую они испытывали, видя смирение римской гордости. Министры императора, с одной стороны, и церковные выборщики, с другой, демонстрировали крайнюю холодность — первые, чтобы заставить папу лучше осознать, насколько ему необходимо вступить в союз с их повелителем, вторые, чтобы побудить его лучше заплатить за их благосклонность. В собрании преобладало убеждение в невинности Лютера, и Алеандр не мог сдержать своего негодования.

Но холодность сейма испытывала терпение легата не так сильно, как холодность Рима. Рим, который так долго отказывался серьезно относиться к ссоре пьяного немца, понятия не имел, что буллы суверенного понтифика может оказаться недостаточно, чтобы сделать его смиренным и покорным. Соответственно, она возобновила свою привычную защиту, [388] больше не отправляет ни писем, ни кошельков с деньгами. Но как можно было без денег преуспеть в таком бизнесе? [389] Рим должен быть разбужен, и Алеандр подает сигнал тревоги. В письме кардиналу Медичи он говорит: "Германия отделяется от Рима, а принцы отделяются от папы. Еще несколько отсрочек, еще несколько попыток компромисса - и дело безнадежно. Деньги! деньги! или Германия потеряна". [390]

При этом крике Рим просыпается: слуги папства, отбросив оцепенение, поспешно обрушивают свой страшный гром на Ватикан. Папа издает новую буллу; [391] и отлучение, которым до этого еретическому доктору просто угрожали, в четких выражениях произносится против него и всех его приверженцев. Сам Рим, порвав последнюю нить, которая все еще связывала его со своей церковью, дал Лютеру большую свободу и, следовательно, большую власть. Подвергаемый нападкам со стороны папы, он с новой любовью нашел прибежище во Христе. Изгнанный из внешнего храма, он еще сильнее почувствовал, что сам является храмом, в котором обитает Бог.

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ ПАПОЙ РИМСКИМ. ОБЩЕНИЕ Со ХРИСТОМ.

"Это славно, - сказал он, - что мы, грешники, веруя в Иисуса Христа и вкушая его плоть, имеем Его внутри себя со всей его силой, могуществом, мудростью и справедливостью, согласно тому, как написано: *"Верующий в Меня пребывает во мне, и я в нем"*." Восхитительное жилище! чудесная скиния! намного превосходящая скинию Моисея, и вся великолепно украшенная изнутри великолепными гобеленами, пурпурными покрывалами и золотой мебелью, в то время как снаружи, как на скинии, которую Бог повелел построить в Синайской пустыне, видно только грубое покрытие из бобровых шкур или козьей шерсти. [392] Христиане часто спотыкаются, а во внешнем облике проявляются всякая немощь и позор. Но это неважно: в этой немощи и безумии тайно обитает сила, которую мир не может познать, но которая побеждает мир; ибо Христос пребывает в них. Иногда я видел христиан, идущих с остановкой и в великой слабости; но когда наступал час битвы или появления на мировой арене, Христос внезапно действовал внутри них, и они становились такими сильными и решительными, что дьявол в смятении бежал перед ними". [393]

Что касается Лютера, то такой час вот-вот должен был пробить, и Христос, в общении с которым он пребывал, не должен был покидать его. Между тем Рим, естественно, отверг его. Реформатор и все его сторонники, независимо от их ранга и власти, были преданы анафеме и лишены как лично, так и в лице своих потомков всех своих достоинств и влияния. Каждому верующему христианину, поскольку он любил спасение своей души, было приказано избегать вида проклятой команды. Везде, где распространялась ересь, священники по воскресеньям и праздникам, в час, когда церкви были наиболее заполнены, торжественно объявляли об отлучении от церкви. Они должны были унести сосуды и украшения алтаря и положить крест на землю; двенадцать священников с факелами в руках должны были зажечь их, с силой разбить и погасить, растоптав ногами; затем епископ должен был объявить приговор нечестивцам; должны были зазвонить все колокола; епископы и священники должны были произносить анафемы и проклятия и с силой проповедовать против Лютера и его приверженцев.

МОТИВЫ ЛЮТЕРА В РЕФОРМАЦИИ.

Прошло двадцать два дня с тех пор, как в Риме было опубликовано отлучение от Церкви, и, возможно, оно еще не было известно в Германии, когда Лютер, узнав, что снова идут разговоры о его вызове в Вормс, обратился к курфюрсту с письмом, написанным в таких выражениях, чтобы Фридрих мог передать его сейму. Лютер хотел исправить ошибочное впечатление о принцах и откровенно объяснить этому августейшему трибуналу истинную природу дела, которое было так неправильно понято. "Я радуюсь от всего сердца, светлейший государь, - сказал он, - что его императорское величество намерен рассмотреть это дело. Я призываю Иисуса Христа в свидетели, что это дело Германии, католической церкви, христианского мира и самого Бога... а не какого-либо отдельного человека, и особенно такого человека, как я. [394] Я готов отправиться в Вормс при условии, что у меня будет охранная грамота и ученые, благочестивые и беспристрастные судьи. Я готов ответить, ... ибо я проповедовал доктрину, в которой меня упрекают, не в духе опрометчивости или с целью личной выгоды; я делал это, повинувшись своей совести и клятве, которую, как врач, я дал на Священном Писании; я делал это во славу Божью, для безопасности христианской церкви, на благо немецкой нации и для искоренения многих суеверий, злоупотреблений и зла, позора, тирании, богохульства и нечестия."

Это заявление, в тех торжественных обстоятельствах, в которых его сделал Лютер, заслуживает нашего внимания. Здесь мы видим мотивы, повлиявшие на него, и основные причины, приведшие к обновлению христианского общества. Это было нечто большее, чем монашеская ревность или желание жениться.

ГЛАВА II.

Иностранный принц—Советы политиков—Совещание Духовника и канцлера курфюрста—Бесполезность этих маневров—Деятельность Алеандра—Высказывания Лютера—Карл уступает папе.

ПОНТАН И ГЛАПИОН.

Но все это не имело никакого значения в глазах политиков. Какими бы высокими ни были представления Карла об императорском достоинстве, его интересы и политика были

сосредоточены не в Германии. Он всегда был герцогом Бургундским, который к нескольким скипетрам добавил первую корону христианского мира. Странно! в момент своего полного преобразования Германия избрала своим главой иностранного принца, в глазах которого ее желания и склонности имели лишь второстепенное значение. Религиозное движение, правда, не было безразлично молодому императору, но в его глазах оно имело значение лишь постольку, поскольку угрожало папе. Война между Карлом и Францией была неизбежна, и ее главная резиденция обязательно должна была находиться в Италии. Таким образом, союз с папой римским с каждым днем становился все более необходимым для планов Карла. Он был бы рад либо разлучить Фридриха с Лютером, либо удовлетворить папу, не оскорбляя Фридриха. Некоторые из его окружения проявили в отношении дел монаха Августина то холодное презрение, которое политики обычно проявляют, когда речь заходит о религии. "Давайте избегать крайностей", - сказали они. "Давайте скуем Лютера переговорами и заставим его замолчать с помощью какой-нибудь уступки. Истинный путь - затушить тлеющие угли, а не ворошить их. Если монах пойман в сети, мы выиграли день. Приняв компромисс, он будет запрещен и уничтожен. Для видимости будут разработаны некоторые внешние реформы; избиратель будет удовлетворен; папа будет завоеван, и дела вернутся в свое обычное русло".

Таков был план доверенных советников императора. Врачи Виттемберга, похоже, разгадали эту новую политику. "Они втайне пытаются завладеть умами людей, - сказала Меланхтон, - и работают в темноте". [395] Джон Глапио, духовник Карла V, — высокопоставленный человек, искусный придворный и интригующий монах, — взялся за выполнение проекта. Глапио пользовался полным доверием Карла, который (в соответствии с испанскими обычаями) почти полностью доверил ему управление делами, касающимися религии. Как только Карл был назначен императором, Лев X усердно пытался снискать расположение Глапиона, к которому исповедник был очень привязан. [396] Не было лучшего способа отплатить папе за доброту, чем заставить ересь замолчать, и он, соответственно, приступил к выполнению этой задачи. [397]

Одним из советников курфюрста был канцлер Грегори Брук, или Понтан, человек большого ума, решительности и мужества, который знал о теологии больше, чем все доктора, и мудрость которого могла сравниться с хитростью монахов при дворе императора. Глапион, зная о влиянии канцлера, попросил о встрече с ним; и, подойдя к нему так, словно он был другом Реформатора, сказал ему с выражением доброй воли: "Я был восхищен, когда, прочитав первые произведения Лютера, я нашел в нем сильную породу, которая пустила благородные ветви и которая обещала Церкви самые драгоценные плоды. Правда, некоторые до него сделали те же открытия: и все же ни у кого, кроме него, не хватило благородного мужества без страха опубликовать правду. Но когда я прочитал его книгу о *Вавилонском пленении*, я почувствовал себя так, словно меня избili с головы до ног". "Я не верю, - добавил монах, - что Лютер признает себя автором. Я не нахожу в этом ни его стиля, ни его науки...." После некоторого обсуждения исповедник продолжил: "Представьте меня курфюрсту, и я в вашем присутствии объясню ему ошибки Лютера".

Канцлер ответил, "Что дела сейма не оставляли свободного времени его высочеству, который, более того, не вмешивался в это дело". Монах был раздосадован, когда его просьба была отклонена. "Кстати, - сказал канцлер, - поскольку вы говорите, что нет зла без лекарства, не могли бы вы объяснить?"

ПОНТАН И ГЛАПИОН.

Приняв доверительный вид, исповедник ответил: "Император искренне желает видеть такого человека, как Лютер, примирившимся с Церковью, поскольку его книги (до публикации его трактата "О Вавилонском пленении") весьма нравились его Величеству. [398]... Несомненно, причиной этой работы был гнев Лютера на буллу. Пусть он заявит, что не хотел нарушать покой Церкви, и ученые всех наций сплотятся вокруг него.... Добейтесь для меня аудиенции у его Высочества.

Канцлер прислуживал Фредерику. Избиратель, прекрасно понимая, что любое отречение невозможно, ответил: "Скажите исповеднику, что я не могу выполнить его просьбу, но продолжайте ли вы конференцию".

Глапион принял это сообщение с большим уважением и, изменив тему нападения, сказал: "Пусть курфюрст назовет несколько доверенных лиц для обсуждения этого дела".

Канцлер.— "Курфюрст не утверждает, что защищает дело Лютера".

Исповедник.— "Очень хорошо, по крайней мере, обсудите это со мной.... Иисус Христос - мой свидетель, что все, что я делаю, я делаю из любви к Церкви и к Лютеру, который открыл так много сердец истине". [399]

Канцлер, отказавшийся выполнять то, что было личной задачей Реформатора, готовился уйти в отставку.

"Останься!" - сказал ему монах.

Канцлер.— "Что же тогда делать?"

Исповедник.— "Пусть Лютер отрицает, что он автор "Вавилонского пленения".

Канцлер.— "Но папская булла осуждает все остальные его работы".

Исповедник.— Это из-за его упрямства. Если он откажется от своей книги, папа римский, во всей полноте своей власти, может легко вернуть ему благосклонность. Каких только надежд мы не можем лелеять теперь, когда у нас такой превосходный император!.."

Заметив, что эти слова произвели некоторое впечатление на канцлера, монах поспешил добавить— "Лютер всегда настаивает на том, чтобы аргументировать, опираясь на Библию. Библия! ... она подобна воску, и ее можно растягивать и сгибать по своему усмотрению. Я берусь найти в Библии мнения еще более необычные, чем у Лютера. Он ошибается, когда превращает все изречения Иисуса в заповеди ". Затем, желая также развеять опасения канцлера, он добавил: "Что произошло бы, если бы сегодня или завтра император попробовал применить оружие?... Подумай об этом". Затем он позволил Понтанусу удалиться.

ПОНТАН И ГЛАПИОН.

Исповедник приготовил новые ловушки. "Прожив с ним десять лет, - сказал Эразм, - мы не должны знать его".

"Какая превосходная книга Лютера о "христианской свободе", - сказал он канцлеру, когда увидел его несколько дней спустя. — Какая мудрость! какой талант! какой интеллект! это как раз тот стиль, в котором должен писать настоящий ученый. Пусть с обеих сторон будут выбраны

безупречные личности, и пусть папа и Лютер ссылаются на их суждения. Без сомнения, у Лютера есть лучшее из того, что есть в нескольких статьях. [400] Я поговорю по этому вопросу с самим императором. Поверьте мне, я говорю вам все это не по собственному почину. Я сказал императору, что Бог покарает его, как и всех князей, если Церковь, которая является супругой Иисуса Христа, не будет омыта от всех пятен, которыми она осквернена. Я добавил, что сам Бог возвысил Лютера и приказал ему резко обличать людей, используя его как розгу для наказания за грехи мира". [401]

Канцлер, услышав эти слова (они передают впечатления того времени и показывают, что тогда думали о Лютере даже его оппоненты), счел правильным выразить свое удивление по поводу того, что к его учителю не было проявлено большего уважения. "Обсуждения по этому вопросу, - сказал он, - ежедневно ведутся перед императором, и курфюрст на них не приглашается. Кажется странным, что император, который обязан ему некоторой благодарностью, исключает его из своих советов".

Исповедник. — "Я присутствовал на этих заседаниях только один раз, и я слышал, как император сопротивлялся просьбам нунциев. Через пять лет будет видно, как много Чарльз сделал для реформирования Церкви".

"Курфюрст, - ответил Понтан, - не осведомлен о намерениях императора; его следует пригласить, чтобы он мог услышать, как они будут изложены".

Исповедник ответил глубоким вздохом, [402] "Я призываю Бога в свидетели того, как горячо я желаю увидеть завершение Реформации христианского мира".

Затянуть дело и тем временем держать рот Лютера на замке - вот все, что имел в виду Глапио. В любом случае, Лютер не должен приезжать в Вормс. Мертвец, вернувшийся с того света и появившийся посреди Сейма, не встревожил бы нунциев, монахов и все воинство папы так сильно, как вид виттембергского доктора.

ПРОВАЛ МАНЕВРОВ ГЛАПИО.

"Сколько дней нужно, чтобы добраться из Виттемберга в Вормс?" - спросил монах у канцлера с напускным безразличием; затем, попросив Понтана выразить курфюрсту свое смиренное почтение, он удалился.

Таковы были маневры придворных. Твердость Понтана перехитрила их. Этот прямой человек был непоколебим как скала на всех переговорах. Более того, римские монахи попали в те самые силки, которые они расставляли для своих врагов. "Христианин, - говорит Лютер своим образным языком, - подобен птице, пойманной в капкан. Волки и лисы ходят вокруг да около и бросаются на нее, чтобы сожрать, но падают в яму и погибают, в то время как робкая птица остается жива. Таким образом, святые ангелы охраняют нас, и пожирающие волки, лицемеры и преследователи, не могут причинить нам никакого вреда". [403] Не только уловки исповедника оказались тщетными, но, более того, его признания утвердили Фридриха в вере, что Лютер был прав и что его долг - защищать его.

Сердца людей с каждым днем становились все более склонными к Евангелию. Приор доминиканцев предложил, чтобы император, короли Франции, Испании, Англии, Португалии, Венгрии и Польши, папа римский и выборщики назначили представителей, с помощью которых

этот вопрос должен быть решен. "Никогда, - сказал он, - не упоминался только папа римский". [404] Общее настроение стало таким, что казалось невозможным осудить Лютера без слушания и регулярного осуждения. [405]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕАНДР.

Алеандру стало не по себе, и он проявил больше, чем обычно, энергии. Ему приходится бороться уже не только с Курфюрстом и Лютером. Он в ужасе от тайных переговоров духовника, предложения приора, согласия министров Карла и крайней холодности римского благочестия среди самых преданных друзей папы, "так что можно было подумать, - говорит Паллавичини, - что над ними пронесся ледяной поток". [406] Наконец он получил золото и серебро из Рима, и держал в руке энергичные записки, адресованные самым могущественным особам империи. [407] Опасаясь, что его жертва может сбежать, он почувствовал, что настало время нанести решающий удар. Он отправил судебные записки, щедрой рукой осыпал золотом и серебром, раздавал самые заманчивые обещания, "и, вооруженный, - говорит историк-кардинал, - этим тройным оружием, он снова попытался склонить колеблющееся собрание избирателей в пользу папы". [408] Он больше всего старался окружить императора своими ловушками. Воспользовавшись разногласиями между бельгийским и испанским министрами, он решительно осадил принца. Все друзья Рима, разбуженные его голосом, стали уговаривать юного Карла. "Каждый день, - писал курфюрст своему брату Иоанну, - против Лютера проводятся слушания: требуют, чтобы папа и император запретили его; предпринимаются всевозможные попытки навредить ему. Те, кто расхаживает в своих красных шляпах, римляне со всей своей сектой, трудятся над этой задачей с неутомимым рвением". [409]

Фактически, Алеандр призывал к осуждению Реформатора с яростью, которую Лютер называет "изумительной яростью". [410] Нунций-отступник, [411] как называет его Лютер, охваченный страстью, выходящей за рамки благоразумия, однажды воскликнул: "Если вы хотите, о немцы, поколебать сбросив с себя ярмо римского послушания, мы будем действовать так, что, противопоставляя одно другому, как истребляющий меч, вы все погибнете в своей собственной крови". [412] "Таков, - добавляет Реформатор, - метод папы пасти овец Христовых".

Сам Лютер говорил совсем на другом языке. Он не выдвигал требований личного характера. "Лютер готов, - сказал Меланхтон, - ценой своей жизни приобрести славу и продвижение Евангелия". [413] Но он дрожал при мысли о бедствиях, сигналом к которым могла стать его смерть. Он видел людей, сбитых с пути истинного и, возможно, мстящих за его мученическую смерть кровью его врагов, особенно священников. Он содрогнулся от страшной ответственности. "Бог, - сказал он, - сдерживает ярость своих врагов; но если она вырвется наружу, ... на священников обрушится буря, подобная той, что разразилась в Богемии.... Я свободен от этого, ибо я искренне умолял германскую знать остановить римлян мудростью, а не мечом. [414] Воевать со священниками, лишенными мужества и силы, - значит воевать с женщинами и детьми".

КАРЛ УСТУПАЕТ ПАПЕ РИМСКОМУ.

Карл не устоял перед просьбами нунция. Его бельгийскую и испанскую преданность развил его наставник Адриан, который впоследствии занял папский престол. Папа обратился к нему с кратким посланием, умоляя придать булле юридическую силу императорским эдиктом. "Напрасно, - сказал он ему, - Бог наделил бы тебя мечом высшей власти, если бы ты не

использовал его как против неверных, так и против еретиков, которые гораздо хуже неверных". Соответственно, однажды, в начале февраля, в тот момент, когда в Вормсе все было готово к блестящему турниру и после того, как императорский шатер был фактически возведен, принцев, которые готовились присутствовать на празднике, вызвали в императорский дворец. Там им была зачитана папская булла, и им был представлен строгий эдикт, предписывающий привести ее в исполнение. "Если у вас есть что предложить получше, - добавил император в обычной форме, - я готов вас выслушать".

Затем в сейме начались оживленные дебаты. "Монах, - писал депутат одного из немецких вольных городов, - дает нам много работы. Некоторые хотели бы распять его, и я не думаю, что ему удастся спастись: единственное, чего следует опасаться, - это того, что он может воскреснуть на третий день". Император думал, что сможет опубликовать свой эдикт без противодействия со стороны Штатов, но это было не так. Умы людей не были подготовлены, и необходимо было набрать Парламент. "Убеди это собрание", - сказал молодой монарх нунцию. Это было именно то, чего желал Алеандр, и он получил обещание быть принятым в Сейм 13 февраля.

ГЛАВА III.

Алеандр допущен в Сейм —Обращение Алеандра—Обвиняемый Лютер—Защита Рима—Апелляция к Карлу против Лютера—Последствия обращения нунция.

Нунций готовился к торжественной аудиенции. Задача была важной, но Алеандр был достоин ее. Посол суверенного понтифика был окружен всем великолепием своей должности; более того, он был одним из самых красноречивых людей своего времени. Друзья Реформации ожидали заседания не без страха. Курфюрст под предлогом недомогания не явился, но приказал нескольким своим советникам присутствовать и прислушаться к обращению нунция.

АДРЕС АЛЕАНДР.

В назначенный день Алеандр направилась в зал собравшихся принцев. Умы людей были взволнованы; некоторые думали об Анне или Каиафе, отправляющихся в судилище Пилата требовать жизни того, кто *"развращал нацию"*. [415] В тот момент, когда нунций собирался переступить порог, представитель Сейма (по словам Паллавичини) быстро подошел к нему, взял за грудки и оттолкнул назад". [416] "В душе он был лютеранином", - добавляет римский историк. Если эта история правдива, она, несомненно, выдает странную страсть офицера, но в то же время дает представление о том мощном влиянии, которое доктрина Лютера оказала даже на привратников Имперского совета. Гордый Алеандр, надменно выпрямившись, двинулся дальше и вошел в зал. Никогда еще Рим не призывали приносить извинения перед столь величественным собранием. Нунций положил перед ним судебные документы, которые он считал необходимыми, труды Лютера и папские буллы. Когда было объявлено молчание, он заговорил следующим образом: —

"Августейший император! —могущественнейшие принцы!—превосходнейшие депутаты! Я предстаю перед вами, чтобы поддержать дело, к которому мое сердце горит самой горячей

привязанностью. Речь идет о сохранении на голове моего господина той тиары, которую все почитают, о сохранении папского престола, ради которого я готов предать свое тело огню, если чудовище, породившее растущую ересь, будет сожжено в той же куче и смешает свой прах с моим. [417]

- Нет! разногласия между Лютером и Римом затрагивают не интересы папы. Книги Лютера передо мной, и любой человек, у которого есть глаза, может понять, что объектом его нападок являются святые доктрины Церкви. Он учит, что достойно общаются только те, чья совесть полна печали и смятения из-за своих грехов, и что в крещении нет оправдания без веры в обетование, залогом которого является крещение. [418] Он отрицает необходимость наших трудов для обретения небесной славы. Он отрицает, что у нас есть свобода и сила соблюдать естественный и божественный закон. Он утверждает, что мы неизбежно грешим во всех своих действиях. Посылал ли когда-нибудь арсенал ада стрелы, лучше приспособленные для того, чтобы ослабить поводья скромности?... Он проповедует отмену религиозных обетов. Можно ли представить себе более кощунственное нечестие?... Какого только опустошения не увидит мир, когда те, кто должен был быть закваской народа, сбросят свои священные облачения, покинут храмы, в которых звучали их священные гимны, и погрузятся в прелюбодеяние, кровосмешение и распущенность!..

АДРЕС АЛЕАНДР.

- Должен ли я перечислить все преступления этого дерзкого монаха? Он грешит против мертвых, потому что отрицает чистилище; он грешит против небес, потому что говорит, что не поверил бы ангелу с небес; он грешит против Церкви, потому что делает вид, что все христиане священники; он грешит против святых, потому что презирает их достопочтенные писания; он грешит против соборов, потому что называет собор Констанция собранием демонов; он грешит против мира, потому что запрещает смертное наказание любому, кто не совершил смертного греха. [419] Некоторые говорят, что он набожный человек ... У меня нет желания покушаться на его жизнь, я бы только напомнил этому собранию, что дьявол обманывает людей видимостью истины".

Алеандр, сказав об осуждении чистилища флорентийским собором, положил папскую буллу об этом соборе к ногам императора. Архиепископ Менца взял его и передал архиепископам Кельна и Трева, которые благоговейно приняли его и передали другим князьям. Нунций, обвинив таким образом Лютера, перешел теперь ко второму пункту, который должен был оправдать Рим.

"В Риме, - говорит Лютер, - на словах обещают одно, а руками делают противоположное. Если этот факт истинен, не должен ли вывод быть прямо противоположным тому, что он из него делает? Если служители религии живут в соответствии с ее предписаниями, это является доказательством того, что это ложь. Такова была религия древних римлян.... Такова религия Магомета и самого Лютера; но это не та религия, которой учат нас римские понтифики. Да, доктрина, которую они исповедуют, осуждает всех как ошибочных, некоторых как виновных, а некоторых даже (я говорю это откровенно) как преступных. [420]... Эта доктрина подвергает их действия осуждению людей при их жизни и историческому позору после их смерти. [421] Теперь, какое удовольствие, какую выгоду, я спрашиваю, могли понтифики найти в изобретении такой религии?

"Скажут, что в первобытные времена Церковью управляли не римские понтифики — каким должен быть вывод? Такими аргументами они могли бы убедить мужчин питаться желудями, а принцесс — быть их собственными прачками.

АДРЕС АЛЕАНДР.

Но именно против своего противника, Реформатора, нунций направил свою атаку главным образом. Полный негодования против тех, кто говорил, что он должен быть услышан, он воскликнул: "Лютер никому не позволит наставлять его". Папа вызвал его в Рим, но он не подчинился. Папа вызвал его в Аугсбург к своему легату, и он не хотел появляться без охранной грамоты от императора, *то есть* до тех пор, пока руки легата не будут связаны и у него не останется ничего свободного, кроме языка. [422] "Ах!" — сказал Алеандр, поворачиваясь к Карлу V, — "Я умоляю ваше императорское величество не делать того, что могло бы обернуться позором. Не вмешивайтесь в дело, в котором миряне не имеют права разбираться. Делайте свою собственную работу. Пусть учение Лютера будет запрещено по всей империи: пусть его труды будут повсюду сожжены. Не бойтесь: в трудах Лютера достаточно того, чтобы сжечь сто тысяч еретиков. [423]... И чего нам бояться?... Население? Перед битвой они кажутся ужасными из-за своей наглости; в битве они достойны презрения из-за своей трусости. Иностранные принцы? Король Франции запретил учению Лютера проникать в свое королевство, в то время как король Великобритании готовит удар по нему своей королевской рукой. Вы знаете, каковы чувства Венгрии, Италии и Испании, и никто из ваших соседей, какую бы сильную вражду он ни питал к вам, не желает вам ничего столь ужасного, как эта ересь. Если дом нашего врага находится рядом с нашим собственным, мы можем пожелать ему лихорадки, но не мора.... Кто все эти лютеране? Собище наглых грамматиков, продажных священников, беспорядочных монахов, невежественных адвокатов, опустившихся дворян, простых людей, введенных в заблуждение и извращенных. Разве католическая партия не гораздо более многочисленна, способна и могущественна? Единогласное решение этого собрания просветит простых, предостережет неосторожных, определит тех, кто колеблется, и утвердит слабых.... Но если топор не будет приставлен к корню этого ядовитого кустарника, если ему не будет нанесен смертельный удар, то..... Я вижу, как она покрывает наследие Иисуса Христа своими ветвями, превращает виноградник Господень в воющий лес, превращает царство Божье в логово диких зверей и ввергает Германию в ужасающее состояние варварства и запустения, до которого Азия была доведена суеверием Магомета".

ЭФФЕКТ ОБРАЩЕНИЯ АЛЕАНДР.

Нунций умолк. Он говорил три часа. Поток его красноречия взволновал собрание. "Принцы, потрясенные и встревоженные, — говорит Коклюс, — посмотрели друг на друга; и вскоре с разных сторон послышался ропот против Лютера и его сторонников". [424] Если бы могущественный Лютер присутствовал, если бы ему было позволено ответить на выступление, если бы ему, воспользовавшись уступкой, которую римский оратор вынудил вспомнить своего старого учителя, печально известного Борджиа, было позволено показать, что эти аргументы, призванные защитить Рим, представляли собой ее осуждение, и что доктрина, доказывающая ее беззаконие, не была изобретена им, как сказал оратор, "но была ли та самая религия, которую Христос дал миру и которую реформация устанавливала в ее первобытном блеске", если бы он представил точную и живую картину ошибок и злоупотреблений папства и показал, как оно превратило религию Иисуса Христа в инструмент возвеличивания и грабежа, — эффект

речи нунция был бы нейтрализован в момент ее произнесения; но никто не встал, чтобы заговорить. Собрание оставалось под впечатлением от обращения и, возбужденное и увлеченное, показало себя готовым яростно искоренить ересь Лютера с земли империи. [425]

И все же победа была лишь кажущейся. Божьей волей было, чтобы у Борн была возможность продемонстрировать свои доводы и свою силу. Величайший из ее ораторов обратился к собравшимся князьям и сказал все, что должен был сказать Рим. Но последнее усилие папства было именно тем, чему суждено было стать для некоторых из тех, кто был свидетелем этого, сигналом о ее поражении. Если для того, чтобы обеспечить торжество истины, необходимо провозгласить ее во всеуслышание, то для того, чтобы обеспечить уничтожение заблуждения, достаточно опубликовать ее без утайки. Ни то, ни другое, чтобы достичь своего, не должно быть скрыто. Свет судит обо всем.

ГЛАВА IV.

Настроения принцев—Речь герцога Георга—Характер Реформации—Сто одна жалоба—Карл уступает—Тактика Алеандра—Гранды Испании—Мир Лютера—Смерть, а не отречение.

Хватило нескольких дней, чтобы стереть эти первые впечатления, как это всегда бывает, когда оратор прикрывает пустоту своих аргументов высокопарными фразами.

РЕЧЬ ГЕРЦОГА ГЕОРГА.

Большинство князей были готовы пожертвовать Лютером, но ни один из них не был расположен пожертвовать правами империи и урегулированием немецких претензий. Не было никаких возражений выдать дерзкого монаха, осмелившегося говорить так громко, но хотелось, чтобы папа еще больше осознал справедливость реформы, которой требовали главы королевства. Соответственно, именно величайший личный враг Лютера, герцог Георг Саксонский, наиболее энергично выступал против посягательств Рима. Внук Подебрада, короля Богемии, отвергнутый доктринами благодати, провозглашенными Реформатором, все еще не оставил надежды увидеть моральную и церковную реформу, и что так сильно раздражало его против виттембергского монаха, так это то, что он испортил все дело своими презируемыми доктринами. Но теперь, видя, что нунций пытается смешать Лютера и реформу в одном общем осуждении, Георг внезапно встал среди собравшихся князей и, к великому удивлению тех, кто знал его ненависть к Реформатору, сказал: "Сейм не должен забывать обиды, на которые он жалуется Римскому двору. Какие злоупотребления проникли в наши штаты! В annats которой государь пожаловал свободно на благо христианского мира, теперь требовали как долг—Римской придворные каждый день изобретают новые законы, для того, чтобы поглотить, продать и ферму из церковных бенефиций—множество прегрешений подмигнул; богатые правонарушители недостойно терпеть, в то время как те, у кого нет средств на выкуп наказывают без жалости—пап непрестанно дарует надежды и переход на воспитанников Дворца, в ущерб тем, кому принадлежат бенефиций—в commendams соборов и монастырей Рима, наделил кардиналов, епископов и прелатов, которые целесообразно их доходы, так что там не один монах в монастыре, который должен был двадцать или тридцать станции множились без конца, и потакание магазины установленных на всех улицах и площадях наших

городов, магазины Святого Антония, магазины Святого Духа, Святого Губерта, св. Корнелий, св. Викентия, и многие другие, кроме того—общества по купке от Рима право проведения таких рынках, приобретая от своего епископа право выставлять свои изделия, и, для того чтобы обеспечить все эти деньги, слив и опустошив карманы бедных—потакание, которое должно быть предоставлено исключительно для спасения души, и которые должны быть оправдано только молитвами, постом, и в спасение души, продается по обычной цене—чиновники из епископов угнетают тех, в смиренной жизни с покаянием за богохульство, прелюбодеяние, разврат, нарушение это или праздничный день, то время, в то же время, даже не с критикой духовных лиц, которые виновны в тех же преступлениях—епитимы, налагаемые на кающегося, и хитро устроена, так что вскоре он влюбляется заново в том же вине, и платит столько больше денег. [426]... Таковы некоторые из вопиющих злоупотреблений Рима; отброшено всякое чувство стыда, и преследуется только одно ... деньги! деньги! Поэтому проповедники, которые должны были бы учить истине, сейчас не делают ничего, кроме розничной лжи — лжи, которую не только терпят, но и вознаграждают, потому что чем больше они лгут, тем больше выигрывают. Из этого загрязненного колодца вытекает вся эта загрязненная вода. Разврат идет рука об руку с алчностью. Чиновники заставляют женщин приходить в их дома под разными предлогами и пытаются соблазнить их, иногда угрозами, иногда подарками; или, если им это не удастся, нанести ущерб их репутации. [427] Ах! скандалы, вызванные духовенством, обрекают множество бедных душ на вечное осуждение! Необходима всеобщая реформа, и эта реформа должна быть завершена созывом генерального Совета. А потому, превосходнейшие принцы и лорды, со смирением умоляю вас не терять времени при рассмотрении этого вопроса". Через несколько дней после выступления Алеандра герцог Георг представил список жалоб, которые он перечислил. Этот важный документ хранится в архивах Веймара.

Лютер не выступал более решительно против злоупотреблений Рима, но он сделал нечто большее. Герцог указал на зло, Лютер же, наряду со злом, указал и на причину, и на лекарство. Он показал, что грешник получает истинное снисхождение, то, что исходит от Бога, исключительно по вере в благодать и заслуги Иисуса Христа, и эта простая, но могущественная доктрина перевернула все рынки, установленные священниками. "Как можно стать набожным?" - спросил он однажды. "Кордельер ответит: Надень серый капюшон и обвяжи шнурок вокруг талии. Римлянин ответит, отслужит мессу и постится. Но христианин скажет: "Только вера во Христа оправдывает и спасает". Перед делами мы должны обрести вечную жизнь. После того, как мы родимся заново и станем детьми Божьими по слову благодати, именно тогда мы совершаем добрые дела". [428]

Герцог говорил языком светского князя - Лютера, языком реформатора. Великая язва Церкви заключалась в том, что она полностью посвятила себя внешнему; все свои дела и милости она свела к внешним и материальным вещам. Индульгенции довели это до крайней точки, и прощение, самая духовная вещь в христианстве, покупалось в таких магазинах, как "мясо и напитки". Великая работа Лютера заключалась в том, что он воспользовался этой крайней точкой вырождения христианского мира, чтобы вернуть человека и Церковь к первоначальному источнику жизни и восстановить царствование Святого Духа в святилище сердца. Здесь, как это часто бывает, лекарство возникло из болезни, и две крайности встретились. С тех пор Церковь, которая на протяжении столетий веков развивалась внешне с помощью церемоний, обрядов и человеческих обычаев, снова начала развиваться внутри с помощью веры, надежды и милосердия.

СПИСОК ЖАЛОБ.

Обращение герцога произвело большой эффект из-за того, что его оппозиция Лютеру была хорошо известна. Другие члены сейма высказали разные претензии. Сами церковные князья поддержали эти жалобы. [429] "У нас есть понтифик, - сказали они, - который проводит свою жизнь в охоте и удовольствиях. Пособия Германии раздаются в Риме егерям, прислуге, грумам, конюхам, телохранителям и другим представителям этого класса, невежественным, неотесанным людям, без способностей и совершенно чужим для Германии". [430] Сейм назначил комиссию для сбора всех этих жалоб. Было установлено, что их число составляет сто один. Депутация, состоящая из светских и церковных князей, представила список императору, умоляя его возместить ущерб, как он обещал сделать при своем избрании. "Сколько христианских душ потеряно?" - спросили они Карла V. "Сколько грабежей, сколько вымогательств вызвано скандалами, которыми окружен духовный глава христианского мира? Необходимо предотвратить разорение и бесчестие нашего народа. Поэтому мы все, как один, молим вас самым смиренным, но и самым настоятельным образом назначить всеобщую реформацию, предпринять ее и довести до конца ". [431] В то время в христианском обществе существовала невидимая сила, влияющая на князей и их подданных, мудрость свыше, увлекающая вперед даже противников Реформации и подготавливающая это освобождение, назначенный час которого наконец настал.

Карл не мог остаться равнодушным к этим протестам империи. Ни он сам, ни нунций не ожидали их. Его духовник даже осудил месть Небес против него, если он не реформирует Церковь. Император немедленно отменил указ, предписывавший предавать огню труды Лютера во всех частях империи, и заменил его временным распоряжением о передаче этих книг магистратам.

Это не удовлетворило ассамблею, которая желала появления Реформатора. Несправедливо, говорили его друзья, осуждать Лютера, не выслушав его и не узнав от него самого, является ли он автором книг, которые предлагается сжечь. Его учение, говорили его оппоненты, настолько завладело сердцами людей, что невозможно остановить их прогресс, не услышав его. С ним не нужно спорить. Если он признает свои писания и откажется от них отказаться, тогда все мы, курфюрсты, принцы, государства всей империи, верные вере наших предков, все вместе поможем вашему величеству всеми доступными нам средствами в исполнении ваших указов. [432]

ТАКТИКА АЛЕАНДРА.

Встревоженный Алеандр, опасавшийся как бесстрашия Лютера, так и невежества князей, немедленно взялся за дело, чтобы не допустить появления Реформатора. От министров Карла он перешел к князьям, наиболее расположенным к благосклонности папы, а от этих князей - к самому императору. [433] "Незаконно, - сказал он, - ставить под сомнение решение суверенного понтифика. Вы говорите, что дискуссии с Лютером не будет; но, - продолжал он, - разве силы этого дерзкого человека, огня его глаз, красноречия его языка и таинственного духа, который им движет, не будет достаточно, чтобы вызвать какую-нибудь мятежную реакцию? [434] Некоторые уже почитают его как святого, и вы повсюду встречаете его портрет, окруженный ореолом славы, как вокруг головы Блаженного. Если будет решено процитировать его, то, по крайней мере, пусть это будет без предоставления ему защиты общественного мнения ". [435] Эти последние слова должны были напугать Лютера или подготовить его гибель.

Нунций нашел легкий доступ к гранд Испании. В Испании, как и в Германии, оппозиция доминиканским инквизиторам была национальной. Иго инквизиции, которое было прекращено на время, только что было восстановлено Карлом. Многочисленная партия на полуострове сочувствовала Лютеру; но это было не так с великими, которые на берегах Рейна снова встретились с тем, что они ненавидели за Пиренеями. Охваченные самым яростным фанатизмом, они были полны решимости уничтожить новую ересь. В частности, Фридрих, герцог Альба, приходил в ярость всякий раз, когда поднимался вопрос о Реформации. [436] Его желанием было бы окунуться в кровь всех ее приверженцев. Лютера еще не призвали выступить, и все же одно его имя уже взволновало всех грандов христианского мира, собравшихся тогда в Вормсе.

МИР ЛЮТЕРА.

Человек, который таким образом будоражил сильных мира сего, был единственным, кто, казалось, пребывал в мире. Новости из Вормса были тревожными. Даже друзья Лютера были напуганы. "Теперь нам не осталось ничего, кроме наших желаний и молитв", - писал Меланхтон Спалатину. "О! если бы Бог соизволил моей кровью выкупить безопасность христианского народа". [437] Но Лютеру был чужд страх. Запершись в своей мирной келье, он сел медитировать, применяя к себе слова Марии, матери Господа нашего, когда она воскликнула: *"Душа моя возвеличивает Господа, и дух мой возрадовался о Боге, Спасителе моем. Ибо тот, кто силен, совершил для меня великие дела, и свято имя Его. Он показал силу своей рукой; он низложил могущественных с их престолов и возвысил их на низших ступенях."* [438] Ниже приведены некоторые мысли, которые наполняли сердце Лютера.... "Тот, кто силен", - говорит Мария. О! какая великая смелость со стороны юной девушки! Одним-единственным словом она поражает всех сильных слабостью, всех могущественных немощью, всех мудрых безумием, а всех тех, чье имя славно на земле, позором и кладет к ногам Бога всю силу, всю мощь, всю мудрость, всю славу. [439] "Его рука", — продолжает она, и таким образом взывает к той силе, с помощью которой он действует сам, без посредничества своих созданий, - таинственной силе, действующей в тайне и молчании, пока его цель не будет достигнута. Следовательно, разрушение наступает до того, как кто-либо осознает его приближение; отсюда возвышение, когда никто не думает о нем. Он оставляет своих детей в угнетении и беспомощности, так что каждый из них говорит себе: "Мы все погибли!" Тогда, однако, они самые сильные. Ибо там, где заканчивается сила человека, начинается сила Бога. Только пусть вера ожидает Его.... И, с другой стороны, Бог позволяет своим противникам увеличивать свою силу и величие. Он лишает их помощи своей силы и оставляет их накачиваться своей собственной. [440] Он лишает их своей вечной мудрости и позволяет им наполнить себя мудростью дня. И в то время как они возвышаются в величии своей мощи, рука Господа сдерживается, и их работа ... исчезает, как мыльный пузырь, когда он лопается в воздухе".

Именно 10 марта, в тот момент, когда его имя наполняло имперский город тревогой, Лютер закончил это изложение Магнификата.

БУДЕТ ЛИ ВЫДАНА ОХРАННАЯ ГРАМОТА?

Ему не позволили оставаться спокойным в своем убежище. Спалатин, в соответствии с распоряжениями курфюрста, направил ему записку со статьями, от которых предлагалось потребовать от него отказа. Опровержение после отказа в Аугсбурге! [441]... "Не бойтесь, - писал он Спалатину, - что я откажусь ни от одного слога, поскольку их единственный аргумент -

настаивать на том, что мои труды противоречат обрядам того, что они называют Церковью. Если император Карл вызовет меня только для того, чтобы я отказался, я отвечу ему, что останусь здесь; и это будет точно так же, как если бы я был в Вормсе и вернулся снова. Но если, напротив, император решит призвать меня для того, чтобы я был предан смерти, я готов выступить по его зову; ибо с помощью Христа я не отступлю от его слова на поле битвы. Я знаю это: эти кровавые люди не успокоятся, пока не лишат меня жизни. О, если бы никто, кроме папистов, не стал виновным в моей крови!"

ГЛАВА V.

Будет ли выдана охранная грамота?—Охранная грамота —Поедет ли Лютер?—Страстной четверг в Риме —Папа и Лютер.

Наконец император принял решение. Появление Лютера на сейме казалось единственным подходящим средством для того, чтобы хоть как-то прекратить это дело, охватившее всю империю. Карл V решил сослаться на него, но без охранной грамоты. Здесь Фридрих снова начал выступать в роли его защитника. Все видели опасность, угрожавшую Реформатору. Друзья Лютера, говорит Коклюс, боялись, что он будет выдан папе или что сам император предаст его смерти как недостойного того, чтобы он сохранял какую-либо веру из-за своей упрямой ереси. [442] По этому вопросу среди принцев шли долгие и острые дебаты. [443] Пораженный, наконец, общим волнением, царившим тогда почти во всей Германии, и опасаящийся, что по мере ухода Лютера может вспыхнуть какое-нибудь внезапное волнение или опасная крамола, [444] (несомненно, в пользу Реформатора) князья сочли разумным успокоить умы людей на его счет, и не только император, но и курфюрст Саксонии, герцог Георг и ландграф Гессенский, через земли которых ему предстояло проезжать, выдали ему охранную грамоту.

6 марта 1521 года Карл V подписал следующую повестку, адресованную Лютеру:—

"Карл, милостью Божьей, избран римским императором, всегда Августом, и т.д., и т.п.

ОХРАННАЯ ГРАМОТА.

"Достопочтенный, дорогой и благочестивый! Мы и государства Священной Империи, приняв решение провести расследование относительно доктрины и книг, которые вы опубликовали в течение некоторого времени назад, передали вам, чтобы прибыть сюда и вернуться в безопасное место, при этом наши гарантии безопасности и гарантии безопасности империи здесь объединены. Наше искреннее желание состоит в том, чтобы вы немедленно подготовились к этому путешествию, чтобы в течение двадцати одного дня, указанного в нашей охранной грамоте, вы могли быть здесь наверняка и в обязательном порядке. Не опасайтесь ни несправедливости, ни насилия. Мы будем строго соблюдать наши правила безопасности, указанные в письменном виде, и ожидаем, что вы откликнетесь на наш призыв. Поступая таким образом, вы последуете нашему серьезному совету.

"Дано в нашем имперском городе Вормсе шестого марта 1521 года от Рождества Христова и на второй год нашего правления.

"Чарльз.

- По приказу моего господина императора, собственноручно, Альберта, кардинала Менца, архи-канцлера. *Николас Цвиль.*"

На охранной грамоте, приложенной к этому письму, значился следующий адрес:
"Достопочтенному, нашему дорогому и благочестивому доктору Мартину Лютеру из ордена августинцев."

Это начиналось так:—

"Мы, Карл пятый от этого имени, милостью Божьей избрали Римского императора, всегда Августа, короля Испании, Обеих Сицилий, Иерусалима, Венгрии, Далмации, Хорватии и т.д., эрцгерцога Австрии, герцога Бургундии, графа Габсбурга, Фландрии, Тироля и т.д., и т.п."

Затем король стольких народов, придавая значение тому, что он вызвал к себе монаха-августинца по имени Лютер, приказал всем принцам, лордам, магистратам и другим соблюдать охранную грамоту, которую он ему дал, под страхом наказания императором и империей. [445]

Таким образом, император присвоил титул "дорогой, достопочтенный и благочестивый" человеку, по вине которого Церковь начала свое отлучение от церкви. При составлении документа было высказано пожелание устранить всякое недоверие из умов Лютера и его друзей. Гаспару Штурму было поручено передать это послание Реформатору и сопровождать его в Вормс. Курфюрст, опасаясь общественного негодования, 12 марта написал магистратам Виттемберга письмо с просьбой позаботиться о безопасности офицера императора и, если сочтет необходимым, предоставить ему охрану. Герольд отправился в путь.

Таким образом, замыслы Бога были осуществлены. Богу было угодно установить на холме тот свет, который он зажег в мире, и императоры, короли и принцы, сами того не подозревая, немедленно приступили к осуществлению его замысла. Ему легко возносить низших к высшим. Одного проявления его власти достаточно, чтобы поднять скромное дитя Мансфельда из темной хижины во дворец, где собираются короли. Для Него нет ничего ни малого, ни великого. Когда он того пожелает, Карл V и Лютер встречаются лицом к лицу.

СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГ В РИМЕ.

Но подчинится ли Лютер этой цитате? Его лучшие друзья сомневались. Курфюрст 25 марта написал своему брату— "Доктора Мартина вызвали сюда, но я не знаю, придет ли он. Я не могу предвещать ничего хорошего". Три недели спустя (16 апреля) этот превосходный принц, видя возрастающую опасность, снова написал герцогу Джону. "Есть прокламация против Лютера. Кардиналы и епископы нападают на него с особой суровостью. Пусть Бог обратит все к добру. Если бы, молю Бога, я мог обеспечить ему достойный прием!" [446]

Пока все это происходило в Вормсе и Виттемберге, папство наносило новые удары. 28 марта, в четверг перед Пасхой, Рим огласился торжественным отлучением от церкви. В это время года принято публиковать ужасную буллу в *SœNa Domini*, которая представляет собой всего лишь длинную серию проклятий. В тот день аллеи, ведущие к церкви, в которой суверенный понтифик должен был совершить богослужение, с раннего часа были заняты папской стражей и толпой людей, которые стеклись со всех концов Италии, чтобы получить благословение святого отца.

Площадь перед Василиском была украшена лавровыми и миртовыми ветвями; на балконе церкви горели восковые свечи, а на нем был воздвигнут остенсориум. Внезапно воздух наполняется торжественными звуками колоколов; на балконе появляется папа, облаченный в папскую мантию, которого несут в кресле; люди преклоняют колени, все головы непокрыты, знамена приспущены, мушкеты подняты, и воцаряется торжественная тишина. Несколько мгновений спустя папа медленно протягивает руки, поднимает их к небу, затем медленно наклоняет их к земле, осеняя себя крестным знамением. Это движение повторяется трижды, и воздух снова наполняется эхом от звона колоколов, которые оповещают окружающую местность о благословении папы; затем священники стремительно продвигаются вперед, держа зажженные факелы, которые они переворачивают, размахивают и швыряют повсюду с яростью, изображая адское пламя; люди взволнованы, и с высоты храма доносятся слова проклятия. [447]

Когда Лютеру сообщили об этом отлучении, он опубликовал его содержание с некоторыми замечаниями, написанными в том едком стиле, в котором он так преуспел. Хотя эта публикация появилась позже, мы здесь дадим некоторое представление о ней. Давайте послушаем верховного жреца христианского мира с балкона его "Василиска" и монаха из Виттемберга, отвечающего ему из недр Германии. [448]

В контрасте двух голосов есть что-то характерное.

ЛЮТЕР И ПАПА РИМСКИЙ.

Папа римский.— "Епископ Лев".

Лютер.— Епископ ... как волк есть пастырь, ибо епископ должен увещевать в соответствии с учением о спасении, а не изрыгать проклятия".

Папа Римский.—"... Слуга всех слуг Божьих...."

Лютер.—"Вечером, когда мы пьяны; но утром мы называем себя Львом, господом всех господ".

Папа римский.—"Римские епископы, наши предшественники, имели обыкновение в этот праздник пускать в ход оружие справедливости"....

Лютер.—"Которые, по-вашему, являются отлучением от церкви и анафемой, но, согласно святому Павлу, терпением, кротостью и милосердием". (2 Кор. vi, 7.)

Папа римский.—"Согласно долгу апостольского служения и для поддержания чистоты христианской веры".

Лютер.—"Другими словами, мирские владения папы".

Папа Римский.—"И его единство, которое заключается в союзе членов церкви со Христом, их главой... и со своим викарием....

Лютер.—"Ибо Христа недостаточно; необходим еще один человек, кроме него".

Папа Римский.—"Чтобы сохранить святое причастие верующих, мы следуем древнему обычаю и отлучаем от церкви и предаем анафеме со стороны Всемогущего Бога Отца".

Лютер.— "О котором сказано: "Бог послал Сына Своего в мир не для осуждения мира".
(Иоанна, iii, 17.)

Папа Римский.— "... И Сын, и Святой Дух, и согласно силе апостолов Петра и Павла... и наш собственный...."

Лютер.— И я сам! говорит голодный волк, как будто сила Божья была слишком слаба без него".

Папа Римский.— "Мы проклинаяем всех еретиков, Гарази, [\[449\]](#) Патарини, нищие Лиона, арнольдисты, сперонисты, пассаджианцы, уиклиффиты, гуситов, Фратичелли".

Лютер.— "Ибо они хотели обладать Священным Писанием и настаивали на том, чтобы папа был трезв и проповедовал Слово Божье".

Папа римский.— "И Мартин Лютер, недавно осужденный нами за подобную ересь, а также все его приверженцы и все, кто бы они ни были, оказывающие ему какую-либо благосклонность".

Лютер.— "Я благодарю тебя, всемилостивый понтифик, за то, что ты осудил меня вместе со всеми этими христианами. Я считаю для себя честью, что мое имя было провозглашено в Риме во время праздника таким славным образом и пронесено по всему миру вместе с именами всех этих смиренных исповедников Иисуса Христа".

Папа римский.— "Подобным же образом мы отлучаем от церкви и проклинаяем всех пиратов и корсаров...."

ЛЮТЕР И ПАПА РИМСКИЙ.

Лютер. "Кто же тогда величайший из пиратов и корсаров, если не тот, кто похищает души, заковывает их в цепи и предаёт смерти?"

Папа Римский.— "Особенно те, кто плавают по нашему морю".

Лютер.— "Наше МОРЕ!... Святой Петр, наш предшественник, сказал: "Серебра и золота нет у меня" (Деяния, iii, 6.) Иисус Христос сказал: "Цари язычников господствуют над ними; но с вами этого не будет". (Лука, xxi, 25.) Но если телега, груженная сеном, должна при встрече с пьяным человеком уступить ему дорогу, то тем более святой Петр и сам Иисус Христос должны уступить дорогу папе римскому".

Папа Римский.— "Точно так же мы отлучаем от церкви и проклинаяем всех, кто фальсифицирует наши буллы и наши апостольские послания...."

Лютер.— "Но буквы Божьи, Священные Писания Божьи весь мир может осудить и сжечь".

Папа Римский.— "Подобным же образом мы отлучаем от церкви и проклинаяем всех, кто задерживает провизию, находящуюся на пути в Рим...."

Лютер.— "Он лает и кусается, как собака, которой грозят лишением кости". [\[450\]](#)

Папа Римский.— "Подобным же образом мы осуждаем и проклинаяем всех, кто утаивает судебные права, плоды, десятину, доходы, принадлежащие духовенству".

Лютер.— "Ибо Иисус Христос сказал: "Всякий, кто хочет подать на тебя в суд и отнять у тебя одежду, отдай ему и твою одежду." (Матф. v, 40.) и это наш комментарий к этому отрывку".

Папа римский.— "Каковы бы ни были их положение, достоинство, орден, власть или ранг; будь они даже епископами или королями...."

Лютер.— "Ибо "Среди вас возникнут лжеучителя, которые будут презирать власть и злословить о достоинствах", - говорит Писание. (Джуд, 8 лет.)"

Папа Римский.— "Точно так же мы осуждаем и проклинаем всех тех, кто каким-либо образом нападает на город Рим, королевство Сицилия, острова Сардиния и Корсика, поместье Святого Петра в Тоскане, герцогство Сполето, маркграфство Анкона, Кампанья, города Феррара и Беневенто или любой другой город или страну, принадлежащие Римской Церкви".

Лютер.— О, Питер, бедный рыбак! откуда у тебя Рим и все эти королевства? Я приветствую тебя, Петр, король Сицилии! ... и рыбак из Вифсаиды!"

Папа Римский.— "Мы отлучаем от церкви и проклинаем всех канцлеров, советников, парламенты, прокуроров, губернаторов, должностных лиц, епископов и других лиц, которые выступают против наших писем с увещеваниями, приглашениями, запретами, посредничеством, казнями и т.д."

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ В РИМЕ.

Лютер.— "Ибо святой престол стремится только к тому, чтобы жить в праздности, великолепии и разврате, командовать, штурмовать, обманывать, лгать, оскорблять и совершать всевозможные злодеяния в мире и безопасности...."

"О Господь, восстань! это не так, как притворяются паписты. Ты не оставил нас, и твоя милость не отвернулась от нас".

Так говорили Лев X в Риме и Лютер в Виттемберге.

Когда понтифик закончил произносить свои анафемы, пергамент, на котором они были написаны, был разорван на куски, а обрывки брошены народу. Немедленно в толпе поднялась большая суматоха, все устремились вперед, стремясь заполучить кусочек ужасного быка.

Таковы были святые реликвии, которые папство предложило своим верующим накануне великого дня благодати искупления. Толпа вскоре рассеялась, и в окрестностях "Василиска" воцарилась привычная тишина. Вернемся в Виттемберг.

ГЛАВА VI.

Мужество Лютера—Бугенхаген в Виттемберге—Преследования в Померании—Меланхтон хочет отправиться с Лютером—Амсдорф—Шурфф—Суавен—Хюттен к Карлу V.

БУГЕНХАГЕН В ВИТТЕМБЕРГЕ.

Это было 24 марта. Императорский герольд Гаспар Штурм, миновав наконец ворота города, где находился Лютер, предстал перед доктором и вручил ему повестку Карла V. Серьезный момент для Реформатора! Все его друзья были в ужасе. Ни один принц, даже за исключением Фридриха Мудрого, еще не высказался в его пользу. Рыцари, это правда, изрекали угрозы, но могущественный Карл презирал их. И все же Лютера это не беспокоило. "Паписты, - сказал он, увидев страдания своих друзей, - не желают моего прибытия в Вормс, они желают только моего осуждения и смерти. [451] Неважно, молитесь не за меня, но за Слово Божье. Прежде чем моя кровь остынет, тысячи людей по всему миру будут призваны к ответу за то, что пролили ее. Самый святой противник Христа, отец, повелитель и генералиссимус убийств, настаивает на том, чтобы сохранить мне жизнь. Аминь! Да будет исполнена воля Господа. Христос даст мне свой Дух, чтобы победить этих служителей заблуждения. Я презирал их при жизни и восторжествовую над ними своей смертью. [452] Они делают все возможное в Worms, чтобы заставить меня отказаться. Тогда вот мое опровержение: однажды я сказал, что папа был наместником Христа; теперь я говорю, что он враг Господа и апостол дьявола". И когда он узнал, что все кафедры францисканцев оглашаются проклятиями в его адрес, он воскликнул: "О, какую чудесную радость это доставляет мне!" [453] Он знал, что исполнил волю Божью и что Бог был с ним; почему же тогда ему не отправиться смело в путь? Эта чистота намерений, эта свобода совести - скрытая сила неисчислимой мощи, которая никогда не подводит слугу Божьего и которая делает его более непобедимым, чем могли бы сделать его шлемы и вооруженные полчища.

В это время в Виттемберг прибыл человек, которому, как и Меланхтону, суждено было стать другом Лютера на всю жизнь и утешить его в момент отъезда. [454] Это был священник тридцати шести лет по имени Бугенхаген, бежавший от жестокостей, с которыми епископ Каминский и князь Богислав Померанский преследовали сторонников Евангелия всех классов - духовенства, горожан и литераторов. [455] Бугенхаген, происходивший из сенаторской семьи в Воллине в Померании, из которой его обычно называют "Померанцем", в двадцатилетнем возрасте начал преподавать в Трептове. Послушать его стекалась молодежь, в то время как знать и ученые люди соперничали друг с другом за его общество. Он был прилежным изучателем Священного Писания и молился Богу наставить его. [456] Однажды в конце декабря 1520 года, когда он ужинал с несколькими друзьями, ему в руки попал трактат Лютера о *Вавилонском пленении*. Перевернув его, он воскликнул: "Много еретиков наводнило Церковь с тех пор, как умер наш Спаситель, но никогда не было никого более пагубного, чем автор этого труда". Когда он взял книгу домой и перечитывал ее снова и снова, его взгляды полностью изменились; новые истины открылись его уму, и, вернувшись несколько дней спустя к своим спутникам, он сказал им: "Весь мир погрузился в киммерийскую тьму. Этот человек, и никто, кроме него, не видит правды". [457] Некоторые священники, дьякон и даже сам аббат, восприняли чистое учение о спасении и, проповедуя его с силой, "вскоре" (говорит историк) "отвратили своих слушателей от человеческих суеверий к единственной действительной заслуге Иисуса Христа". [458] Затем начались преследования. Некоторые из них уже были замурованы в подземельях, когда Бугенхаген сбежал от своих врагов и прибыл в Виттемберг. "Он страдает из любви к Евангелию", - немедленно написал Меланхтон капеллану курфюрста. "Куда ему бежать, если не в наш асулов (убежище) под защиту нашего принца?" [459]

МЕЛАНХТОН. АМСДОРФ. ШУРФФ. СУАВЕН.

Но никто не принимал Бугенхагена с таким восторгом, как Лютер. Между ними была достигнута договоренность, что сразу после ухода Реформатора Бугенхаген приступит к толкованию Псалмов. Таким образом, божественное Провидение привело этот могущественный ум на помощь тому, кого Виттембергу предстояло потерять. Поставленный годом позже во главе церкви этого города, Бугенхаген руководил ею в течение тридцати шести лет. Лютер называл его *Пастором*.

Лютеру велено было удалиться. Его встревоженные друзья думали, что, если Бог чудесным образом не вмешается, он умрет. Меланхтон, покинувший свою родину, привязался к Лютеру всей душой. "Лютер, - сказал он, - для меня вместо всех моих друзей: Я чувствую, что он более велик и достоин большего восхищения, чем я могу выразить словами. Вы знаете, как Алкивиад восхищался своим Сократом; [460] но я восхищаюсь Лютером в более высоком смысле, потому что он христианин". Затем он добавил простое, но красивое выражение: "Каждый раз, когда я созерцаю его, я нахожу его даже более великим, чем он сам". [461] Меланхтон хотел последовать за Лютером в его опасностях. Но их общие друзья и, несомненно, сам доктор были против этого. Не должен ли Филипп заменить своего друга? и, если этот друг никогда не вернется, кто будет руководить Реформацией? "Ах! молила бы Бога, - сказала Меланхтон, смирившись, но опечаленная, - молила бы Бога, чтобы мне позволили пойти с ним". [462]

Пылкий Амсдорф немедленно заявил, что будет сопровождать доктора. Его сильная душа испытывала удовольствие, подвергая себя опасности. Его высокая осанка позволяла ему бесстрашно предстать перед собранием королей. Курфюрст пригласил в Виттемберг в качестве профессора права Иеронима Шурффа, сына врача из Санкт-Галла, знаменитого человека с очень кротким характером и очень близкого друга Лютера. "Он еще не набрался смелости, - сказал Лютер, - чтобы вынести смертный приговор одному-единственному преступнику". [463] Тем не менее, этот робкий человек вызвался выступить в качестве советника врача в этом опасном путешествии. Молодой датский студент по имени Питер Суавен, который учился вместе с Меланхтоном, а впоследствии отличился своими трудами в Померании и Дании, также заявил, что будет сопровождать своего учителя. Молодежь в школах имела право иметь своего представителя рядом с поборником истины.

ХАТТЕН КАРЛУ V.

Германия была тронута мыслью об опасностях, которые угрожали представителю ее народа, и нашла голос, вполне подходящий для выражения своих опасений. Ульрик фон Хюттен содрогнулся при мысли об ударе, который вот-вот будет нанесен его стране, и 1 апреля написал непосредственно Карлу V следующее: "Превосходнейший император, вы готовы уничтожить нас, а вместе с нами и себя. Что замышляется в этом деле Лютера, как не просто уничтожить нашу свободу и ограничить вашу власть? Во всей империи нет ни одного хорошего человека, который не испытывал бы живейшего интереса к этому делу. [464] Одни только священники ополчились против Лютера, потому что он выступает против их чрезмерной власти, их постыдной роскоши, их развращенной жизни и выступает за учение Христа, свободу своей страны и чистоту нравов.

"О император! убери от себя этих римских ораторов, этих епископов и кардиналов, которые препятствуют чему бы то ни было, например реформе. Разве вы не заметили печаль людей, увидевших, как вы по прибытии приближаетесь к людям, окруженным теми, кто носит красные шляпы, стадом священников, а не отрядом доблестных воинов?

"Не отдавайте свое суверенное величество тем, кто хочет растоптать его ногами! Сжальтесь над нами! Не увлекайте за собой в свою гибель весь народ! Поместите нас среди величайших опасностей, под мечи врага и уста каноника; [465] пусть все нации сговорились против нас; пусть все армии нападут на нас, чтобы мы могли открыто проявить нашу доблесть, а не быть побежденными и поработченными в темноте, подобно женщинам, без оружия и без борьбы.... Ах, мы надеялись, что ты избавишь нас от ига римлян и свергнешь папскую тиранию. Дай Бог, чтобы будущее оказалось лучше, чем начало.

"Вся Германия преклоняет перед вами колени; она умоляет вас со слезами, умоляет о вашей помощи, о вашем сострадании, о вашей вере и святой памятью тех немцев, которые, когда весь мир был покорен Риму, отказались склонить голову перед этим гордым городом, заклинает вас спасти ее, вернуть ее самой себе, избавить от рабства и отомстить за нее ее тиранам!.." [466]

Так говорила Германия Карлу V с помощью рыцаря. Император не обратил внимания на письмо; возможно, пренебрежительно перебросил его одному из своих секретарей. Он был фламандцем, а не немцем. Объектом всех его желаний было личное возвеличивание, а не свобода и слава империи.

ГЛАВА VII.

Отъезд на Вормсский сейм —Прощание Лютера—Опубликовано его осуждение—
Кавалькада близ Эрфурта—Встреча Йонаса и Лютера—Лютер в своем старом монастыре—
Лютер проповедует в Эрфурте—Инцидент—Вера и дела—Скопление людей—Мужество
Лютера—Обращение Лютера к Спалатину—Остановка во Франкфурте—Страхи в Вормсе—
План империалистов—Твердость Лютера.

ПЕРЕХОД НА ДИЕТУ ИЗ ЧЕРВЕЙ.

Наступило 2 апреля, и Лютер счел нужным попрощаться со своими друзьями. Написав Ланге записку, в которой сообщалось, что следующий четверг или пятницу он проведет в Эрфурте, [467] он попрощался со своими коллегами. Повернувшись к Меланхтону, он сказал ему тоном, выдававшим волнение: "Если я не вернусь и мои враги предадут меня смерти, о, брат мой, не прекращай учить и оставайся твердым в истине. Работай вместо меня, поскольку я больше не смогу работать на себя. Если ты выживешь, то моя гибель не имеет большого значения". [468] Затем, вверив себя руке Того, кто верен и предан истине, Лютер занял свое место и покинул Виттемберг. Городской совет предоставил ему скромную коляску с матерчатым покрытием, которое можно было надевать или снимать по своему усмотрению. Императорский герольд, облаченный в свои знаки отличия с имперским орлом, ехал верхом впереди, за ним следовал его слуга. Далее в своем экипаже следовали Лютер, Шурфф, Амсдорф и Суавен. Друзья Евангелия, граждане Виттемберга, в глубоком волнении взывали к Богу и проливали слезы. Таков был уход Лютера.

ОСУЖДЕНИЕ ЛЮТЕРА ОПУБЛИКОВАНО.

Вскоре он заметил, что сердца тех, кого он встречал, были полны мрачных предчувствий. В Лейпциге ему не оказывали почестей. Он получил только обычный подарок в виде вина. В Наумбурге он познакомился со священником, вероятно, Дж. Лангером, человеком сурового

рвения, который бережно хранил в своем кабинете портрет знаменитого Иеронима Савонаролы Феррарского, который был сожжен во Флоренции в 1498 году по приказу папы Александра VI как мученик за свободу и нравственность, а также исповедник евангельской истины. Взяв портрет итальянского мученика, священник подошел к Лютеру и молча протянул ему портрет. Лютер понял, на что намекала немая фигура, но его бесстрашная душа осталась твердой. "Это сатана, - сказал он, - который этими ужасами хотел бы помешать признанию истины в собрании князей, потому что он предвидит удар, который это нанесет его королевству". [469] "Твердо придерживайся истины, которую ты постиг, - серьезно сказал ему священник, - и твой Бог также будет твердо придерживаться тебя". [470]

Проведя ночь в Наумбурге, где бургомистр гостеприимно принял его, Лютер следующим вечером прибыл в Веймар. Едва он пробыл там минуту, как услышал громкие крики со всех сторон. Они публиковали его осуждение. "Смотри", - сказал ему герольд. Он посмотрел, и его изумленные глаза увидели императорских гонцов, разъезжающих по городу и разносящих императорский эдикт, который предписывал передать его труды магистратам. Лютер не сомневался, что эти суровые меры были применены заранее, чтобы удержать его от приезда, чтобы впоследствии он мог быть осужден за отказ явиться. "Ну что, доктор, продолжайте?" - встревоженно обратился к нему императорский герольд. "Да, - ответил Лютер, - хотя в каждом городе наложен интердикт, я продолжу: я доверяю безопасности императора".

В Веймаре Лютера принял брат курфюрста, герцог Иоанн, который в то время проживал там. Принц пригласил его проповедовать. Он согласился, и из его сердца, теперь находящегося в глубоком волнении, вырвались слова жизни. Иоанн Войт, друг Фредерика Микония, францисканского монаха, услышал его и, обратившись в евангелическое учение, через два года покинул монастырь. Позже он стал профессором теологии в Виттемберге. Герцог дал Лютеру деньги, необходимые для его путешествия.

Из Веймара Реформатор направился в Эрфурт. Это был город его юности, и он надеялся увидеть своего друга Ланге при условии, что, как он ему написал, тот сможет беспрепятственно въехать в город. [471] Он был еще в трех или четырех лигах отсюда, недалеко от деревни Нора, когда увидел появившийся вдалеке отряд всадников. Были ли они друзьями или врагами? Вскоре Кротус, ректор университета, Эбанус Гессе, друг Меланхтона, которого Лютер называл королем поэтов, Эвриций Кордус, Джон Драко и другие в количестве сорока человек, члены сената, университета и муниципалитета, все верхом на лошадях, приветствовали его одобрительными возгласами. Множество жителей Эрфурта запрудили дорогу и громко выражали свою радость. Всем не терпелось увидеть могущественного человека, осмелившегося объявить войну папе.

ЮСТУС ЙОНАС.

Молодой человек двадцати восьми лет по имени Юстус Йонас был первым на вечеринке. [472] Йонас, изучавший юриспруденцию в Эрфурте, был назначен ректором университета в 1519 году. Озаренный евангельским светом, который тогда излучался во всех направлениях, он почувствовал желание стать теологом. "Я верю, - писал ему Эразм, - что Бог избрал вас в качестве инструмента для распространения славы Его Сына Иисуса". [473] Все мысли Йонаса были обращены к Виттембергу и Лютеру. Несколькими годами ранее, будучи всего лишь студентом юридического факультета, будучи человеком деятельным и предприимчивым, он отправился пешком в сопровождении нескольких друзей и, чтобы добраться до Эразма,

находившегося тогда в Брюсселе, пересек леса, кишасшие разбойниками, и города, опустошенные чумой. Не столкнется ли он теперь с другими опасностями, чтобы сопровождать Реформатора в Вормс? Он искренне просил об одолжении, и Лютер согласился. Так встретились эти два врача, которым предстояло всю жизнь трудиться над обновлением Церкви. Божественное Провидение собрало вокруг Лютера людей, которым суждено было стать светом Германии: Меланхтонов, Амсдорфов, Бугенхагенов, Йонасов. По возвращении из Вормса Йонас был назначен настоятелем Виттембергской церкви и доктором теологии. "Джонас, - сказал Лютер, - это человек, чья жизнь заслуживала бы того, чтобы ее купили дорогой ценой, чтобы задержать его на земле". [474] Ни один проповедник никогда не превосходил его в умении пленять своих слушателей. "Померанус - толкователь, - сказал Меланхтон, - а я - диалектик, Джонас - оратор. Слова слетают с его губ с непревзойденной грацией, а его красноречие ошеломляет. Но Лютер превосходит всех нас". [475] Похоже, что примерно в то же время товарищ детства Лютера, один из его братьев, присоединился к эскорту.

Депутация повернула коней, и всадники и лакеи, окружив карету Лютера, въехали в город Эрфурт. У ворот, на площадях и улицах, где бедный монах так часто просил милостыню, толпа зрителей была огромной. Лютер спешил в монастыре Августинцев, где Евангелие утешило его сердце. Ланге принял его с радостью; Узинген и некоторые более пожилые отцы проявили большую прохладу. Всем хотелось послушать его проповедь, и хотя ему запретили это делать, сам герольд не смог устоять перед этим желанием и согласился.

ЛЮТЕР ПРОПОВЕДУЕТ В ЭРФУРТЕ.

В воскресенье после Пасхи церковь Августина в Эрфурте была переполнена. Тот монах, который раньше открывал двери и подметал в церкви, взошел на кафедру и, открыв Библию, прочитал эти слова: "Мир вам; и когда он это сказал, он показал им свои руки и свой бок". (Иоанна, хх, 19, 20.) "Все философы, врачи и писатели, - сказал он, - прилагали усилия, чтобы показать, как человек может обрести вечную жизнь, и не преуспели. Сейчас я тебе расскажу.

Во все века это был важнейший вопрос; соответственно, слушатели Лютера удвоили свое внимание.

"Есть два вида дел, - продолжал Реформатор. - Дела, чуждые нам, — это добрые дела; и наши собственные дела — они не имеют большой ценности. Один строит церковь; другой отправляется в паломничество к святому Иакову или святому Петру; третий постится, молится, надевает рясу, ходит босиком; четвертый делает что-то еще. Все эти труды - ничто, и они погибнут, ибо наши собственные труды не имеют в себе силы. Но сейчас я расскажу вам, что такое подлинный труд. Бог воскресил человека из мертвых, даже Господа Иисуса Христа, чтобы он мог сокрушить смерть, уничтожить грех и затворить врата ада. Такова работа спасения. Дьявол думал, что Господь в его власти, когда увидел его между двумя разбойниками, претерпевающего самое позорное мученичество, проклятого Богом и людьми.... Но Божество проявило свою силу и уничтожило грех, смерть и ад....

"Христос победил; это великая весть; и мы спасены Его работой, а не нашей собственной. Папа приводит совсем другой отчет. Но я утверждаю, что сама Пресвятая Богородица не была спасена ни своей девственностью, ни материнством, ни своей чистотой, ни своими делами, но исключительно посредством веры и дел Божьих...."

Пока Лютер говорил, внезапно послышался шум; одна из галерей дала трещину, и казалось, что она вот-вот рухнет под напором толпы. Некоторые выбежали наружу, а другие сидели неподвижно, охваченные ужасом. Оратор на мгновение остановился, а затем, протянув руку, воскликнул громким голосом: "Ничего не бойся; опасности нет; таким образом дьявол пытается помешать мне проповедовать Евангелие, но ему это не удастся". [476] При этих словах выбегавшие остановились, пораженные и прикованные к месту; собрание успокоилось, и Лютер, не утруждая себя попытками дьявола, продолжил. "Возможно, вы скажете мне, что вы много рассказываете нам о вере. Расскажите нам также, как мы можем ее обрести. Да, хорошо, я расскажу вам. Господь наш Иисус Христос говорит: *"Мир да пребудет с тобой; узри мои руки"*, другими словами: "Смотри, о человек, это Я, я один, кто взял на себя твой грех и искупил тебя, и теперь у тебя мир, говорит Господь".

ЛЮТЕР ПРОПОВЕДУЕТ В ЭРФУРТЕ.

"Я не ел плодов этого дерева, - продолжал Лютер, - и вы их не ели; но мы приняли на себя грех, который передал нам Адам, и виновны в нем. Точно так же я не страдал на кресте, и вы не страдали на нем; но Христос пострадал за нас; мы оправданы делом Божиим, а не нашим собственным.... "Я есмь, - говорит Господь, - правда твоя и искупление твое"....

"Давайте верить Евангелию, давайте верить святому Павлу, а не письмам и декреталиям пап".

Лютер, после того как проповедовал веру как средство оправдания грешника, проповедует дела как следствие и доказательство спасения.

"Поскольку Бог спас нас, - продолжает он, - давайте так распорядимся своими делами, чтобы он мог получать от них удовольствие. Ты богат, — пусть твое богатство будет полезно бедным. Ты беден, — пусть твое служение будет полезно богатым. Если твой труд полезен только тебе самому, то служение, которое ты якобы оказываешь Богу, - чистая ложь". [477]

В проповеди нет ни слова о самом Лютере; никаких намеков на обстоятельства, в которые он попал; ничего о Вормсе, Карле или нунциях; он проповедует Христа, и только Христа; в этот момент, когда взоры мира обращены на него, он нисколько не занят собой; и в этом признак истинного слуги Божьего.

Лютер выехал из Эрфурта и проехал через Готу, где снова проповедовал. Миконий добавляет, что в тот момент, когда люди выходили с проповеди, дьявол оторвал от фронтона церкви несколько камней, которые не сдвигались с места в течение двух столетий. Доктор переночевал в монастыре бенедиктинцев в Райнхардсбрунне, а оттуда отправился в Эйзенах, где почувствовал недомогание. Амсдорф, Йонас, Шурфф и все его друзья были встревожены. Ему пустили кровь, и ему уделили самое пристальное внимание. Даже местный шулер Джон Освальд поспешил к нему с сердечным поздравлением. Лютер, выпив его, заснул и таким образом настолько пришел в себя, что смог продолжить работу на следующий день. [478]

ЛЮТЕР - СПАЛАТИНУ.

Где бы он ни проходил, люди стекались посмотреть на него. Его путешествие было своего рода триумфальным шествием. Присутствующие с глубоким интересом наблюдали за бесстрашным человеком, который направлялся предложить свою голову императору и империи. Его окружала огромная толпа. [479] "Ах! - сказали ему некоторые из них. - В Вормсе так много кардиналов и так

много епископов, что они сожгут вас; они превратят ваше тело в пепел, как это было сделано с телом Яна Гуса". Но монаха ничто не пугало. "Если бы они разожгли огонь, - сказал он, - который простирался бы от Вормса до Виттемберга и доходил бы даже до неба, я бы прошел по нему во имя Господа; я предстал бы перед ними; я бы вошел в пасть этого Чудовища, сломал бы ему зубы и исповедал Господа Иисуса Христа". [480]

Однажды, когда он просто зашел в гостиницу, и в то время как толпа, как обычно, теснилась вокруг него, к нему подошел офицер и сказал: "Вы тот человек, который берется реформировать папство? Как вы добьетесь успеха?" "Да, - ответил Лютер, - я тот человек. Я полагаюсь на Всемогущего Бога, чье слово и повеление я имею перед собой". Растроганный офицер посмотрел на него более мягко и сказал: "Дорогой друг, в том, что ты говоришь, что-то есть; я слуга Чарльза, но твой Хозяин больше моего. Он поможет вам и защитит вас". [481] Таково было впечатление, которое производил Лютер. Даже его враги были поражены при виде множества людей, столпившихся вокруг него, хотя они и нарисовали это путешествие в других красках. [482] Наконец, в воскресенье, 14 апреля, доктор прибыл во Франкфурт.

Весть о продвижении Лютера достигла Вормса. Друзья папы думали, что он не подчинится призыву императора. Кстати, Альберт, кардинал-архиепископ Менца, отдал бы все, чтобы остановить его, и с этой целью были запущены новые схемы.

По прибытии во Франкфурт Лютер немного отдохнул, а затем сообщил о своем приближении Спалатину, который находился в Вормсе вместе с курфюрстом. Это единственное письмо, которое он написал за время своего путешествия. "Я продвигаюсь вперед, - говорит он, - хотя сатана пытался остановить меня в пути болезнью. От Эйзенаха до сих пор я никогда не испытывал чувства усталости и до сих пор совершенно измотан. Я узнаю, что Карл издал указ, чтобы напугать меня. Но Христос жив, и мы войдем в Вормс, несмотря на все преграды ада и все силы воздуха. [483] Поэтому приготовь мое жилище".

УЛИТКА. НОВАЯ ТАКТИКА.

На следующий день Лютер посетил ученую школу Уильяма Нессе, знаменитого географа того времени. "Будьте усердны, - сказал он ученым, - в чтении Священных Писаний и исследовании истины". Затем, возложив правую руку на голову одного из детей, а левую - на другого, он произнес благословение на всю школу.

В то время как Лютер благословлял молодежь, он также был надеждой стариков. Екатерина Хольцхаузенская, вдова преклонных лет, служащая Богу, подошла к нему и сказала: "Мои отец и мать сказали мне, что Бог воздвигнет человека, который выступит против папского тщеславия и спасет Слово Божье. Я надеюсь, что вы именно такой человек, и я желаю вам за вашу работу благодати и Святого Духа Божьего". [484]

Это ни в коем случае не были чувства, которых придерживались все во Франкфурте. Джон Коклюс, настоятель церкви Нотр-Дам, был одним из тех, кто был наиболее предан Римской церкви. Увидев, что Лютер проезжает через Франкфурт по пути в Вормс, он не смог подавить своих страхов. Он думал, что Церкви не хватает преданных защитников, и едва Лютер покинул город, как Кохлус пустился по его следу, готовый, как он говорит, отдать свою жизнь, защищая честь Церкви. [485]

ПОПЫТКА ОСТАНОВИТЬ ЛЮТЕРА.

В стане друзей папы царила великая тревога. Ересиарх был рядом — каждый день, каждый час приближал его к Вормсу. Если бы он вошел, возможно, все было потеряно. Архиепископ Альберт, исповедник Глапион и все политики, окружавшие императора, чувствовали себя неловко. Как можно предотвратить прибытие этого монаха? Похитить его невозможно, поскольку у него есть охранная грамота императора. Арестовать его можно только хитростью. Эти интриганы немедленно разработали следующий план. Духовник императора и его верховный камергер Пауль Армсдорфский в большой спешке покидают Вормс и направляются примерно в десяти лье от него в замок Эбернбург, резиденцию Франциска де Секингена, рыцаря, предложившего Лютеру убежище. [486] Буцер, молодой доминиканец, капеллан курфюрста Палатинского, который был приобщен к евангельческому учению во время Гейдельбергской дискуссии, тогда нашел убежище в "этой гостинице праведников". Рыцарь, не слишком разбиравшийся в делах религии, легко поддавался на уговоры, в то время как расположение палатинского капеллана благоприятствовало планам исповедника. Фактически, Буцер был склонен к мирным мерам. Проводя различие между фундаментальными и второстепенными моментами, он думал, что может пожертвовать последним ради единства и мира. [487]

Камергер и исповедник начинают атаку. Они дают понять Секкингену и Буцеру, что с Лютером все кончено, если он отправится в Вормс. Они уверяют его, что император готов послать некоторых ученых мужей в Эбернбург для совещания с доктором. "Под вашим началом, - говорят они рыцарю, - будут размещены обе партии". "Мы едины с Лютером по всем существенным пунктам, - говорят они Буцеру. - Остаются только некоторые второстепенные моменты, и в этих вопросах вы будете посредником". Рыцарь и капеллан потрясены. Исповедник и камергер продолжают. "Приглашение, адресованное Лютеру, должно исходить от вас, - говорят они Секкингену, - и пусть Буцер передаст его". [488] Все было устроено в соответствии с их желанием. Пусть только Лютер будет достаточно доверчив, чтобы приехать в Эбернбург; срок его охранного удостоверения скоро истечет, и тогда кто сможет защитить его?

Лютер прибыл в Оппенгейм. Его охранная грамота действовала еще только три дня. Он видит приближающийся отряд всадников и вскоре узнает во главе их того Буцера, с которым у него была такая интимная беседа в Гейдельберге. [489] "Эти всадники принадлежат Франциску Секингенскому", - сказал ему Буцер после первых выражений дружбы. - Он посылает меня к тебе, чтобы я проводил тебя в его укрепленный замок. [490] Исповедник императора желает переговорить с вами. Его влияние на Карла безгранично: все можно устроить. Но остерегайтесь Алеандр! Йонас Амсдорф и Шурфф не знали, что и думать; Буцер настаивал, но Лютер не колебался. "Я продолжаю свое путешествие, - был его ответ Буцеру. - и если исповеднику императора есть что сказать мне, он найдет меня в Вормсе. Я иду туда, куда меня зовут".

ЛЮТЕР ВХОДИТ В ВОРМС.

Тем временем сам Спалатин начал испытывать беспокойство и страх. Окруженный в Вормсе врагами Реформации, он слышал, как они говорили, что нельзя проявлять никакого уважения к безопасности еретика. Он встревожился за своего друга, и в тот момент, когда тот приближался к городу, появился посыльный и сказал ему от имени капеллана: "Не въезжай в Вормс!" И это от его лучшего друга, доверенного лица электора, самого Спалатина! Лютер невозмутимо переводит взгляд на посланца и отвечает: "Иди и скажи своему хозяину, что если бы в Вормсе было столько дьяволов, сколько черепицы на крышах, я бы вошел". [491] Возможно, никогда

Лютер не был таким великим. Посланник вернулся в Вормс со своим экстраординарным посланием. "Тогда я был бесстрашен, — сказал Лютер за несколько дней до своей смерти, - я ничего не боялся; Бог может дать человеку такую смелость; я не знаю, было бы у меня сейчас столько свободы и радости". - "Когда дело благое, - добавляет его ученик Матезиус, - сердце расширяется, придавая мужество и энергию евангелистам и солдатам". [\[492\]](#)

ГЛАВА VIII.

Въезд в Вормс—Песнопение по усопшим—Совет, проведенный Карлом V—Капитаном и временщиками—Собрание вокруг Лютера—Цитата—Обращение к Лютеру—Приступает к заседанию Сейма—Высказывание Фрейндсберга—Внушительное собрание—Обращение канцлера—Ответ Лютера—Его мудрость—Высказывание Карла V—Тревога—Триумф—Твердость Лютера—Оскорбления со стороны испанцев—Совет—Беспокойство и молитвы Лютера—Мощь реформации—Клятва Лютера на Священном Писании—Суд Сейма—Обращение Лютера—Три разного рода Сочинения — Он требует доказательств своей Ошибки—Торжественные предупреждения—Он повторяет свое Обращение на латыни — Вот он я: я не могу поступить иначе —"Слабость" Бога—Новая попытка.

Наконец, утром 16 апреля, Лютер увидел стены древнего города. Все искали его, и в Вормсе была только одна мысль. Молодые дворяне Бернард из Хиршфельда и Альберт из Линденау с шестью кавалерами и другими джентльменами из свиты принцев, числом до ста, если можно верить Паллавичини, не в силах сдержать своего нетерпения, поскакали ему навстречу и окружили его, чтобы сопровождать в момент его въезда. Он приблизился. Перед ним гарцевал императорский герольд, украшенный всеми знаками отличия его должности. Следующим ехал Лютер в своей скромной карете. Йонас следовал верхом в окружении кавалеров. Большая толпа ожидала перед воротами. Было около полудня, когда он миновал те стены, которые, как предсказывали ему многие, он никогда не покинет. Было время обеда, но в тот момент, когда часовой, стоявший на колокольне собора, протрубил сигнал, все выбежали на улицу, чтобы посмотреть на монаха. Таким был Лютер в Вормсе.

ПОЙТЕ ЗА УМЕРШИХ.

Две тысячи человек сопровождали его по улицам: все спешили ему навстречу. Толпа увеличивалась с каждым мгновением и была намного больше, чем когда император въезжал.

Внезапно, рассказывает историк, человек, одетый в необычную одежду и несущий перед собой большой крест, как это обычно бывает на похоронах, отделяется от толпы, приближается к Лютеру, а затем громким голосом и с той жалобной интонацией, которая используется при служении мессы за упокой душ умерших, нараспев произносит следующие строфы, как будто он был полон решимости, чтобы их услышали сами мертвые:

Advenisti, O desiderabilis! Quem expectabamus in tenebris! [\[493\]](#)

Прибытие Лютера отмечается *реквиемом*. Если эта история правдива, то именно придворный шут одного из баварских герцогов сделал Лютеру одно из тех предостережений, замечательных одновременно мудростью и иронией, о которых эти люди приводят так много примеров. Но шум толпы вскоре заглушил *De Profundis* крестоносца.

Поезд с трудом продвигался сквозь движущуюся массу. Наконец "имперский герольд" остановился перед отелем рыцарей Родоса. Здесь проживали два советника курфюрста, Фредерик Тун и Филипп Фейлич, а также маршал империи Ульрик Паппенгеймский. Лютер вышел из своего экипажа и, выйдя, сказал: "Господь будет моей защитой". [494]... "Я въехала в Вормс, - рассказывал он впоследствии, - в крытой машине, в своем платье. Все выбежали на улицу, чтобы посмотреть на брата Мартина". [495]

Известие о его прибытии наполнило тревогой курфюрста Саксонского и Алеандра. Молодой и элегантный архиепископ Альберт, занимавший промежуточное положение между этими двумя партиями, был поражен смелостью Лютера. "Если бы у меня не было больше мужества, чем у него, - сказал Лютер, - это правда, что меня никогда не увидели бы в Вормсе".

Карл V немедленно собрал свой совет. Советники, пользующиеся доверием императора, поспешили во дворец, поскольку они тоже были в смятении. - Прибыл Лютер, - сказал Чарльз. - что нужно делать?

Модо, епископ Палермо и канцлер Фландрии, на вопрос о том, хотим ли мы получить заявление самого Лютера, ответил: "Мы долго консультировались по этому вопросу. Пусть ваше императорское величество поскорее избавится от этого человека. Разве Сигизмунд не был причиной сожжения Иоанна Гуса? Нет никаких обязательств ни давать, ни соблюдать охранную грамоту еретику". [496] "Нет, - сказал Чарльз, - то, что было обещано, должно быть выполнено". Следовательно, ничего не оставалось, как вызвать появление Реформатора.

КАПИТАН И ВРЕМЕНЩИКИ.

В то время как великие соборы были таким образом взволнованы вопросом о Лютере, в Вормсе было много людей, которые радовались тому, что наконец смогли увидеть этого прославленного слугу Божьего. В первом ряду среди них был Капитон, капеллан и советник архиепископа Менца. Этот замечательный человек, который незадолго до этого с большой свободой проповедовал Евангелие в Швейцарии, [497] считал, что из-за места, которое он тогда занимал, он стал придерживаться курса, который подвергал его обвинению в трусости со стороны евангелистов и в лицемерии со стороны римлян. [498] Однако он ясно проповедовал доктрину веры в Менце, и после его отъезда ему удалось заменить его молодым проповедником, полным рвения, по имени Хедио. В этом городе, древней резиденции предстоятеля Немецкой церкви, слово Божье не было связано никакими обязательствами. Евангелие было услышано с нетерпением: напрасно монахи старались проповедовать Евангелие по-своему и использовали все средства, которые были в их власти, чтобы остановить всеобщий порыв; они не добились успеха. [499] Но Капитон, даже проповедуя новое учение, старался продолжать дружбу с теми, кто его преследовал. Он льстил себе, как и другие люди с такими же чувствами, мыслью, что таким образом будет очень полезен Церкви. Послушав их разговоры, можно было бы предположить, что если Лютера не сожгли, если все лютеране не были отлучены от церкви, то это произошло исключительно благодаря влиянию Капито на архиепископа Альберта. [500] Кохлус, декан Франкфуртского университета, прибыв в Вормс почти одновременно с Лютером, немедленно нанес визит Капитону, который, будучи, по крайней мере, очевидно, в очень хороших отношениях с Алеандром, представил ему Кохлуса, послужив таким образом связующим звеном между двумя злейшими врагами реформатора. [501] Капито, несомненно, думал, что всем этим управлением он окажет большую услугу делу Христа; но нельзя сказать, что из этого вышло что-то хорошее. Событие почти всегда опровергает эти расчеты

человеческой мудрости и доказывает, что решительный курс, хотя и самый откровенный, также является и самым мудрым.

ССЫЛКА НА ДИЕТУ.

Тем временем толпа продолжала собираться вокруг отеля "Родос", в котором остановился Лютер. Одни смотрели на него как на чудо мудрости, а другие - как на чудовище беззакония. Весь город хотел его увидеть. [502] Первые часы ушли ему на то, чтобы оправиться от усталости и побеседовать со своими самыми близкими друзьями; но как только наступил вечер, к нему стеклись графы, бароны, рыцари, дворяне, священнослужители и горожане. Все, даже его злейшие враги, были поражены смелым шагом, который он предпринял, радостью, которая, казалось, одушевляла его, силой его красноречия и высоким подъемом и энтузиазмом, которые сделали влияние этого простого монаха почти непреодолимым. Многие приписывали это величие чему-то внутри него, причастному божественному, в то время как друзья папы громко заявляли, что он одержим дьяволом. [503] Звонок следовал за звонком, и толпа любопытных посетителей заставляла Лютера стоять до поздней ночи.

На следующее утро (пятница, 17 апреля) Ульрик Паппенгеймский, наследственный маршал империи, вызвал его явиться в четыре часа *полудни* присутствии его императорского Величества и государств империи. Лютер воспринял вызов с глубоким уважением.

Таким образом, все решено, и Лютер собирается предстать за Иисуса Христа перед самым величественным собранием в мире. Он не остался без поддержки. Пылкий рыцарь Ульрик фон Хюттен находился тогда в замке Эбернбург. Не имея возможности появиться в Вормсе (поскольку Лев X попросил Карла отправить его в Рим связанным по рукам и ногам), он пожелал протянуть дружескую руку Лютеру и в тот же день (17 апреля) написал ему, позаимствовав слова царя Израиля: [504] "Господь услышит тебя в день скорби: имя Бога Иакова защитит тебя: пошли тебе помощь из святилища и укрепи тебя с Сиона; вспомни все приношения твои и прими всесожжение твое. О нежно любимый Лютер! мой уважаемый отец, не бойся и будь сильным. Замысел нечестивых окружил тебя, они открыли на тебя свои пасти, как рыкающие львы. Но Господь восстанет против нечестивых и рассеет их. Тогда сражайтесь доблестно за Христа. Что касается меня, я тоже буду сражаться смело. О, Боже, если бы мне было позволено увидеть, как морщатся их брови. Но Господь очистит свою виноградную лозу, которую опустошил лесной вебрь.... Да хранит вас Христос!" [505]

Буцер сделал то, чего не смог сделать Хюттен: он приехал из Эбернбурга в Вормс и все время оставался рядом со своим другом. [506]

ЛЮТЕР ПЕРЕХОДИТ К ДИЕТЕ.

Пробило четыре часа, и появился маршал империи. Необходимо было отправляться в путь, и Лютер приготовился. Он был тронут мыслью об августейшем конгрессе, перед которым ему предстояло выступить. Первым шел герольд, за ним маршал и последним Реформатор. Толпа, заполонившая улицы, была еще многочисленнее, чем накануне вечером. Пройти было невозможно; напрасно было кричать, уступите место: толпа увеличивалась. Наконец герольд, видя невозможность добраться до ратуши, приказал открыть несколько частных домов и провел Лютера через сады и потайные ходы к месту собрания. [507] Люди, заметив это, бросились в дома на ступенях виттембергского монаха или расположились у окон, выходивших в сады, в то

время как множество людей поднялось на крыши. Крыши домов, тротуары, все место наверху и внизу было заполнено зрителями. [508]

Прибыв наконец в город, Лютер и все те, кто сопровождал его, снова не смогли из-за толпы добраться до дверей. Уступите дорогу! уступите дорогу! Никто не шелохнулся. Наконец имперские солдаты проложили проход для Лютера. Люди бросились вперед, чтобы войти вслед за ним, но солдаты удержали их своими алебардами. Лютер вошел внутрь здания, которое было полностью заполнено людьми. Как в вестибюлях, так и у окон находилось более пяти тысяч зрителей — немцев, итальянцев, испанцев и др. Лютер продвигался вперед с трудом. Когда он, наконец, приблизился к двери, которая должна была привести его к судьям, он встретил доблестного рыцаря, прославленного генерала Георга Фрейндсбергского, который четыре года спустя во главе немецких ланскнецов выставил свое копьё на поле Павии и, обрушившись на левое крыло французской армии, загнал его в Тессино и в значительной степени решил вопрос о пленении короля Франции. Старый генерал, увидев проходящего мимо Лютера, похлопал его по плечу и, качая головой, побелевшей в битве, ласково сказал ему: "Бедный монах, бедный монах, тебе предстоит поход и дело, подобного которому ни я, ни великое множество военачальников никогда не видели в самой кровопролитной из наших битв. Но если ваше дело правое, и вы полностью уверены в нем, продвигайтесь вперед во имя Бога и ничего не бойтесь. Бог не оставит вас". [509] Прекрасная дань уважения, которую мужество воина отдает мужеству интеллекта. Это высказывание короля, [510] *"Тот, кто правит своим духом, более велик, чем тот, кто захватывает город."*

ЛЮТЕР ПЕРЕД ДИЕТОЙ.

Наконец двери зала открылись, вошел Лютер, и вместе с ним вошли многие лица, не принадлежащие к сейму. Никогда еще человек не появлялся перед собранием столь величественно. Император Карл V, чьи владения охватывали старый и новый свет; его брат, эрцгерцог Фердинанд; шесть курфюрстов империи, чьи потомки теперь почти все носят корону королей; двадцать четыре герцога, большая часть из которых правит территориями большей или меньшей протяженности, и среди которых есть некоторые, носящие имя, которое впоследствии станет грозным для Реформации (герцог Альва и двое его сыновей); восемь маркграфов; тридцать архиепископов, епископов или прелатов; семь послов, среди них короли Испании. Франция и Англия; депутаты десяти вольных городов; множество принцев, графов и владетельных баронов; папские нунции; всего двести четыре человека. Таков был суд, перед которым предстал Мартин Лютер.

Это появление само по себе было знаменательной победой, одержанной над папством. Папа осудил этого человека; и все же здесь он стоял перед трибуналом, который до сих пор ставил себя выше папы. Папа наложил на него запрет, отстранив от всего человеческого общества, и все же здесь он был созван с почетом и допущен к самому августейшему собранию в мире. Папа распорядился, чтобы его рот навсегда замолчал, и он собирался открыть его перед многотысячной аудиторией, собравшейся из самых отдаленных уголков христианского мира. Таким образом, с помощью Лютера была совершена грандиозная революция. Рим сходил со своего трона, сходил по приказу монаха.

Некоторые принцы, видя, что смиренный сын шахтера из Мансфельда смущен в присутствии королевского собрания, любезно подошли к нему; и один из них сказал: *"Не бойся тех, кто может убить тело, но не может убить душу"*. Другой добавил: *"Когда вы предстанете перед*

царями, не вы будете говорить, но Дух вашего Отца будет говорить в вас." [511] Таким образом, Реформатор был утешен самими словами своего Учителя с помощью правителей мира.

В это время стражники расступались перед Лютером, который продвигался вперед, пока не оказался перед тронем Карла V. Вид августейшего собрания, казалось, на мгновение ослепил его и внушил благоговейный трепет. Все взгляды были прикованы к нему. Волнение постепенно улеглось, сменившись полной тишиной. "Не говори, пока тебя не спросят", - сказал ему маршал империи и удалился.

ОБРАЩЕНИЕ КАНЦЛЕРА И ОТВЕТ ЛЮТЕРА.

После минуты торжественной тишины Иоанн из Экка, канцлер архиепископа Тревского, друг Алеандра, которого не следует путать с богословом с тем же именем, встал и сказал отчетливым и слышимым голосом сначала на латыни, а затем на немецком: "Мартин Лютер, его священное и непобедимое императорское Величество процитировал вас перед своим тронем по совету государств священной Римской империи, чтобы призвать вас ответить на эти два вопроса: во—первых, признаете ли вы, что эти книги были составлены вами?" — В то же время императорский оратор указал примерно на двадцать книг, лежащих на столе посреди зала перед Лютером. - "Я точно не знал, как они их раздобыли", - говорит Лютер, описывая это обстоятельство. Именно Алеандр взяла на себя все хлопоты. "Во-вторых, - продолжал канцлер, - намерены ли вы отозвать эти книги и их содержание или вы настаиваете на том, что вы в них выдвинули?"

Лютер, не колеблясь, собирался ответить утвердительно на первый вопрос, когда его адвокат Жером Шурфф, поспешно вмешавшись, крикнул: "Прочтите названия книг". [512] Канцлер, подойдя к столу, прочитал названия. Список содержал несколько религиозных произведений, не связанных с полемикой.

После перечисления Лютер сказал сначала по-латыни, а затем по-немецки.

"Все милостивейший император! Все милостивейшие принцы и владыки!

- Его императорское величество задает мне два вопроса.

Что касается первого, я признаю, что книги, которые были названы, принадлежат мне: я не могу этого отрицать.

Что касается второго, учитывая, что это вопрос, касающийся веры и спасения душ, вопрос, в котором заинтересовано Слово Божье, другими словами, величайшее и драгоценнейшее сокровище как на небесах, так и на земле, [513] Я поступил бы неосмотрительно, если бы ответил, не подумав. Я мог бы сказать меньше, чем требуют обстоятельства, или больше, чем требует истина, и таким образом навлечь на себя вину, которую осудил наш Спаситель, когда сказал: *"Кто отречется от Меня перед людьми, от того отрекусь и Я перед моим Отцом Небесным"*. А потому я со всей покорностью молю ваше императорское Величество дать мне время, чтобы я мог ответить, не оскорбляя Слова Божьего".

ТРЕВОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ.

Этот ответ, далекий от одобрения идеи о том, что у Лютера были какие-либо колебания, был достоин Реформатора и собрания. Ему подобало проявить спокойствие и осмотрительность в столь серьезном деле и воздерживаться в этот торжественный момент от всего, что могло бы показаться признаком страсти или легкомыслия. Более того, выбрав подходящее время, он тем самым лучше докажет непоколебимую твердость своего решения. История показывает нам многих людей, которые одним словом, произнесенным слишком поспешно, навлекли великие бедствия на себя и на весь мир. Лютер обуздывает свой от природы порывистый характер; сдерживает язык, всегда готовый высказаться; молчит, когда все чувства его сердца жаждут воплотиться в словах. Это самообладание, это спокойствие, столь необычные для такого человека, увеличили его власть во сто крат и дали ему возможность впоследствии ответить мудростью, силой и достоинством, которые обманут ожидания его врагов и посрамят их гордыню и злобу.

Тем не менее, поскольку он говорил уважительным и несколько приглушенным тоном, некоторым показалось, что он колеблется и даже боится. Луч надежды озарил души римских партизан. Чарльзу не терпелось познакомиться с человеком, чьи слова потрясли империю, и он не спускал с него глаз. Теперь, повернувшись к одному из своих придворных, он сказал с презрением: "Несомненно, это не тот человек, который когда-либо заставит меня стать еретиком". [514] Затем поднявшись, молодой император удалился со своими министрами в зал совета: выборщики с принцами заперлись в другом, а депутаты вольных городов - в третьем. Сейм, когда он снова собрался, согласился удовлетворить просьбу Лютера. Это была большая ошибка людей, находящихся под влиянием страсти. "Мартин Лютер, - сказал канцлер Трева, - его императорское Величество, в соответствии с присущей ему добротой, рад предоставить вам еще один день, но при условии, что вы дадите свой ответ устно, а не письменно".

Затем выступил вперед императорский герольд и проводил Лютера в его отель. Угрозы и одобрительные возгласы сменяли друг друга, когда он проходил мимо. Среди друзей Лютера ходили самые неблагоприятные слухи. "Сейм недоволен, - говорили они, - послы папы торжествуют, Реформатор будет принесен в жертву". Страсти в обществе накалялись. Несколько джентльменов поспешили к Лютеру. "Доктор, - спросили они в глубоком волнении, - как обстоит дело? Уверенно сказано, что они намереваются сжечь вас". [515] "Этого не будет, — продолжали они, - или они заплатят за это своими жизнями". - "И это был бы результат", - сказал Лютер двадцать лет спустя в Айслебене, цитируя эти выражения.

С другой стороны, враги Лютера были в приподнятом настроении. "Он попросил времени, - говорили они, - он откажется. На расстоянии он говорил высокомерно, но теперь мужество покидает его.... Он побежден".

ЖЕСТОКОСТЬ ИСПАНЦЕВ.

Лютер, пожалуй, был единственным спокойным человеком в Вормсе. Через несколько минут после своего возвращения с сейма он написал имперскому советнику Куспиану. "Я пишу вам посреди суматохи (вероятно, имеется в виду шум толпы у его отеля). В течение этого часа я предстал перед императором и его братом. [516] Я признал авторство и заявил, что завтра дам свой ответ относительно опровержения. С помощью Иисуса Христа я не откажусь ни на йоту от всех своих дел". [517]

Волнение народа и иностранных войск возрастало с каждым часом. В то время как некоторые партии спокойно приступали к работе сейма, другие вступали в драки на улицах. Испанские солдаты, гордые и безжалостные, своей дерзостью оскорбили горожан. Один из таких спутников Карла, найдя в книжной лавке папскую буллу с комментарием к ней Хюттена, взял и разорвал ее на куски, а затем растоптал обрывки ногами. Другие, обнаружив несколько экземпляров "Вавилонского пленения" Лютера, унесли их и разорвали. Возмущенный народ бросился на солдат и обратил их в бегство. В другой раз на одной из главных улиц Вормса был замечен испанский всадник с обнаженным мечом, преследовавший немца, который убегал перед ним, в то время как люди не осмеливались вмешиваться. [518]

Некоторые политики думали, что нашли способ спасти Лютера. "Отрекись от своих ошибок в доктрине, - сказали они ему, - но упорствуй во всем, что ты говорил против папы и его двора, и ты в безопасности". Алеандр содрогнулся от этого совета. Но Лютер, непоколебимый в своей цели, заявил, что он придает мало значения политической реформе, если она не основана на вере.

Когда наступило 18 апреля, Глапион, канцлер Экк и Алеандр встретились рано утром по приказу Карла V, чтобы обсудить ход процедуры в отношении Лютера.

БОРЬБА И МОЛИТВА ЛЮТЕРА.

Накануне вечером, когда ему предстояло предстать перед столь величественным собранием, Лютер на мгновение испытал благоговейный трепет. Его сердце было взволновано при виде стольких принцев, перед которыми великие королевства смиренно преклоняли колена. Мысль о том, что он собирается отказаться от повиновения людям, которых Бог наделил суверенной властью, вызвала у него глубокое беспокойство, и он чувствовал необходимость искать силы в более высоком источнике. "Тот, кто, подвергшись нападению врага, держит щит веры, - сказал он однажды, - подобен Персею, держащему голову Горгоны, на которую всякий, кто смотрел, в тот момент умирал. Так и мы должны защищать Сына Божьего от сетей дьявола". [519] Этим утром 18 апреля у него были неприятные моменты, когда лик Божий был скрыт от него. Его вера слабеет; его враги, кажется, множатся перед ним; его воображение подавлено.... Его душа подобна кораблю, подброшенному сильной бурей, который то погружается в морские глубины, то снова возносится к небесам. В этот час горькой скорби, когда он пьет чашу Христову и чувствует себя как в Гефсиманском саду, он обращает свое лицо к земле и испускает душераздирающие крики, крики, которые мы не можем понять, если не представим себе глубину агонии, из которой они вознеслись к Богу. [520] "Боже Всемогущий! Бог Вечный! как ужасен этот мир! как он открывает свою пасть, чтобы поглотить меня! и как неполноценно мое доверие к тебе! Как слаба плоть, как силен сатана! Если я должен возлагать свои надежды на то, что мир называет могущественным, я пропал!... Раздается похоронный звон, [521] и приговор вынесен!... О Боже! О Боже! О ты, мой Бог! помоги мне вопреки всей мудрости мира! Сделай это: Ты должен это сделать.... Ты один... ибо это не моя работа, а Твоя. Мне здесь нечего делать; мне нечего делать, сражаясь таким образом с сильными мира сего! Я тоже хотел бы провести спокойные и счастливые дни. Но дело Твое, и оно справедливо и вечно! Господи! помоги мне! Верный Бог, неизменный Бог! Я не верю ни в одного человека. Это было напрасно. Все, что есть в человеке, колеблется! Все, что исходит от человека, уступает дорогу. О Боже, о Боже, разве ты не слышишь?... Боже мой! ты мертв?... Нет, ты не можешь умереть! Ты только скрываешь Себя. Ты избрал меня для этой работы. Я знаю это! Тогда действуй, о Боже!... Будь рядом со мной,

ради твоего возлюбленного Сына Иисуса Христа, который является моей защитой, моим щитом и моей крепостью".

После минуты молчания и борьбы он продолжает так: "Господи, где стоишь ты?... О, Боже мой, где ты?... Приди! приди! Я готов!... Я готов отдать свою жизнь за твою истину... терпеливый, как агнец. Ибо дело правое, и оно твое!... Я не расстанусь с тобой ни сейчас, ни во веки веков!... И хотя мир должен быть наполнен дьяволами, хотя мое тело, которое, однако, является творением твоих рук, должно быть обращено в прах, расколото на колесе, разрезано на куски ... размолото в порошок ... моя душа принадлежит тебе. [522] Да, твое Слово - мой залог. Моя душа принадлежит тебе и будет вечно рядом с тобой.... Аминь.... О Боже, помоги мне.... Аминь."

ВЕРНИТЕСЬ К ДИЕТЕ.

Эта молитва объясняет Лютера и Реформацию. История здесь приподнимает завесу святилища и показывает нам тайное место, откуда сила и мужество были переданы этому смиренному человеку, который был орудием Бога в освобождении души и мыслей людей и начале новой эры. Лютер и Реформация показаны здесь в действии. Мы постигаем их самые тайные пружины. Мы обнаруживаем, в чем заключалась их сила. Это размышление человека, приносящего себя в жертву делу истины, находится среди собрания материалов, относящихся к явке Лютера в Вормс, под номером XVI, среди охранных грамот и других документов аналогичного описания. Кто-то из его друзей, несомненно, расширил его и поэтому сохранил для нас. На мой взгляд, это один из лучших известных документов.

Лютер, помолившись таким образом, обрел тот душевный покой, без которого ни один человек не может совершить ничего великого. Он читал Слово Божье; он пробежал глазами свои записи и постарался придать своему ответу надлежащую форму. Мысль о том, что он собирается свидетельствовать об Иисусе Христе и его Слове в присутствии императора и империи, наполнила его сердце радостью. Приближался момент явления; он взволнованно подошел к священному томику, который лежал открытым на его столе, положил на него левую руку, а правую поднял к небу, поклявшись оставаться верным Евангелию и свободно исповедовать свою веру, даже если скрепит свое признание своей кровью. Сделав это, он почувствовал себя еще более умиротворенным.

АДРЕС ЛЮТЕРА.

В четыре часа появился герольд и проводил его к месту, где заседал Сейм. Всеобщее любопытство возросло, поскольку ответ должен был стать решающим. Поскольку был созван сейм, Лютеру пришлось ждать в суде посреди огромной толпы, которая двигалась взад и вперед, как беспокойное море, и давила на Реформатора своими волнами. Доктор провел два долгих часа среди этой глазающей толпы. "Я не привык, - говорит он, - ко всем этим действиям и всему этому шуму". [523] Это было бы печальным приготовлением для обычного человека. Но Лютер был с Богом. Его взгляд был безмятежен, черты лица невозмутимы; Вечный поместил его на скале. Наступила ночь, и в зале Сейма зажгли лампы. Их яркий свет проникал сквозь старинные окна и освещал двор. Все приобрело торжественный вид. Наконец представили доктора. Вместе с ним вошло много людей, так как всем очень хотелось услышать его ответ. Все умы были напряжены в нетерпеливом ожидании решающего момента, который теперь приближался. На этот раз Лютер был свободен, спокоен, владел собой и не выказывал ни малейшего намека на стеснение. Молитва принесла свои плоды. Принцы не без труда заняли

свои места, потому что их места были почти заняты, и виттембергский монах снова оказался перед Карлом V, канцлер курфюрста Тревского поднялся и сказал:

"Мартин Лютер! вчера вы просили отсрочку, срок которой истек. Несомненно, вам могло быть отказано в этом, поскольку каждый должен быть достаточно сведущ в вопросах веры, чтобы всегда иметь возможность дать отчет об этом любому, кто спросит, — прежде всего вам, столь великому и способному знатоку Священного Писания.... А теперь ответьте на вопрос его Величества, который обошелся с вами с такой мягкостью. Вы намерены защищать свои книги полностью или намерены отказаться от какой-то их части?"

Эти слова, которые канцлер произнес на латыни, он повторил по-немецки.

"Тогда доктор Мартин Лютер, "скажем, Деяния Вормса", ответил в самой смиренной и покорной манере. Он не повышал голоса; он говорил не с насилием, а с искренностью, кротостью, подобострастием и скромностью, и все же с великой радостью и христианской твердостью".

[524]

"Светлейший император! прославленные принцы, милостивые лорды, - сказал Лютер, обратив свой взор на Карла и собрание, - я сегодня смиренно предстаю перед вами в соответствии с приказом, который был дан мне вчера, и милостью Божьей я умоляю ваше Величество и августейшие Высочества благосклонно выслушать защиту дела, которое, как я уверен, является праведным. Если по невежеству я не разбираюсь в обычаях и формах двора, простите меня, ибо я воспитывался не во дворцах королей, а в безвестности монастыря.

"Вчера его императорское Величество задал мне два вопроса: первый, был ли я автором книг, названия которых были прочитаны; второй, был ли я готов пересмотреть или защитить доктрину, которой я в них учил. Я ответил на первый вопрос и придерживаюсь своего ответа.

Что касается второго, то я написал книги на самые разные темы. В некоторых из них я трактую о вере и добрых делах в такой чистой, простой и христианской манере, что даже мои враги, далекие от того, чтобы находить что-либо заслуживающее порицания, признают, что эти писания полезны и достойны прочтения благочестивыми людьми. Папская булла, какой бы суровой она ни была, признает это. Если бы я тогда отозвал их, что бы я сделал?... Негодяй! Я был бы одинок среди людей, отказывающихся от истин, которые одобряются единодушным голосом моих друзей и врагов, и выступающих против того, что с гордостью исповедует весь мир.

АДРЕС ЛЮТЕРА.

"Во-вторых, я сочинил книги против папства, книги, в которых я нападал на тех, кто своим ложным учением, своей плохой жизнью и скандальным примером опустошает христианский мир и разрушает как тело, так и душу. Разве этот факт не подтверждается жалобами всех, кто боится Бога? Разве не очевидно, что человеческие законы и доктрины пап запутывают, мучают, превращают в мучеников совесть верующих, в то время как шумные и нескончаемые поборы Рима поглощают богатство христианского мира, и особенно этого прославленного королевства?

"Если бы я отказался от того, что написал по этому вопросу, что бы я сделал?... Что, как не укрепить эту тиранию и не открыть еще более широкую дверь для этих многочисленных и

великих беззаконий? [525] Затем, прорываясь с большей яростью, чем когда-либо, эти высокомерные люди будут увеличиваться, узурпируя власть, бушуя все больше и больше. И иго, которое тяготеет над христианским народом, благодаря моему отречению не только стало бы более суровым, но и стало бы, так сказать, более законным; ибо само это отречение получило бы подтверждение вашего светлейшего Величества и всех государств священной империи. Боже милостивый! Таким образом, я был бы как бы позорным плащом, предназначенным для сокрытия всех видов злобы и тирании.

"В-третьих, и наконец, я написал книги против частных лиц, которые хотели защитить римскую тиранию и разрушить веру. Я откровенно признаюсь, что, возможно, нападал на них с большей жестокостью, чем подобает моей церковной профессии. Я не считаю себя святым, но я больше не могу отзываться эти книги, потому что, поступив таким образом, я одобрил бы нечестие моих противников и дал бы им повод притеснять народ Божий с еще большей жестокостью.

"И все же я простой человек, а не Бог; и я буду защищать себя, как это делал Иисус Христос. Он сказал: *"Если Я сказал зло, засвидетельствуйте об этом зле"* (Иоанна, xviii, 23). Насколько больше я, который всего лишь прах и зола и так склонен ошибаться, должен желать, чтобы каждый высказывал все, что он может, против моего учения?

А потому я умоляю вас, милостями Божьими, вас, светлейший Император, и вас, самых прославленных принцев, и всех других людей высокого или низкого звания, доказать мне писаниями пророков и апостолов, что я ошибаюсь. Как только это будет доказано, я немедленно отрекусь от всех своих ошибок и буду первым, кто схватит мои труды и бросит их в огонь.

АДРЕС ЛЮТЕРА.

"Думаю, то, что я только что сказал, ясно показывает, что я хорошо обдумал и взвесил опасности, которым подвергаю себя; но я далек от того, чтобы быть встревоженным, мне доставляет огромную радость видеть, что Евангелие сейчас, как и в прежние времена, является причиной беспокойства и раздора. Такова характеристика и предназначение Слова Божьего. *"Я пришел принести не мир, но меч"*, - сказал Иисус Христос. (Мф. х, 34.) Бог прекрасен и ужасен в своем действии: давайте остерегаться, притворяясь, что мы прекращаем раздор, чтобы не преследовать святое Слово Божье и не навлекать на себя ужасный поток непреодолимых опасностей, нынешних бедствий и вечного разрушения.... Давайте будем остерегаться того, что правление этого молодого и благородного принца, императора Карла, на которого, клянусь Богом, мы возлагаем такие большие надежды, не только начнется, но также продолжится и закончится под самыми роковыми предложениями. Я мог бы привести примеры, взятые из Божьих оракулов, - продолжает Лютер, выступая в присутствии величайшего монарха в мире с величайшим мужеством. - Я мог бы напомнить вам о фараонах, царях Вавилона и Израиля, которые никогда так эффективно не стремились к их гибели, как тогда, когда с помощью советов, по-видимому, очень мудрых, они думали, что основывают свою империю. *"Бог сдвигает горы, и они не знают."* (Иов, ix, 5.)

"Если я говорю так, то это не потому, что я думаю, что такие великие князья нуждаются в моих советах, а потому, что я хочу вернуть Германии то, чего она имеет право ожидать от своих детей. Таким образом, вверяя себя вашему августейшему Величеству и вашим светлостям, я смиренно

умоляю вас не позволить ненависти моих врагов обрушиться на меня с негодованием, которого я не заслужил". [526]

Лютер произнес эти слова по-немецки, скромно, но в то же время с большой теплотой и твердостью. [527] Ему было приказано повторить их на латыни. Императору не нравился немецкий язык. Внушительное собрание, окружавшее реформатора, шум и возбуждение утомили его. "Я был весь в поту, - говорит он, - разгоряченный толпой, стоя среди принцев". Фредерик де Тун, доверенный советник курфюрста Саксонского, стоявший по приказу своего господина позади реформатора, чтобы позаботиться о том, чтобы тот не был застигнут врасплох или переутомлен, видя состояние бедного монаха, сказал ему: "Если вы не можете повторить свою речь, этого будет достаточно, доктор". Но Лютер, сделав минутную паузу, чтобы перевести дух, продолжил и произнес свою речь на латыни с той же энергией, что и вначале. [528]

"Это чрезвычайно понравилось курфюрсту Фридриху", - рассказывает Реформатор.

Я ЗДЕСЬ. Я НЕ МОГУ ПОСТУПИТЬ ИНАЧЕ.

Как только он умолк, канцлер Трева, оратор сейма, с негодованием сказал ему: "Вы не ответили на вопрос, который вам задали. Вы здесь не для того, чтобы ставить под сомнение то, что было решено Советами. Вас просят дать ясный и определенный ответ. Откажетесь вы или нет?" Затем Лютер ответил без колебаний: "Поскольку ваше светлейшее Величество и ваши высокие Могущества требуют от меня простого, ясного и определенного ответа, я дам его; [529] и это так: я не могу подчинить свою веру ни папе, ни соборам, потому что ясно как день, что они часто впадали в ошибку и даже в большое внутреннее противоречие. Итак, если я не буду опровергнут отрывками из Священного Писания или ясными аргументами; если меня не убедят те самые отрывки, которые я процитировал, и, таким образом, совесть обязывает меня подчиниться слову Божьему, *я ничего не могу и не буду отрекаться*, ибо для христианина небезопасно говорить против своей совести". Затем, оглядев собрание, перед которым он стоял и которое держало в своих руках его жизнь, он сказал: "Вот я, - говорит он, - я не могу поступить иначе: да поможет мне Бог. Аминь". [530]

Так Лютер, вынужденный повиноваться своей вере, ведомый своей совестью на смерть, побуждаемый благороднейшей необходимостью, раб того, во что он верит, но в этом рабстве в высшей степени свободный, подобно кораблю, подброшенному страшной бурей, который, чтобы спасти что-то более ценное, чем он сам, добровольно разбивается вдребезги о скалу, произносит эти возвышенные слова, которые не утратили своего волнующего действия по прошествии трех столетий; так говорит монах перед императором и магнатами империи, и этот бедный и немощный индивидуум стоящий в одиночестве, но полагающийся на милость Всевышнего, кажется больше и сильнее их всех. Его слово обладает силой, против которой все эти могущественные люди ничего не могут поделать. Столкнулись империя и Церковь, с одной стороны, и малоизвестный индивидуум, с другой. Бог собрал этих королей и прелатов, чтобы публично свести на нет их мудрость. Они проиграли битву, и последствия их поражения будут ощущаться во всех нациях и во все будущие века.

ЛЮТЕР ПОБЕДОНОСНЫЙ.

Собравшиеся были поражены. Несколько принцев едва могли скрыть свое восхищение. Император, изменив свое первое впечатление, воскликнул: "Монах говорит с бесстрашным

сердцем и непоколебимой отвагой". [531] Одни только испанцы и итальянцы были сбиты с толку и вскоре начали высмеивать великодушие, которое они не могли оценить.

После того, как сейм оправился от впечатления, произведенного обращением, канцлер продолжил: "Если вы не откажетесь, император и государства империи рассмотрят, какой курс они должны избрать по отношению к упрямому еретику". При этих словах друзья Лютера задрожали, но монах снова сказал: "Боже, помоги мне, ибо я ничего не могу взять обратно".

[532]

Затем Лютер уходит, и принцы совещаются. Все чувствовали, что этот момент вызвал кризис в христианском мире. "Да" или "нет" этого монаха было суждено, возможно, на века, определить состояние Церкви и мира. Это было сделано для того, чтобы напугать его, но в результате он был возведен на пьедестал в присутствии нации. Это должно было придать больше огласки его поражению, и все, что было сделано, - это продлить его победу. Сторонники Рима не могли смириться со своим унижением. Лютера отозвали, и оратор обратился к нему таким образом: "Мартин, ты говорил не со скромностью, которая подобает твоей должности. Различие, которое вы провели между своими книгами, было бесполезным, потому что, если вы откажетесь от тех, которые содержат ошибки, империя не позволит сжечь остальные. Экстравагантно настаивать на опровержении Писания, когда вы возрождаете ереси, которые были осуждены Вселенским собором в Констанце. Поэтому император приказывает вам просто сказать, намерены ли вы сохранить то, что вы выдвинули, или вы имеете в виду отказаться от какой—либо части этого - да или нет?" "У меня нет другого ответа, кроме того, который я уже дал", - спокойно ответил Лютер. Теперь его поняли. Твердый, как скала, все волны человеческой силы напрасно обрушились на него. Сила его красноречия, его бесстрашное выражение лица, блеск его глаз, непоколебимая твердость, запечатленная смелыми чертами его немецких черт, произвели глубочайшее впечатление на это прославленное собрание. Надежды больше не было. Испанцы, бельгийцы и даже римляне были немые. Монах одержал победу над земным величием. Он отрицал Церковь и империю. Карл встал, и все собрание вместе с ним. "Сейм соберется завтра утром, чтобы заслушать решение императора", - громко объявил канцлер.

ПОБЕДА. СМЯТЕНИЕ И СПОКОЙСТВИЕ.

ГЛАВА IX.

Победа—Суматоха и спокойствие—Бокал пива герцога Эрика—Курфюрст и Спалатин—
Послание императора—Желание нарушить Правила безопасности-Сильная оппозиция—
Энтузиазм в отношении Лютера—Голоса за примирение —Страх Курфюрста—Собрание в
доме Лютера—Филипп Гессенский.

Была ночь, и каждый вернулся в свое жилище в темноте. Двум имперским офицерам было приказано сопровождать Лютера. Некоторые люди вообразили, что его судьба решена и что его ведут в тюрьму, из которой он должен выйти только на эшафот, и поднялась огромная суматоха. Несколько джентльменов воскликнули: "Они везут его в тюрьму?" "Нет, - ответил Лютер, - они сопровождают меня в отель". При этих словах шум утих. Затем несколько испанцев из окружения императора, последовавших за этим смелым чемпионом, зашипели и высмеяли его

[533] когда он проходил по улицам, в то время как другие выли, как дикие звери, лишившиеся своей добычи. Лютер оставался твердым и миролюбивым.

Такова была сцена в Вормсе. Бесстрашный монах, который до сих пор бросал вызов своим врагам, говорил в присутствии тех, кто жаждал его крови, со спокойствием, достоинством и смирением. В нем не было ни преувеличения, ни человеческого энтузиазма, ни гнева; он был спокоен среди сильнейшего возбуждения; скромный, сопротивляясь земным силам; велик в присутствии всех князей мира. В этом мы имеем неопровержимое доказательство того, что Лютер тогда повиновался Богу, а не следовал внушениям собственной гордыни. В Вормсском зале был Тот, Кто был более великим, чем Лютер и Чарльз. Иисус Христос сказал: *"Когда они предадут тебя, не думай о том, как и что ты будешь говорить. Ибо это говорите не вы."*

[534] Возможно, никогда это обещание не выполнялось так явно.

Это произвело глубокое впечатление на руководителей империи. Лютер заметил это, и это придало ему смелости. Слуги папы были разгневаны на Джона Эка за то, что он не прерывал чаще провинившегося монаха. Несколько принцев и дворян были привлечены к делу, которое поддерживалось с такой убежденностью. У некоторых, правда, впечатление было мимолетным, но, с другой стороны, некоторые из тех, кто до тех пор скрывал свои чувства, с тех пор проявили большое мужество.

БОКАЛ ПИВА ГЕРЦОГА ЭРИКА.

Лютер вернулся в свой отель и отдыхал от усталости, вызванной суровой службой, которой он был занят. Спалатин и другие друзья были вокруг него, и все возносили благодарность Богу. Пока они разговаривали, вошел камердинер, неся серебряную вазу, полную эймбекского пива. "Мой хозяин, - сказал он, протягивая кружку Лютеру, - просит вас освежиться этим глотком пива". "Что это за принц, - спросил Лютер, - который так милостиво вспоминает меня?" Это был старый герцог Эрик Брауншвейгский. Реформатор был тронут подношением, сделанным ему таким образом столь могущественным государем, к тому же принадлежавшим к папской партии. "Его высочеству, - продолжал камердинер, - было приятно попробовать напиток, прежде чем послать его вам". Лютер, испытывая жажду, налил герцогу пива и, выпив его, сказал: "Как герцог Эрик сегодня вспомнил меня, так пусть Господь Иисус Христос вспомнит его в день его последней битвы". [535] Подарок сам по себе не представлял особой ценности, но Лютер, желая выразить свою благодарность принцу, который подумал о нем в такой момент, подарил ему то, что у него было, — молитву. Камердинер вернулся с сообщением для своего хозяина. Старый герцог в свои последние минуты вспомнил эти слова и, обратившись к молодому пажу, Фрэнсису де Крамму, стоявшему у его постели, сказал ему: "Возьми Евангелие и прочти его мне". Ребенок прочитал слова Христа, и душа умирающего человека освежилась. *"Если кто",* говорит Спаситель, *"обязан предоставить одному из вас чашею холодной воды во имя мое, потому что вы не мой ученик, истинно говорю вам, не потеряет награды своей."*

Не успел камердинер герцога Брауншвейгского уйти, как получил послание от курфюрста Саксонского с приказом Спалатину немедленно прибыть к нему. Фридрих прибыл на сейм, полный беспокойства. Он думал, что в присутствии императора мужество Лютера может измениться, и, соответственно, был глубоко тронут твердостью Реформатора. Он гордился тем, что взял такого человека под свою защиту. Когда прибыл капеллан, стол был накрыт, и курфюрст собирался сесть ужинать со своим Двором — камердинеры уже внесли вазу для мытья рук. Курфюрст, увидев вошедшего Спалатина, немедленно поманил его за собой и,

оставшись с ним наедине в его спальне, сказал ему с глубоким волнением: "О! как хорошо отец Лютер выступил перед императором и всеми штатами империи! Я боялся только, что он будет слишком дерзок". [536] Затем Фредерик принял решение защищать доктора в будущем с большей отвагой.

ПОСЛАНИЕ ОТ ИМПЕРАТОРА.

Алеандр видел впечатление, произведенное Лютером. Следовательно, нельзя было терять времени. Молодого императора нужно было побудить действовать энергично. Момент был благоприятный, поскольку имелась непосредственная перспектива войны с Францией. Лев X, желая расширить свои владения и мало заботясь о мире в христианском мире, одновременно организовал тайные переговоры по двум договорам: один с Карлом против Франциска, а другой с Франциском против Карла. [537] Первым он договорился с императором о Парме, Пласенце и Ферраре; вторым он договорился с королем о части Неаполитанского королевства, которой Карл, таким образом, должен был быть лишен. Карл чувствовал важность завоевания власти над Львом, чтобы иметь его в качестве союзника против своего соперника Франции. Лютер был легкой ценой за дружбу могущественного понтифика.

На следующий день после выступления Лютера он приказал зачитать в сейме послание, написанное им собственноручно по-французски. [538] "Происходя, - сказал он, - от христианских императоров Германии, католических королей Испании, эрцгерцогов Австрии и герцогов Бургундии, которые все прославились как защитники римской веры, я твердо намерен следовать примеру своих предков. Одиноким монах, сбитый с пути собственной глупостью, противопоставляет себя вере христианского мира. Я пожертвую своими владениями, своей властью, своими друзьями, своим сокровищем, своим телом, своей кровью, своим разумом и своей жизнью, чтобы остановить это нечестие. [539] Я намерен отослать Августина Лютера обратно, запретив ему сеять малейшее смятение среди народа; после этого я буду действовать против него и его приверженцев как против объявленных еретиков путем отлучения от церкви. и пресекать, и всеми средствами, подобающими для их уничтожения. [540] Я призываю представителей государств вести себя как верные христиане".

ПРЕДЛОЖЕНИЕ НАРУШИТЬ ПРАВИЛА ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ.

Это обращение понравилось не всем. Чарльз, молодой и пылкий, не соблюдал обычные формы; ему следовало бы заранее поинтересоваться мнением сейма. Сразу же были высказаны две крайние точки зрения. Ставленники папы римского, курфюрст Бранденбургский и несколько духовных князей потребовали, чтобы не обращали внимания на охранную грамоту, выданную Лютеру. [541] "Рейн, - сказали они, - должен принять его прах, как столетие назад он принял прах Яна Гуса". Карл, если можно верить историку, впоследствии горько раскаивался в том, что не последовал этому подлому совету. "Я признаюсь, - сказал он в конце своей жизни, - что совершил большую ошибку, позволив Лютеру жить. Этот еретик оскорбил более великого учителя, чем я, даже самого Бога, и я не был обязан выполнять данное ему обещание. Я мог бы, нет, мне следовало бы забыть свое слово и отомстить за оскорбление, которое он нанес Богу; из-за того, что я не предал его смерти, ересь не перестала набирать силу. Его смерть задушила бы его еще в колыбели. [542]

Это ужасное предложение повергло курфюрста и всех друзей Лютера в ужас. "Казнь Яна Гуса, - сказал курфюрст Палатинский, - принесла Германии слишком много бедствий, чтобы допустить

возведение такого эшафота во второй раз". "Князя Германии, - воскликнул Георг Саксонский, сам непримиримый враг Лютера, - не допустят нарушения правил безопасности. Этот первый сейм, проведенный нашим новым императором, не повлечет за собой вины за столь позорный поступок. Такое вероломство не соответствует старой немецкой порядочности". Принцы Баварии, также преданные Римской церкви, присоединились к этому протесту. Сцена смерти, которую друзья Лютера уже видели перед своими глазами, казалось, была удалена.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ АЛЕАНДР ОТКЛОНЕНО.

Слух об этих дебатах, длившихся два дня, распространился по городу. Вечеринки становились все жарче. Некоторые джентльмены, сторонники реформ, начали решительно выступать против предательства, которого требовал Алеандр. "Император, - говорили они, - молодой человек, которого паписты и епископы доставляют удовольствие своей лестью". [543] Паллавичини упоминает о четырехстах дворянах, которые были готовы обеспечить безопасность Лютера с помощью меча. В субботу утром на домах и общественных местах были обнаружены плакаты, некоторые из которых были направлены против Лютера, а другие - в его пользу. Одно из них просто содержало энергичные слова Экклезиаста: *"Горе тебе, земля, когда царь твой - дитя!"* Говорили, что Секинген собрал в нескольких лье от Вормса, за неприступными валами своей крепости, большой отряд рыцарей и солдат и только ждал исхода дела, чтобы знать, как действовать. Народный энтузиазм не только в Вормсе, но и в самых отдаленных городах империи, [544] бесстрашие рыцарей, привязанность нескольких принцев к Реформатору - все это, должно быть, заставило Карла и Сейм понять, что шаг, которого требуют римляне, может поставить под угрозу верховную власть, вызвать восстания и даже потрясти империю. [545] Они собирались сжечь всего лишь простого монаха, но у римских князей и приверженцев, взятых все вместе, не хватило ни силы, ни мужества, чтобы сделать это. Несомненно также, что Карл V, их молодой император, все еще боялся лжесвидетельства. На это, по-видимому, указывает выражение, которое, если верить некоторым историкам, он произнес по этому поводу: "Если бы верность и добросовестность были изгнаны из всего мира, они должны были бы найти убежище в сердцах принцев". Говорят, что он забыл об этом, находясь на краю могилы. Но были и другие мотивы, которые могли оказать влияние на императора. Флорентиец Веттори, друг Льва X и Макиавели, утверждает, что Карл пощадил Лютера только для того, чтобы тот мог держать папу в узде. [546]

ОПАСЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ.

На субботнем заседании яростные советы Алеандр были отвергнуты. Было чувство симпатии к Лютеру и желание спасти этого простодушного человека, чья вера в Бога была столь трогательной; но было также желание спасти Церковь. Сейм в равной степени содрогался от последствий, которые могли возникнуть в результате триумфа и уничтожения Реформатора. Были заслушаны предложения о примирении, и было предложено предпринять новую попытку с доктором Виттембергским. Сам архиепископ-курфюрст Менца, молодой и экстравагантный Альберт, скорее набожный, чем отважный, говорит Паллавичини, [547] встревожился, увидев интерес, который народ и знать проявили к саксонскому монаху. Его капеллан Капитон, который во время своего пребывания в Бале был близок с евангелическим священником из Цюриха по имени Зинглиус, бесстрашным защитником истины, о котором мы уже имели случай говорить, также, несомненно, представлял Альберту праведность дела Реформатора. Мирской архиепископ испытал одно из тех возвращений к христианским чувствам, которые время от

времени проявляет его жизнь, и согласился пойти к императору и попросить его разрешить последнюю попытку. Но Карл категорически отказался. В понедельник (22 апреля) принцы собрались вместе, чтобы возобновить просьбы Альберта. "Я не отступлю от того, что я постановил", - ответил император. Я не буду поручать никому официально обращаться к Лютеру. "Но, - добавил он, к великому возмущению Алеандра, - я даю этому человеку три дня на размышление; в течение этого времени любой может, как частное лицо, дать ему подходящий совет". [548] Это было все, о чем его спрашивали. Реформатор, думали они, воодушевленный торжественностью своего публичного выступления, уступит на более дружественной конференции и, возможно, будет спасен от пропасти, в которую он готов упасть.

Курфюрст Саксонский знал обратное; соответственно, он был в большом страхе. "Если бы это было в моих силах, - писал он на следующий день своему брату, герцогу Джону, - я был бы готов поддержать Лютера. Вы не могли поверить, до какой степени я подвергаюсь нападкам римских партизан. Если бы я мог рассказать вам все, вы бы услышали очень странные вещи. [549] Они стремятся к его гибели, и какой бы слабый интерес кто-либо ни проявлял к его персоне, его немедленно порицают как еретика. Пусть Бог, который не оставляет праведного дела, приведет все к хорошему концу!" Фридрих, не выказывая сильной привязанности, которую он испытывал к Реформатору, довольствовался тем, что не упускал из виду ни одного его движения.

Тогда в Вормсе с людьми всех рангов было иначе. Многие бесстрашно дали волю своему сочувствию. С пятницы толпа принцев, графов, баронов, рыцарей, джентльменов, священнослужителей, мирян и простых людей окружила отель, где остановился Реформатор; они входили и выходили и не могли насмотреться на него. [550] Он стал человеком в Германии. Даже те, кто не сомневался в том, что он заблуждался, были тронуты благородством души, которое побудило его пожертвовать своей жизнью по велению совести. С несколькими персонами, присутствовавшими в Вормсе и составлявшими цвет нации, Лютер время от времени вел беседы, полные той соли, которой всегда были приправлены его высказывания. Никто не уходил от него без чувства воодушевления великодушным энтузиазмом по отношению к истине. Джордж Фоглер, личный секретарь маркграфа Казимира Бранденбургского, пишет своему другу: "Какие вещи я должен был бы тебе рассказать! Какие полные благочестия и доброты беседы вел Лютер со мной и другими! Какой обаятельный этот человек!" [551]

ВИЗИТ ЛАНДГРАФА ГЕССЕНСКОГО.

Однажды во двор отеля гарцующим шагом вошел молодой семнадцатилетний принц: это был Филипп, который уже два года правил в Гессене. Молодой ландграф обладал активным и предприимчивым характером, мудростью не по годам, воинственным духом и порывистым нравом, редко позволяя себе руководствоваться какими-либо идеями, кроме своих собственных. Пораженный речами Лютера, он пожелал познакомиться с ним поближе. "Однако пока, - говорит Лютер, рассказывая о своем визите, - он был не для меня". [552] Он спешил и без каких-либо других формальностей поднялся в комнату Реформатора и, обратившись к нему, сказал: "Ну, дорогой доктор, как дела?" "Милостивый государь, - ответил Лютер, - я надеюсь, что все пройдет хорошо". - Из того, что я узнал, - смеясь, продолжал ландграф, - вы учите, доктор, что жена может бросить своего мужа и взять другого, когда первый окажется слишком старым! Люди императорского двора рассказали эту историю ландграфу. Враги истины никогда не упускают случая распространить баснословные рассказы об уроках христианских учителей— "Нет, милорд, - серьезно ответил Лютер, - позвольте вашему высочеству не говорить так, если

вам угодно". Вслед за этим принц быстро протянул доктору руку, сердечно пожал ее и сказал: "Дорогой доктор, если вы правы, да поможет вам Бог". С этими словами он вышел из комнаты, снова сел на лошадь и уехал. Это была первая встреча между этими двумя людьми, которым впоследствии предстояло встать во главе Реформации и защищать ее, одному с мечом слова, а другому с мечом королей.

Это был архиепископ Тревский Ричард де Грайфенклау, который с разрешения Карла V взял на себя обязанности посредника. Ричард, который был в близких отношениях с курфюрстом Саксонии и добрым католиком, желал уладить это трудное дело и тем самым сразу оказать услугу своему другу и Церкви. В понедельник вечером (22 апреля), как раз когда Лютер собирался сесть за стол, пришел посланец архиепископа и сказал, что прелат желает видеть его послезавтра (в среду), в шесть часов утра.

ГЛАВА X.

Встреча с архиепископом Трева—Совет, который он дал Лютеру—Ответы Лютера—Частная беседа—Визит Кохлеса—Ужин у архиепископа—Покушение на отель Родса—Предложение Совета—Последняя беседа Лютера с архиепископом—Визит к больному другу—Лютеру приказано покинуть Вормс.

КОНФЕРЕНЦИЯ С АРХИЕПИСКОПОМ ТРЕВСКИМ.

В тот день капеллан и имперский герольд Штурм оба были у Лютера до шести часов утра. Алеандр распорядилась, чтобы Кохлуса вызвали в четыре. Нунций не замедлил обнаружить в человеке, представленном ему Капитоном, преданного слугу Рима, на которого он мог рассчитывать, как на самого себя. Не имея возможности присутствовать на этом собеседовании, Алеандр пожелал найти замену. "Будьте на месте у архиепископа Тревского", - сказал он декану Франкфурта. "Не вступайте в дискуссию с Лютером, но довольствуйтесь тем, что уделяйте самое пристальное внимание каждому сказанному, чтобы иметь возможность представить мне достоверный отчет". [553] Прибыв с несколькими друзьями в дом архиепископа, Реформатор обнаружил его в окружении маркграфа Иоахима Бранденбургского и Аугсбургского, нескольких дворян, депутатов от вольных городов, юристов и теологов, среди которых были Кохлюс и Иероним Вехе, канцлер Бадена. Последний, способный юрист, пожелал перемен в манерах и дисциплине. Он пошел еще дальше. "Слово Божье, - сказал он, - которое так долго было спрятано под спудом, должно вновь появиться во всем своем блеске". [554] Этому склонному к примирению человеку было поручено проведение конференции. Любезно повернувшись к Лютеру, он сказал ему: "Мы пригласили тебя сюда не для того, чтобы спорить с тобой, а для того, чтобы дать тебе братский совет. Вы знаете, как тщательно Писание требует от нас остерегаться летящей стрелы и дьявола, который ходит в полдень. Этот враг рода человеческого подстрекает вас публиковать вещи, противоречащие религии. Подумайте о своей собственной безопасности и безопасности империи. Позаботьтесь о том, чтобы те, кого Иисус Христос искупил своей смертью от смерти вечной, не были соблазнены тобой и не погибли навсегда.... Не восставай против святых соборов. Если мы не будем соблюдать постановления наших отцов, в Церкви не будет ничего, кроме смятения. Уважаемые князья, которые сейчас слушают меня, проявляют особую заинтересованность в вашей безопасности.

Но если вы будете упорствовать, император изгонит вас из империи, [555] и ни одно место в мире не сможет предложить вам убежище.... Подумай о судьбе, которая тебя ожидает".

"Светлейшие князья! - ответил Лютер. - Я благодарю вас за вашу заботу, ибо я всего лишь бедный человек и слишком скромнен, чтобы выслушивать увещевания таких высоких лордов". [556] Затем он продолжил: "Я обвинял не все соборы, а только Констанцианский; потому что, осуждая это учение Яна Гуса, а именно — *что христианская церковь является собранием тех, кто предопределен к спасению*" [557] — оно осудило эту статью нашего символа веры "Я верю в святую Католическую Церковь"; и Слово о самом Боге. Говорят, что мои уроки оскорбляют", - добавил он. "Я отвечаю, что Евангелие Христа нельзя проповедовать без оскорблений. Как же тогда этот страх или предчувствие опасности должны отделять меня от Господа и от этого божественного Слова, которое является единственной истиной? Нет, лучше отдай мое тело, мою кровь и мою жизнь!!..."

КОНФЕРЕНЦИЯ С АРХИЕПИСКОПОМ ТРЕВСКИМ.

Принцы и врачи посовещались, Лютера отозвали, и он мягко продолжил: "Необходимо почитать принцев, даже когда они ошибаются, и приносить большие жертвы благотворительности". Затем он сказал более настойчивым тоном: "Отдайте себя на суд императора и ничего не бойтесь".

Лютер.— "Я согласен от всего сердца, что император, принцы и даже самые смиренные христиане будут изучать и оценивать мои книги; но при одном условии, и оно заключается в том, чтобы они принимали Слово Божье за свой стандарт. Людям не остается ничего другого, как повиноваться. Моя совесть зависит от нее, и я нахожусь в плену ее власти". [558]

Курфюрст Бранденбургский.— Я вас прекрасно понимаю, доктор. Вы не признаете никакого судьи, кроме Священного Писания?"

Лютер.— Да, милорд, именно так. Это мое последнее слово. [559]

Затем принцы и доктора удалились, но достойный архиепископ Тревский не мог решиться отказаться от своего предприятия. "Пойдемте", - сказал он Лютеру, проходя в свою отдельную комнату, и в то же время приказал Джону Эку и Коклюсу, с одной стороны, и Шурффу и Амсдорфу, с другой, следовать за ними. "Зачем постоянно апеллировать к Священному Писанию?" проницательно заметил Эк. "Из этого возникли все ереси". Но Лютер, говорит его друг Матезиус, оставался непоколебимым, подобно скале, опирающейся на истинную скалу, Слово Господне. "Папа, - ответил он, - не судья в делах, относящихся к Слову Божьему. Каждый христианин должен сам увидеть и понять, как он должен жить и умереть". [560] Стороны разошлись. Сторонники папства чувствовали превосходство Лютера и приписывали это тому, что рядом не было никого, кто мог бы ему ответить. "Если бы император, - говорит Коклюс, - поступил мудро, вызвав Лютера в Вормс, он также призвал бы богословов, которые могли бы опровергнуть его ошибки".

Архиепископ Тревский отправился в сейм и объявил о плохом успехе своего посредничества. Удивление молодого императора было равно его негодованию. "Пора, - сказал он, - положить

конец этому делу". Архиепископ попросил еще два дня, и весь сейм поддержал его. Карл V уступил. Алеандр, вне себя от ярости, произносила самые горькие ругательства. [561]

ВИЗИТ УЛИТКИ.

Пока все это обсуждалось на Сейме, Кохлус сгорал от нетерпения одержать победу, в которой прелатам и королям было отказано. Хотя время от времени он перебрасывался несколькими словами с архиепископом, приказ, который он получил от Алеандра, наложил на него ограничения. Он решил компенсировать это сам и не успел отчитаться о своей миссии перед папским нунцием, как явился в квартиру Лютера. Он обратился к нему как к другу и выразил скорбь, которую испытывал по поводу решения императора. После обеда беседа стала оживленной. [562] Коклюш заставил Лютера взять свои слова обратно. Он кивком головы отказался. Несколько дворян, сидевших за столом, с трудом сдерживали себя. Они были возмущены тем, что сторонники Рима хотели не убедить Реформатора с помощью Священного Писания, а ограничить его силой. Кохлус, потеряв терпение от этих упреков, говорит Лютеру: "Очень хорошо, я предлагаю публично оспорить вас, если вы откажетесь от охранной грамоты". [563] Все, чего требовал Лютер, - это публичных дебатов. Что он должен был делать? Отказаться от охранной грамоты означало погубить самого себя; отказаться от вызова Кохлуса означало казаться сомневающимся в его правоте. Гости расценили это предложение как коварный план Алеандра, которого только что покинул декан Франкфуртского университета. Фольрат из Ватцдорфа, один из них, избавил Лютера от затруднений, связанных с этой загадочной альтернативой. Этот барон, обладавший кипучим темпераментом, возмущенный ловушкой, целью которой было не что иное, как выдать Лютера в руки палача, [564] вскочил, схватил перепуганного священника и подтолкнул его к двери. Произошло бы даже кровопролитие, если бы другие гости не встали из-за стола и не вмешались в разговор между разъяренным бароном и дрожащим Улиткой, [565] которые в замешательстве покинули отель рыцарей Родоса.

Это выражение, без сомнения, вырвалось у декана в пылу дискуссии и не было преднамеренным планом между ним и Алеандром, направленным на то, чтобы заманить Лютера в коварную ловушку. Кохлус отрицает, что это было, и мы с удовольствием отдаем должное его свидетельству, хотя это правда, что он пришел к Лютеру после совещания с нунцием.

ИНЦИДЕНТ ЗА УЖИНОМ С АРХИЕПИСКОПОМ.

Вечером архиепископ Тревский принимал тех, кто присутствовал на утренней конференции. Он подумал, что это могло бы стать средством успокоить их умы и сблизить их друг с другом. Лютер, который был таким бесстрашным и непоколебимым перед арбитрами или судьями, в частном обществе обладал хорошим чувством юмора и веселостью, которые, казалось, обещали все, о чем бы его ни попросили. Канцлер архиепископа, проявивший столько строгости в своем официальном качестве, присоединился к этой попытке и ближе к концу трапезы выпил за здоровье Лютера. Он готовился ответить на оказанную честь, вино было разлито, и он, по своему обыкновению, осенил свой бокал крестным знамением, как вдруг бокал лопнул у него в руках, и вино пролилось на стол. Гости были в ужасе. "В нем, должно быть, яд", [566] довольно громко сказали некоторые из друзей Лютера. Но доктор, ничуть не смутившись, ответил с улыбкой: "Дорогие друзья, либо это вино предназначалось не для меня, либо оно было бы вредно для меня". Затем он спокойно добавил: "Стекло разбилось, без сомнения, потому, что при мытье его слишком рано окунули в холодную воду". Эти простые слова, в тех обстоятельствах, при которых они были произнесены, обладают некоторой степенью величия и

свидетельствуют о неизменном мире. Мы не можем предположить, что римские католики могли желать отравить Лютера, особенно в доме архиепископа Тревского. Этот инцидент не отдалил и не сблизил стороны. Решимость Реформатора исходила из высшего источника, и на нее не могли повлиять ни ненависть, ни благосклонность людей.

В четверг утром (25 апреля) канцлер Вехе и доктор Пейтингер из Аугсбурга, имперский советник, который проявлял большую привязанность к Лютеру со времени его беседы с де Вио, отправились в отель рыцарей Родоса. Курфюрст Саксонии послал Фредерика Де Туна и еще одного из своих советников присутствовать на совещании. "Отдайте себя в наши руки", - искренне сказали Вехе и Пейтингер, которые охотно пожертвовали бы всем, чтобы предотвратить раскол, который вот-вот должен был разорвать Церковь. "Это дело будет прекращено по-христиански; мы даем вам в этом наше слово". "В двух словах, - сказал им Лютер, - вот мой ответ: я отказываюсь от охранной грамоты. [567] Я вверяю в руки императора свою особу и свою жизнь; но Слово Божье... никогда!" Фредерик де Тун взволнованно поднялся и сказал депутатам: "Разве этого недостаточно? Разве жертва недостаточно велика? Затем, заявив, что больше ничего не желает слышать, он удалился. Вехе и Пейтингер, надеясь добиться большего успеха у доктора, подошли и сели по обе стороны от него. "Сядьте на диету", - сказали они ему. "Нет, - ответил Лютер, - ибо *проклят тот, кто уповает на человека*". (Иеремия, хvii, 5.) Вехе и Пейтингер удвоили свои советы и нападки, еще теснее давя на Реформатора. Лютер устал, встал и положил конец беседе, сказав: "Я не позволю ни одному человеку ставить себя выше слова Божьего". [568] "Подумай еще раз, - сказали они ему, уходя, - мы вернемся после полудня".

НОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Они, действительно, вернулись; но, убедившись, что Лютер не уступит, они внесли новое предложение. Лютер отказался предстать перед судом сначала папы, затем императора, затем сейма. Оставался один судья, к которому он сам когда-то обращался, - генеральный совет. Без сомнения, такое предложение было бы отвергнуто Римом, но это была последняя дощечка для побега. Делегаты предложили Лютеру созвать Собор, и в его власти было принять его, не стесненный никакими точными определениями. Могли бы пройти годы, прежде чем можно было бы устранить трудности, с которыми столкнулся бы созыв Собора со стороны папы. Для Реформации и Реформатора выигрыш в годы принес бы все. Бог и время тогда сделали бы остальное. Но Лютер предпочитал прямой путь всему остальному: он не стал бы спасать себя за счет истины, хотя все, что могло бы быть необходимо, - это замаскировать ее молчанием. "Я согласен, - ответил он, - но (это было равносильно отказу Собора) при условии, что Собор будет судить только согласно Священному Писанию". [569]

Пейтингер и Вехе, думая, что Совет не может судить иначе, вне себя от радости, поспешили к архиепископу. "Доктор Мартин, - сказали они, - представляет свои книги Совету". Архиепископ собирался сообщить благую весть императору, когда у него возникли некоторые сомнения, и он послал за Лютером.

Рихард из Грифенклау был один, когда прибыл доктор. "Дорогой доктор", - сказал архиепископ с большой сердечностью и добротой, [570] "мои врачи заверяют меня, что вы согласны безоговорочно представить ваше дело на рассмотрение Совета". "Милорд, - ответил Лютер, - "Я могу вынести все, но не могу отказаться от Священного Писания". Тогда архиепископ понял, что Вехе и Пейтингер не объяснились должным образом. Рим никогда не смог бы согласиться на

Собор, обязанный принимать решения в соответствии с Писанием. "Было справедливо, - говорит Паллавичини, - настаивать на том, что слабый глаз должен читать очень мелкий почерк, и в то же время отрицать использование очков". [571] Добрый архиепископ вздохнул. "Хорошо, - сказал он, - что я заставил тебя приехать. Что было бы со мной, если бы я немедленно отправился к императору с новостями?"

Непоколебимая твердость, суровая прямота Лютера, без сомнения, поражают, но они будут поняты и уважаемы всеми, кто знает требования Бога. Редко бывало более благородное воздаяние почестей непреложному слову Небес, да еще с риском для жизни и свободы человеком, который воздал его.

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА ЛЮТЕРА С АРХИЕПИСКОПОМ.

"Что ж, - сказал достопочтенный прелат Лютеру, - тогда вы сами укажете мне средство".

Лютер(после минутного молчания). — "Мой господин, я не знаю ничего другого, кроме того, что сказал Гамалиил: "Если этот совет или это дело от людей, оно ни к чему не приведет, но если это от Бога, вы не можете ниспровергнуть его, иначе, может быть, вас обнаружат даже сражающимися против Бога." Пусть император, избиратели, князья и государства империи передадут этот ответ папе".

Архиепископ.— "По крайней мере, уберите некоторые статьи".

Лютер.— "При условии, что это будут не те, которые осудил Констанцкий собор".

Архиепископ.— Ах, я боюсь, что это те самые вопросы, которые будут заданы.

Лютер.— "Тогда скорее пожертвую своим телом и своей жизнью — лучше позволю отрубить себе ноги и руки, чем откажусь от ясного и подлинного слова Божьего". [572]

Архиепископ наконец понял Лютера. "Вы можете удалиться", - сказал он ему, всегда с той же мягкостью. "Ваша светлость, - продолжил Лютер, - будьте так добры, проследите, чтобы его Величество распорядился о том, чтобы охранная грамота, необходимая для моего возвращения, была ускорена". "Я позабочусь об этом", - ответил добрый архиепископ, и они расстались.

Так закончились эти переговоры. Вся империя обрушилась на этого человека с самыми настоятельными мольбами и самыми страшными угрозами, [573] и этот человек ни разу не дрогнул. Его отказ подчиниться железной руке папы освободил Церковь и положил начало новой эре. Вмешательство Провидения было очевидным, и в целом картина представляет собой одну из тех грандиозных исторических сцен, в которых величественный облик Божества предстает во всей красе.

Лютер удалился в сопровождении Спалатина, который прибыл к архиепископу во время визита. Джон фон Минквиц, один из советников курфюрста Саксонии, заболел в Вормсе. Двое друзей отправились к нему домой, и Лютер оказал больному самое нежное утешение. "Прощай, - сказал он ему, уходя, - завтра я покину Вормс".

Лютер не ошибся. Не прошло и трех часов, как он вернулся в гостиницу родосских рыцарей, как появились канцлер Экк и канцлер императора в сопровождении нотариуса.

ОТЪЕЗД ЛЮТЕРА В ВОРМС.

Канцлер сказал ему: "Мартин Лютер, его императорское Величество, курфюрсты, принцы и государства империи, призывая вас к подчинению снова и снова, различными способами, но всегда напрасно, император, в качестве защитника католической веры, считает себя обязанным предпринять другие шаги. Поэтому Он приказывает вам вернуться домой в течение двадцати одного дня и запрещает вам нарушать общественный порядок проповедью или письмом".

Лютер прекрасно понимал, что это послание было первым шагом к его осуждению. "Это произошло так, как было угодно Иегове", - кротко сказал он. "Да будет благословенно имя Иеговы!" Затем он добавил: "Прежде всего, очень смиренно и от всего сердца я благодарю его Величество, курфюрстов, принцев и другие государства империи за то, что они выслушали меня с такой добротой. Я желал и желаю только одного — преобразования Церкви в соответствии со Священным Писанием. Я готов сделать все и претерпеть все в смиренном подчинении воле императора. Жизнь и смерть, честь и бесчестье — все для меня одинаково: я делаю только одну оговорку - проповедь Евангелия; ибо, как говорит святой Павел, *"Слово Божье не может быть ограничено"*. Депутаты удалились.

Утром в пятницу (26 апреля) друзья Реформатора и несколько дворян собрались у него дома. [574] Они были довольны, увидев христианское постоянство, которое он противопоставлял Карлу и империи, и узнав в нем черты древнего портрета:

"Justum ac tenacem propositi virum, Non civium ardor prava jubentium, Non vultus instantis tyranni, Mente quatit solida...." [575]

Они пожелали еще раз, возможно, навсегда, попрощаться с этим бесстрашным монахом. Лютер скромно поужинал. Теперь он должен проститься со своими друзьями и бежать далеко от них под небом, наполненным бурями. Он хотел провести этот торжественный момент в присутствии Бога. Он возвысил свою душу и благословил тех, кто был вокруг него. [576] Пробыло десять утра, когда Лютер вышел из отеля со своими друзьями, которые сопровождали его в Вормсе. Двадцать джентльменов верхом на лошадях окружили его карету. Огромная толпа сопровождала его за стенами. Императорский герольд Штурм присоединился к нему некоторое время спустя в Оппенгейме, и на следующий день они достигли Франкфурта.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ВОРМСА. ОТ ЛЮТЕРА К КРАНАХУ.

ГЛАВА XI.

Отъезд Лютера—Путешествие из Вормса—Лютер в Кранах—Лютер к Карлу V—Лютер с аббатом Хиршфельда—Викарием Эйзенаха—Несколько принцев покидают сейм—Карл подписывает приговор Лютеру—Вормсский эдикт—Лютер с родителями—На Лютера напали и унесли —Пути Божьи—Вартбург—Лютер в плену.

Лютер, вырвавшись таким образом из этих стен Вормса, которые грозили стать его могилой, всем сердцем воздал славу Богу. "Сам дьявол, - сказал он, - охранял цитадель папы римского. Но Христос пробил в нем большую брешь; и сатана был вынужден признать, что Господь могущественнее его". [577]

"День Вормской диеты, - говорит благочестивый Матезиус, ученик и друг Лютера, - это один из величайших и славнейших дней, данных миру перед его окончательным завершением". [578] Битва при Вормсе разнеслась далеко по всему миру, и пока звук ее разносился по христианскому миру, от северных регионов до гор Швейцарии и городов Англии, Франции и Италии, многие горячо взялись за могучее оружие Слова Божьего.

Лютер, прибыв во Франкфурт вечером в субботу (27 апреля), воспользовался на следующий день моментом досуга, первым за долгое время, чтобы написать записку в стиле одновременно игривом и энергичном своему другу Лукасу Кранаху, знаменитому художнику в Виттемберге. "Ваш покорный слуга, дорогой компаньон Лукас, - сказал он ему, - я думал, что его величество соберет в Вормсе около пятидесяти докторов, чтобы немедленно опровергнуть монаха. Но это совсем не так. Эти книги ваши? ДА. Вы откажетесь от них? Нет. Ну что ж! проваливай! Такова была вся история. О слепые германцы, как по-детски мы ведем себя, позволяя Риму играть с нами и дурачить нас!... Евреи должны хоть раз услышать свое песнопение, Йо! Йо! Йо! Но наша пасха тоже наступит, и тогда мы будем петь "Аллилуйя"! [579]... На короткое время должны воцариться тишина и страдание. Иисус Христос говорит: *"Еще немного, и вы не увидите меня, и еще немного, и вы увидите меня"*. (Иоанна, xvi, 16.) Я надеюсь, что так будет и со мной. Я всецело веряю вас Вечному. Пусть Он через Христа защитит нас от нападений волков и драконов Рима. Аминь".

ЛЮТЕР КАРЛУ V.

Написав это несколько загадочное письмо, Лютер, поскольку время поджимало, немедленно отправился во Фридберг, который находится в шести лье от Франкфурта. На следующий день Лютер снова пообщался с самим собой. Он хотел еще раз написать Карлу V, не желая смешивать его с виновными мятежниками. В своем письме императору он ясно изложил природу послушания, которое подобает человеку, и послушания, которое подобает Богу, и предел, на котором первое должно прекратиться и уступить место второму. Читая Лютера, мы невольно вспоминаем высказывание величайшего автократа современности: "Моя роль заканчивается там, где начинается роль совести". [580] "Бог, который исследует сердца, является моим свидетелем, - говорит Лютер, - что я готов со всем усердием повиноваться вашему величеству, будь то в чести или бесчестии, будь то жизнью или смертью, и абсолютно без исключения, кроме слова Божьего, из которого человек черпает жизнь. Во всех делах нынешней жизни моя верность будет неизменной, ибо эти потери или обретения никоим образом не могут повлиять на спасение. Но что касается вечных благословений, то это не воля Бога, чтобы человек подчинялся человеку. Подчинение в духовном мире представляет собой поклонение, и оно должно быть обращено только к Творцу". [581]

Лютер также направил письмо, но на немецком языке, государствам империи. По существу оно было почти таким же, как и письмо императору. В нем содержался отчет обо всем, что произошло в Вормсе. Это письмо неоднократно печаталось и распространялось по всей Германии; "Повсюду, - говорит Коклюс, - оно возбуждало народное негодование против императора и высокопоставленного духовенства". [582]

Рано утром следующего дня Лютер написал записку Спалатину, вложив в нее два письма, которые он написал накануне вечером, и отослал обратно герольда Штурма, которого привлекли к евангелию. Обняв его, он со всей поспешностью направился в Грюнберг.

Во вторник, находясь примерно в двух лье от Хиршфельда, он встретил канцлера князя-аббата этого города, который вышел встретить его. Вскоре после этого появился отряд всадников во главе с аббатом. Последний соскочил с лошади, а Лютер вышел из кареты, принц и Реформатор обнялись и затем вошли в Хиршфельд. Сенат встретил их у ворот. [583] Князя Церкви побежали навстречу монаху, преданному анафеме папой, а самые выдающиеся из мирян склонили головы перед человеком, которого император запретил.

LUTHER AT EISENACH.

"В пять утра мы будем в церкви", - сказал принц, вставая вечером из-за стола, за которым Реформатор был гостем. Он даже пожелал, чтобы Лютер лег в его собственную постель. На следующий день Лютер проповедовал, принц-настоятель сопровождал его со своей свитой.

Вечером Лютер прибыл в Эйзенах, где прошло его детство. Все его друзья в городе собрались вокруг него и умоляли его проповедовать. На следующий день его отвели в церковь. Появился священник в сопровождении нотариуса и свидетелей. Он вышел вперед, весь дрожа, раздираемый страхом потерять свое место и страхом противостоять могущественному человеку, стоящему перед ним. Наконец он сказал смущенным тоном: "Я протестую против вольности, на которую вы собираетесь пойти". Лютер взошел на кафедру, и тот голос, который двадцать три года назад пел на улицах этого города "За хлеб", заставил своды древней церкви зазвучать с акцентами, которые начали сотрясать мир. После проповеди викарий в замешательстве тихонько подошел к Лютеру. Нотариус составил свой документ, свидетели подписали его, и все было в порядке, чтобы обеспечить безопасность жилища викария. "Простите меня, - смиренно сказал он доктору, - я сделал это из страха перед тиранами, которые притесняют Церковь". [584]

На самом деле, были некоторые основания опасаться их. В Вормсе ситуация изменилась. Казалось, что Алеандр правит безраздельно. "Лютера не ждет ничего, кроме изгнания", - писал Фредерик своему брату, герцогу Иоанну. "Ничто не может спасти его. Если Бог позволит мне вернуться, я расскажу тебе почти невероятные вещи. Не только Анна и Каиафа, но также Пилат и Ирод объединились против него." Фредерик, не желая оставаться здесь дольше, покинул Вормс. Курфюрст-палатин сделал то же самое, как и архиепископ-курфюрст Кельна. Принцы менее высокого ранга подражали им. Считая невозможным предотвратить удар, который вот-вот должен был быть нанесен, они предпочли, возможно, ошибочно, покинуть это место. Остались только испанцы, итальянцы и самый высокогорный из немецких князей.

Поле было свободно, и Алеандр одержала победу. Он представил Карлу проект эдикта, который, по его замыслу, должен был послужить образцом для того, что сейм должен был издать против монаха. Работа нунция понравилась раздраженному императору. Он собрал остатки Сейма в своей комнате и приказал зачитать им эдикт Алеандра. Все присутствовавшие (так говорит Паллавичини) одобрили это.

ЧАРЛЬЗ ПОДПИСЫВАЕТ ПРИГОВОР ЛЮТЕРУ.

На следующий день — в день большого праздника — император был в церкви, окруженный знатью своего двора. Религиозная церемония завершилась, и множество людей заполнило церковь, когда Алеандр, одетый во все знаки отличия своего ранга, приблизился к Карлу V. [585] Он держал в руке две копии эдикта против Лютера, одну на латыни, а другую на немецком, и, преклонив колени перед его величеством, умолял его поставить свою подпись и печать

империи. Именно в тот момент, когда только что был принесен в жертву угощение, когда благовония наполнили храм, когда музыка все еще звучала под его сводами и, так сказать, в присутствии Божества, должно было завершиться уничтожение врага Рима. Император, приняв самый любезный вид, [586] взял ручку и подписал. Алеандр уехал с триумфом, немедленно опубликовал указ и разослал его по всему христианскому миру. [587] Этот плод трудов Рима стоил папству некоторых усилий. Сам Паллавичини сообщает нам, что этот указ, хотя и датированный 8 мая, был подписан позже, но датирован задолго до этого, чтобы можно было предположить, что он был приведен в исполнение в то время, когда все члены Сейма действительно были в сборе.

"Мы, Карл Пятый, - сказал император (затем последовали все его титулы), - обращаемся ко всем курфюрстам, принцам, прелатам и другим, кого это может касаться,

"Всемогущий доверил нам для защиты своей святой веры больше королевств и власти, чем он дал кому-либо из наших предшественников, мы намерены приложить все усилия, чтобы предотвратить возникновение любой ереси, оскверняющей нашу священную империю.

"Монах-августинец Мартин Лютер, хотя и увещиваемый нами, как безумный бросился против святой Церкви и стремился уничтожить ее с помощью книг, наполненных богохульством. Он позорным образом оскорбил нерушимый закон священного брака. Он стремился побудить мирян омыть свои руки в крови священников; [588] и, нарушая всякое послушание, никогда не переставал разжигать восстания, разделения, войны, убийства, воровство и пожары, а также полностью разрушать веру христиан.... Одним словом, чтобы обойти молчанием все остальные свои беззакония, это существо, которое не является человеком, но самим сатаной в облике человека, покрытого монашеским клобуком, [589] собрало в одну вонючую кучу все худшие ереси прошлых времен и добавило несколько своих собственных новых....

"Поэтому мы удалили этого Лютера от нашего лица, чтобы все благочестивые и здравомыслящие люди могли считать его глупцом или человеком, одержимым дьяволом; и мы ожидаем, что по истечении срока действия его охранной грамоты будут приняты эффективные меры для обуздания его бешеной ярости.

ВОРМСКИЙ ЭДИКТ.

"А потому, под страхом понести наказание за государственную измену, мы запрещаем вам содержать указанного Лютера, как только истечет роковой срок, укрывать его, давать ему мясо или питье и оказывать ему словом или делом, публично или тайно, какую-либо помощь. Более того, мы приказываем вам схватить его или приказать, чтобы его схватили, где бы вы его ни нашли, и без промедления доставить к нам или содержать его в полной безопасности, пока вы не услышите от нас, как вам следует действовать в отношении него, и пока вы не получите вознаграждение за ваши усилия в столь святом деле.

Что касается его приверженцев, вы схватите их, подавите и конфискуете их имущество.

Что касается его сочинений, то если лучшая пища становится ужасом для всего человечества, как только в нее подмешивают каплю яда, то тем более эти книги, содержащие смертельный для души яд, должны быть не только отвергнуты, но и уничтожены.

Поэтому вы сожжете их или каким-либо другим способом уничтожите полностью.

"Что касается авторов, поэтов, печатников, художников, продавцов или покупателей плакатов, писаний или картин, направленных против папы Римского или Церкви, вы конфискуете их личности и их имущество и поступите с ними по своему усмотрению.

"И если кто-либо, какого бы достоинства он ни был, осмелится действовать вопреки указу нашего императорского Величества, мы постановляем, что он будет подвергнут запрету империи.

"Пусть каждый соблюдает это".

Таков был указ, подписанный в Вормсском соборе. Это было нечто большее, чем римская булла, которая, хотя и была опубликована в Италии, не могла быть приведена в исполнение в Германии. Выступил сам император, и Сейм утвердил его указ. Все сторонники Рима издали крик триумфа. "Это конец трагедии", - воскликнули они. "Что касается меня, - сказал Альфонсо Вальдес, испанец при дворе императора, - я убежден, что это не конец, а начало". [590] Вальдес понял, что движение было в Церкви, в людях, в эпоху, и что, хотя Лютер должен пасть, его дело не падет вместе с ним. Но никто не скрывал от себя неминуемой опасности, которой подвергался Реформатор, в то время как все племя суеверных людей было охвачено ужасом при мысли о воплощенном сатане, на которого император указал народу как на замаскированного под монашеское одеяние.

ЛЮТЕР Со СВОИМИ РОДИТЕЛЯМИ.

Человек, против которого сильные мира сего обрушивали свои громы, покинул церковь Эйсенаха и готовился расстаться с некоторыми из своих самых дорогих друзей. Он хотел ехать не по дороге в Готу или Эрфурт, а в деревню Мора, где родился его отец, чтобы там повидать свою бабушку, которая умерла четыре месяца спустя, своего дядю Генри Лютера и других родственников. Шурфф, Йонас и Суавен отправились в Виттемберг; Лютер сел в свою повозку вместе с Амсдорфом, который остался с ним, и въехал в Тюрингский лес. [591]

В тот же вечер он добрался до деревни своих отцов. Бедная старая крестьянка сжимала в объятиях внука, который только что показывался императору Карлу и папе Льву. Следующий день Лютер провел со своей семьей, довольный тем, что суматоха в Вормсе заменила это спокойное зрелище. На следующий день он продолжил свое путешествие в сопровождении Амсдорфа и своего брата Джеймса. В этих уединенных местах должна была решиться судьба Реформатора. Они проезжали через Тюрингский лес по дороге в Валлерсхаузен. Когда карета стояла в ложбине на дороге, недалеко от старой церкви Глисбах, на некотором расстоянии от замка Альтенштейн, внезапно послышался шум, и в этот момент пять всадников в масках и полных доспехах бросились на путешественников. Брат Лютера, как только увидел нападавших, выскочил из машины и умчался на полной скорости, не сказав ни слова. Водитель был за то, чтобы защищаться. - Стойте! - суровым голосом крикнул один из нападавших и, бросившись на него, повалил на землю. [592] Второй человек в маске схватил Амсдорфа и не позволил ему приблизиться. Тем временем трое других всадников схватили Лютера, храня глубочайшее молчание. Они яростно вытащили его из кареты, набросили ему на плечи плащ всадника и посадили на лошадь, веденную в поводу. Затем двое других покинули Амсдорфа и кучера, и все вместе вскочили в седла. Шляпа у одного из них упала, но они даже не остановились, чтобы поднять ее, и в мгновение ока исчезли в темном лесу вместе со своим пленником. Сначала они пошли по дороге в Бродероде, но вскоре вернулись по другим следам и, не выезжая из леса,

делали повороты во всех направлениях, чтобы обмануть тех, кто мог попытаться пойти по их следу. [593]

НА ЛЮТЕРА НАПАЛИ И УТАЩИЛИ.

Лютер, мало привыкший к верховой езде, вскоре почувствовал усталость. Получив разрешение спешиться на несколько минут, он отдохнул возле бука и напился свежей воды из источника, который до сих пор называется *Источником Лютера*. [594] Его брат Джеймс, всегда продолжавший свой полет, прибыл вечером в Валлерсхаузен. Встревоженный кучер вскочил в свою повозку, в которую сел и Амсдорф, и, нахлестывая своих лошадей, которые пустились быстрым шагом, довез друга Лютера до Виттемберга. В Валлерсхаузене и Виттемберге, а также в прилегающих к ним местностях, деревнях и городках по всей дороге распространилась весть о похищении Лютера, новость, которая, хотя и обрадовала некоторых, вызвала у большинства изумление и негодование. Вскоре по всей Германии раздался крик скорби— "Лютер попал в руки своих врагов!"

После жестокой борьбы, которую Лютеру пришлось вести, Богу было угодно отвести его в место мирного упокоения. Поместив его в блестящий театр Вормса, где так энергично проявились все силы души Реформатора, он устроил ему темное и унижительное убежище в виде тюрьмы. Из глубочайшей неизвестности Он извлекает слабые инструменты, с помощью которых намеревается совершить великие дела, а затем, позволив им на короткое время засиять великим блеском на возвышенной сцене, снова отправляет их в глубокую неизвестность. Ожесточенная борьба и помпезные демонстрации были не теми средствами, с помощью которых должна была быть осуществлена Реформация. Это не тот способ, которым закваска проникает в массы населения. Дух Божий требует более спокойных путей. Человек, за которым поборники Рима всегда безжалостно гнались, должен был на время исчезнуть из мира. Было необходимо, чтобы личные достижения были затмеваемы, чтобы революция, которая вот-вот должна была совершиться, не несла на себе отпечатка личности. Было необходимо, чтобы человек удалился и остался один Бог, движущийся своим Духом над бездной, в которой была поглощена тьма средневековья, и говорящий: *"Да будет свет"*.

С наступлением темноты стало невозможно идти по их следу, и группа, уносившая Лютера, взяла новое направление и примерно за час до полуночи прибыла к подножию горы. [595] Лошади медленно взбирались на вершину, на которой стояла старая крепость, окруженная со всех сторон, кроме входа, черными лесами, покрывающими горы Тюрингии.

ЛЮТЕР В ПЛЕНУ.

В этот возвышенный и уединенный замок, названный Вартбургом, где в старину скрывались ландграфы, привели Лютера. Засовы отодвигаются, железные засовы падают, ворота открываются, и Реформатор переступает порог, засовы снова закрываются за ним. Он спешивается во дворе. Буркард де Хунд, лорд Алленштейна, один из всадников, удаляется; другой, Иоанн из Берлепша, мэр Вартбурга, ведет Лютера в комнату, которая должна была стать его тюрьмой и где лежали рыцарское платье и меч. Трое других всадников, иждивенцев провоста, снимают с него церковное одеяние и надевают другое, приготовленное для него, предписывая ему отрастить волосы и бороду, [596] чтобы никто даже в замке не мог знать, кто он такой. Заключение Вартбурга знали заключенного только под именем шевалье Жоржа. Лютер едва узнавал себя в том платье, которое было на нем надето. [597] Наконец он остается один и

может обдумать странные события, только что произошедшие в Вормсе, неопределенную перспективу, которая его ожидает, и свое новое и странное жилище. Из узких окон своего убежища он видит темные, уединенные и бескрайние леса вокруг. "Там, - говорит Матезинс, биограф и друг Лютера, - доктор оставался, подобно святому Павлу, в своей римской тюрьме".

Фредерик де Тун, Филипп Фейлич и Спалатин не скрыли от Лютера в конфиденциальной беседе, которую они имели с ним в Вормсе по приказу курфюрста, что его свобода должна быть принесена в жертву гневу Карла и папы. [598] Однако в способе его похищения было так много загадочного, что Фредерик долгое время не знал о месте своего заключения. Скорбь друзей Реформации затянулась. Весна миновала, за ней последовали лето, осень и зима; солнце завершило свой ежегодный кругооборот, а стены Вартбурга все еще удерживали их узника. Сейм наложил запрет на истину; ее защитник, запертый в стенах крепкого замка, исчез со сцены мира, и никто не знает, что с ним стало. Алеандр торжествует, и Реформация, кажется, проиграна; ... но Бог царствует, и удар, который, по-видимому, угрожал уничтожить дело Евангелия, послужит только к спасению его бесстрашного служителя и распространению света веры.

Давайте оставим Лютера пленником в Германии, на высотах Вартбурга, и посмотрим, что Бог тогда делал в других странах христианского мира.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ШВЕЙЦАРЦЫ.

1484-1522гг.

ГЛАВА I.

Движения в Швейцарии—Источник Реформации—Демократический характер—Дипломатическая служба—Мораль—Токенбург—Альпийская хижина—Пасторальная семья.

В тот момент, когда появился декрет о Вормсском сейме, тихие долины Швейцарии начало сотрясать постоянно усиливающееся движение. Голосу, который был слышен на равнинах Верхней и Нижней Саксонии, отвечали из недр гельветических гор энергичные голоса ее священников, ее пастухов и жителей ее воинственных городов. Охваченные ужасом сторонники Рима восклицали, что повсюду был составлен обширный и ужасный заговор против Церкви. Друзья Евангелия, преисполненные радости, говорили, что, как весной от ручьев, впадающих в море, чувствуется живое дыхание до горных вершин, так и во всем христианском мире Дух Божий сейчас растопляет льды долгой зимы и покрывает зеленью и цветами самые низкие равнины, а также самые крутые и бесплодные скалы.

Германия не сообщила правду Швейцарии, ни Швейцария - Франции, ни Франция - Англии. Все эти страны получили его от Бога, точно так же, как одна часть мира не передает свет в другую часть, но один и тот же сияющий шар передает его непосредственно всей земле. Христос, *источник свыше*, бесконечно возвышенный над всем человечеством, был в период Реформации, как и в период утверждения христианства, божественным огнем, давшим жизнь миру. В шестнадцатом веке одно и то же учение было сразу же утверждено в домах и церквях

самых отдаленных и разнообразных народов. Причина в том, что везде действовал один и тот же Дух, производя одну и ту же веру.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ По ШВЕЙЦАРИИ.

Реформация Германии и Швейцарии демонстрируют эту истину. Цунглиус не общался с Лютером. Несомненно, между этими двумя людьми была связь; но мы должны искать ее над землей. Тот, кто с небес дал истину Лютеру, дал ее и Цинлиусу. Бог был средством общения между ними. "Я начал проповедовать Евангелие, - говорит Зинглиус, - в 1516 году от рождества Христова, другими словами, в то время, когда имя Лютера никогда не было слышно в нашей стране. Я узнал учение Христа не от Лютера, а из слова Божьего. Если Лютер проповедует Христа, он делает то, что делаю я; вот и все". [599]

Но если различные реформации, которые все исходили из одного Духа, благодаря этому приобрели большое единство, то они также приобрели определенные специфические черты, соответствующие различным характерам людей, среди которых они происходили.

Мы уже давали краткий обзор государства Швейцария в период Реформации, [600] и добавим лишь несколько слов к тому, что мы уже сказали. В Германии принцип правления был монархическим, в Швейцарии - демократическим. В Германии Реформации пришлось бороться с волей князей; в Швейцарии - с волей народа. Толпу легче сбить с толку, чем отдельного человека, и они также более оперативны в своих решениях. Победа над папством по ту сторону Рейна была делом многих лет, но на этой стороне потребовались всего месяцы или дни.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА.

В Германии личность Лютера внушительно выделяется из среды его саксонских соотечественников. Кажется, что он сражается в одиночку в своей атаке на римского Колосса, и где бы ни разыгрывалась битва, мы видим его высокий рост на поле боя. Лютер является, так сказать, монархом совершающейся революции. В Швейцарии в соревновании участвуют сразу несколько кантонов. Мы видим конфедерацию реформаторов и поражены их численностью. Без сомнения, есть одна голова, которая возвышается над остальными, но ни у кого нет командования. Это республиканская магистратура, где каждый представляет свою особую физиономию и оказывает свое отдельное влияние. У нас есть Виттемберг, Цинлий, Капито, Галлер, Николампаций. Опять же, у нас есть Освальд Миконий, Лео Джуда, Фарель и Кальвин, а Реформация происходит в Гларисе, Бале, Цюрихе, Берне, Невшателе, Женеве, Люцерне, Шафхаузене, Аппенцеле, Сен-Галле и в Гризонде. В Реформации Германии видна только одна сцена, и эта сцена похожа на окружающую страну; но в Швейцарии Реформация разделена, как сама Швейцария разделена своей тысячей гор. Так сказать, в каждой долине есть свое пробуждение, а на каждой альпийской высоте - свои отблески света.

После их подвигов против герцогов бургундских в истории швейцарцев начался прискорбный период. Европа, познавшая силу их оружия, низвергла их с их гор и лишила их независимости, используя их для решения судебных государств на полях сражений. Швейцарцы бились мечом против швейцарцев на равнинах Италии и Франции; и интриги чужеземцев наполнили эти высокогорные долины Альп, так долго служившие обителью простоты и мира, завистью и раздорами. Увлекаемые жадной золотом, сыновья, рабочие и слуги крались из шале на альпийских пастбищах к берегам Рейна или По. Гельветическое единство было сокрушено медленным шагом мулов, нагруженных золотом. Целью Реформации в Швейцарии — поскольку

и там она имела политический аспект — было восстановление единства и древних добродетелей кантонов. Его первым призывом было то, что швейцарцы должны разорвать вероломные сети чужеземцев и обнять друг друга в строгом союзе у подножия креста. Но великодушный призыв не был услышан. Рим, привыкший покупать в этих долинах кровь, которую он проливал, чтобы увеличить свое могущество, восстал в гневе. Она натравила швейцарцев на швейцарцев, и возникли новые страсти, которые разрывают тело нации на куски.

Швейцария нуждалась в реформировании. Правда, среди гельветов были простота и добродушие, которые утонченные итальянцы считали смешными, но в то же время признавалось, что ни у одного народа законы целомудрия не нарушались так часто. Астрологи приписывали это созвездиям; [601] философы - пылкому темпераменту этого неукротимого населения; а моралисты - принципам швейцарцев, которые считали обман, нечестность и клевету гораздо большими грехами, чем нечистоплотность. [602] Священникам было запрещено вступать в брак, но было бы трудно найти одного из них, который жил бы в истинном безбрачии. От них требовалось вести себя не целомудренно, а осмотрительно. Это было одно из первых беспорядков, против которых была направлена Реформация. Пришло время проследить за зарождением этого нового дня в долинах Альп.

АЛЬПИЙСКИЙ КОТТЕДЖ.

Примерно в середине XI века два отшельника отправились из Сен-Галла и, направившись к горам к югу от этого древнего монастыря, прибыли в пустынную долину длиной около десяти лиг. [603] К северу высокие горы Сантис, Зоммеригкопф и Олдман отделяют эту долину от кантона Аппенцель. На юге Кухфирстен с его семью вершинами возвышается между ним и Валлензами, Сарганами и Гризонами, в то время как восточная сторона долины открывается лучам восходящего солнца и открывает великолепную перспективу Тирольских Альп. Двое отшельников, прибыв к истоку небольшой реки (Тура), построили две кельи. Долина постепенно заселялась. На самой высокой его части, на высоте 2010 футов над Цюрихским озером, вокруг церкви образовалась деревня под названием Вильдхаус, или Дикий дом, с которой сейчас соединены две деревушки, а именно Лизигхаус, или Дом Элизабет, и Шененбоден. Плоды земли не могут вырасти на этих высотах. Зеленый ковер альпийской свежести покрывает всю долину и поднимается по склонам гор, над которыми громады огромных скал возносят свое дикое величие к небесам.

В четверти лиги от церкви близ Лизигауса, на обочине тропинки, ведущей на пастбища за рекой, до сих пор стоит одинокий дом. Традиция гласит, что дерево, использованное при его строительстве, было срублено на том самом месте. [604] Все указывает на то, что он, должно быть, был возведен в очень отдаленный период. Стены тонкие. В окнах маленькие круглые стекла, а крыша сделана из плит, на которые положены камни, чтобы их не унес ветер. Перед домом бьет прозрачный источник.

ПАСТОРСКАЯ СЕМЬЯ.

В этом доме ближе к концу пятнадцатого века жил человек по имени Зуинглиус, амман, или судебный пристав округа. Семья Цвинглов, или Цвингли, была древней и пользовалась большим уважением среди жителей этих гор. [605] Бартоломью, брат судебного пристава,

сначала викарий прихода, а после 1487 года настоятель Везена, был известной личностью в округе. [606] Маргарет Мейли, жена аммана Вильдхауса, чей брат Джон впоследствии был настоятелем монастыря Фишинген в Турговии, уже родила двух сыновей, Хайни и Клауса, когда в первый день 1484 года, через семь недель после рождения Лютера, в этом уединенном месте родился третий сын, Ульрик. хут. [607] Впоследствии к этой альпийской семье добавились еще пять сыновей: Джон, Вольфганг, Бартоломью, Джеймс, Эндрю и дочь Анна. Ни один человек в стране не пользовался большим уважением, чем Амман Зуинглиус. [608] Его характер, его должность, его многочисленные дети сделали его патриархом этих гор. Он и все его сыновья были пастухами. Как только в этих горах появились первые дни мая, отец и дети отправились со своими стадами на пастбища, постепенно поднимаясь от станции к станции, и так к концу июля достигли высочайших вершин Альп. Затем они начали постепенно спускаться в долину, и осенью все население Уайлдхауса вернулось в свои скромные хижины. Иногда летом молодые люди, вынужденные оставаться дома, жаждущие горных бризов, собирались в группы и отправлялись в шале, соединяя свои голоса с мелодией своих деревенских инструментов. Когда они прибыли в Альпы, пастухи издали приветствовали их своими рожками и песнями и угостили молочным угощением. После этого веселый оркестр, петляя, снова спустился в долину, двигаясь под звуки своих свирелей. Ульрик в юности, несомненно, иногда присоединялся к этому развлечению. Он вырос у подножия тех скал, которые кажутся вечными и вершины которых достигают небес. "Я часто думал, - говорит один из его друзей, - что, будучи приближен к небесам на этих возвышенных высотах, он там заразился чем-то небесным и божественным". [609]

В коттеджах Вильдхауса стояли долгие зимние вечера, и тогда юный Ульрик, сидя у отцовского очага, прислушивался к разговору судебного пристава и местных стариков. Он слышал, как они рассказывали, как раньше жители долины стонали под тяжелым ярмом. Вместе со стариками его сердце учащенно билось при мысли о независимости, которую обрел Токенбург и которую обеспечил союз со швейцарцами. Патриотическое чувство зажглось в его груди. Швейцария стала ему дорога, и если кто-нибудь произносил неблагоприятное выражение в адрес конфедератов, ребенок немедленно вставал и горячо защищал их дело. [610] В течение этих долгих вечеров его часто видели тихо сидящим у ног своей благочестивой бабушки, не сводящим с нее глаз, слушающим ее библейские истории и благочестивые уроки, которые он с готовностью принимал в свое сердце.

ГЛАВА II.

Юный Ульрик в Везене—В Бале—В Берне—Доминиканский монастырь—Джетцер—Видения—Страсти брата—мирянина—Самозванство—Разоблачение и наказание—Зинглиус в Вене—В Бале—Музыка в Бале—Виттембах преподает Евангелие—Леон Джуда-Викарий Глариса.

Добрый Амман был в восторге от счастливых предзнаменований в поведении своего сына. Он понял, что Ульрик мог бы заниматься чем-то другим, кроме как пасти своих коров на горе Сентис, распевая пастушью песню. Однажды он взял его за руку и повел в Везен. Он пересек зеленые хребты Аммона, избегая диких и обрывистых скал, окаймляющих Валленштадтское озеро. Прибыв в город, он зашел к своему брату настоятелю, которому доверил молодого альпиниста, чтобы тот мог выяснить, каковы его таланты. [611] Главной чертой его характера был

врожденный ужас перед ложью и огромная любовь к правде. Он сам рассказывает, что однажды, когда он начал размышлять, его осенила мысль, что ложь должна быть наказана строже, чем даже воровство; "ибо, - добавляет он, - правдивость - родоначальница всех добродетелей". Декан вскоре полюбил своего племянника как родного сына; восхищенный его жизнерадостностью, он доверил его образование школьному учителю, который за короткое время научил его всему, что знал сам. Юный Ульрик, когда ему исполнилось десять лет, проявив признаки высокого уровня интеллекта, [612] его отец и дядя решили отправить его в Бале.

Когда потомок Токенбурга прибыл в этот знаменитый город с непорочностью и чистотой сердца, которые он, казалось, вдохнул из чистого воздуха своих гор, но которые шли из более высокого источника, перед ним открылся новый мир. Знаменитость знаменитого совета в Бале; университет, основанный Пиетом II в 1460 году; печатные станки, возродившие шедевры древности и распространившие по миру первые плоды возрождения литературы; резиденция выдающихся людей; Весселей, Виттембахов и, в частности, этого князя ученых и светила школ, Эразма, сделали Бале в период Реформации одним из величайших средоточий света на западе.

ЦУИНГЛИУС В БЕЙЛЕ. В БЕРНЕ. ДОМИНИКАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Ульрик поступил в школу Святого Теодора в которой преподавал Грегори Бинзли, человек ласкового и кроткого нрава, в то время редкий среди учителей. Молодой Цинглиус быстро прогрессировал. Ученые диспуты, которые были тогда в моде среди университетских докторов, дошли даже до молодежи в школах. Ульрик принимал в них участие. Он проявлял свою растущую силу против учеников других школ и всегда побеждал в тех битвах, которые были своего рода прелюдией к тем, в результате которых папство должно было быть свергнуто в Швейцарии. [613] Его успех вызывал зависть соперников старше его самого. Школа Бале вскоре была им опережена, как и школа Существ.

Лупулус, выдающийся ученый, только что открыл в Берне первую научную школу, которая была основана в Швейцарии. Управляющий Вильдхаусом и викарий Везена решили отправить туда своего ребенка, и Зинглиус в 1497 году, покинув улыбающиеся равнины Беле, снова приблизился к высоким Альпам, где он провел свое детство и чьи снежные вершины, позолоченные лучами солнца, он мог видеть из Берна. Лупулус, выдающийся поэт, ввел своего ученика в святилище классической литературы, святилище, тогда неизвестное, лишь немногие посвященные переступали порог. [614] Молодой неопит пылко вдыхал атмосферу, насыщенную ароматами древности. Его интеллект был развит, а стиль сформирован. Он стал поэтом.

Среди монастырей Берна доминиканский монастырь занимал выдающееся место. Эти монахи были вовлечены в серьезную ссору с францисканцами. Последние поддерживали непорочное зачатие Девы, в то время как первые отрицали это. На каждом шагу доминиканцы — перед богатыми алтарями, украшавшими их церковь, и между двенадцатью колоннами, на которых держались ее своды, — думали только о том, чтобы унижить своих соперников. Они обратили внимание на прекрасный голос Зинглия, услышали о его не по годам развитом интеллекте и, думая, что он может придать блеск их ордену, стремились заполучить его. [615] С этой целью они пригласили его остаться в их монастыре, пока он не станет послушником. Все перспективы Зинглиуса оказались под угрозой. Амман Вильдхауз, узнав о приманке, к которой прибегли доминиканцы, задрожал за невиновность своего сына и приказал ему немедленно покинуть Берн. Таким образом, Зинглиус избежал монашеских оград, в которые добровольно бросился

Лютер. То, что произошло впоследствии, может помочь нам понять неминуемую опасность, которой подвергался Зинглий.

JETZER. ВИДЕНИЯ.

В 1507 году в городе Берне царило большое волнение. Молодой человек из Цурзаха по имени Джон Джетцер, однажды явившийся в тот же доминиканский монастырь, получил отпор. Бедный юноша в отчаянии вернулся в атаку, держа в руке пятьдесят три флорина и несколько лоскутков шелка. "Это все, что у меня есть, - сказал он, - возьми это и прими меня в свой орден". 6 января он был принят в ряды братьев-мирян. Но в первую же ночь странный шум в его камере наполнил его ужасом. Он бежал в картезианский монастырь, но был снова отправлен обратно в монастырь доминиканцев.

САМОЗВАНСТВО.

На следующую ночь, накануне праздника святого Матфея, он проснулся от глубоких вздохов и увидел у своей постели высокий призрак в белом. "Я, - произнес замогильный голос, - душа, спасаемая от огня чистилища". Брат-мирянин, дрожа, ответил: "Да хранит тебя Бог; что касается меня, я ничего не могу сделать". Тогда дух приблизился к бедному монаху и, схватив его за горло, с негодованием упрекнул его в отказе. Джетцер в ужасе воскликнул: "Что же тогда я могу сделать, чтобы спасти тебя?" "Бичевай себя восемь дней, пока не пойдет кровь, и лежи распростертым на тротуаре часовни Святого Иоанна". Так ответил дух и исчез. Брат-мирянин сообщил о явлении своему духовнику, монастырскому проповеднику, и по его совету подчинился требуемой дисциплине. Вскоре по городу распространился слух, что к доминиканцам обратилась душа с просьбой освободить ее из чистилища. Францисканцы были безлюдны, и все побежали в церковь, чтобы увидеть святого человека, распростертого на земле. Душа из чистилища намекнула, что он появится снова через восемь дней. В назначенную ночь он действительно появился в сопровождении двух других духов, которые мучили его и ужасно выли. "Скот, - сказал дух, - Скот, изобретатель францисканского учения о непорочном зачатии Девы, находится среди тех, кто, как и я, страдает от этих жестоких болей". Услышав эту новость, которая вскоре распространилась по Берну, сторонники францисканцев встревожились еще больше. Исчезнувший дух возвестил о визите самой Пресвятой Девы. И действительно, в назначенный день изумленный монах увидел, как в его келье появилась сама Мария. Он не мог поверить своим глазам. Она любезно подошла к нему, дала ему три слезы нашего Спасителя, три капли его крови, распятие и письмо, адресованное папе Юлию II, "который, - сказала она, - был человеком, избранным Богом, чтобы отменить праздник ее мнимого непорочного зачатия". Затем, подойдя еще ближе к кровати, на которой лежал монах, она торжественным тоном объявила, что ему будет дарована великая благодать, и вонзила гвоздь ему в руку. Брат-мирянин издал громкий вопль, но Мария завернула его руку в кусок льна, который, по ее словам, носил ее Сын после своего бегства в Египет. Этой раны было недостаточно, чтобы сравнять славу доминиканцев со славой францисканцев. У Джетцера должно быть пять ран Христа и святого Франциска на руках, ногах и боку. Были нанесены еще четыре раны, а затем, после того как ему дали зелье, его поместили в зал, увешанный картинами, изображающими страсти нашего Спасителя. Здесь, после того как он провел целые дни в посте, его воображение вскоре разгорелось. Затем двери зала время от времени распахивались для публики, которая приходила толпами, чтобы с благоговейным изумлением созерцать монаха с его пятью ранами, простирающего руки, склоняющего голову и своими

позами и жестами имитирующего распятие Господа нашего. Иногда, потеряв рассудок, он пускал пену и, казалось, вот-вот испустит дух. По округе ходил шепот: "Он переносит крест Христов". Толпа, жаждущая чудес, постоянно толпилась в монастыре. Люди, достойные высокого уважения, среди прочих сам Лупулус, магистр Цинлии, были охвачены благоговейным страхом, и доминиканцы с высоты кафедры превозносили славу, которую Бог даровал их ордену.

Этот орден в течение нескольких лет чувствовал необходимость смирить францисканцев и усилить уважение и щедрость народа посредством чудес. Берн, "простой, деревенский и невежественный город", как описал его заместитель приора Берна Капитулу, собравшемуся в Вимпфене на реке Неккер, был выбран театром их действий. Приор, помощник приора, проповедник и поставщик монастыря взялись исполнить главных героев, но им нужен был талант, необходимый для того, чтобы исполнить их до конца. Когда произошло новое явление Марии, Джетцеру показалось, что он узнал голос своей исповедницы, и, сказав это вслух, Мэри исчезла. Вскоре она появилась снова, чтобы осудить недоверчивого монаха. "На этот раз это приор", - воскликнул Джетцер, бросаясь вперед с ножом в руке. Святая запустила оловянной тарелкой в голову бедного монаха и тоже исчезла.

ЗИНГЛИУС В ВЕНЕ И БЭЙЛ.

В ужасе от открытия, сделанного таким образом Джетцером, доминиканцы попытались избавиться от него с помощью яда. Он понял это; и, обратившись в бегство, раскрыл обман. Они напустили на себя благосклонный вид и послали депутатов в Рим. Папа поручил это решение своему легату в Швейцарии и епископам Лозанны и Сиона. Четверо доминиканцев, признанных виновными, были приговорены к сожжению заживо; и 1 мая 1509 года они были сожжены пламенем в присутствии более чем тридцати тысяч зрителей. Это дело наделало шуму по всей Европе и, обнажив одну из самых страшных язв Церкви, подготовило Реформацию. [616]

Таковы были люди, в руки которых едва не попал Ульрик Зинглиус. Он изучал литературу в Берне; теперь ему предстояло посвятить себя философии, и с этой целью он отправился в Вену. Юноша из Сен—Галля по имени Иоахим Вадан, чей гений подарил Швейцарии выдающегося ученого и государственного деятеля; Анри Лорети из кантона Гларис, обычно называемый Глареаном, которому, очевидно, суждено было блистать среди поэтов; Джон Хейгерлин, сын кузнечного мастера и, следовательно, носивший фамилию Фабер, разностороннего характера, любящий честь и славу, обладающий всеми качествами, присущими придворному, - таковы были сокурники Ульрика в столице Австрии.

Зинглиус вернулся в Вильдхаус в 1502 году; но, вновь посетив свои горы, он почувствовал, что испил чашу науки и больше не может жить среди песен своих братьев и блеяния их стад. Ему было восемнадцать лет, и он отправился в Бале, [617], чтобы снова заняться литературными занятиями, и, таким образом, одновременно учителем и учеником, он преподавал в школе Святого Мартина и учился в университете; с этого времени он мог обходиться без помощи своего отца. Вскоре после этого он получил степень магистра искусств. Эльзасец по имени Капито, на девять лет старше его, был одним из его лучших друзей.

ВИТТЕМБАХ. ЗИНГЛИЙ И ЛЕВ ИУДА.

Зинглий посвятил себя изучению схоластической теологии; ибо, будучи однажды призван бороться с ее софизмами, он счел своим долгом исследовать ее темный лабиринт. Но часто

можно было видеть, как беззаботный ученик с гор Сантис внезапно стряхивал с себя школьную пыль и, заменяя свои философские труды развлечениями, брал в руки лютню, или арфу, или скрипку, или флейту, или тимпан, или корнет, или охотничий рожок, извлекал из этих инструментов радостные звуки, как в прериях Лизигауса, и заставлял свое жилище или жилища своих друзей наполняться звуками своей страны, сопровождая их своим голосом. В том, что касалось музыки, он был истинным отпрыском Токенбурга, превосходящим всех. [618] В дополнение к инструментам, которые мы уже назвали, он играл на нескольких других. Энтузиаст искусства, он привил себе вкус к нему в университете не из какого-либо желания развеяться, а потому, что любил таким образом расслаблять свой ум, когда его утомляла серьезная учеба, и подготавливать себя к тому, чтобы с большим рвением возвращаться к трудным занятиям. [619] Ни у кого не было более веселого юмора, более дружелюбного характера или более увлекательной беседы. [620] Он был могучим альпийским деревом, которое развилось во всей своей грациозности и силе и которое, несмотря на то, что его никогда не обрезали, выбрасывало крепкие ветви во все стороны. Приближалось время, когда эти ветви будут энергично поворачиваться в направлении небес.

После того, как он силой проникнул в схоластическую теологию, он покинул ее засушливые трактаты усталым и с отвращением, не найдя в ней ничего, кроме запутанных идей, пустой болтовни, тщетной славы, варварства и ни одной здоровой доктринальной идеи. "Это только потеря времени", - сказал он и стал ждать чего-нибудь получше.

В это время (ноябрь 1505 г.) в Бале прибыл Томас Виттембах, сын бургомистра Бьенна. Виттембах до этого преподавал в Тюбингене бок о бок с Рейхлином. Он был полон сил, искренен, набожен, сведущ в свободных искусствах и математике и хорошо знаком со Священным Писанием. Зинглиус и вся академическая молодежь немедленно окружили его. Дух, доселе неизвестный, оживлял его лекции, и пророческие слова срывались с его уст: "Недалек тот час, - сказал он, - когда схоластическое богословие будет упразднено и древнее учение Церкви восстановлено". [621] "Смерть Христа, - добавил он, - это единственный выкуп наших душ". [622] Сердце Зинглия с готовностью приняло эти семена жизни. [623] В этот период классические исследования начали повсеместно вытеснять схоластику средневековья. Зинглиус, как и его наставники и друзья, с головой окунулся в этот новый курс.

Среди учеников, которые с величайшим энтузиазмом следили за уроками нового учителя, был молодой человек двадцати трех лет, небольшого роста, с болезненной внешностью, но глаза которого излучали одновременно мягкость и бесстрашие. Это был Лео Джуда, сын эльзасского викария, чей дядя пал на Родосе, сражаясь в защиту христианского мира под знаменами тевтонских рыцарей. Лео и Ульрик были в близких отношениях. Лео играл на тимпане и обладал очень тонким голосом. Веселые мелодии юных друзей искусства часто звучали в его квартире. Лев Иуда, в более поздний период, стал коллегой Зинглия, и даже смерть не смогла разрушить их священную дружбу.

ЗИНГЛИУС СТАНОВИТСЯ ВИКАРИЕМ ГЛАРИСА.

В это время должность пастора Глариса стала вакантной, и Генри Голдли, молодой придворный папы римского и конюх конюшни его святейшества, получил назначение от своего хозяина и поспешил с ним в Гларис. Но гларианские пастухи, гордившиеся древностью своей расы и своими битвами за свободу, не были расположены беспрекословно склоняться перед куском пергамента из Рима. Вильдхаус находится недалеко от Глариса, а Везен, где дядя Зинглиуса был

викарием, является местом проведения местного рынка. Слава о молодом магистре искусств из Бале проникла даже в эти горы; и глариянцы, желая иметь его своим священником, призвали его в 1506 году. Зинглиус был рукоположен епископом в Констанце, произнес свою первую проповедь в Рапперсвиле, отслужил свою первую мессу в Вильдхаусе в день Святого Михаила в присутствии всех своих родственников и друзей семьи и к концу года прибыл в Гларис.

ГЛАВА III.

Любовь к войне—Шиннер—Пенсия от папы Римского—Лабиринт—Зинглий в Италии—Принцип реформы—Зинглий и Лютер—Зинглий и Эразм—Зинглий и Старейшины—Парис и Гларис.

Зинглиус немедленно приступил к ревностному выполнению работы, которую возложил на него его обширный приход. И все же ему было всего двадцать два года, и он часто позволял себе увлечься распутством и распущенными идеями своего времени. Будучи римским священником, он был таким же, как другие священники вокруг него. Но даже в этот период, хотя евангельское учение не изменило его сердца, Зинглий не поддавался на те скандалы, от которых часто страдала Церковь. [624] Он всегда чувствовал необходимость подчинять свои страсти святому правилу Евангелия.

Любовь к войне в то время воспламенила тихие долины Глариса, где жили семьи героев — чуди, валы, эбли, чья кровь лилась на полях сражений. Молодежь с жадностью слушала старых воинов, когда они рассказывали им о войнах в Бургундии и Швабии, о битвах при Сент-Джеймсе и Рагаце. Но увы! эти воинственные пастухи взяли за оружие уже не против врагов их свобод. Видели, как по приказу королей Франции, императора, герцогов Миланских или самого святого отца они спускались с Альп подобно лавине и с грохотом обрушивались на войска, выстроившиеся на равнине.

ШИННЕР.

Бедный мальчик по имени Мэтью Шиннер, который учился в Сионской школе в Вале (это было ближе к середине второй половины XV века) и пел перед домами, как это вскоре сделал юный Мартин Лютер, услышал, как его окликнул старик, который, пораженный откровенностью, с которой ребенок отвечал на его вопросы, сказал ему с тем пророческим духом, которым, как говорят, иногда наделяется человек на краю могилы: "Ты будешь епископом и принцем". [625] Это выражение глубоко запало молодому нищему, и с этого момента безграничное честолюбие завладело его сердцем. В Цюрихе и Комо успехи, которых он добился, поразили его учителей. Став викарием небольшого прихода в Вале, он быстро продвинулся по службе, и позже, когда его послали просить у папы римского конфирмации епископа Сиона, который только что был избран, он получил епископство для себя и опоясал чело епископской митрой. Этот человек, честолюбивый и хитрый, но часто благородный и великодушный, всегда рассматривал любое дарованное ему достоинство лишь как ступеньку, призванную поднять его до какого-то еще более высокого достоинства. Предложив свои услуги Людовику XII и назвав свою цену, король сказал: "Это слишком много для одного человека". "Я покажу ему, - оскорбленно ответил епископ Сиона, - что я человек, достойный нескольких человек". Фактически он обратился к папе Юлию II, который с радостью принял его, и в 1510 году Шиннеру удалось связать всю

швейцарскую конфедерацию с политикой этого амбициозного понтифика. Епископ, получивший в награду кардинальскую шапку, улыбнулся, увидев, что теперь его отделяет всего один шаг от папского престола.

СТИХОТВОРЕНИЕ ЗИНГЛИУСА "ЛАБИРИНТ".

Взгляд Шиннера постоянно был обращен к кантонам Швейцарии, и как только он замечал там какого-нибудь влиятельного человека, он спешил привлечь его к себе. Пастор из Глариса привлек его внимание, и вскоре Цинлиусу сообщили, что папа назначил ему ежегодную пенсию в размере пятидесяти флоринов, чтобы поощрить его в развитии литературоведения. Его бедность не позволяла ему покупать книги; и деньги за то короткое время, что Ульрик их получал, были потрачены на покупку классических или теологических трудов, которые он раздобыл в Бале. [626] Зинглий теперь был связан с кардиналом и, соответственно, присоединился к римской партии. Шиннер и Юлий II наконец раскрыли цель, которую они имели в виду в этих интригах. Восемь тысяч швейцарцев, собранных красноречием кардинала-архиепископа, перешли Альпы; но голод, война и французское золото вынудили их вернуться в свои горы без славы. Они вернули обычные результаты этих зарубежных войн — недоверие, распущенность, партийный дух, всевозможное насилие и беспорядки. Граждане отказывались повиноваться своим магистратам, а дети — своим родителям; земледелием и уходом за стадами пренебрегали; роскошь и нищета не отставали друг от друга; самые священные узы были разорваны, и конфедерация, казалось, вот-вот распадется.

Глаза молодого викария Глариса теперь открылись, и в нем пробудилось негодование. Он громко возвысил голос, чтобы предупредить их о пропасти, в которую они вот-вот упадут. В 1510 году он опубликовал свою поэму под названием "Лабиринт". За изгибами этого таинственного сада Минос спрятал Минотавра, чудовище, наполовину человека, наполовину быка, которого он питает плотью молодых афинян. "Минотавр... другими словами, — говорит Зинглиус, — грех, порок, безбожие и дипломатическая служба швейцарцев" пожирает сыновей своих соотечественников.

Тезей, мужественный человек, желает освободить свою страну, но многочисленные препятствия останавливают его; — сначала одноглазый лев; это Испания и Арагон; — затем коронованный орел, чье горло открыто, чтобы проглотить его; это империя; — затем петух с поднятым гребнем, зовущий на битву; это Франция. Герой преодолевает все эти препятствия, подбирается к монстру, закалывает его и спасает свою страну.

"Итак, — восклицает поэт, — люди блуждают в лабиринте, но, не имея нити, которая вела бы их, они не могут вновь обрести свет. Нигде нет подражания Иисусу Христу. Небольшая слава заставляет нас рисковать своей жизнью, мучить ближнего, бросаться в раздоры, войны и единоборства.... Можно было бы сказать, что фурии вырвались из глубин ада". [627]

Требовался Тезей-Реформатор. Цинлий понял это и с тех пор предчувствовал свою миссию. Вскоре после этого он сочинил аллегорию с еще более ясным применением. [628]

ЦУИНГЛИУС В ИТАЛИИ.

В апреле 1512 года конфедераты вновь восстали по приказу кардинала ради освобождения Церкви. Гларис был в первых рядах. Все население было выведено на поле, выстроилось вокруг своего знамени вместе со своим землевладельцем и своим пастором. Зинглий приказал

выступить в поход. Армия перешла Альпы, и кардинал появился среди союзников с подарками, преподнесенными ему папой, — герцогской шляпой, украшенной жемчугом и золотом и увенчанной Святым Духом, представленным в виде голубя. Швейцарцы штурмовали крепости и города, переплывали реки в присутствии врага, раздетые и с алебардами в руках; французы повсюду были обращены в бегство; гремели колокола и трубы, и население стекалось со всех сторон; знать в изобилии снабжала армию вином и фруктами; монахи и священники поднимались на помосты и провозглашали, что союзники - это народ Божий, мстящий врагам супруги Господа; и папа, ставший пророком, подобно древнему Каиафе, дал союзникам титул святых. "Защитники свободы Церкви". [629]

Это пребывание Цинлия в Италии не прошло бесследно в связи с его призванием Реформатора. По возвращении из этого похода он начал изучать греческий, "чтобы, - говорит он, - уметь черпать учение Иисуса Христа из самого источника истины". [630] В письме Вадриану от 23 февраля 1513 года он говорит: "Я решил настолько посвятить себя изучению греческого языка, что никто, кроме Бога, не сможет отвратить меня от него. Я делаю это не ради славы, а из любви к священной литературе". Позже один достойный священник, который был его школьным товарищем, придя навестить его, сказал ему: "Мастер Ульрик, я уверен, что вы запятнаны новой ересью, что вы лютеранин". "Я не лютеранин, - сказал Зинглиус, - потому что я знал греческий до того, как услышал имя Лютер". [631] Знание греческого языка, изучение Евангелия на языке оригинала было, по словам Зинглия, основой Реформации.

В этот ранний период Зинглий не просто признал великий принцип евангельского христианства — непогрешимый авторитет Священного Писания. Кроме того, он понимал, как следует выяснять значение божественного Слова. "У тех, - сказал он, - весьма пресмыкающееся представление о Священных Писаниях, которые считают все, что кажется им противоречащим их собственному разуму, легкомысленным, тщеславным и несправедливым. [632] Люди не имеют права по своему усмотрению привязывать Евангелие к своему собственному смыслу и собственной интерпретации". [633] "Цуинглий поднял глаза к небу, - сказал его самый дорогой друг, - не желая иметь никакого другого истолкователя, кроме самого Святого Духа". [634]

ЗИНГЛИЙ И ЛЮТЕР. ЗИНГЛИЙ И ЭРАЗМ.

Таким с самого начала своей карьеры был человек, которого некоторые не постеснялись представить как желавшего подчинить Библию человеческому разуму. "Философия и теология, - сказал он, - не переставали выдвигать против меня возражения. В конце концов я пришел к такому выводу: "Мы должны оставить все эти вещи и искать познания Бога только в его Слове". Я начал, - продолжает он, - искренне молить Господа дать мне свой свет, и хотя я читал только текст Священного Писания, он стал для меня намного понятнее, чем если бы я читал множество комментаторов ". Сравнивая Священные Писания с самими собой и объясняя неясные отрывки более понятными, [635] вскоре он досконально изучил Библию, особенно Новый Завет. [636] Когда Зинглиус таким образом обратился к Священному Писанию, Швейцария сделала свой первый шаг в Реформации. Соответственно, когда он разъяснял Священные Писания, каждый чувствовал, что его уроки исходили от Бога, а не от человека. [637] "Все работает божественно!" здесь Освальд Миконий восклицает: "Так к нам вернулось знание небесной истины!"

Зинглий, однако, не пренебрегал изложениями самых знаменитых врачей: в более поздний период он изучал Оригена, Амвросия, Иеронима, Августина, Златоуста, но не как авторитеты. "Я изучаю врачей, - говорит он, - с тем же чувством, с каким спрашивают друга: "Что ты под этим

понимаешь?" Священное Писание было, по его словам, пробным камнем, с помощью которого должны были быть проверены сами святейшие из врачей. [638]

Шаг Зинглия был медленным, но поступательным. Он не пришел к истине, как Лютер, среди тех бурь, которые заставляют душу искать скорейшего убежища. Он пришел к этому благодаря умиротворяющему влиянию Священного Писания, сила которого постепенно усиливается в сердце. Лютер достиг желанного берега по волнам бескрайней пучины; Зинглий, позволив себе скользить по течению. Это два основных пути, которыми Бог ведет людей. Зинглиус не был полностью обращен к Богу и его Евангелию до первого периода своего пребывания в Цюрихе; однако в 1514 или 1515 году, в тот момент, когда сильный человек начал преклонять колена перед Богом, молясь о понимании его Слова, лучи того чистого света, которым он впоследствии был озарен, впервые озарили его.

В этот период стихотворение Эразма, в котором Иисус Христос был представлен обращенным к человеку как погибающему по его собственной вине, произвело сильное впечатление на Зинглия. Оставшись один в своем кабинете, он повторил отрывок, в котором Иисус жалуется на то, что у него не спрашивают никакой благодати, хотя он является источником всего доброго. "Все!" - сказал Зинглий, "Все!" И это слово постоянно вертелось у него в голове. "Есть ли тогда существа, святые, у которых мы должны просить помощи? Нет! Христос - наше единственное сокровище". [639]

Зинглий не ограничивал свое чтение христианскими писаниями. Одной из отличительных черт шестнадцатого века является глубокое изучение греческих и римских авторов. Поэзия Гесиода, Гомера, Пиндара приводила его в восторг, и он оставил нам комментарии, или характеристики, к двум последним поэтам. Ему казалось, что Пиндар говорил о своих богах в таких возвышенных выражениях, что у него, должно быть, было какое-то предчувствие истинного Бога. Он тщательно изучил Цицерона и Демосфена и научился у них как искусству оратора, так и обязанностям гражданина. Он назвал Сенеку святым человеком. Швейцарский альпинист любил также посвящать себя в тайны природы через труды Плиния. Фукидид, Саллюстий, Ливий, Цезарь, Светоний, Плутарх и Тацит научили его познавать мир. Его порицали за восторженное восхищение великими людьми древности, и верно, что некоторые из его замечаний по этому вопросу не могут быть оправданы. Но если он так чтит их, то только потому, что думал, что видит в них не человеческие добродетели, а влияние Святого Духа. Божья воля, отнюдь не ограничиваясь древними временами в пределах Палестины, распространялась, по его словам, на весь мир. [640] "Платон, - сказал он, - тоже пил из Божественного источника. А если бы оба Катона, если бы Камилл, если бы Сципион не были по-настоящему религиозны, были бы они такими великодушными?" [641]

ЗИНГЛИУС В ОТНОШЕНИИ ЭРАЗМА.

Зинглиус распространял вокруг себя любовь к литературе. В его школе обучалось несколько отборных юношей. "Вы предложили мне не только книги, но и себя", - писал Валентин Чуди, сын одного из героев бургундских войн; и этот молодой человек, который в то время уже учился в Вене и Беле у самых знаменитых учителей, добавляет: "Я никогда не встречал никого, кто объяснял классику с такой точностью и глубиной, как вы". [642] Чуди отправился в Париж и смог сравнить дух, царивший в этом университете, с тем, что он нашел в узкой альпийской долине, над которой возвышаются гигантские вершины и вечные снега Доди, Гларниша, Виггиса и Фрейберга. "Как легкомысленно, - говорит он, - воспитана французская молодежь! Ни один яд

не может быть так опасен, как софистическое искусство, которому они обучены, — искусство, которое притупляет чувства, разрушает суждения, делает человека жестоким в целом. Отныне Мужчина подобен эху, пустому звуку. Десять женщин не смогли бы угнаться за одним из этих риториков. [643] Даже в своих молитвах они представляют Богу свои софизмы (я знаю этот факт) и притворяются, что своими силлогизмами заставляют Святого Духа услышать их." Таковы были Париж и Гларис; интеллектуальная столица христианского мира и деревня альпийских пастухов. Луч Божественного Слова дает больше света, чем вся человеческая мудрость.

ГЛАВА IV.

Зинглиус в отношении Эразма—Освальд Миконий—Бродяги—Николампадий—Зинглиус в Мариньяне—Зинглиус и Италия—Метод Зинглиуса—Начало реформы—Открытие.

Великий человек того времени, Эразм, оказал большое влияние на Зинглиуса, который, как только появлялось какое-либо из его сочинений, не терял времени даром. В 1514 году Эразм прибыл в Бале и был принят епископом со знаками высокого уважения. Все литераторы немедленно собрались вокруг него. Но монарху школ не составило труда выделить того, кто должен был стать славой Швейцарии. "Я поздравляю швейцарский народ, - писал он Зинглиусу, - с тем, что благодаря вашей учебе и вашим манерам, одинаково превосходным, вы трудитесь над их совершенствованием". [644] Зинглиус испытывал самое горячее желание увидеть его. "Испанцы и галлы ездили в Рим повидаться с Титом Ливием", - сказал он. Он отправился в путь и, прибыв в Бале, встретил человека лет сорока, небольшого роста, хрупкого телосложения, утонченного вида, но удивительно дружелюбного и располагающего к себе. [645] Это был Эразм. Его приветливость рассеяла робость Зинглиуса, в то время как сила его интеллекта внушала ему благоговейный трепет. "Бедный, — сказал ему Ульрик, - как Эшайн, когда каждый из учеников Сократа предложил подарок своему учителю, я даю тебе то, что дал Эшайн, - я даю тебе себя".

ОСВАЛЬД МИКОНИУС.

Среди литераторов, составлявших двор Эразма, Амербахов, Рейнанов, Фробениусов, Нессенов, glareанов, Зинглиус заметил двадцатисемилетнего юношу из Люцерна по имени Освальд Гейсшюслер. Эразм, эллинизовавший его имя, назвал его Микониусом. Мы часто будем называть его по фамилии, чтобы отличить друга Зинглия от Фредерика Микония, ученика Лютера. Освальд, проучившийся сначала в Ротвиле у Бертольда Галлера, молодого человека его возраста, затем в Берне и, наконец, в Бале, в этом последнем городе был назначен ректором школы Св. Феодорита, а затем святого Петра. Скромный школьный учитель имел очень ограниченный доход; но, несмотря на это, женился на молодой девушке с простотой и чистотой души, которая покорила все сердца. Мы уже видели, что Швейцария находилась тогда в беспокойном состоянии, иностранные войны вызвали жестокие беспорядки, а солдаты вернули в свою страну распущенность и жестокость. Однажды темным и пасмурным зимним днем несколько этих грубиянов в отсутствие Освальда напали на его тихое жилище. Они стучали в дверь, бросали камни и употребляли самые грубые выражения в адрес его скромной супруги. Наконец они распахнули окна и, ворвавшись в школу, разбили все на куски и скрылись. Вскоре после этого прибыл Освальд. Его маленький сын Феликс с плачем выбежал ему навстречу, в то время как его жена, не в силах говорить, проявляла признаки величайшего ужаса. Он понял, что

произошло, и в этот момент, услышав шум на улице, не в силах сдержаться, схватил мушкет и преследовал злодеев до самого места захоронения. Они отступили, намереваясь защищаться. Трое из них бросились на Микония и ранили его, и, пока перевязывали его рану, эти негодяи снова напали на его дом, издавая яростные крики. Освальд больше ничего не говорит по этому поводу. [646] Такие сцены часто происходили в Швейцарии в начале шестнадцатого века, до того, как Реформация смягчила и дисциплинировала нравы.

Честность Освальда Микониуса, его жажда науки и добродетели свели его с Цинлиусом. Ректор школы в Бале прекрасно понимал все, что было замечательного в викарии Глариса. Полный смирения, он избегал похвал, которыми его осыпали Зинглиус и Эразм. "Вас, школьных учителей, - часто говорил последний, - я почитаю так же высоко, как королей". Но скромный Миконий так не думал. "Я только ползаю по земле", - сказал он. "С младенчества у меня всегда было чувство малости и смирения". [647]

СЕ КОЛЛАМПАДИЙ.

Внимание привлек проповедник, прибывший в Бале примерно в то же время, что и Зинглиус. Обладая мягким и миролюбивым нравом, он вел спокойную жизнь; неторопливый и осмотрительный в поведении, его главным удовольствием было трудиться в своей учебе и добиваться согласия среди христиан. [648] Его звали Джон Хаусшайн, по-гречески СЕColampadius, что означает "свет в доме", и он родился у богатых родителей во Франконии, за год до Цинлия. Его набожная мать страстно желала посвятить литературе и Богу единственного ребенка, которого Он ей оставил. Отец предназначал его сначала для коммерческой жизни, затем для юриспруденции. Но когда СЕКолампадий возвращался из Болоньи, где изучал право, Господь, задумавший сделать его светильником в Церкви, [649] призвал его к изучению теологии. Он проповедовал в своем родном городе, когда Капито, знавший его по Гейдельбергу, добился его назначения проповедником в Бале. Там он провозгласил Христа с красноречием, которое наполнило его слушателей восхищением. [650] Эразм признался ему в своей близости. СЕ Колампадий был в восторге от часов, которые он провел в обществе этого великого гения. "В Священном Писании, - сказал князь литературы, - следует искать только одно, а именно Иисуса Христа". [651] В память о своей дружбе он подарил молодому проповеднику начало Евангелия от Иоанна. Колумпадий часто целовал этот драгоценный знак любви и держал его подвешенным к своему распятию, "чтобы, - сказал он, - я всегда мог вспоминать Эразма в своих молитвах".

Зинглиус вернулся в свои горы, его разум и сердце были полны всего, что он видел и слышал в Бале. "Я не смог бы заснуть, - написал он Эразму вскоре после своего возвращения, - если бы некоторое время не беседовал с вами. Я ничем так не хваюсь, как тем, что видел Эразма". Зинглий получил новый импульс. Такие путешествия часто оказывают большое влияние на карьеру христианина. Ученики Зинглиуса — Валентин, Йост, Луи, Питер и Эгидиус Чуди; его друзья, землевладелец Эбли, викарий Бинзли из Везена, Фридолин Бруннен и знаменитый профессор Глареан, с восхищением наблюдали, как он рос в мудрости и знаниях. Старики чтили его как мужественного слугу своей страны, а верные пасторы чтили его как верного слугу Господа. В округе ничего не делалось без его совета. Все добрые надеялись, что однажды он восстановит древнюю добродетель швейцарцев. [652]

ЗИНГЛИУС В МАРИНЬЯНЕ.

Франциск I, взойдя на трон и желая восстановить честь французского имени в Италии, папа в тревоге старался завоевать кантоны. Соответственно, в 1515 году Ульрик вновь отправился на равнины Италии в окружении фаланг своих сограждан. Но раскол, вызванный французскими интригами в армии, ранил его в самое сердце. Его часто видели посреди лагеря энергичным и в то же время мудрым, обращающим к своим слушателям в полном вооружении, готовым к битве. [653] 8 сентября, за пять дней до битвы при Мариньяне, он проповедовал на городской площади Монцы, где вновь собрались швейцарские солдаты, которые остались верны своим цветам. "Если бы тогда и впоследствии последовали советам Зинглиуса, - говорит Вернер Штайнер из Цуга, - от каких бед не была бы спасена наша страна!" [654] Но все были закрыты для слов согласия, благоразумия и покорности. Неистовое красноречие кардинала Шиннера наэлектризовало союзников и стремительно погнало их на роковое поле Мариньян. Там пал цвет гельветической молодежи. Цинлий, который был не в состоянии предотвратить все эти бедствия, ради дела Рима бросился в самую гущу опасности. Его рука схватилась за меч. Печальная ошибка Цинлия! Служитель Христа, он не раз забывал, что его долгом было сражаться только духовным оружием, и ему предстояло лично увидеть поразительное исполнение пророчества нашего Спасителя: *Взявший меч от меча и погибнет*.

Зинглий и его швейцарцы не смогли спасти Рим. Посол Венеции был первым в папском городе, кто получил известие о поражении при Мариньяне. Обрадованный, он рано отправился в Ватикан. Папа вышел из своих апартаментов полуодетым, чтобы дать ему аудиенцию. Лев X, узнав новость, не скрывал своего ужаса. В этот тревожный момент он видел только Франциска I и надеялся только на него. "Посол, - дрожа, сказал он Зорси, - мы должны броситься в объятия короля и молить о пощаде". Лютер и Зинглиус в своей опасности знали другую руку и зывали к другому милосердию. [655]

МЕТОД ЗИНГЛИУСА.

Это второе пребывание в Италии не прошло даром для Цинлия. Он заметил различия между амброзианским ритуалом, использовавшимся в Милане, и римским. Он собрал и сравнил самые древние каноны мессы. Таким образом, в нем развился дух исследования даже среди лагерной суматохи. В то же время вид его соотечественников, уведенных за Альпы и брошенных, как скот, на бойню, наполнил его негодованием. "Мясо конфедератов, - говорилось в нем, - дешевле, чем мясо их быков и телят". Нелояльность и честолюбие папы римского, [656] алчность и невежество священников, распущенность и расточительство монахов, гордыня и роскошь прелатов, коррупция и продажность, применяемые всеми, чтобы завоевать швейцарцев, навязанные его взглядам сильнее, чем когда-либо, заставили его еще острее осознать необходимость реформы в Церкви.

С этого времени Зинглий проповедовал Слово Божье более ясно. Объясняя отрывки из Евангелия и посланий, выбранные для публичного богослужения, он всегда сравнивал Священное Писание с другим Священным Писанием. [657] Он говорил с воодушевлением и силой, [658] и следовал со своими слушателями тем же курсом, которым Бог следовал с ним. Он не провозглашал, подобно Лютеру, язвы Церкви; но всякий раз, когда изучение Библии давало ему какие-нибудь полезные наставления, он сообщал их своим слушателям. Он пытался заставить их принять истину в свои сердца, а затем доверился ей в делах, которые она должна была совершить. [659] "Если они поймут, что истинно, - подумал он, - они распознают, что ложно". Эта максима хороша в начале Реформации, но приходит время, когда ошибка должна

быть смело заклеимена. Это Зинглий знал очень хорошо. "Весна, - сказал он, - это время сеять", и для него сейчас была весна.

ОТКРЫТИЕ.

Зинглиус выделил этот период (1516 год) как начало Швейцарской реформации. На самом деле, если четыре года назад он склонял голову над Словом Божьим, то теперь он поднял ее и обратился к своему народу, чтобы заставить их разделить свет, который он нашел. Это образует новую и важную эпоху в истории развития религиозной революции в этих странах, но на основании этих дат был сделан ошибочный вывод, что реформация Зинглия предшествовала реформации Лютера. Возможно, Зинглий проповедовал Евангелие за год до Тезисов Лютера, но сам Лютер проповедовал его за четыре года до этих знаменитых положений. [660] Если бы Лютер и Зинглий ограничились только проповедями, Реформация не так быстро завоевала бы позиции в Церкви. Ни Лютер, ни Зинглий не были первыми монахами или священниками, проповедовавшими более чистое учение, чем у схоластов. Но Лютер был первым, кто публично и с неукротимой отвагой поднял знамя истины против империи заблуждения, привлек всеобщее внимание к фундаментальному учению Евангелия — спасению по благодати, открыл своему веку новый путь знания, веры и жизни, из которого возник новый мир; одним словом, начал настоящую и спасительную революцию. Великая борьба, сигналом к которой послужили Тезисы 1517 года, была поистине агонией Реформации, давшей ей одновременно и тело, и душу. Лютер был первым реформатором.

В горах Швейцарии повеяло духом исследования. Однажды викарий Глариса, случайно оказавшийся в улыбчивом районе Моллис вместе с Адамом, викарием этого района, Бунцли, викарием Везена, и Варахоном, викарием Керенсена, эти друзья обнаружили старую литургию, в которой они прочитали эти слова: "После крещения ребенка мы даем ему таинство Евхаристии и чашу крови". [661] "Тогда, - сказал Зинглиус, - ужин в тот период подавался в наших церквях в двух видах". Литургии было около двухсот лет. Это было великим открытием для этих священников из Альп.

Поражение при Мариньяне имело важные последствия во внутренних районах кантонов. Победитель Франциск I расточал золото и лесть, чтобы привлечь союзников, в то время как император умолял их честью, слезами вдов и сирот и кровью их братьев не продавать себя своим убийцам. Французская партия получила господство в Гларисе, который с тех пор был неудобной резиденцией для Ульрика.

БОГОМАТЕРЬ АЙНЗИДЛЕНСКАЯ.

Зинглий в Гларисе, возможно, остался бы светским человеком. Партийные интриги, политические вопросы, империя, Франция или герцог Миланский могли поглотить всю его жизнь. Тех, кого Бог намеревается подготовить к великим служениям, он никогда не оставляет среди мирской суматохи. Он уводит их в сторону и помещает в уединенное место, где они общаются с Ним и своей собственной совестью и получают уроки, которые никогда не будут стерты из памяти. Сам Сын Божий, который в этом был прообразом обучения, данного его слугам, провел сорок дней в пустыне. Пришло время отстранить Зинглия от политических движений, которые, постоянно давя на его мысли, могли изгнать из них Дух Божий. Пришло время подготовить его к другой стадии, отличной от той, на которой движутся придворные, кабинеты министров и партии, и где он должен был бы растрачивать силы, достойные более

благородного применения. Его страна, действительно, нуждалась в чем-то другом. Было необходимо, чтобы новая жизнь теперь сошла с небес, и чтобы тот, кто должен был быть инструментом в передаче ее, должен был отучиться от мирских вещей, чтобы научиться тому, что выше. Эти две сферы совершенно различны; большое пространство разделяет эти два мира, и, прежде чем полностью перейти из одного в другой, Зинглий должен был некоторое время пожить на нейтральной территории, в своего рода промежуточном и подготовительном состоянии, чтобы получить там учение о Боге. Соответственно, Бог забрал его от фракций Глариса; и, имея в виду этого послушника, поместил его в уединении отшельника, заключив в узких стенах аббатства этот благородный зародыш Реформации, который вскоре после этого должен был быть пересажен на лучшую почву и покрыть горы своей тенью.

ГЛАВА V.

Майнрад Гогенцоллернский—Богоматерь Айнзидленская—Призвание Зинглия—Аббат—Герольдсек—Товарищество в изучении—Скопированная Библия—Зинглий и суеверия—Первое противодействие ошибке—Сенсация—Гедио—Зинглий и легаты—Почести Рима—Епископ Констанцы—Самсон и Индульгенции—Штапфер—Благотворительность Зинглия—Его друзья.

Майнрад Гогенцоллернский, немецкий монах, примерно в середине IX века, странствуя, пока не добрался между Цюрихским озерами и Вальштеттенем, остановился на холме, окруженном амфитеатром елей, и построил там келью. Бандиты обагрили свои руки кровью святого. Кровавая келья долгое время была заброшена, но к концу десятого века на священном месте были возведены монастырь и церковь в честь Пресвятой Богородицы. Накануне дня освящения, когда епископ Констанца и его священники молились в церкви, небесное пение, исходящее от невидимых голосов, внезапно разнеслось по часовне. Они пали ниц и с изумлением слушали. На следующий день, когда епископ собирался освящать часовню, чей-то голос трижды повторил: "Остановись, брат, остановись! Сам Бог освятил его!" [662] Говорили, что Христос лично благословил его ночью, что пение, которое они слышали, исходило от ангелов, апостолов и святых, и что Дева, стоявшая на алтаре, сверкнула подобно вспышке молнии. Булла папы Льва VII запрещала верующим подвергать сомнению правдивость этой легенды. С тех пор огромная толпа паломников не переставала приходить к Богоматери отшельниц на "посвящение ангелами". Одни только Дельфы и Эфес в древности и Лоретто в наше время сравнялись по славе с Айнзидленом. Именно в этом странном месте в 1516 году Ульрик Зуинглиус был призван в качестве священника и проповедника.

НАСТОЯТЕЛЬ АЙНЗИДЛЕНА. ГЕРОЛЬДСЕК.

Зинглиус не колебался. "Ни честолубие, ни алчность не приводят меня туда, - сказал он, - но интриги французов". [663] Им руководили высшие мотивы. С одной стороны, имея больше уединения, больше спокойствия и менее обширный приход, он мог бы посвящать больше времени учебе и медитации; с другой стороны, это место паломничества дало бы ему возможность распространять знания об Иисусе Христе в самых отдаленных странах. [664]

Друзья евангельской проповеди в Гларисе выразили глубокую скорбь. "Что может случиться с Гларисом хуже, - сказал Питер Чуди, один из самых выдающихся граждан кантона, - чем

лишиться такого великого человека". [665] Его прихожане, видя, что он непоколебим, решили оставить ему титул пастора Глариса с частью пособия и возможностью вернуться, когда он того пожелает. [666]

Конрад из Рехберга, джентльмен из древнего рода, серьезный, откровенный, бесстрашный и порой несколько грубоватый, был одним из самых знаменитых спортсменов округа, в который был переведен Зинглиус. Он основал на одной из своих ферм манеж, в котором разводил породу лошадей, ставшую знаменитой в Италии. Таким был настоятель храма Пресвятой Богородицы отшельников. Рехберг испытывал равное отвращение и к претензиям Рима, и к дискуссиям теологов. Однажды, во время посещения Ордена, ему были сделаны некоторые замечания. "Я здесь хозяин, а не вы", - сказал он несколько грубо. - "Идите своей дорогой". Однажды за столом, когда Лео Джуда обсуждал какой-то трудный вопрос с администратором монастыря, охотничий настоятель воскликнул: "Вы, там, предоставьте свои споры мне. Я восклицаю вместе с Давидом: *"Сжался надо мной, о Боже, по благости Твоей, и не вступай в суд с рабом Твоим."* Мне больше ничего не нужно знать". [667]

ДРУЖЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ В УЧЕБЕ.

Барон Теобальд Герольдсекский был администратором монастыря. Он был кротким духом, искренне набожным и очень любил литературу. Его любимым замыслом было создать в своем монастыре общество хорошо информированных мужчин; и именно по этой причине он позвонил Зинглию. Жаждавший наставлений и чтения, он попросил своего нового друга направить его. "Прочти Священное Писание, - ответил Зинглий, - и чтобы ты мог лучше понять его, изучи Иеронима. Однако, - добавил он, - придет время (и, с Божьей помощью, оно не за горами), когда христиане не будут высоко ценить ни Иеронима, ни любого другого врача, а только слово Божье". [668] Поведение Герольдсека свидетельствовало о его прогрессе в вере. Он разрешил монахиням монастыря, находящегося в зависимости от Айнзидлена, читать Библию на вульгарном языке; и несколько лет спустя Герольдсек приехал жить в Цюрих рядом с Зинглиусом и умереть вместе с ним на поле Каппеля. Очарование, окружавшее Зинглиуса, вскоре объединило его в нежную дружбу не только с Герольдсеком, но и с капелланом Цинком, превосходным Эксленом и другими обитателями аббатства. Эти прилежные люди, вдали от шума вечеринок, объединились в чтении Священного Писания, Отцов Церкви, шедевров древности и трудов литераторов-реставраторов. Это интересное общество часто пополнялось друзьями на расстоянии. Однажды в Айнзидлен в числе прочих прибыл и Капито. Два старых друга из Бале вместе прогуливались по монастырю и диким окрестностям, поглощенные беседой, изучением Священных Писаний и стремлением познать Божественную волю. Был пункт, по которому они были согласны, и он заключался в следующем: "Папа Римский должен пасть". В то время Капито был более мужественным, чем в более поздний период.

Покой, досуг, книги, друзья — все это было у Зинглия в этом спокойном уединении, и соответственно он рос в понимании и вере. В этот период (май 1517 г.) он приступил к работе, которая была ему очень полезна. Как в древности цари Израиля писали закон Божий своей собственной рукой, так и Зинглий своей переписал Послания святого Павла. Единственные существовавшие в то время издания Нового Завета были большого формата, и Зинглиус хотел иметь одно из них, которое он мог бы носить с собой. [669] Эти Послания он выучил наизусть, как впоследствии сделал с другими книгами Нового и частично Ветхого Заветов. Таким образом, его сердце всегда становилось все более привязанным к верховному авторитету Слова Божьего.

Он не был удовлетворен простым признанием этого; более того, он желал привести свою жизнь в истинное подчинение этому. Его взгляды постепенно становились все более решительно христианскими. Цель, ради которой он был приведен в эту пустыню, была достигнута. Несомненно, верно, что Цюрих - это то место, где вся его душа насквозь прониклась христианскими принципами; но даже сейчас, в Айнзидлене, он добился заметного прогресса в деле освящения. В Гларисе он принимал участие в мирских развлечениях; в Айнзидлене он больше стремился к жизни, незапятнанной каким-либо налетом мирской суеты. Начиная лучше понимать великие духовные интересы людей, он постепенно постигал то, чему Бог намеревался научить его.

ВЕРА И СУЕВЕРИЯ.

У Провидения были и другие соображения, приведя его в Айнзидлен. Здесь он ближе познакомился с суевериями и злоупотреблениями, охватившими Церковь. Говорили, что образ Пресвятой Богородицы, бережно хранившийся в этом монастыре, обладал способностью творить чудеса. Над воротами аббатства появилась такая самонадеянная надпись: "Здесь получено полное отпущение всех грехов". Множество паломников стекалось в Айнзидлен со всех концов христианского мира, чтобы заслужить эту благодать своим паломничеством. Церковь, аббатство и вся долина были переполнены набожными прихожанами в дни празднования Пресвятой Богородицы. Но особенно во время грандиозного праздника "посвящения ангелов" скит был переполнен до отказа. Тысячи людей обоего пола взбирались по склону холма, ведущего к молельне, распевая гимны и пересчитывая свои четки. Эти набожные паломники столпились в Церкви, думая, что здесь они ближе к Богу, чем где-либо еще.

Резиденция Зинглия в Айнзидлене была по сути аналогична визиту Лютера в Рим с точки зрения разоблачения папских злоупотреблений. Образование Зинглиуса как реформатора было завершено в Айнзидлене. Только Бог является источником спасения, и он повсюду, — таковы были две истины, которые он усвоил в Айнзидлене, и они стали основополагающими положениями его вероучения. Серьезное впечатление, произведенное на его душу, вскоре проявилось внешне. Пораженный множеством преобладающих зол, он решил смело противостоять им. Не колеблясь между своей совестью и интересами, он открыто встал и в простых и энергичных выражениях атаковал суеверия окружающей толпы: "Не думайте, - сказал он с кафедры, - что Бог находится в этом храме больше, чем в любой другой части своего творения. Какой бы ни была страна, в которой вы живете, Бог окружает вас и слышит вас так же хорошо, как в Богоматери Айнзидленской. Могут ли бесполезные труды, длительные паломничества, подношения, изображения, обращение к Деве Марии или святым обрести благодать Божью?... Какая польза от множества слов, в которые мы облачаем наши молитвы? Какая польза от блестящего капюшона, от хорошо выбритой головы, от длинного одеяния с аккуратными складками и шитых золотом мулов? Бог смотрит на сердце, но наше сердце отчуждено от Бога". [\[670\]](#)

Но Зинглиус хотел сделать нечто большее, чем просто возвысить свой голос против суеверий. Он хотел удовлетворить то страстное стремление к примирению с Богом, которое испытывали многие паломники, стекавшиеся в часовню Айнзидленской Богоматери. "Христос, - воскликнул он, подобно Иоанну Крестителю в этой новой пустыне Иудеи, - Христос, который однажды был принесен в жертву на кресте, является искупительной жертвой, которая даже в вечности

искупает грехи всех верующих". [671] Таким образом, Зуинглиус продвигался вперед. В тот день, когда эта смелая проповедь прозвучала в самом почитаемом святилище Швейцарии, знамя, подготовленное против Рима, начало более отчетливо проявляться на горных вершинах, и, так сказать, волна реформ достигла даже их самых глубоких оснований.

СЕНСАЦИЯ. ПРИВЕТ.

На самом деле всеобщее изумление охватило толпу, когда она услышала речь красноречивого священника. Некоторые в ужасе уходили; другие колебались между верой своих отцов и учением, способным обеспечить их покой, в то время как некоторые приходили к Иисусу Христу, который был им таким образом проповедан, и, обретая покой для своих душ, забирали свечи, которые они намеревались преподнести Пресвятой Деве. Толпа паломников вернулась в свои дома, повсюду рассказывая о том, что они услышали в Айнзидлене. "Спасает ТОЛЬКО Христос, и спасает ПОВСЮДУ". Оркестры, пораженные услышанным, остановились, не закончив своего паломничества. Поклонников Марии становилось меньше день ото дня. Их пожертвования составляли почти весь доход Зинглиуса и Герольдсека; но бесстрашный свидетель истины чувствовал себя счастливым, находясь в бедности ради того, чтобы души могли духовно обогатиться.

Во время праздника Пятидесятницы, в 1518 году, среди многочисленных слушателей Зинглия был ученый человек с кротким нравом и активной благотворительностью по имени Гаспар Хедио, доктор богословия в Бале. Зинглий проповедовал об исцелении паралитика (Лука, v), где наш Спаситель провозглашает: *"Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи"* - слова, вполне подходящие для того, чтобы поразить толпу, собравшуюся в Церкви Пресвятой Богородицы. Проповедник воодушевил, восхитил и воспламенил свою аудиторию, особенно доктора из Бале. [672] Спустя много времени Хедио выразил свое глубокое восхищение; "Как прекрасна, - сказал он, - эта речь, какая глубокая, весомая, полная, проникающая и евангелическая; как сильно она напоминает об *ἐνερῆα* (энергии) древних врачей". [673] С этого момента Хедио восхищался Зинглиусом и полюбил его. [674] Он охотно пошел бы к нему и открыл свое сердце; он бродил по аббатству, но не осмеливался приблизиться, сдерживаемый, как он выражается, суеверной робостью. Он снова сел на своего коня и медленно удалился от Богоматери, то и дело поворачивая голову к месту, где хранилось такое великое сокровище, и чувствуя в своем сердце сильнейшее сожаление. [675]

ЗИНГЛИЙ И ЛЕГАТЫ.

Так проповедовал Зинглий; без сомнения, менее убедительно, чем Лютер, но с большей умеренностью и не меньшим успехом. Он ничего не делал опрометчиво и не вступал в такое яростное столкновение с умами людей, как саксонский реформатор; он всего ожидал от силы истины. Он проявил ту же мудрость в своих отношениях с главами Церкви. Он не только не объявил себя сразу их врагом, но долгое время оставался их другом. Они были чрезвычайно снисходительны к нему не только из-за его учености и талантов (Лютер имел те же претензии на уважение епископов Менца и Бранденбурга), но особенно из-за его привязанности к политической партии папы и влияния, которым обладал такой человек, как Цинлий, в республиканском государстве.

На самом деле несколько кантонов, испытывавших отвращение к службе папе, были склонны порвать с ним. Но легаты льстили себя надеждой, что смогут удержать нескольких из них,

получив Цинлия, как они получили Эразма, с пенсиями и почестями. В это время легаты Энний и Пуччи часто ездили в Айнзидлен, где из-за близости к демократическим кантонам вести с ними переговоры было легче. Но Цинлий, далекий от того, чтобы приносить истину в жертву требованиям и предложениям Рима, не упускал ни одной возможности защитить Евангелие. Знаменитый Шиннер, у которого тогда были какие-то беспорядки в его епархии, провел некоторое время в Айнзидлене. "Все папство, - сказал однажды Зинглий, - покоится на плохом фундаменте. [676] Приложите свои усилия к работе, устраните ошибки и злоупотребления, или вы увидите, как все здание с ужасающим грохотом разваливается на куски". [677]

С такой же откровенностью он говорил с легатом Пуччи. Четыре раза он возвращался к обвинению. "С Божьей помощью, - сказал он ему, - я буду продолжать проповедовать Евангелие, и эта проповедь потрясет Рим". Затем он указал ему, что необходимо для спасения Церкви. Пуччи обещал все, но ничего не сделал. Зинглиус заявил, что отказывается от пенсии от папы римского. Легат умолял его сохранить его, и Зинглий, у которого в то время и в мыслях не было открыто враждовать с главой Церкви, согласился на три года получить его. "Но не думайте, - добавил он, - что из любви к деньгам я утаиваю хоть один слог правды". [678] Пуччи, встревоженный, назначил Реформатора послушником папы римского. Это был путь к новым почестям. Рим думал напугать Лютера приговорами об осуждении и завоевать благосклонность Зинглия, обрушив свои отлучения на одного и продемонстрировав свое золото и великолепие другому. Таким образом, она двумя различными методами пыталась достичь одной и той же цели и заставить замолчать дерзкие уста, которые осмелились вопреки папе провозглашать Слово Божье в Германии и Швейцарии. Последний метод был более искусным, но ни один из них не увенчался успехом. Освобожденные души проповедников истины были одинаково недоступны как для угроз, так и для благосклонности.

ЕПИСКОП КОНСТАНЦА. САМСОН И ИНДУЛЬГЕНЦИИ.

Другой швейцарский прелат, Гуго Ланденбергский, епископ Констанца, в это время возлагал на Зинглия некоторые надежды. Он приказал провести всеобщее посещение церквей. Но Ланденберг, человек без характера, позволил вести себя попеременно Фаберу, своему викарию, и брошенной женщине, из-под власти которой он не смог вырваться. Иногда казалось, что он читает Евангелие, и все же любой, кто смело проповедовал его, был в его глазах всего лишь нарушителем спокойствия. Он был одним из тех людей, слишком распространенных в Церкви, которые, хотя и любят истину больше, чем заблуждение, больше потворствуют заблуждению, чем истине, и часто в конце концов оборачиваются против тех, с кем им следовало бы вести общее дело. Зинглиус обращался к нему, но тщетно. Он должен был пережить тот же опыт, что и Лютер; убедиться, что бесполезно взывать к главам Церкви и что единственный метод восстановления христианства - действовать как верный учитель Слова Божьего. Вскоре представилась возможность сделать это.

В августе 1518 года францисканский монах был замечен путешествующим на высотах Сен-Готарда, по тем высоким перевалам, которые с трудом прорублены в крутых скалах, отделяющих Швейцарию от Италии. Выйдя из итальянского монастыря, он был носителем папских индульгенций, которые ему было поручено продать добрым христианам из гельветической лиги. Блестящий успех, достигнутый при двух предыдущих папах, свидетельствовал о его усилиях в этой позорной торговле. Компаньоны, намеревавшиеся продать товар, который он собирался продать, сопровождали его по горам снега и льда, ровесникам мира. Эта алчная банда, с виду

достаточно жалкая и мало чем отличавшаяся от банды авантюристов, бродивших в поисках добычи, шла молча, под шум пенящихся потоков, дающих начало Рейну, Рейссу, Ару, Роне, Тессино и другим рекам, размышляя, как им ограбить простое население Гельвеции. Самсон (так звали францисканца) и его компания сначала прибыли в Ури, и там началась их торговля. Вскоре они покончили с этими бедными крестьянами и перешли в кантон Швиц. Здесь был Зинглий, и здесь должна была произойти битва между этими двумя слугами двух совершенно разных хозяев. "Я могу простить все грехи", - сказал итальянский монах, Тезель из Швейцарии. "Рай и ад подвластны моей власти, и я продаю заслуги Иисуса Христа тому, кто их купит, платя наличными за индульгенцию".

Зинглий услышал об этих беседах, и его рвение воспламенилось.

СТЭПФЕР И ЗИНГЛИУС.

Он мощно проповедовал против них. "Иисус Христос, Сын Божий, - сказал он, - так говорит: *"Придите ко МНЕ, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас"*. Разве тогда не дерзкая глупость и безрассудная дерзость говорить наоборот: "Покупайте индульгенции!" беги в Рим! отдай монахам! принеси жертву священникам! Если ты сделаешь это, я отпущу тебе грехи! [679] Иисус Христос - единственное приношение; Иисус Христос - единственная жертва; Иисус Христос - единственный путь." [680]

Все в Швиц стали называть Самсона мошенником. Он отправился по дороге в Цуг, и на этот раз двум чемпионам не удалось встретиться.

Едва Самсон покинул Швиц, как гражданин этого кантона по имени Штапфер, человек выдающегося таланта, а впоследствии государственный секретарь, вместе со своей семьей попал в тяжелое положение. "Увы, - сказал он, обращаясь в агонии к Зинглию, - я не знаю, как утолить свой голод и голод моих бедных детей". [681] Цинглий умел отдавать там, где Рим умел брать; он был готов как к добрым делам, так и к борьбе с теми, кто учил, что они являются средством обретения спасения. Он ежедневно щедро давал Стэпферу. [682] "Это Бог, - сказал он, не желая прославлять себя, - Это Бог, который порождает милосердие в верующем и одновременно дает ему мысль, решение и саму работу. Какое бы добро ни делал праведный человек, Бог делает это своей собственной силой". [683] Стэпфер оставался привязанным к нему на протяжении всей жизни; и четыре года спустя, когда он стал государственным секретарем и почувствовал потребности более высокого рода, он повернулся к Зинглиусу и сказал ему с благородной откровенностью: "Поскольку ты обеспечил мои мирские нужды, насколько большего я могу теперь ожидать от тебя, чтобы утолить голод моей души!"

Число друзей Зинглия увеличилось. Не только в Гларисе, Бале и Швице он нашел людей, подобных себе по духу; в Ури был государственный секретарь Шмидт; в Цуге Колин Мюллер и Вернер Штайнер, его старые товарищи по оружию в Мариньяне; в Люцерне Ксилотект и Кильхмейер; Виттембах в Берне и многие другие во многих других местах. Но у эйнзидленского викария не было более преданного друга, чем Освальд Миконий. Освальд покинул Бале в 1516 году, чтобы возглавить кафедральную школу в Цюрихе. В этом городе не было ни ученых людей, ни учебных заведений. Освальд трудился вместе с некоторыми благожелательно настроенными людьми, среди прочих, Утингером, нотариусом папы римского, над тем, чтобы вывести население Цюриха из невежества и приобщить его к древней литературе. В то же время он защищал непреложную истину Священного Писания и заявлял, что если папа или император

отдает приказы, противоречащие Евангелию, то повиновение принадлежит одному Богу, который выше и императора, и папы.

ЦЮРИХ. КОЛЛЕГИЯ КАНОНИКОВ.

ГЛАВА VI.

Цюрих—Коллегия каноников—Выборы в Кафедральный собор—Басня—Обвинения—Исповедь Зинглиуса—Раскрытие замыслов Божьих—Прощание с Айнзидленом—Прибытие в Цюрих—Смелое заявление Зинглиуса—Первые проповеди—Последствия—Оппозиция—Характер Зинглиуса—Музыкальный вкус—Организация дня—Распространение лоточниками.

Семь столетий прошло с тех пор, как Карл Великий пристроил к этому собору коллегия каноников, школой которой в то время руководил Освальд Миконий. Эти каноники, выродившиеся по сравнению со своим первым учреждением и желавшие в своих бенефициях наслаждаться сладостями праздности, избрали священника для проповеди и исцеления душ. Это место освободилось через некоторое время после прибытия Освальда, и он сразу же подумал о своем друге. Какой приз это был бы для Цюриха! Внешность Зинглиуса была располагающей. Он был красивым мужчиной, [684] с изящным обращением и приятными манерами. Его красноречие уже принесло ему известность, в то время как блеск его гения делал его заметным среди всех союзников. Миконий рассказал о нем ректору капитула Феликсу Фрею (который, судя по внешности и талантам Зинглиуса, уже был настроен в его пользу), [685] Утингеру, старику, пользовавшемуся большим уважением, и канонику Хоффману, человеку честного, открытого нрава, который, долгое время проповедуя против службы за границей, был благосклонно относится к Ульрику. Другие цюрихцы по разным поводам слышали Зинглиуса в Айнзидлене и возвращались оттуда полные восхищения. Избрание проповедника в кафедральный собор вскоре привело в движение всех жителей Цюриха. Были сформированы различные партии. Некоторые трудились день и ночь для избрания красноречивого проповедника Богоматери отшельников. [686] Миконий сообщил своему другу— "В следующую среду, - ответил Цинлий, - я приеду отобедать в Цюрих и обсудить дела". Он соответственно прибыл. Каноник, к которому он направлялся с визитом, сказал ему: "Не мог бы ты прийти к нам проповедовать слово Божье?" "Я мог бы, - ответил он, - но не приду, пока меня не позовут". Затем он вернулся в свое аббатство.

ОБВИНЕНИЯ ПРОТИВ ЗИНГЛИУСА.

Этот визит посеял тревогу в стане его врагов. Нескольким священникам было предложено подать заявления на вакансию. Житель Швабы по имени Лоран Фейбл даже проповедовал в качестве кандидата, и прошел слух, что он был избран. "Тогда совершенно верно, - сказал Зинглий, узнав об этом, - что у пророка нет чести в его собственной стране, поскольку шваба предпочитают швейцарцу. Я знаю, какую ценность следует придавать народным аплодисментам". [687] Сразу после этого Зинглиус получил письмо от секретаря кардинала Шиннера, информирующее его, что выборы не состоялись. Но ложные известия, которые он получил поначалу, задели эйнзидленского викария. Зная, что на это место претендует такой недостойный человек, как эта Басня, он еще больше желал заполучить его для себя и написал

об этом Микониусу, который на следующий день ответил: "Басня всегда будет басней: мои хозяева узнали, что он уже отец шести мальчиков и обладает не знаю сколькими привилегиями". [688]

Враги Зинглия не отказались от своего сопротивления. Все, правда, согласились перевозносить его ученость до небес; [689] но одни говорили: "Он слишком любит музыку"; другие: "Он любит мир и удовольствия"; третьи: "В молодости он был слишком тесно связан с легкомысленными товарищами". Был даже один человек, который обвинил его в совращении. Зинглиус не был лишен порока. Хотя он и превосходил духовенство своего времени, в первые годы своего служения он не раз поддавался юношеским наклонностям. Трудно оценить влияние нечистой атмосферы на тех, кто в ней живет. В папстве были определенные установленные нарушения, которые допускались и санкционировались как соответствующие законам природы. Высказывание Энея Сильвия, впоследствии папы римского под именем Пий II, дает представление о печальном состоянии общественной морали в тот период. Мы приводим это в записке. [690] Беспорядок стал правилом, порядок исключением.

ИСПОВЕДЬ ЗИНГЛИЯ.

Освальд проявил величайшую активность в защиту своего друга. Он приложил все свои силы, защищая его, и, к счастью, преуспел. [691] Он пошел к бургомистру Раусту, к Хоффману, Фрею и Утингеру. Он похвалил Зинглиуса за его честность и непорочность и утвердил цюрихцев в благоприятном мнении, которое у них сложилось о викарии из Айнзидлена. Речам его противников не придавалось особого значения. Самые влиятельные люди говорили, что Цинлиусу следовало бы стать проповедником в Цюрихе. Каноники тоже говорили об этом, но шепотом. "Надеюсь, - писал ему Освальд от всего сердца, - ибо я надеюсь". В то же время он рассказал ему об обвинениях своих врагов. Хотя Зинглий еще не стал совершенно новым человеком, он принадлежал к классу тех, у кого пробудилась совесть и кто может впасть в грех, но никогда без борьбы или угрызений совести. Он часто принимал решение оставаться в одиночестве посреди мира и вести жизнь святости. Но когда он видел, что его обвиняют, он не притворялся, что хвастается тем, что он безгрешен. В письме канонику Утингеру он сказал: "Не имея никого, кто поддержал бы меня в решениях, которые я принял, даже нескольких из тех, что касались меня, будучи оскорбленным ими, увы! Я упал и, подобно собаке, о которой говорит святой Петр (2 Эп. ii, 22), вернулся к своей блевотине. [692] Ах! Бог знает, с каким стыдом и мукой я извлек эти недостатки из глубин своего сердца и изложил их Всемогущему Богу, которому, однако, я бы меньше побоялся признаться в своих страданиях, чем простому человеку". [693] Но хотя Зинглиус и признал себя грешником, он в то же время оправдал себя от самых оскорбительных обвинений, которые были выдвинуты против него. Он заявил, что ему всегда претила идея посягательства на святость супружеской жизни или совращения невинности, [694]— пороки в то время были слишком распространены. "или к истине этого, - говорит он, - я обращаюсь ко всем, с кем я жил". [695]

Выборы состоялись 11 декабря, и из двадцати четырех поданных голосов у Зинглиуса было семнадцать. Пришло время начать Реформацию в Швейцарии. Избранный инструмент, который Божественное Провидение готовило в течение трех лет в уединенном месте Айнзидлена, был готов и теперь должен быть переведен в другое место. Бог, избравший новый Виттембергский университет, расположенный в сердце Германии и находящийся под защитой мудрейшего из князей, чтобы призвать туда Лютера, остановил свой выбор в Швейцарии на городе Цюрихе,

считающемся главой конфедерации, чтобы поселить там Цунглиуса и привести его в соприкосновение не только с одним из самых умных, простых, решительных и бесстрашных сообществ Швейцарии, но и со всеми кантонами, которые группируются вокруг этого древнего и могущественного государства. Рука, которая взяла молодого пастуха из Сентиса и привела его в школу Существ, теперь вывела его вперед, сильного словом и делом, перед лицом всех, чтобы возродить своих соотечественников. Цюрих вот-вот должен был стать средоточием света для Швейцарии.

ПРИБЫТИЕ В ЦЮРИХ.

День, когда было объявлено об избрании Зинглиуса, был для Айнзидлена днем одновременно радости и горя. Образовавшийся там круг был близок к распаду из-за ухода его самого ценного члена, и кто мог сказать, не собирается ли суеверие снова завладеть этим древним местом паломничества?... Государственный совет в Швице выразил Ульриху свои чувства, назвав его "преподобным, ученым, всемилостивейшим учителем и хорошим другом". [696] "По крайней мере, ты сам дашь нам достойного тебя преемника", - в отчаянии сказал Герольдсек Зинглиусу. "У меня есть для вас, - ответил он, - маленький лев, простой и мудрый; человек, посвященный в тайны священной науки". "Отдайте его мне", - немедленно ответил администратор. Это был Лео Джуда, одновременно нежный и бесстрашный друг, с которым Зинглий был так близок в Бале. Лео принял вызов, который приблизил его к его дорогому Ульрику. Ульрик попрощался со своими друзьями, покинул уединенный Айнзидлен и прибыл в то восхитительное место, где, улыбаясь и наслаждаясь жизнью, возвышается город Цюрих, окруженный амфитеатром поросших виноградом холмов, покрытых лугами и фруктовыми садами, увенчанных лесами и увенчанных высокими пиками Альбиса.

Цюрих, центр политических интересов Швейцарии, где часто собирались самые влиятельные лица страны, был местом, наиболее подходящим для того, чтобы воздействовать на всю страну и проливать семена истины по всем ее кантонам. Соответственно, "Друзья литературы" и "Библия" приветствовали назначение Зинглиуса одобрительными возгласами. В Париже, в частности, швейцарские студенты, которые были там в большом количестве, были в восторге от этой новости. [697] Но если у Зинглиуса была перспектива великой победы в Цюрихе, у него была также перспектива серьезного соревнования. Глареан написал ему из Парижа: "Я предвижу, что твоя ученость вызовет большую вражду; [698] но наберись храбрости, и ты, подобно Геркулесу, победишь чудовищ". [699]

ИНСТРУКЦИИ ГЛАВЫ. ЗАЯВЛЕНИЕ ЗИНГЛИЯ.

27 декабря 1518 года Зинглиус прибыл в Цюрих и поселился в отеле Айнзидлен. Он получил сердечный и почетный прием. Капитул немедленно собрался, чтобы принять его, и пригласил занять свое место среди них. Председательствовал Феликс Фрей; каноники, дружелюбные или враждебные Зинглию, без разбора расселись вокруг своего настоятеля. На собрании царило значительное волнение; каждый чувствовал, возможно, не признаваясь в этом отчетливо самому себе, насколько серьезным, вероятно, окажется начало этого служения. Поскольку у молодого священника были некоторые опасения по поводу новаторского духа, было решено возложить на него самые важные обязанности в его служении. "Вы приложите все усилия, - серьезно сказали ему, - чтобы обеспечить выплату доходов ордена, не пренебрегая ни малейшим из них. Вы будете увещевать верующих как с кафедры, так и на исповеди платить первые плоды и десятину и показывать своими пожертвованиями, что они любят Церковь. Вы

сделаете своим делом увеличение доходов, получаемых от больных, от жертвоприношений и вообще от каждого церковного акта ". Капитул добавил: "Что касается отправления таинств, проповеди и личного присутствия среди паствы, то это тоже обязанности священника. Однако в этих различных отношениях, и особенно в том, что касается проповеди, вы можете заменить своего викария. Вы должны совершать таинства только с выдающимися людьми и по их просьбе. Вам категорически запрещено делать это со всеми людьми без разбора". [700]

ПЕРВЫЕ ПРОПОВЕДИ ЗИНГЛИЯ В ЦЮРИХЕ.

Странное правило было дано Зинглию! Деньги, деньги, все еще деньги!... Не для этого ли Христос учредил свое служение? И все же благоразумие умеряет его рвение; он знает, что мы не можем все сразу бросить семя в землю, увидеть рост дерева и собрать его плоды. Поэтому Зинглиус, не объясняя своего мнения о том, что ему было предписано, смиренно выразил свою благодарность за почетное назначение, которое он получил, и сообщил, на что он рассчитывает, что сможет это сделать. "Жизнь Иисуса, - сказал он, - слишком долго была скрыта от людей. Я буду проповедовать все Евангелие от Матфея, главу за главой, следуя разуму Святого Духа, черпая только из источников Священного Писания, [701] углубляясь в него и стремясь понять его с помощью настойчивой горячей молитвы. [702] Я посвящу свое служение славе Божьей, восхвалению Его едиnorodного Сына, настоящему спасению душ и наставлению их в истинной вере". [703] Этот новый язык произвел глубокое впечатление на капитул. Некоторые выразили радость, но большинство открыто не одобрило. [704] "Этот способ проповедования - новшество, - восклицали они, - это новшество скоро приведет к другим, и где же ему остановиться?" Каноник Хоффман, в частности, считал своим долгом предотвратить фатальные последствия выбора, которому он сам покровительствовал. "Такое толкование Священного Писания, - сказал он, - принесет людям больше вреда, чем пользы". "Это не новый метод, - ответил Цинлий, - это древний метод. Вспомните проповеди святого Златоуста о святом Матфее и святого Августина о святом Иоанне. Кроме того, я буду соблюдать умеренность и не дам никому повода для жалоб".

Таким образом, Зинглий отказался от исключительного использования фрагментов Евангелия, как это практиковалось со времен Карла Великого; восстановив Священное Писание в его древних правах, он с самого начала своего служения объединил Реформацию с первоначальными веками христианства и подготовил более глубокое изучение Слова Божьего на века вперед. Но он сделал больше. Сильная и независимая позиция, которую он занял перед лицом Церкви, показала, что работа, которой он занимался, была новой. Фигура Реформатора рельефно выделялась в глазах общественности, и Реформация продвигалась вперед.

Хоффман, потерпев неудачу в капитуле, обратился к ректору с письменным запросом запретить Зинглиусу поколебать распространенное мнение. Настоятель послал за новым проповедником и говорил с ним с большой добротой. Но никакая человеческая сила не могла заставить его замолчать. 31 декабря он написал совету Глариса, что он полностью отказался от лечения душ, которое до сих пор было зарезервировано за ним, и полностью посвятил себя Цюриху и работе, которую Бог готовил для него в этом городе.

В субботу, в день нового года, а также в день рождения Зинглия, которому исполнилось тридцать пять лет, он вошел на кафедру собора. Огромная толпа, жаждущая увидеть человека, который уже приобрел такую известность, и услышать это новое Евангелие, о котором все начали говорить, заполнила церковь. "Именно ко Христу, - сказал Зинглиус, - я хочу привести

вас; ко Христу, истинному источнику спасения. Его божественное слово - это единственная пища, которую я хотел бы дать вашему сердцу и жизни". Затем он объявил, что завтра, в первое воскресенье года, он начнет излагать Евангелие от святого Матфея. Соответственно, проповедник и еще большая аудитория, чем накануне, были на своих постах. Зинглиус открыл Евангелие — Евангелие, которое так долго было запечатанной книгой, — и прочитал первую страницу, перебирая историю патриархов и пророков, упомянутых в первой главе Евангелия от Матфея, и излагая ее таким образом, что все были поражены и восхищены и воскликнули: "Мы никогда не слышали ничего подобного". [705]

ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Таким образом, он продолжил излагать Евангелие от Матфея в соответствии с греческим оригиналом. Он показал, как вся Библия сразу нашла свое толкование и применение в самой природе человека. Излагая возвышеннейшие истины Евангелия простым языком, его проповедь достигла всех слоев общества, как образованных и мудрых, так и невежественных и простодушных. [706] Он превозносил бесконечные милости Бога Отца и умолял всех своих слушателей довериться только Иисусу Христу как единственному Спасителю. [707] В то же время он искренне призывал их к покаянию; решительно нападал на заблуждения, царившие в народе; бесстрашно обличал роскошь, невоздержанность, экстравагантность в одежде, угнетение бедных, праздность, иностранную службу и иностранные пенсии. "За кафедрой, - говорит один из его товарищей, - он не щадил никого: папу, императора, королей, герцогов, принцев, лордов, даже конфедератов. Вся его энергия и вся радость его сердца были в Боге: соответственно, он призывал всех жителей Цюриха полагаться только на Него". [708] "Никогда еще не слышали, чтобы человек говорил с таким авторитетом", - говорит Освальд Микониус, который с радостью и большими надеждами наблюдал за трудами своего друга.

Евангелие не могло проповедоваться напрасно в Цюрихе. Постоянно растущее число людей всех классов, и особенно простых людей, стекалось послушать его. [709] Несколько цюрихцев перестали посещать богослужения. "Я не извлекаю никакой пользы из речей этих священников, - часто восклицал Фюсслин, поэт, историк и государственный советник. - Они не проповедуют о спасении, потому что не понимают его. Я не вижу в них ничего, кроме алчности и сладострастия". Генри Раушлин, государственный казначей, человек, прилежно читавший Священное Писание, придерживался того же мнения: "Священники, - сказал он, - тысячами собрались на Констанцский собор ... сжечь лучшего человека среди них". Эти выдающиеся люди, ведомые любопытством, отправились послушать первую проповедь Зинглия. Их лица свидетельствовали о том волнении, с которым они следовали за оратором. "Слава Богу! - сказали они, выходя. - Это проповедник истины. Он будет нашим Моисеем, который избавит нас от египетской тьмы". [710] С этого момента они стали близкими друзьями Реформатора. "Силы мира, - сказал Фюсслин, - перестаньте запрещать учение Христа! После того, как Христос, Сын Божий, был предан смерти, грешники были воскрешены. И теперь, если вы уничтожите проповедников истины, вы увидите, что их места займут стекольщики, плотники, гончары, литейщики, сапожники и портные, которые будут учить с силой". [711]

ОППОЗИЦИЯ.

В Цюрихе вначале раздался только один возглас восхищения, но когда первый момент энтузиазма прошел, противник вновь обрел мужество. Достойные люди, встревоженные идеей Реформации, постепенно отдалялись от Зинглия. Буйство монахов, которое на мгновение было скрыто, проявилось вновь, и коллегия каноников огласилась жалобами. Зинглий стоял неподвижно. Его друзья, видя его мужество, чувствовали себя в его присутствии так, словно вновь появился человек апостольских времен. [712] Среди его врагов одни насмехались и глумились; другие произносили оскорбительные угрозы, но он переносил все с христианским терпением. [713] "Тот, — имел обыкновение говорить он, — кто хочет привлечь нечестивых к Иисусу Христу, должен закрывать глаза на многие вещи", [714]- замечательное высказывание, которое не должно быть упущенным из виду.

Его характер и отношение ко всем, как и его выступления, способствовали завоеванию их сердец. Он был одновременно истинным христианином и истинным республиканцем. Равенство человечества не было для него простым лозунгом; оно было начертано в его сердце и проявлялось в его жизни. В нем не было ни той фарисейской гордыни, ни той монашеской грубоватости, которые одинаково оскорбительны для простых и мудрых мира сего. Людей тянуло к нему, и они чувствовали себя непринужденно, беседуя с ним. Сильный и властный за кафедрой, он был приветлив со всеми, кого встречал на улицах или площадях. В местах, где встречались торговцы или корпорации, его часто видели среди горожан, разъясняющих основные положения христианского учения или фамильярно беседующих с ними. Он оказывал такой же сердечный прием крестьянам и патрициям. "Он приглашал деревенских жителей пообедать с ним, — говорит один из его злейших врагов, — гулял с ними, говорил с ними о Боге, заставил дьявола войти в их сердца, а его писания — в их карманы. Он даже зашел так далеко, что видные люди Цюриха навещали этих крестьян, развлекали их и гуляли с ними по городу, оказывая им всевозможное внимание". [715]

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВКУС. ПРИЛЕЖНЫЕ ПРИВЫЧКИ.

Он продолжал заниматься музыкой "с умеренностью", говорит Буллингер: тем не менее враги Евангелия воспользовались этим и называли его "евангельским флейтистом и лютнистом". [716] Фабер однажды упрекнул его в пристрастии к музыке, и Зинглиус с благородной откровенностью ответил: "Мой дорогой Фабер, ты не знаешь, что такое музыка. Я, это правда, научился играть на лютне, скрипке и других инструментах и способен с помощью этих средств успокаивать маленьких детей; [717] но вы, конечно, слишком святы для музыки. Разве ты не знаешь, что Давид был искусным игроком на арфе и таким образом изгнал злого духа из Саула? ... Ах, если бы ты знал звуки небесной лютни, злой дух честволюбия и алчности, которым ты одержим, вышел бы и из тебя". Возможно, это было слабостью Зинглиуса, хотя именно в духе жизнерадостности и христианской свободы он культивировал это искусство, которое религия всегда ассоциировала со своими самыми возвышенными взлетами. Он положил на музыку некоторые из своих христианских стихотворений и, не стесняясь, иногда забавлял младших из своей паствы игрой на лютне. Такое же добродушие он проявлял и к беднякам. "Он ел и пил, — говорит один из его современников, — со всеми, кто его приглашал, — он никого не презирал; он был очень сострадательен к бедным; всегда тверд и всегда радуется как в беде, так и в удаче. Никакое зло не заставляло его бояться; его слова всегда были полны энергии, а сердце — утешения". [718] Таким образом, популярность Зинглия возросла — по примеру своего Учителя, сидевшего попеременно за столом простых людей и на пиршестве знати, но по-прежнему постоянно сосредоточенного на работе, к которой призвал его Бог.

В то же время он был неутомимым учеником. Утром до десяти он читал, писал и переводил: иврит особенно привлекал его внимание. После обеда он уделял внимание тем, у кого было что ему сказать или спросить совета: гулял со своими друзьями и навещал своих слушателей. В два часа он возобновил занятия. После ужина он совершал короткую прогулку, а потом писал письма, которые часто занимали его до полуночи. Он всегда вставал, когда занимался, и не позволял прерывать себя, кроме как по важному делу. [719]

ИНДУЛЬГЕНЦИИ.

Но трудов одного человека было недостаточно. Однажды к нему пришел человек по имени Люциан с трудами немецкого реформатора. Его послал Ренан, ученый человек, проживавший в то время в Бале и неутомимый в распространении трудов Реформатора по всей Швейцарии. Ренан осознал, что распространение книг было важным средством распространения евангелической доктрины. Люциан объездил почти всю Швейцарию и знал каждого. "Посмотри, - сказал Ренан Зинглиусу, - обладает ли этот Лукиан необходимым благоразумием и способностями; если да, то пусть он ходит из города в город, от города к городу, от деревни к деревне и даже от дома к дому среди швейцарцев с трудами Лютера, особенно с его изложением Молитвы Господней, написанным для мирян. [720] Чем больше его знают, тем больше покупателей он найдет. Но нужно позаботиться о том, чтобы не позволить ему торговать другими книгами. Если у него нет ничего, кроме книг Лютера, их продажи будут еще больше". Таким образом, скромный кров многих швейцарских семей был пронизан лучами света. Однако была еще одна книга, которую Зинглиусу следовало выставить на всеобщее обозрение вместе с книгами Лютера, — Евангелие от Иисуса Христа.

ГЛАВА VII

Индульгенции—Самсон в Берне—Самсон в Бадене—Декан Бремгартена—Молодой Генри Буллингер—Самсон и декан—Внутренняя борьба Зинглиуса—Зинглиус против Индульгенций—Самсон уволен.

САМСОН В БЕРНЕ И БАДЕНЕ.

Зинглиусу не пришлось долго ждать возможности проявить свое рвение на новом поприще. Самсон, знаменитый торговец индульгенциями, медленно приближался к Цюриху. Этот жалкий торговец прибыл из Швица в Цуг 20 сентября 1518 года и оставался там три дня. Вокруг него собралась огромная толпа. Самые бедные были самыми нетерпеливыми, так что они мешали богатым выйти вперед. Это не устроило монаха; соответственно, один из его слуг начал кричать народу: "Добрые люди, не толпитесь так! Пусть приходят те, у кого есть деньги. Впоследствии мы постараемся удовлетворить тех, у кого их нет". Из Цуга Самсон и его отряд направились в Люцерн; из Люцерна в Ундервальд; затем, пересекая плодородные Альпы с их богатыми долинами, проходя под вечными льдами Оберланда, и в этих местах, самых величественных в Швейцарии, выставя напоказ свои римские товары, они прибыли близ Берна. Монаху сначала было запрещено въезжать в город, но в конце концов ему удалось добиться представления через людей, которым он платил. Выставя свой товар в церкви Святого Винсента, он заплакал громче обычного. "Вот, - сказал он богачам, - индульгенции на пергаменте за крону". "Вот, - сказал он беднякам, - индульгенции на обычной бумаге за два фартинга!" Однажды к нему

подъехал знаменитый рыцарь Джеймс де Стейн, гарцующий на сером в яблоках коне; монах очень восхитился этим конем. "Дай мне, - говорит рыцарь, - поблажку для меня, для моего отряда в пятьсот человек, для всех моих вассалов Белпа и всех моих предков; взамен я отдам тебе своего серого в яблоках коня". Это была высокая цена за лошадь, но францисканцу понравился скакун, и сделка была заключена. Лошадь отправилась в конюшню монаха, и все эти души были объявлены навсегда освобожденными от ада. [721] На другой день он дал бюргеру за тринадцать флоринов индульгенцию, в силу которой его духовник был уполномочен освободить его от любых видов лжесвидетельства. [722] Репутация Самсона была настолько велика, что советник Мэй, просвещенный старец, сказав что-то против него, был вынужден опуститься на колени и просить прощения у высокомерного монаха.

Это был последний день монаха, и громкий звон колоколов возвестил о его немедленном отъезде из Берна. Самсон был в церкви, стоя на ступенях главного алтаря. Каноник Генри Лупулус, бывший наставник Зинглия, выступал в качестве его переводчика. "Когда волк и лиса встречаются в поле, - сказал каноник Ансельм, обращаясь к Шультессу из Уоллвилля, - самое лучшее для вас, достойный сэр, - это обеспечить безопасность ваших овец и гусей". Но монаха мало заботили эти сарказмы, которые, к тому же, не достигали его ушей. "Преклоните колени, - обратился он к суеверной толпе, - повторите три *Молитвы* Отцу, *три Ave Marias*, и ваши души тотчас станут такими же чистыми, как в момент крещения". Тогда все люди упали на колени. Самсон, желая превзойти даже самого себя, воскликнул: "Я освобождаю от мук чистилища и ада все души усопших бернцев, какими бы ни были способ и место их смерти". Эти жонглеры, как и те, что выступают на ярмарках, приберегли свой лучший трюк напоследок.

Самсон отправился с тяжелым кошельком в сторону Цюриха, пересекая Арговию и Баден. Чем дальше он продвигался, тем с большей гордостью и великолепием продвигался монах, чей вид при переходе через Альпы был таким убогим. Епископ Констанца, раздраженный тем, что Самсон не нанял его для легализации своих быков, запретил всем викариям своей епархии открывать для него свои церкви. В Бадене, тем не менее, священник не осмелился долго препятствовать его движению. Это удвоило наглость монаха. Обходя место захоронения во главе процессии, он, казалось, устремил взгляд на какой-то предмет в воздухе, в то время как его помощники пели гимн умершим, и, притворившись, что видит души, улетающие с места захоронения на небеса, он воскликнул: "*Ecce volant!* Посмотри, как они летают". Однажды, когда местный житель забрался на церковный шпиль, вскоре было замечено, как в воздухе на изумленную процессию падает огромное количество перьев; "Смотрите, как они летают", - воскликнул шутник из Бадена, стряхивая со шпиля пуховую подушку. Многие начали смеяться. [723] Самсон впал в ярость и не мог успокоиться, пока не узнал, что человек подвержен приступам невменяемости: он в гневе покинул Баден.

ДЕКАН БРЕМГАРТЕНА. ГЕНРИ БУЛЛИНГЕР.

Продолжая свое путешествие, он прибыл в конце февраля 1519 года в Бремгартен по просьбе Шультесса и второго викария, которые видели его в Бадене. Ни у кого в этом округе не было более высокой репутации, чем у декана Буллингера из Бремгартена. Хотя он был далек от просвещения относительно ошибок Церкви и Слова Божьего, будучи открытым, ревностным, красноречивым, добрым к бедным и готовым оказать услугу самым смиренным, он был любим всеми. В юности у него завязалась связь с дочерью местного советника. Это был обычный прием тех священников, которые не желали жить в условиях всеобщей распущенности. Анна

родила ему пятерых сыновей, но это ни в коей мере не уменьшило уважения, которым пользовался декан. В Швейцарии не было более гостеприимного дома, чем его. Большой любитель охоты, он был замечен в окружении десяти или двенадцати собак в сопровождении баронов Халвилла, аббата Мьюри и цюрихской знати, рыскавших по окрестным полям и лесам. Он держал стол открытым, и никто из его гостей не был более веселым, чем он сам. Когда депутаты сейма направлялись в Баден, проезжая через Бремгартен, они не смогли не занять свои места за столом декана. "Буллингер, - говорили они, - управляет двором, как самый могущественный барон".

САМСОН И ДЕКАН.

В этом доме незнакомые люди заметили ребенка с умным лицом. Генри, один из сыновей декана, с самых ранних лет чудом избежал смерти. После того как он заболел чумой, шли приготовления к его похоронам, когда он подал некоторые признаки жизни и был возвращен своим обрадованным родителям. В другом случае бродячий нищий, завоевав его ласками, уносил его от семьи, когда какие-то проходившие мимо люди узнали и спасли его. В три года он мог повторять молитву Господню и апостольский символ веры. Однажды, проскользнув в церковь, он взобрался на кафедру своего отца, серьезно выпрямился и во весь голос воскликнул: "Я верю в Бога-Отца", - и так далее. В двенадцать лет его отправили в латинскую школу Эммерика, и сердце его переполнилось страхом, ибо те времена были опасны для неопытного мальчика. Когда студенты какого-либо университета считали его дисциплину слишком суровой, они нередко покидали его войсками, забирая с собой детей, и становились лагерем в лесу, откуда отправляли самых юных из своего числа просить милостыню, а иногда с оружием в руках бросались на проходящего мимо путника, грабили его, а затем предавались разврату со своей добычей. Генри, к счастью, был огражден от зла в этой отдаленной обители. Как и Лютер, он зарабатывал на жизнь пением перед домами, поскольку его отец хотел научить его жить по своему усмотрению. Ему было шестнадцать, когда он открыл Новый Завет. "Я нашел в нем, - говорит он, - все необходимое для спасения человека, и с тех пор я взял за принцип следовать только Священному Писанию и отвергать все человеческие дополнения. Я не верю ни отцам церкви, ни себе, но объясняю Писание за Писанием, ничего не добавляя и ничего не убирая". [724] Таким образом Бог готовил этого молодого человека, который однажды должен был стать преемником Зинглия. Он автор рукописного журнала, который мы часто цитируем.

Примерно в это же время Самсон прибыл в Бремгартен со всей своей свитой. Отважный настоятель, не побоявшийся этой жалкой итальянской армии, запретил монаху продавать свои товары по соседству. Шультесс, городской клерк, и второй пастор, друзья Самсона, встретились в комнате гостиницы, где он остановился, и стояли в полном замешательстве вокруг нетерпеливого монаха. Прибыл настоятель— "Вот папские буллы, - сказал ему монах, - открой свою церковь".

Декан.— "Я не позволю опустошать кошельки моих прихожан с помощью писем, не удостоверенных подлинностью, поскольку епископ их не легализовал".

Монах (торжественным тоном).— "Папа выше епископа. Я заклинаю вас не лишать свою паству этой выдающейся благодати".

Декан.— "Даже если это будет стоить мне жизни, я не открою свою церковь".

Монах (с негодованием). — "Мятежный священник! именем нашего святейшего господя папы я налагаю на вас еще большее отлучение от церкви и не отпущу вам грехов, пока вы не искупите свою неслыханную дерзость ценой в триста дукатов"....

Декан (поворачиваясь на каблуках и удаляясь). — "Я буду знать, как ответить перед моими законными судьями: что касается вас и вашего отлучения, я не имею к ним никакого отношения".

Монах (вне себя от ярости). — "Наглая скотина! Я направляюсь в Цюрих и там подам свою жалобу депутатам Конфедерации". [725]

Декан. — "Я могу появиться там так же хорошо, как и вы, и сию минуту отправляюсь".

ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА ЗИНГЛИЯ.

Пока все это происходило в Бремгартене, Зинглиус, видевший постепенное приближение врага, продолжал энергично проповедовать против индульгенций. [726] Викарий Констанца Фабер подбодрил его, пообещав поддержку епископа. [727] "Я знаю, - сказал Самсон, направляясь к Цюриху, - что Цинлий нападет на меня, но я заткну ему рот". На самом деле Зинглиус был слишком хорошо осведомлен о ценности прощения Христом, чтобы не нападать на бумажные индульгенции этих людей. Часто, подобно Лютеру, он трепетал из-за греха; но в Спасителе находил избавление от своих страхов. Этот скромный, но храбрый человек продвигался в познании Бога. "Когда сатана пугает меня, - сказал он, - крича мне: "Ты не делаешь этого, и ты не делаешь того, и все же Бог повелевает им!" - тотчас же мягкий голос Евангелия утешает меня, говоря: "Чего ты не можешь сделать (а ты, конечно, ничего не можешь сделать), Христос делает это для тебя". "Да, - продолжает благочестивый евангелист, - когда мое сердце разрывается из-за моего бессилия и немощи моей плоти, мой дух оживает при звуке этой радостной вести: Христос - твоя невинность! Христос - твоя праведность! Христос - твое спасение! Ты ничто, ты ничего не можешь сделать! Христос - Альфа и Омега! Христос есть все и может все. [728] Все сотворенное оставит и обманет тебя, но Христос, Святой и Праведный, примет и оправдает тебя.... " "Да, - восклицает Зинглиус, - Он наша праведность и праведность всех, кто когда-либо предстанет праведным перед Божьим судилищем!..."

Индульгенции не выдерживали ни минуты, сталкиваясь с такими истинами; и поэтому Зинглий без колебаний нападал на них. "Ни один человек, - сказал он, - не способен прощать грехи. Только Христос, истинный Бог и истинный человек, способен это сделать. [729] Иди, купи индульгенции ... но будьте уверены, вы вовсе не прощены. Те, кто предлагает прощение грехов за деньги, являются спутниками Симона Волхва, друзьями Валаама и посланниками сатаны".

Декан Буллинджер, еще не отошедший от беседы с монахом, прибыл в Цюрих раньше него. Он приехал пожаловаться в Сейм на этого бессовестного дилера и его торговлю. Посланцы епископа прибыли с той же целью. Они выступили за общее дело и пообещали поддерживать друг друга. Дух, одушевлявший Зинглиуса, дохнул на этот город, и Государственный совет решил воспротивиться въезду монаха в Цюрих.

САМСОН СВОБОДЕН.

Самсон прибыл в пригород и остановился в гостинице. Одна нога уже была поставлена на стремя, готовясь к его въезду, когда прибыли депутаты от совета и, по обычаю предложив ему вина как папскому посланнику, намекнули ему, что он может не появляться в Цюрихе. "Я должен

кое-что сообщить Сейму от имени его святейшества", - ответил монах. Это была уловка. Однако было решено принять его; но поскольку он говорил только о своих буллах, его уволили, после того как вынудили снять отлучение, которое он произнес против настоятеля Бремгартона. Он ушел в ярости, и вскоре после этого папа отозвал его в Италию. Повозка, запряженная тройкой лошадей и нагруженная деньгами, которых его ложь лишила бедняков, ехала впереди него по крутым дорогам Сен-Готарда, которые восемь месяцев назад он пересек в бедности, без стиля, всего лишь с несколькими документами. [730]

В этом случае гельветическая диета проявила больше твердости, чем германская. Причина заключалась в том, что в ней не заседали кардиналы и епископы. Поэтому папа, лишенный этой поддержки, обращался со Швейцарией более мягко, чем с Германией. В других отношениях дело об индульгенциях, сыгравшее столь важную роль в реформации Германии, является лишь эпизодом в истории Швейцарии.

ГЛАВА VIII.

Подвиги Зинглия—Бани Пфеффера—Божье время—Великая смерть—Зинглий, пораженный чумой—Его враги—Его друзья—Выздоровление—Всеобщая радость—Последствия чумы—Миконий в Люцерне—Освальд поощряет Зинглия—Зинглий в Бале—Капито вызван к Менцу—Хедио в Бале—Неестественный сын—Подготовка к битве.

Зинглиус не щадил себя. Его многочисленные труды требовали некоторого отдыха, и его отправили в бани Пфеффера. "Ах! - сказал Герус, один из поселившихся у него учеников, который таким образом выразил чувства всех, кто знал Цинлия. - Будь у меня сто языков, сто ртов, медная глотка, как выражается Вергилий; или, скорее, будь у меня красноречие Цицерона, как мог бы я выразить все, чем я тебе обязан, и все, что я чувствую в связи с этой разлукой".

[731] Цуинглиус, однако, отправился в путь и добрался до Пфеффера через удивительное ущелье, образованное стремительным потоком Джамины. Он спустился в эту адскую бездну, как называл ее отшельник Давид, и добрался до бань, которые постоянно приходят в волнение от стремительного потока и оmyваются брызгами его пенящейся воды. Там, где жил Зинглиус, было так темно, что в полдень зажигали свечи. Обитатели даже уверяли его, что в темноте иногда появляются ужасные призраки.

БОЖЬЕ ВРЕМЯ

Даже здесь Зинглиус нашел возможность послужить своему Хозяину. Его приветливость покорила сердца нескольких пациентов, среди прочих знаменитого поэта Филиппа Ингентинуса, профессора Фрибурга в Бригау, [732] который с тех пор стал ревностным сторонником Реформации.

Бог наблюдал за его собственной работой и был рад ускорить ее. Недостаток Зинглия заключался в его силе. Сильный телом, сильным характером, сильным талантами, он должен был увидеть, как все эти разновидности силы были сломлены, чтобы таким образом стать таким инструментом, каким любит пользоваться Бог. Он нуждался в крещении, в преодолении невзгод, немощи, немощности и боли. Такое крещение Лютер получил в тот период агонии, когда келья и длинные переходы Эрфуртского монастыря оглашались его криками. Зинглий должен был получить это, соприкоснувшись с болезнью и смертью. У героев этого мира —

Карла Двенадцатого и Наполеона — наступает момент, решающий для их карьеры и славы, и именно тогда они все сразу осознают свою силу. В жизни Божьих героев есть аналогичный момент, но он идет в противоположном направлении; это когда они осознают свое бессилие и ничтожество; с этого момента они получают силу свыше. Такая работа, инструментом которой должен был стать Цинлиус, никогда не будет выполнена природной силой человека; она немедленно увяла бы, как дерево, пересаженное после того, как оно полностью выросло и покрылось листвой. Растение должно быть слабым, чтобы пустило корни, а кукурузное зерно должно погибнуть в земле, прежде чем оно сможет дать полную отдачу. Бог привел Зинглия, а вместе с ним и дело, опорой которого он был, к вратам могилы. Именно из костей, тьмы и праха мертвых Богу угодно взять инструменты, с помощью которых он освещает, возрождает и возрождает землю.

ЦУИНГЛИЙ ПОРАЖЕН ЧУМОЙ.

Зинглиус прятался среди огромных скал, окаймляющих яростный поток Джамины, когда неожиданно узнал, что чума, или, как ее называли, "*великая смерть*", [733] была в Цюрихе. Это ужасное бедствие разразилось в августе, в день Святого Лаврентия, продолжалось до Сретения Господня и унесло две тысячи пятьсот человек. Молодые люди, которые жили у Зинглиуса, немедленно уехали, следуя полученным от него указаниям. Его дом был пуст, но для него настал самый подходящий момент вернуться. Он поспешно покинул Пфефферса и, вновь появившись в кругу своей паствы, теперь истребленной чумой, немедленно послал в Вильдхаус за своим младшим братом Эндрю, который пожелал сопровождать его. С этого момента он полностью посвятил себя жертвам этого ужасного бедствия. Каждый день он проповедовал Христа и его утешения больным. [734] Его друзья обрадовались, увидев его целым и невредимым посреди стольких смертельных ударов, [735] все еще испытывал тайную тревогу. Конрад Бруннер, который сам умер от чумы через несколько месяцев после этого, в письме ему из Бале сказал: "Делай добро, но в то же время не забывай беречь свою жизнь". Было слишком поздно: Зинглиуса охватила чума. Великий проповедник Швейцарии лежал на кровати, с которой, возможно, ему уже никогда не суждено было подняться. Он поговорил сам с собой и обратил свой взор к небу. Он знал, что Христос даровал ему надежное наследие, и, раскрыв чувства своего сердца в гимне, замечательном соборностью и простотой, в котором, не имея возможности передать древнюю и выразительную фразеологию, мы постарались сохранить ритм и буквальный смысл, он воскликнул:

Моя дверь открылась... Появляется смерть. [736] Боже мой! моя сила! Развей все страхи!

О, Иисус! подними Свою пронзенную руку И сломай меч, Который вызвал тревогу.

Но если моя душа В полдень жизни вспомнит Твой голос, [737] Тогда я повинуюсь.

Ах! позволь мне умереть, Ибо я твой; Твои обители ждут Такой веры, как моя.

ЦУИНГЛИЙ ПОРАЖЕН ЧУМОЙ.

Тем временем болезнь набирает силу, и отчаявшиеся друзья видят, что этот человек, надежда Церкви и Швейцарии, вот-вот станет добычей могилы. Его чувства и силы покидают его. Его сердце встревожено, но он все еще способен обратиться к Богу и воскликнуть: —

Мои беды умножаются; Спешу утешить; Ужасы переполняют Мое сердце и душу.

Смерть близка, Мои чувства угасают, Мой голос прерывается, Сейчас же, Христос! победи. [738]

Lo! Сатана напрягается, чтобы схватить свою жертву; Я чувствую его руку, Должен ли я уступить?

Он не причиняет мне вреда, Я не боюсь потерь, Ибо здесь я лежу Перед твоим крестом.

Канонику Хоффману, искреннему в своей вере, была невыносима мысль о том, чтобы позволить Зинглиусу умереть в тех заблуждениях, которые он проповедовал. Соответственно, он явился к ректору Капитула и сказал ему: "Подумай об опасности, грозящей его душе. Разве он не называет фантастическими новаторами всех врачей, появившихся за последние триста восемьдесят и более лет, — Александра Хейлза, святого Бонавентуру, Альберта Великого, Фому Аквинского и всех канонистов? Разве он не утверждает, что их доктрины - это мечты, которые они видели в своих рясах в стенах своих монастырей? Для Цюриха было бы лучше, если бы Цуинглиус в течение ряда лет уничтожал наш урожай! Вот он лежит на пороге смерти! Умоляю вас, спасите его бедную душу!" Казалось бы, проректор был более просвещенным, чем каноник, и счел ненужным обращать Зинглия в святого Бонавентуру и Альберта Великого. Его оставили в покое.

Весь город был в трауре. Все верующие день и ночь взывали к Богу, умоляя его вернуть их верного пастыря. [739] Ужас перекинулся из Цюриха в Токенбургские горы, где также появилась чума. В деревне погибло семь или восемь человек, среди них слуга Николая, брата Зинглия.

[740] От Реформатора не было получено никакого письма, и его младший брат Эндрю написал: "Скажи мне, мой дорогой брат, в каком ты состоянии. Настоятель и все наши братья желают, чтобы о них помнили ". Поскольку родители Зинглиуса не упоминаются, создается впечатление, что к настоящему времени они были мертвы.

СЛУХ О ЕГО СМЕРТИ.

Весть о болезни Зинглиуса и даже слух о его смерти распространились по Швейцарии и Германии. "Увы! - воскликнул Гедио со слезами на глазах. - безопасность страны, труба Евангелия, великодушный вестник истины сражен смертью в расцвете своей жизни и, так сказать, в весеннем приливе своих дней". [741] Когда новость достигла Бале, весь город наполнился плачем и скорбью. [742]

Искра жизни, которая оставалась в Зинглиусе, однако, разгорелась вновь. Хотя его тело все еще было слабым, в его душе поселилась неизменная убежденность в том, что Бог призвал его заменить факел своего Слова на подсвечник Церкви. Чума оставила свою жертву, и Зинглиус взволнованно восклицает:

Боже мой! Отец мой! Исцеленный Тобою На земле, я снова преклоняю колена.

Теперь грех больше Не Будет отмечать мои дни, Отныне Мои уста Будут петь тебе хвалу.

Неопределенный час, когда бы он ни настал, может принести еще большее смятение. [743]

Но пусть это случится, Я с радостью поднимусь И понесу свое ярмо Прямо к небесам. [744]

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ. ВЛИЯНИЕ НА ЦУИНГЛИУСА.

Едва Зинглиус смог взяться за перо (это было в начале ноября), как написал своей семье. Это доставило невыразимый восторг всем им, [745] особенно его младшему брату Эндрю, который

сам умер от чумы в следующем году, и при смерти которого Ульрик, по его собственным словам, рыдал как женщина. [746] В Бале Конрад Бруннер, друг Зинглиуса, и Бруно Амербах, известный печатник, оба молодые люди, были прерваны после трехдневной болезни. После того, как в этом городе распространился слух о том, что Цинлиус тоже пал, весь университет погрузился в траур. "Тот, кого любит Бог, достиг совершенства в расцвете своей жизни", - говорили они. [747] Как велика была их радость, когда Коллин, студент из Люцерна, а впоследствии купец из Цюриха, принес весть о том, что Цинлий избежал смерти. [748] Джон Фабер, викарий констанцского епископа, давний друг, а впоследствии самый яростный противник Зинглия, написал ему. "О мой дорогой Ульрик, как я рад узнать, что ты избежал челюстей жестокой смерти. Когда ты в опасности, под угрозой оказывается христианское содружество. Замысел Господа в этих испытаниях состоит в том, чтобы подтолкнуть вас вперед в стремлении к вечной жизни".

Таков был, действительно, замысел, и он был реализован, хотя и иным способом, чем предполагал Фабер. Чума 1519 года, которая произвела такие ужасные опустошения на севере Швейцарии, была в руке Божьей мощным средством обращения огромного числа людей. [749] Но ни на кого это не оказало большего влияния, чем на Zuinglius. До сих пор он был слишком склонен рассматривать Евангелие просто как доктрину; но теперь оно стало великой реальностью. Он вернулся от врат могилы с новым сердцем. Его рвение было более активным, его жизнь более святой, его слово более свободным, христианским и сильным. Это был период полного освобождения Зинглия. С этого времени он посвятил себя Богу. Новая жизнь, данная таким образом Реформатору, в то же время была передана швейцарской реформации. Божественный жезл, *великая смерть*, проходя над всеми их горами и спускаясь во все их долины, придавал святость происходившему тогда движению. Реформация, погруженная, подобно Зинглию, в воды скорби и благодати, вышла из них более чистой и одушевленной. Что касается возрождения Швейцарии, то евангельское солнце сейчас было в самом разгаре.

ОСВАЛЬД МИКОНИУС В ЛЮЦЕРНЕ.

Зинглий, который все еще остро ощущал нехватку новых сил, получал их в общении со своими друзьями. Его самая близкая связь была с Миконием. Они шли рука об руку, как Лютер и Меланхтон. Освальд был счастлив в Цюрихе. Это правда, его положение было стесненным, но все смягчалось добродетелями его скромной супруги. Именно о ней Глариан сказал: "Если бы я встретил молодую девушку, похожую на нее, я бы предпочел ее дочери короля". Но часто раздавался преданный голос, нарушавший нежную дружбу Зинглия и Микония. Это был каноник Ксилотект, который, позвонив Освальду из Люцерна, призвал его вернуться в свою страну. "Люцерн, - сказал он ему, - не Цюрих, это твоя страна. Ты говоришь, что цюрихцы - твои друзья, это верно; но знаешь ли ты, что принесет тебе вечерняя звезда? Служи своей стране. [750] Я советую, я умоляю и, если смогу, прикажу". Ксилотект, не ограничиваясь словами, добился назначения Микония в колледж Люцерна. После этого Освальд больше не колебался. Он увидел перст Божий в этом назначении и решил принести жертву, какой бы великой она ни была. Кто может сказать, не может ли он быть орудием в руке Господа, распространяющим доктрину мира в воинственной Люцерне? Но как болезненна разлука между Цинлиусом и Микониусом! Они расстались в слезах. Вскоре после этого Ульрик написал Освальду: "Ваш уход был такой же серьезной потерей для дела, которое я защищаю, как и та, которую несет армия в боевом порядке, когда одно из ее крыльев уничтожено. [751] Ах! Теперь я знаю обо всем, на что был способен мой Миконий, и о том, как часто, без моего ведома, он поддерживал дело Христа".

Зинглий тем сильнее переживал потерю своего друга, что чума оставила его в состоянии крайней слабости. В письме от 30 ноября 1519 года он говорит: "Это ослабило мою память и истощило мой интеллект". Едва поправившись, он возобновил все свои труды. "Но, - сказал он, - проповедуя, я часто теряю нить своей речи. Я чувствую вялость во всех своих членах, и мне кажется, что я умер". Более того, Зинглиус своим неприятием индульгенций вызвал гнев их приверженцев. Освальд укреплял своего друга письмами, которые тот писал ему из Люцерна. И разве он также не получил обещания помощи от Господа в защите, которую Он оказал саксонскому воину, одержавшему такие важные победы над Римом? "Что ты думаешь, - спросил Миконий Зинглия, - о деле Лютера? Что касается меня, то я не боюсь ни за Евангелие, ни за него. Если Бог не защищает свою истину, кто защитит ее? Все, о чем я прошу Господа, это не лишать его помощи тех, для кого нет ничего дороже его Евангелия. Продолжайте так, как вы начали, и обильное воздаяние ждет вас на небесах".

ЗИНГЛИУС В БЭЙЛЕ.

Визит старого друга помог Зинглию утешиться в связи с потерей Микония. Бунцли, который был его учителем в Бале и сменил декана Везена, дядю Реформатора, прибыл в Цюрих в первую неделю 1520 года, и после этого они с Зинглиусом решили вместе отправиться в Бале, чтобы повидаться со своими общими друзьями. [752] Этот визит Зинглиуса принес свои плоды. "О, мой дорогой Зинглиус! - писал ему Джон Глот позднее. - Я никогда тебя не забуду. Что связывает меня с вами, так это доброта, с которой во время вашего пребывания в Бале вы пришли навестить меня, мелкого школьного учителя, живущего в неизвестности, без образования и заслуг, скромного положения! Что меня покоряет, так это элегантность ваших манер и та неопишуемая кротость, с которой вы покоряете все сердца, даже камни, если можно так выразиться". [753] Но визит Зинглиуса был все же более полезен его старым друзьям. Капито, Хедио и другие были наэлектризованы силой его красноречия. Первый, начав в Бале работу, которую Зинглиус выполнял в Цюрихе, начал излагать Евангелие от святого Матфея перед аудиторией, которая продолжала увеличиваться. Учение Христа проникло во все сердца и воспламенило их. Люди приняли его радостно и одобрительными возгласами приветствовали возрождение христианства. [754] Это было сияние Реформации. Соответственно, вскоре был составлен заговор монахов и священников против Капитона. Именно в это время Альберт, молодой кардинал-архиепископ Менца, желавший пристроить к себе столь образованного человека, призвал его ко двору. [755] Капито, видя трудности, возникшие на его пути, принял приглашение. Народ был тронут и, обратившись с негодованием против священников, поднял в городе беспорядки. [756] Хедио был предложен в качестве его преемника, но некоторые возражали против его молодости, в то время как другие говорили: "Он его ученик". - Правда кусается, - сказал Хедио. - Не стоит оскорблять слишком чувствительные уши, рассказывая ее. [757] Неважно, ничто не свернет меня с прямого пути". Монахи удвоили свои усилия. "Не верьте тем, - восклицали они с кафедры, - которые говорят, что сумма христианского учения содержится в Евангелии и у святого Павла. Скот сделал для христианства больше, чем сам святой Павел. Все знания, которые когда-либо были произнесены или напечатаны, были украдены у Скотта. Все, что было сделано с тех пор людьми, жаждущими славы, заключалось в использовании некоторых греческих и еврейских терминов, которые только затемнили суть дела ". [758]

ХЕДИО У БЭЙЛА. КОНРАД ГРЕБЕЛЬ.

Волнение усилилось, и были основания опасаться, что после отъезда Капито оно станет еще более серьезным. "Я буду почти один, - подумал Хедио, - бедный я, чтобы бороться с этими грозными чудовищами". [759] Соответственно, он призвал на помощь Бога и написал Зинглию. "Воспламеняй мое мужество, часто пиши. Наука и христианство сейчас находятся между молотом и наковальней. Лютер только что был осужден университетами Лувена и Кельна. Если когда-либо Церковь и была в неминуемой опасности, то именно в этот час". [760]

Капито уехал из Бале в Менц 28 апреля, и его сменил Хедио. Не довольствуясь публичными собраниями в церкви, на которых он продолжал свое изложение евангелия от Матфея, он предложил в июне месяце, как он писал Лютеру, проводить частные собрания в своем собственном доме, чтобы дать более подробные евангельские наставления тем, кто, возможно, испытывал в них нужду. Этот мощный метод донесения истины и возбуждения в верующих интереса и рвения к божественному не мог не вызвать, как это никогда не бывает, противодействия со стороны мирских людей и властных священников, которые, хотя и руководствуются разными мотивами, одинаково желают, чтобы Богу поклонялись только в пределах определенного здания. Но Хедио был непобедим.

В то самое время, когда он принял это благое решение в Бале, в Цюрих прибыл один из тех персонажей, которые часто всплывают, подобно нечистой пене, из водоворота революций.

ПОДГОТОВКА К БИТВЕ.

Усенатора Гребеля, человека большого влияния в Цюрихе, был сын по имени Конрад, юноша замечательных талантов и непримиримый враг невежества и суеверий, на которые он нападал с едкой сатирой. Он был шумным, вспыльчивым, саркастичным и горьким в выражении лица, без природной привязанности, склонный к разврату, всегда громко заявлявший о собственной невинности, в то время как в других не видел ничего, кроме плохого. Мы говорим о нем здесь потому, что впоследствии ему предстоит сыграть меланхоличную роль. В это время Вадриан женился на сестре Конрада, и Конрад, который учился в Париже, где из-за плохого поведения лишился конечностей, желая присутствовать на свадьбе, внезапно появился примерно в начале июня среди своей семьи. Бедный отец принял блудного сына с нежной улыбкой, его любящая мать - со слезами. Нежность родителей не произвела изменений в его неестественном сердце. Его добрая и несчастная мать через некоторое время после того, как ее привели к вратам смерти, Конрад написал своему шурину Вадьяну: "Моя мать поправилась; она снова управляет домом, спит, просыпается, ворчит, завтракает, бранится, ужинает, шумит, ужинает и постоянно является для нас обузой. Она бегает, готовит, переделывает, подметает дом, трудится, убивается от усталости, и вскоре у нее начнется рецидив ". [761]

Таков был человек, который в более поздний период притворился, что господствует над Зинглиусом, и который возглавил ряды фанатичных анабаптистов. Возможно, Божественное Провидение допустило появление таких персонажей в период Реформации, чтобы их беспорядки могли лучше выявить мудрый, христианский и упорядоченный дух реформаторов.

Все говорило о том, что битва между евангелием и папством вот-вот начнется. "Давайте расшевелим временщиков, - писал Гедио в Цюрих. - Мир нарушен, давайте вооружим наши сердца: враги, с которыми нам придется сражаться, самые свирепые". [762] Миконий писал в том же духе Ульрику, который, однако, отвечал на их воинственные призывы с восхитительной

кротостью. "Я хотел бы, - сказал он, - завоевать этих упрямцев добротой и добрыми услугами, а не побеждать их насилием и спорами. [763] То, что они называют наше учение (которое, однако, не является нашим) учением дьявола, не более чем естественно. Для меня это доказывает, что мы действительно посланники Христа. Дьяволы не могут молчать в его присутствии".

ГЛАВА IX.

Два реформатора—Грехопадение человека—Искупление Богочеловека—Нет заслуг в делах—Возражения опровергнуты—Сила любви ко Христу—Избрание—только Христос Хозяин—Последствия этой Проповеди—Уныние и мужество—Первый акт магистрата—Церковь и государство—Нападки—Гальстер.

Несмотря на желание следовать путем кротости, Зинглий не сидел сложа руки. После болезни его проповедь стала более глубокой и воодушевляющей. Более двух тысяч человек в Цюрихе приняли слово Божье в свое сердце, исповедали евангельское учение и сами смогли провозгласить его. [764]

ДОКТРИНА, ПРЕПОДАННАЯ ЗИНГЛИУСОМ.

Вера Зинглия была такой же, как у Лютера, но в большей степени результатом рассуждений. Лютер продвигается вперед стремительными шагами. Зуинглиус в большей степени обязан ясности восприятия. Писания Лютера пронизаны глубокой личной убежденностью в благодеяниях, которые крест Христов дарует ему самому, и эта убежденность, пылающая жаром и жизнью, является душой всего, что он говорит. То же самое, несомненно, существует и в Цинлии, но в меньшей степени. Он больше обращал внимание на христианскую систему в целом и особенно восхищался ею за ее красоту, за свет, который она проливает в человеческий разум, и за вечную жизнь, которую она приносит миру. Один из них в большей степени человек сердца, другой - человек интеллекта; и поэтому те, кто не познал на опыте веру, воодушевлявшую этих двух великих учеников Господа, впадают в грубейшую ошибку, делая одного мистиком, а другого рационалистом. Один, возможно, более патетичен в изложении своей веры, а другой более философичен, но оба верят в одни и те же истины. Они, однако, не рассматривают все второстепенные вопросы с одной и той же точки зрения, но та вера, которая едина, та вера, которая оживляет и оправдывает своего обладателя, та вера, которую не может выразить ни одно исповедание, ни один раздел доктрины, есть и в одном, и в другом. Учение Цинглия часто представлялось настолько искаженным, что здесь кажется уместным рассказать о том, что он проповедовал в то время растущим толпам, стекавшимся к цюрихскому собору.

Грехопадение Адама Зинглиус рассматривал как ключ к истории человека. "До грехопадения, - сказал он однажды, - человек был сотворен со свободной волей, так что он мог, если хотел, соблюдать закон, его природа была чиста, будучи еще не запятнанной болезнью греха; его жизнь была в его собственных руках. Но, желая быть равным Богу, он умер... и не он один, но каждый из его потомков. Поскольку все люди мертвы в Адаме, никто не может быть возвращен к жизни, пока Дух, который есть сам Бог, не воскресит их из мертвых ". [765]

ЗУИНГЛИУС О ДОСТОИНСТВАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

Жители Цюриха, жадно слушавшие этого могущественного оратора, были опечалены, когда он рассказал им о греховном состоянии, в которое впала человеческая природа, но вскоре после этого услышали слова радости и узнали лекарство, способное вернуть человека к жизни. "Христос, истинный человек и истинный Бог", [766] произнес красноречивый голос этого сына— пастуха из Токенбурга, "приобрел для нас искупление, которое никогда не прекратится. Вечный Бог умер за нас: тогда Его страсти вечны: они приносят спасение во веки веков: [767] это навсегда умиротворяет божественное правосудие в пользу всех тех, кто опирается на эту жертву с твердой и непоколебимой верой ". "Где бы ни существовал грех, - восклицал Реформатор, - смерть обязательно должна последовать за ним. У Христа не было греха, в его устах не было лукавства, и все же он умер! Ах! это было потому, что он умер вместо нас. Ему было угодно умереть, чтобы вернуть нас к жизни, и поскольку у него не было своих грехов, Отец, исполненный милосердия, возложил на него бремя наших грехов. [768] Продолжал христианский оратор, "Поскольку воля человека восстала против верховного Бога, было необходимо, чтобы вечный порядок был восстановлен и человек спасен, чтобы человеческая воля была подчинена во Христе божественной воле". [769] Он часто повторял, что искупительная смерть Иисуса Христа была перенесена ради верного народа Божьего. [770]

Те в Цюрихе, кто жаждал спасения, обрели покой, услышав эти благие вести. Но старые ошибки все еще оставались, и их необходимо было уничтожить. Отталкиваясь от этой великой истины о спасении, которое является даром Божьим, Зинглий яростно выступал против мнимых достоинств человеческих дел. "Поскольку вечное спасение, - сказал он, - проистекает исключительно из заслуг и смерти Иисуса Христа, заслуга наших дел - не что иное, как безумие, если не сказать опрометчивое нечестие. [771] Могли бы мы спастись своими делами, если бы Иисусу Христу не было необходимости умирать. Все, кто когда-либо приходил к Богу, пришли к нему через смерть Иисуса Христа". [772]

ВЕРА И ЛЮБОВЬ, ПРОИЗВОДЯЩИЕ ДОБРЫЕ ДЕЛА.

Зинглий заметил возражения, которые некоторые из его слушателей высказывали против этих доктрин. Некоторые из них обратились к нему и изложили их. Он взошел на кафедру и сказал— "Люди, возможно, более любопытные, чем набожные, возражают, что это учение делает людей легкомысленными и распутными. Но каковы последствия возражений или страхов, которые может вызвать человеческое любопытство? Всякий, кто верит в Иисуса Христа, уверен, что все, что исходит от Бога, обязательно хорошо. Итак, если Евангелие от Бога, то оно хорошо. [773] И какая еще сила была бы способна насадить среди людей невинность, истину и любовь? О Боже! сострадательнейший, справедливейший, Отец милосердия, - воскликнул он в порыве своего благочестия, - с какой любовью ты обнял нас, своих врагов! [774] Какими великими и несомненными надеждами ты вдохновил нас, нас, которые не должны были знать ничего, кроме отчаяния: и к какой славе ты в Сыне Твоем призвал нашу малость и ничтожество! Твоя цель в этой невыразимой любви - заставить нас отдавать тебе любовь за любовь!.."

Затем, остановившись на этой идее, он показал, что любовь к Искупителю - более могущественный закон, чем заповеди. "Христианин, - сказал он, - освобожденный от закона, всецело зависит от Христа. Христос - это его разум, его совет, его праведность и полное спасение. Христос живет в нем и действует в нем. Только Христос ведет его, и он не нуждается ни в каком другом проводнике". [775] И, используя сравнение, адаптированное для его слушателей, он добавил: "Если правительство запрещает своим гражданам под страхом смерти

получать пенсии и подарки из рук принцев, насколько мягок и непринужден этот закон для тех, кто из любви к своей стране и свободе по собственной воле воздержался бы от столь преступного деяния; но, наоборот, насколько мягок и непринужденен этот закон для тех, кто из любви к своей стране и свободе по собственной воле воздержался бы от столь преступного действия; но, наоборот, насколько мучительным и гнетущим это кажется тем, кто думает только о своих собственных интересах. Таким образом, праведный человек живет радостно в любви к праведности, тогда как неправедный ходит, стеная под тяжестью закона, который его угнетает". [776]

В цюрихском соборе собралось значительное количество солдат-ветеранов, которые почувствовали истинность этих слов. Разве любовь не самый могущественный из законодателей? Разве все, что он повелевает, не исполняется мгновенно? Разве тот, кого мы любим, не обитает в нашем сердце, и разве оно само по себе не выполняет то, что он повелевает? Соответственно, Зинглиус, набравшись смелости, заявил жителям Цюриха, что только любовь к Искупителю способна заставить человека совершать поступки, угодные Богу. "Дела, совершаемые Иисусом Христом, бесполезны, - сказал христианский оратор. - поскольку все совершается от него, в нем и через него, что мы претендуем присвоить себе? Где вера в Бога, там и Бог, а где Бог, там и рвение, которое побуждает людей к добрым делам. [777] Заботься только о том, чтобы Христос был в тебе, а ты во Христе, и тогда не сомневайся, что Он сработает. Жизнь христианина - это всего лишь непрерывная работа, посредством которой Бог начинает, продолжает и совершенствует в человеке все хорошее". [778]

ПРОГРЕСС РЕФОРМАЦИИ.

Пораженный величием этой божественной любви, которая существовала от вечности, вестник благодати возвысил свой голос, обращаясь ко всем робким или нерешительным. "Можешь ли ты бояться, - сказал он, - приблизиться к любящему Отцу, который избрал тебя? Почему он избрал нас в своей благодати? Почему он призвал нас? Почему он привлек нас? Было ли это для того, чтобы мы не осмелились пойти к нему?"... [779]

Таково было учение Зинглия. Это было учение самого Христа. "Если Лютер проповедует Христа, он делает то же, что и я, - сказал цюрихский проповедник. - Тех, кто был приведен им ко Христу, больше, чем тех, кого привел я. Но это неважно! Я не желаю носить никакого другого имени, кроме имени Христа, солдатом которого я являюсь и который один является моей головой. Никогда не было ни единого клочка, написанного мной Лютеру или Лютером мне. И почему? Чтобы показать всем, насколько хорошо дух Божий согласуется с самим собой, поскольку, не слыша друг друга, мы так гармонично преподаем учение Иисуса Христа". [780]

ЗИНГЛИУС И СТАХЕЛИ.

Таким образом, Зинглий проповедовал с энергией и могуществом. [781] Большой собор не мог вместить толпы слушателей. Все благодарили Бога за то, что новая жизнь начала оживлять безжизненное тело Церкви. Швейцарцы из всех кантонов, привезенные в Цюрих либо Сеймом, либо по другим причинам, будучи тронуты этой новой проповедью, разнесли ее драгоценные семена по всем гельветическим долинам. Единодушные возгласы раздались с гор и из городов. Николас Агеус, писавший из Люцерна в Цюрих, пишет: "Швейцария до сих пор рождала Сципионов, цезарей и Брутов, но едва ли произвела на свет двух людей, которые обладали знанием Иисуса Христа и могли питать сердца людей не пустыми спорами, но Словом Божьим.

Теперь, когда Божественное Провидение даровало Швейцарии Зинглия в качестве оратора, а Освальду Микониусу - в качестве учителя, добродетель и священная литература возрождаются среди нас. О счастливая Гельвеция! не могли бы вы, наконец, решить отдохнуть от всех ваших войн и, уже будучи столь прославленными, стать еще более прославленными праведностью и миром". [782] "Говорили, - писал Миконий Зинглию, - что твоего голоса не было слышно на расстоянии трех ярдов. Но теперь я вижу, что это была ложь; ибо вся Швейцария слышит вас". [783] "Вы обладаете неустрашимым мужеством, - писал ему Хедио из Бале, - я последую за вами так далеко, как смогу". [784] "Я услышал вас", - сказал Себастьян Хофмайстер из Шаффхаузена, написав ему из Констанс. "Ах, молил бы Бог, чтобы Цюрих, стоящий во главе нашей счастливой конфедерации, был избавлен от болезни и таким образом здоровье восстановлено во всем теле". [785]

Но у Зинглиуса были как противники, так и поклонники. "С какой целью, - говорили некоторые, - он вмешивается в дела Швейцарии?" "Почему, - говорили другие, - он в своих религиозных наставлениях постоянно повторяет одно и то же?" Среди всех этих сражений душа Зинглия часто наполнялась печалью. Казалось, все были в замешательстве, как будто общество перевернулось с ног на голову. [786] Он считал невозможным, чтобы появилась какая-либо новая вещь без того, чтобы немедленно не было показано что-то противоположного характера. [787] Когда в его сердце зародилась надежда, рядом с ней сразу же возник страх. Тем не менее, вскоре он поднял голову. "Жизнь человека здесь, внизу, - сказал он, - это война; тот, кто желает снискать славу, должен атаковать мир спереди и, подобно Давиду, повергнуть в прах этого надменного Голиафа, который, кажется, так гордится своим ростом. Церковь, - сказал он, подобно Лютеру, - была приобретена кровью и должна быть обновлена кровью. [788] Чем многочисленнее в нем скверна, тем больше мы должны вооружаться, подобно Геркулесу, чтобы вычистить эти авгиевы конюшни. [789] Я мало боюсь за Лютера, - добавил он, - даже если на него обрушатся молнии этого Юпитера". [790]

Зинглиус нуждался в отдыхе и отправился к баденским водам. Местный викарий, старый папский стражник, человек добродушный, но совершенно невежественный, добился своего, вооружившись алебардой. Верный своим солдатским привычкам, он провел день и часть ночи в веселой компании, в то время как Стэхели, его викарий, был неутомим в исполнении служебных обязанностей. [791] Зинглиус пригласил молодого министра к себе домой. "Мне нужна швейцарская помощь", - сказал он ему, и с этого момента Стэхели стал его товарищем по работе. Зинглиус, Стэхели и Лути, впоследствии пастор Винтертура, жили под одной крышей.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ.

Преданность Зинглия не должна была остаться незамеченной. Слово Божье, проповедуемое с такой энергией, не могло не принести плодов. Было привлечено несколько магистратов, которые считали Слово своим утешением и силой. Совет, опечаленный тем, что священники, и особенно монахи, бесстыдно высказывают с кафедры все, что приходит им в голову, принял резолюцию, предписывающую им не выдвигать в своих выступлениях ничего, "что они не черпали из священных источников Ветхого и Нового Завета". [792] Именно в 1520 году гражданская власть таким образом впервые вмешалась в дело Реформации; действуя как христианский магистрат, говорят одни - поскольку первая обязанность магистрата - поддерживать Слово Божье и защищать наилучшие интересы граждан; лишая Церковь ее свободы, говорят другие, — подчиняя ее светской власти и подавая сигнал к ряду зол, которые с

тех пор были порождены связью между Церковью и государством. Мы не будем здесь высказывать никакого мнения об этой великой полемике, которая в наши дни с таким жаром ведется в нескольких странах. Нам достаточно указать на ее начало в период Реформации. Но следует отметить и другое — поступок этих судей сам по себе был одним из последствий проповеди Слова Божьего. В этот период Реформация в Швейцарии перестала быть делом рук частных лиц и стала входить в национальное достояние. Зародившись в сердцах нескольких священников и литераторов, она расширилась, поднялась и заняла возвышенное положение. Подобно водам океана, она постепенно увеличивалась, пока не разлилась на огромную территорию.

Монахи были сбиты с толку: им было приказано проповедовать только Слово Божье, а большая часть из них никогда его не читала. Противодействие провоцирует противодействие. Резолюция собора стала сигналом к более жестоким нападениям на Реформацию. Против цюрихского викария начали формироваться заговоры. Его жизнь была в опасности. Однажды вечером, когда Зинглиус и его викарии тихо беседовали в своем доме, несколько горожан прибыли в большой спешке и спросили: "Хорошо ли заперты ваши двери? Будьте этой ночью настороже". "Такие тревоги были частыми, - добавляет Стэхели, - но мы были хорошо вооружены, [793] и для нас на улице была выставлена охрана".

BERTHOLD HALLER.

В других местах прибегали к еще более жестоким средствам. Старик из Шаффхаузена по имени Галстер, человек благочестивый и с редким для его возраста рвением, счастливый светом, который он нашел в Евангелии, трудился над тем, чтобы донести его до своей жены и детей. Его рвение, возможно, нескромное, открыто атаковало реликвии, священников и суеверия, которыми изобилует этот кантон. Вскоре он стал объектом ненависти и ужаса даже для своей собственной семьи. Старик, разгадав их роковые замыслы, с разбитым сердцем покинул свой дом и убежал в соседний лес. Там он прожил несколько дней, питаясь тем, что удавалось найти, как вдруг в последнюю ночь 1520 года во всех направлениях по лесу вспыхнули факелы, и крики людей и лай собак эхом отзывались в его темных тенях. Городской совет приказал устроить охоту в лесу, чтобы обнаружить его. Собаки учуяли его, и несчастного старика потащили к магистрату. Ему было приказано отречься от своей веры, но он остался непоколебимым и был обезглавлен. [794]

ГЛАВА X.

Новый участник боевых действий—Бернский реформатор—Зинглиус поощряет Галлера—Евангелие в Люцерне—Освальд подвергся гонениям—Проповедь Зинглиуса—Генри Буллингер и Герольд из Кнона—Рубли в Беле—Капеллан госпиталя—Война в Италии—Зинглиус против иностранной службы.

ЕВАНГЕЛИЕ В ЛЮЦЕРНЕ.

Год, первый день которого ознаменовался этой кровавой казнью, едва начался, когда Зинглиусу в его доме в Цюрихе прислуживал молодой человек примерно двадцати восьми лет, высокого роста, с внешностью, свидетельствующей о прямоте, простоте и неуверенности в себе. [795] Он сказал, что его зовут Бертольд Галлер. Зинглиус, услышав это имя, обнял

знаменитого бернского проповедника с той приветливостью, которая делала его таким привлекательным. Халлер, родившийся в Альдингене в Вюртемберге, [796] сначала учился в Ротвейле у Рубеллуса, а затем в Пфорцхайме, где Зимлер был его учителем, а Меланктон - его сокурсником. Бернцы, уже отличившиеся с оружием в руках, в это время решили пригласить литературу в лоно своей республики. Рубелл и Бертольд, которым не исполнилось и двадцати одного года, отправились туда. Некоторое время спустя последний был назначен каноником и, в конечном счете, проповедником собора. Евангелие, которое проповедовал Зинглиус, распространилось и на Берн; Галлер поверил и с тех пор страстно желал увидеть выдающегося человека, на которого теперь смотрел как на своего отца. Он отправился в Цюрих после того, как Миконий объявил о своем предполагаемом визите. Так он познакомился с Галлером и Зинглиусом. Первый, человек великой кротости, не скрывал своих горестей, а второй, человек сильный, вселял в него мужество. Однажды Бертольд сказал Зинглиусу: "Мой дух подавлен.... Я не в состоянии выносить всю эту несправедливость. Я намереваюсь оставить кафедру и удалиться в Бале рядом с Виттембахом и там заняться исключительно священной литературой". "Ах! - ответил Зинглий. - я тоже испытываю чувство уныния, когда на меня нападают несправедливо; но Христос пробуждает мою совесть и побуждает меня к действию своими ужасами и своими обещаниями. Он пугает меня, когда говорит: *"Тому, кто будет стыдиться меня перед людьми, я буду стыдиться его перед моим Отцом"*; и он успокаивает меня, когда добавляет: *"Тому, кто исповедует меня перед людьми, я исповедую его перед моим Отцом"*. Мой дорогой Бертольд, радуйся! Наше имя вписано несмыслимыми буквами в реестр гражданства на высшем уровне. [797] Я готов умереть за Христа. [798] Позвольте вашим диким детенышам, - добавил он, - услышать учение Иисуса Христа, и вы увидите, как они станут ручными. [799] Но эту задачу нужно выполнять с большой осторожностью, чтобы они снова не повернулись и не растерзали вас". Смелость Халлера возродилась. "Душа моя, - сказал он Зинглию, - пробудилась ото сна. Я должен проповедовать Евангелие. Иисус Христос должен снова утвердиться в этом городе, из которого он был так долго изгнан". [800] Таким образом, факел Бертольда был зажжен от факела Зинглиуса, и робкий Галлер бросился в гущу свирепых медведей, которые, по выражению Зинглиуса, "скрежетали зубами и пытались сожрать его".

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ ОСВАЛЬД.

Однако преследование должно было начаться в другой части Швейцарии. Воинственный Люцерн выступил вперед, как враг в полном вооружении, выставивший копье. В этом кантоне, благоприятствовавшем дипломатической службе, преобладал воинственный дух, и видные деятели хмурили брови, когда слышали слова о мире, способные обуздать их воинственный нрав. Тем временем писания Лютера попали в город, и некоторые жители начали изучать их и пришли в ужас. Им казалось, что адская рука провела по линиям; их воображение было возбуждено, чувства помутились, и их комнаты казались наполненными демонами, которые толпились вокруг них и смотрели на них с саркастической улыбкой. [801] Они поспешно закрыли книгу и в смятении отбросили ее от себя. Освальд, который слышал об этих странных видениях, не говорил о Лютере никому, кроме своих самых близких друзей, и довольствовался простой проповедью Евангелия Христа. Тем не менее, по городу пронесся крик: "Лютер и школьный учитель (Миконий) должны быть сожжены". [802] "Мои противники гонят меня, как корабль бушующие волны", [803] сказал Освальд одному из своих друзей. Однажды, в начале 1520 года, его неожиданно вызвали предстать перед советом и сказали: "Вам приказано не читать труды Лютера своим ученикам, не называть его имени в их присутствии и даже не думать о нем". [804] Лорды Люцерна, похоже, делали вид, что обладают очень обширной юрисдикцией.

Вскоре после этого проповедник произнес проповедь против ереси. Вся аудитория была взволнована, и все взгляды были обращены на Микония; на кого, кроме него, мог обратить внимание проповедник? Освальд спокойно сидел на своем месте, как будто этот вопрос его не касался. Но на выходе из церкви, когда он прогуливался со своим другом, каноником Ксилотектом, один из советников, все еще находясь в сильном волнении, прошел мимо них и страстно воскликнул: "Ну, ученики Лютера, почему вы не защищаете своего учителя?" Они ничего не ответили. "Я живу, - сказал Миконий, - среди свирепых волков; но меня утешает то, что большинство из них беззубы. Они бы укусили, если бы могли, но, не имея такой возможности, они лают".

Сенат собрался, ибо народ пришел в смятение. "Он лютеранин", - сказал один из советников. "Он пропагандист новых доктрин", - сказал другой. "Он совратитель молодежи", - сказал третий. "Пусть он появится, пусть он появится". Бедный школьный учитель появился и снова выслушал запреты и угрозы. Его бесхитростная душа была растерзана и подавлена. Его нежная супруга могла утешить его, только проливая слезы. "Все восстанут против меня", - воскликнул он в агонии. "Охваченный столькими бурями, куда мне обратиться, как мне спастись?... Если бы не Христос, я бы давно пал под этими нападениями". [805] "Какое это имеет значение, - писал ему доктор Себастьян Хофмайстер из Констанца, - решит ли Люцерн оставить вас у себя или нет? Вся земля принадлежит Господу. Каждая земля - дом для храбрых. Хотя мы должны были бы быть самыми злыми из людей, наше предприятие справедливо, ибо мы учим Слову Христа".

ПРОПОВЕДЬ ЗИНГЛИЯ. ГЕНРИ БУЛЛИНГЕР.

Хотя истина встретила так много препятствий в Люцерне, она одержала победу в Цюрихе. Цинлиус был непрестанен в своих трудах. Желая изучить весь священный том на языках оригинала, он ревностно занялся изучением иврита под руководством Джона Бошенштейна, ученика Рейхлина. Но если он и изучал Священное Писание, то только для того, чтобы проповедовать его. Крестьяне, которые стекались в пятницу на рынок, чтобы распродать свои товары, проявляли страстное желание получить Слово Божье. Чтобы удовлетворить их страстные желания, Зинглиус начал в декабре 1520 года толковать Псалмы каждую пятницу после изучения оригинала. Реформаторы всегда сочетали ученость с практическим трудом — последнее было целью, первое - лишь средством. Они были одновременно студентами и популярными учителями. Этот союз учености и благотворительности характерен для того периода. Что касается воскресных богослужений, то Зинглий, прочитав лекцию святого Матфея о жизни нашего Спасителя, затем перешел к показу из Деяний Апостолов, как распространялось Евангелие. После этого он изложил правила христианской жизни в соответствии с Посланиями к Тимофею, использовал Послание к Галатам для борьбы с доктринальными ошибками, объединил с ним два Послания святого Петра, чтобы показать презиравшим святого Павла, что оба апостола были движимы одним и тем же духом, и завершил Посланием к Евреям, чтобы в полной мере показать преимущества, которые христиане получают от Иисуса Христа, их верховного священника.

GEROLD DE KNONAU. УИЛЬЯМ РУБЛИ.

Но Зинглиус не ограничивал свое внимание взрослыми; он стремился также вдохновить молодежь священным пламенем, которым была оживлена его собственная грудь. Однажды в 1521 году, когда он сидел в своем кабинете, читая Отцов Церкви, извлекая выдержки из наиболее поразительных отрывков и аккуратно складывая их в большой том, его дверь

открылась, и вошел молодой человек, внешность которого чрезвычайно заинтересовала его. [806] Это был Генри Буллингер, возвращавшийся из Германии и горевший нетерпением познакомиться с учителем своей страны, чье имя уже было известно в христианском мире. Красивый юноша устремил взгляд сначала на Зинглиуса, а затем на книги и почувствовал свое призвание делать то, что делал Зинглиус. Зинглиус принял его со своей обычной сердечностью, которая покорила все сердца. Этот первый визит оказал большое влияние на дальнейшую жизнь студента, который возвращался к отцовскому очагу. Еще один юноша также покориł сердце Зинглиуса: это был Герольд Мейер из Кнонау. Его мать, Анна Рейнхардт, впоследствии занявшая важное место в жизни Реформатора, была необыкновенной красавицей и до сих пор отличалась своими добродетелями. Джон Мейер из Кнонау, юноша из знатной семьи, воспитанный при дворе констанцкого епископа, воспыал сильной страстью к Анне, которая, однако, принадлежала к плебейской семье. Старый Мейер из Кнонау отказался дать согласие на их брак, а после того, как он состоялся, лишил своего сына наследства. В 1513 году Анна осталась вдовой с сыном и двумя дочерьми и полностью посвятила себя воспитанию своих бедных сирот. Дед был неумолим. Однако однажды служанка вдовы, держа на руках юного Герольда, тогда красивого бойкого ребенка трех лет от роду, остановилась на рыбном рынке, когда старый Мейер, выглядывавший в окно, [807] заметил его и, продолжая смотреть ему вслед, спросил, кому принадлежит этот красивый живой ребенок. "Это ребенок вашего сына", - был ответ. Сердце старика было тронутó — лед тут же растаял — все было забыто, и он заключил в объятия вдову и детей своего сына. Зинглий любил, как родного сына, благородного и бесстрашного юношу Герольда, которому суждено было умереть в расцвете лет бок о бок с Реформатором, с его мечом в руке, в окружении - увы! с трупами своих врагов. Думая, что Герольд не сможет продолжить учебу в Цюрихе, Зинглиус в 1521 году отправил его в Бале.

Юный Кнонау не нашел там Хедио, друга Зинглиуса. Поскольку Капито был вынужден сопровождать архиепископа Альберта на коронацию Карла V, он нанял Хедио на его место. Таким образом, Бале потерял одного за другим своих самых верных проповедников, тамошняя церковь казалась покинутой; но появились другие люди. Четыре тысячи слушателей втиснулись в церковь Уильяма Рубли, викария церкви Св. Alban. Он нападал на мессу, чистилище и обращение к святым; но этот буйный человек, стремившийся привлечь к себе общественное внимание, выступал скорее против заблуждений, чем в поддержку истины. В день Тела Христова он присоединился к публичной процессии, но вместо обычных реликвий велел пронести перед ним Священное Писание в великолепном переплете со следующей надписью: "Библия; это истинная реликвия, остальные - всего лишь мертвые кости". Мужество украшает слугу Божьего; жеманство позорит его. Работа евангелиста состоит в том, чтобы проповедовать Библию, а не самонадеянно выставлять ее напоказ. Разъяренные священники обвинили Рубли перед советом. На площади Кордельер немедленно собралась толпа. "Защитите нашего проповедника", - обратились горожане к совету. Пятьдесят знатных дам вступились за него; но Рубли был вынужден покинуть Бале. Позже он, как и Гребель, участвовал в анабаптистских беспорядках. Реформация в ходе своего развития повсюду отбрасывала плевелы, которые смешивались с хорошим зерном.

ЗИНГЛИУС ПРОТИВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ.

В это время из самой скромной часовни донесся скромный голос, ясно провозглашавший евангельское учение. Это был молодой Вольфганг Виссембергер, сын государственного советника и капеллана больницы. Все в Бале, кто почувствовал новые религиозные

потребности, привязались к мягкому капеллану, предпочитая его самонадеянному Рубли. Вольфганг начал читать мессу по-немецки. Монахи возобновили свои протесты, но на этот раз они потерпели неудачу, и Виссембергер продолжал проповедовать Евангелие, "ибо, - говорит старый хронист, - он был гражданином, а его отец - советником". [808] Этот первый успех Реформации в Бале, хотя и был прелюдией к еще большему успеху, в то же время в значительной степени способствовал продвижению работы по всей Конфедерации. Цюрих больше не стоял в одиночестве. Ученый Бале был очарован новым учением. Фундамент нового храма был расширен. Реформация в Швейцарии получила более полное развитие.

ЗУИНГЛИЙ ПРОТИВ ЗАПОВЕДЕЙ ЧЕЛОВЕКА.

Однако центр движения находился в Цюрихе. Но, к глубокому сожалению Цинлиуса, в 1521 году произошли важные политические события, которые в какой-то мере отвлекли умы людей от проповеди Евангелия. Лев X, который сразу предложил свой союз Карлу V и Франциску I, наконец-то выступил в защиту императора. В Италии вот-вот должна была разразиться война между двумя соперниками. Французский генерал Лотрек сказал: "От папы римского не останется ничего, кроме его ушей". [809] Эта неудачная шутка усилила гнев понтифика. Король Франции обратился за помощью к швейцарским кантонам, все из которых, за исключением Цюриха, заключили с ним союз; он получил ее. Папа льстил себя надеждой, что завоюет Цюрих, и кардинал Сион, всегда склонный к интригам и уверенный в своих способностях и ловкости, поспешил туда, чтобы раздобыть солдат для своего господина. Но со стороны своего старого друга Зинглия он столкнулся с решительным противодействием. Он был возмущен тем, что швейцарцы продают свою кровь чужеземцам, и его воображение рисовало себе, как мечи цюрихцев под знаменами папы и императора на равнинах Италии скрещиваются с мечами конфедератов, объединившихся под знаменами Франции. При виде таких сцен братоубийства его патриотическая и христианская душа содрогалась от ужаса. Гремя с кафедры, он воскликнул: "Вы бы разорвали и свергли конфедерацию? [810] ... Мы нападаем на волков, которые пожирают наши стада, но не оказываем сопротивления тем, кто рыщет вокруг в поисках пожирания людей.... Ах! недаром эти шляпы и мантии алые. Встряхните их одежды, и из них посыплется дукаты и короны, поверните их, и вы увидите, как с них стекает кровь вашего брата, вашего отца, вашего сына и вашего самого дорогого друга". [811] Напрасно был услышан энергичный голос Зинглия. Кардинал в красной шляпе добился успеха, и две тысячи семьсот цюрихцев выступили в поход под командованием Джорджа Бергера. Сердце Зинглия было разбито. Тем не менее, его влияние не было утрачено. Долгое время знамена Цюриха не должны были снова быть развернуты и пройти через ворота города во имя иностранных держав.

ГЛАВА XI.

Цуинглиус против заповедей Человека—Брожение во время Великого поста—Истина продвигается вперед в бою—Заместители епископов—Обвинение перед Духовенством и Советом—Апелляция к Великому Совету—Кoadьютор и Цуинглиус—Постановление Большого Совета—Положение дел—Атака Хоффмана.

Раздираемый своими гражданскими чувствами, Зинглий с новым рвением посвятил себя проповеди Евангелия, настаивая на нем с растущей энергией. "Я не перестану, - сказал он, - трудиться над восстановлением древнего единства Церкви Христовой". [812] Он начал 1522 год

с того, что показал, какая разница существует между заповедями Евангелия и заповедями людей. Наступило время Великого поста, и он еще громче возвысил свой голос. Заложив фундамент нового здания, он захотел убрать мусор от старого. "В течение четырех лет, - сказал он толпе, собравшейся в соборе, - вы с горячей жаждой принимали святое учение Евангелия. Разжигаемый пламенем милосердия, питаемый сладостью небесной манны, невозможно по-прежнему испытывать какое-либо удовольствие от печального элемента человеческих традиций". [813] Затем, критикуя обязательное воздержание от мяса в течение определенного времени, он воскликнул в своем смелом красноречии: "Некоторые утверждают, что есть зло и даже великий грех есть мясо, хотя Бог никогда этого не запрещал; и все же не считают преступлением продавать человеческое мясо иностранцу и тащить его на бойню". [814] Присутствовавшие друзья дипломатической службы были полны негодования и ярости от этих смелых слов и поклялись не забывать их.

БРОЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА.

Проповедуя таким образом, Зинглий все еще продолжал служить мессу: он соблюдал обычаи, установленные Церковью, и даже воздерживался от мяса в запрещенные дни. Он был убежден, что первое, что необходимо, - это просветить людей. Но некоторые мятежные умы действовали не так мудро. Рубли, ставший беженцем в Цюрихе, поддался порыву экстравагантного рвения. Старый викарий церкви Св. Альбан, капитан из Берна, и Конрад Хубер, член большого Совета, часто встречались в доме последнего, чтобы поесть мяса по пятницам и субботам, и хвастались этим. Вопрос воздержания был захватывающей темой. Житель Люцерна, приехавший в Цюрих, сказал одному из своих тамошних друзей: "Ты поступаешь неправильно, употребляя мясо во время Великого поста". Друг ответил: "Вы, люцернцы, тоже позволяете себе есть его в запрещенные дни". Житель Люцерны ответил: "Мы купили его у папы римского". Друг— "А мы от мясника. Если это вопрос денег, то одно, безусловно, не хуже другого". [815] После подачи жалобы на нарушителей церковных постановлений совет обратился за советом к викариям. Зинглиус ответил, что ежедневное употребление мяса само по себе не заслуживает порицания, но от него следует воздерживаться до тех пор, пока компетентный орган не вынесет какого-либо решения по этому вопросу. Другие представители духовенства согласились с этим мнением.

Враги истины воспользовались этим благоприятным обстоятельством. Их влияние пошло на убыль. Победа была на стороне Зинглия. Следовательно, необходимо было поторопиться и нанести решающий удар. Они обратились к Констанцскому епископу. "Зинглий, - восклицали они, - губитель стада, а не его пастырь". [816]

ЗАМЕСТИТЕЛИ ЕПИСКОПА.

Честолюбивый Фабер, старый друг Зинглия, вернулся полный рвения к папству из только что совершенного визита в Рим. Вдохновение этого гордого города привело к первым бедам Швейцарии. Необходимо было, чтобы произошла решающая борьба между евангельской истиной и представителями понтифика. Истина проявляет всю свою силу, особенно когда на нее нападают. Под сенью оппозиции и преследований христианство сначала приобрело силу, которая свергла ее врагов. Богу было угодно подобным же образом провести свою истину трудными путями в период возрождения, который мы сейчас описываем. Тогда священники, как и во дни апостолов, атаковали новое учение. Если бы не их атаки, это, возможно, осталось бы скрытым в некоторых верующих душах. Но Бог наблюдал за этим, чтобы явить это миру. Оппозиция проложила для нее новые пути, направила ее на новую карьеру и привлекла к ней

внимание нации. Это было похоже на дуновение ветра, разбрасывающего повсюду семена, которые в противном случае могли бы остаться инертными в тех местах, на которые они упали. Дерево, предназначенное для укрытия гельветического населения, действительно было посажено в глубине их долин, но штормы были необходимы, чтобы укрепить корни и дать полное развитие ветвям. Сторонники папства, увидев пожар, который медленно разгорался в Цюрихе, бросились на него, чтобы потушить, и тем самым только усилили распространение пламени.

Днем 7 апреля 1522 года были замечены трое духовных помощников Констанцского епископа, въезжающих в город Цюрих. У двоих из них было суровое и сердитое выражение лица, у третьего - нежное. Это были помощник епископа Мельхиора Баттли, доктор Бренди, и Джон Вэннер, проповедник собора, евангелист, который на протяжении всего дела хранил молчание. [817] Была ночь, когда Лути поспешно позвонил Зинглию и сказал: "Прибыли офицеры от епископа; готовится большой удар: все сторонники древних обычаев пришли в движение. Нотариус созвал собрание всех священников завтра рано утром в зале Капитула.

КОАДЪЮТОР И ЗИНГЛИЙ.

Собрание духовенства собралось на следующий день, коадьютор встал и произнес речь, которая показалась его оппонентам полной насилия и гордыни. [818] Однако он попросил не упоминать Зинглиуса по имени. Некоторые священники, недавно обратившиеся к Евангелию и все еще пребывавшие в нерешительности, были напуганы; их бледные щеки, молчание и вздохи показывали, что они потеряли всякое мужество. [819] Зинглиус встал и произнес речь, которая заткнула рты его противникам. В Цюрихе, как и в других кантонах, самые яростные враги новой доктрины были в Малом совете. Депутация, потерпевшая поражение перед духовенством, направила свои жалобы в магистраты. Зинглий отсутствовал, и ответа, которого следовало опасаться, не последовало. Результат казался решающим. Евангелие и его защитники были на грани осуждения без слушания. Никогда реформация Швейцарии не была в большей опасности. Ее собирались задушить в колыбели. Советники, выступавшие за Зинглиуса, обратились к Великому Совету. Это была единственная оставшаяся доска для спасения, и Бог использовал ее, чтобы спасти дело Евангелия. Были созваны двести человек. Сторонники папства использовали все средства, чтобы исключить Зинглия, который, с другой стороны, делал все возможное, чтобы получить допуск. Как он сам выражается, он стучался в каждую дверь и не оставил камня на камне, [820] но все напрасно! "Это невозможно, - сказали бургомистры. - Совет постановил обратное". "Тогда, - рассказывает Зинглиус, - я хранил молчание и с глубокими вздохами изложил дело Тому, кто слышит стоны узника, умоляя его защитить Его собственное евангелие". [821] Терпеливое, смиренное ожидание слуг Божьих никогда не бывает разочарованным.

9 апреля собрались двести человек. "Мы хотим видеть здесь наших пасторов", - немедленно воскликнули прихожане, выступавшие за Реформацию. Малый Совет воспротивился. но Великий Совет решил, что пасторы должны присутствовать, чтобы выслушать обвинение и ответить на него, если сочтут нужным. Были представлены депутаты от Констанца, а затем три цюрихских викария: Зинглиус, Энгельгард и старый Решли.

После того, как стороны, оказавшиеся таким образом лицом к лицу, некоторое время разглядывали друг друга, коадьютор поднялся. "Если бы его сердце и разум соответствовали

его голосу, - говорит Цинлий, - он превзошел бы Аполлона и Орфея, а по силе - Гракхов и Демосфена".

"Гражданская конституция, - сказал защитник папства, - и само христианство находятся под угрозой. Появились люди, проповедующие новые, оскорбительные и мятежные доктрины". Затем, после долгой речи, он устремил взгляд на собравшийся сенат и сказал: "Оставайтесь с Церковью, оставайтесь в Церкви. Вне ее никто не может быть спасен. Одни только церемонии могут привести простых к познанию спасения, [822] и пастырям паствы нечего больше делать, кроме как объяснять людям их значение".

Как только коадьютор закончил свою речь, он и его спутники собирались покинуть зал заседаний совета, когда Зинглий тепло сказал ему: "Господин коадьютор и вы, кто его сопровождает, останьтесь, прошу вас, пока я не защищусь".

Кoadьютор.— "Мы наняты не для того, чтобы спорить с кем бы то ни было".

Зинглиус.— "Я хочу не спорить, а без страха объяснить вам то, чему я учил до этого часа".

Бургомистр обращается к депутатам Констанца.— Прошу вас, выслушайте ответ викария.

Кoadьютор.— Я слишком хорошо знаю человека, с которым мне придется иметь дело. Ульрик Зинглиус слишком жесток, чтобы с ним можно было спорить!"

ОТВЕТ ЗИНГЛИЯ.

Зинглиус.— "Когда это вошло в практику так яростно нападать на невинного человека, а потом отказываться его выслушать?" Во имя нашей общей веры, во имя крещения, которое мы оба приняли, во имя Христа, творца спасения и жизни, выслушайте меня. [823] Если вы не можете как депутаты, по крайней мере, сделайте это как христиане".

Дав залп в воздух, Рим поспешными шагами ретировался с поля битвы. Реформатор просил только слова, а представитель папства думал только о бегстве. Дело, за которое выступали таким образом, было уже выиграно с одной стороны и проиграно с другой. Двести человек не могли сдержать своего негодования; в собрании поднялся ропот. [824] Бургомистр снова нажал на депутатов. Им стало стыдно, и они молча вернулись на свои места. Тогда Зинглий сказал:

"Кoadьютор говорит о крамольных доктринах, подрывающих гражданские законы. Пусть он знает, что Цюрих более спокоен и более послушен законам, чем любой другой город Швейцарии, и это все добропорядочные граждане приписывают Евангелию. Разве христианство не является самым мощным гарантом справедливости среди людей? [825] Для чего хороши церемонии, если не для того, чтобы запятнать лик Христа и христиан? [826] Да, есть другой метод, отличный от этих суетных обрядов, чтобы привести простых людей к познанию истины — метод, которому Христос и Апостолы следовали в самом Евангелии! Не бойтесь, что это не будет понято людьми! Тот, кто верит, понимает. Люди могут верить, и, следовательно, могут понимать. Это работа Божественного Духа, а не человеческого разума. [827] В остальном, тот, кто не считает достаточным сорок дней, может, ради меня, если захочет, поститься каждый день в году! Все, о чем я прошу, - это чтобы никого не принуждали к этому и чтобы за

пренебрежение мельчайшим соблюдением цюрихцев не обвинили в отделении от общения христиан...."

- Я этого не говорил! - воскликнул Кoadъютор. "Нет, - сказал его коллега доктор Бренди, - он этого не говорил". Но весь сенат подтвердил утверждение Зинглия, который продолжил:

РЕШЕНИЕ БОЛЬШОГО СОВЕТА.

"Достойные граждане, пусть вас не трогает это обвинение! Основание Церкви - это та скала, тот Христос, который дал Петру свое имя, потому что он верно исповедал его. В каждом народе всякий, кто сердцем верит в Господа Иисуса Христа, спасен. Это Церковь, вне которой ни один человек не может быть спасен. [828] Что касается нас, служителей Христа, объяснять Евангелие и следовать ему - это весь наш долг. Пусть те, кто живет церемониями, объяснят их сами ". Это было сделано для того, чтобы затронуть больное место.

Кoadъютор покраснел и ничего не сказал. Двести человек объявили перерыв в заседании, а затем, в тот же день, решили, что следует попросить папу и кардиналов разъяснить спорный момент и что тем временем мясо не следует употреблять в пищу во время Великого поста. Это было сделано для того, чтобы оставить дело на прежнем уровне и ответить епископу таким образом, чтобы выиграть время.

Эта борьба продвинула вперед дело Реформации. Защитники Рима и Реформации находились в присутствии друг друга и на глазах у всей общины, и преимущество было не на стороне папы. Это было первое сражение в предстоявшей долгой и суровой кампании, в которой чередовались горе и радость. Но первая победа в самом начале придает храбрости всей армии и повергает врага в уныние. Реформация овладела территорией, которой ее больше не собирались лишать. Если Собор считал необходимым действовать с некоторой степенью осторожности, народ громко провозглашал поражение Рима. "Никогда, - говорили они в восторге от момента, - никогда они не смогут вновь собрать свои разбитые и рассеянные войска". [829] "Вы, - сказали они Зинглию, - в духе святого Павла напали на этих лжеапостолов и их Ананию, на их белые стены.... Самое большее, что сейчас могут сделать сателлиты антихриста, - это скрежетать зубами против вас!" Из центра Германии доносились голоса, радостно провозглашавшие "славу возрождающегося богословия". [830]

Однако в то же время враги Евангелия собирали свои силы. Если бы они нанесли удар, нельзя было терять времени, поскольку вскоре он был бы недостижим для их ударов. Хоффман представил капитулу длинное обвинение против Реформатора. "Если бы священник даже был в состоянии, - сказал он, - доказать при свидетелях, какие грехи, какие нарушения были совершены священнослужителями в таком-то монастыре, на такой-то улице, в такой-то таверне, его долгом все равно было бы не называть никаких имен. Почему он заявляет (правда, я сам его почти никогда не слышал), что он один черпает свое учение у истоков источника, а другие ищут его только в раковинах и лужах? [831] Разве это не невозможно, учитывая разнообразие духов, проповедовать всем одно и то же?"

ГОРЕ И РАДОСТЬ В ГЕРМАНИИ.

Зинглиус защищался на полном собрании Капитула, рассеивая обвинения своего оппонента, "как бык своими рогами подбрасывает солому в воздух". [832] Дело, которое казалось таким

серьезным, закончилось смехом над расходами сапог. Но Зинглиус на этом не остановился; 16 апреля он опубликовал трактат *О свободном употреблении пищи*. [833]

ГЛАВА XII.

Горе и радость в Германии—Засада против Зинглиуса—Мандат епископа—Архетилы—
Епископ обращается к сейму—Запрет нападать на монахов—Декларация Зинглиуса—
Монахини Тенбаха—Обращение Зинглиуса к Швицу.

Непоколебимая твердость Реформатора восхищала друзей истины, и особенно евангельских христиан Германии, так долго лишенных из-за вартбургского пленения могущественного апостола, который первым поднял голову в лоне Церкви. Пасторы и верующие люди, ныне изгнанные неумолимым указом, который папство получило в Вормсе от Карла V, нашли убежище в Цюрихе. Нессе, профессор из Франкфурта, которого Лютер посетил по пути в Вормс, в письме Зинглиусу говорит— "О, как я рад узнать, с какой властью вы проповедуете Христа. Скажите слова ободрения тем, кто из-за жестокости нечестивых епископов вынужден в горе бежать далеко от наших церквей". [834]

Но противники Реформации не ограничивали свои жестокие заговоры против ее друзей Германией. В Цюрихе не проходило и часа, чтобы не рассматривались способы избавиться от Зинглиуса. [835] Однажды он получил анонимное письмо, которое немедленно отправил двум своим викариям. В нем говорилось: "Ловушки окружают тебя со всех сторон, смертельный яд готов лишить тебя жизни. [836] Ешьте только у себя дома и хлеб, испеченный вашим собственным поваром. В стенах Цюриха скрываются люди, замышляющие вашу гибель. Оракул, который открыл мне это, более правдив, чем оракул из Дельф. Я на вашей стороне, вы еще узнаете меня". [837]

АРХЕТЕЛАГИ.

На следующий день после того, как Зинглиус получил это таинственное письмо, в тот момент, когда Стахели собирался войти в церковь О, капеллан остановил его и сказал: "Поторопитесь и покиньте дом Зинглиуса; готовится катастрофа". Фанатики, отчаявшись остановить Реформацию словом, вооружились кинжалом. Когда в обществе совершаются мощные революции, убийцы часто появляются из нечистых отбросов взволнованного населения. Бог охранял Зинглия.

В то время как убийцы видели, что их заговоры потерпели поражение, законные органы папства снова начали агитировать. Епископ и его советники были полны решимости возобновить войну. Отовсюду информация об этом доходила до Зинглия, который, полагаясь на божественное обещание, восклицал с благородной уверенностью: "Я боюсь их ... как высокий берег боится грозных волн... ουν τῷ Θεῷ Богом, - добавил он. [838] 2 мая констанцский епископ опубликовал приказ, в котором, не называя ни Цюриха, ни Зинглия, он жаловался на попытки хитрых людей возобновить осужденные доктрины и на дискуссии ученых и невежественных людей во всех местах о самых торжественных мистериях. Джон Уэннер, проповедник Констанцкого собора, был первым, кто подвергся нападению. "Я бы предпочел, - сказал он, - быть христианином, вызывающим ненависть многих, чем отказаться от Христа ради дружбы всего мира". [839]

Но именно в Цюрихе требовалось сокрушить растущую ересь. Фабер и епископ знали, что у Зинглия было несколько врагов среди каноников, и они желали обратить эту ненависть в свою пользу. Ближе к концу мая в Цюрих прибыло письмо от епископа, адресованное ректору и его капитулу. "Сыны церкви, - сказал прелат, - пусть погибнут те, кто погибнет, но пусть никто не разлучает вас с церковью". [840] В то же время епископ призвал каноников не допускать проповеди и обсуждения ложных доктрин, порожденных пагубными сектами, будь то в частном порядке или публично. Когда это письмо было прочитано в главе, все взоры были обращены на Зинглиуса, который, поняв, о чем идет речь, сказал: "Я вижу, вы думаете, что это письмо касается меня; будьте добры вложить его в мои руки, и с Божьей помощью я отвечу на него".

ЕПИСКОП ОБРАЩАЕТСЯ К СЕЙМУ.

Зинглиус ответил в своих "*Архетипах*", слове, которое обозначает *начало и конец*, "ибо я надеюсь, - сказал он, - что этот первый ответ будет также и последним". В нем он отзывался о епископе в очень уважительных выражениях и приписывал все нападки своих врагов каким-то интриганам. "Что же тогда я сделал?" - сказал он. "Я призвал всех людей к познанию своих болезней, я трудился, чтобы привести их к истинному Богу и к Его Сыну Иисусу Христу. С этой целью я использовал не придиричivé увещевания, а слова простые и правдивые, такие, которые могут понять сыны Швейцарии". Затем, переходя от обороны к нападению, он изящно добавляет: "Юлий Цезарь, чувствуя себя смертельно раненным, попытался подтянуть складки своего одеяния, чтобы упасть подобающим образом. Конец ваших церемоний близок; действуйте, по крайней мере, так, чтобы они проходили пристойно и чтобы в любом месте свет мог быстро смениться тьмой". [841]

Это было все, чего добился епископ своим письмом к цюрихскому капитулу. Теперь, когда дружеские увещевания оказались напрасными, необходимо было нанести более решительные удары. Фабер и Ланденберг повернули в другом направлении — в сторону Сейма, национального совета. [842] Туда прибыли представители епископа, чтобы заявить, что их владыка издал приказ, запрещающий всем священникам его епархии вводить новшества в вопросах доктрины, но, поскольку его авторитет игнорируется, он теперь желает помощи глав конфедерации, которые помогли бы ему привести непокорных к повиновению и защитить истинную и древнюю веру. [843] Враги Реформации составляли большинство в этом первом собрании нации, которое незадолго до этого издало указ, запрещающий проповедовать всем священникам, чьи выступления, как было выражено, вносили раздор в народ. Этот декрет сейма, который, таким образом, впервые затронул вопрос о Реформации, не имел результата, но теперь, приняв решение о решительных мерах, этот орган вызвал к себе Урбана Вайса, пастора из Фейлиспаха, близ Бадена, которого общественная молва обвиняла в проповеди новой веры и отвержении старой. Вайс получил отсрочку на некоторое время благодаря заступничеству нескольких человек и залог в сто флоринов, предложенному его прихожанами.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЗИНГЛИЯ.

Но Сейм сыграл свою роль, и, только что представив доказательства этого, священники и монахи повсюду начали набираться храбрости. В Цюрихе, даже после первого указа, они начали вести себя более властно. Несколько членов совета утром и вечером посещали три монастыря и даже приносили туда свои припасы. Монахи старались внушить своим любезным собратьям по столу, что они должны добиться от правительства постановления в их пользу. "Если Цинлиус не замолчит, - сказали они, - мы будем кричать еще громче!" Сейм поддержал

угнетателей. Совет Цюриха не знал, что делать. 7 июня был издан приказ, запрещающий кому бы то ни было проповедовать против монахов, "но едва этот приказ был принят, как, - говорится в хронике Буллингера, - в зале совета внезапно послышался шум, заставивший каждого посмотреть на своего соседа". [844] Мир так и не был восстановлен. Война, ведущаяся с кафедры, становилась все жарче и жарче. Совет назначил делегацию, которая созвала пасторов Цюриха, чтецов и проповедников монастырей, чтобы встретиться с ними в доме провоста; после оживленного обсуждения бургомистр предписал обеим сторонам не проповедовать ничего, что могло бы нарушить согласие. "Я не могу принять это предписание, - сказал Зинглиус. - Я намерен проповедовать Евангелие свободно и безоговорочно в соответствии с ранее принятой резолюцией. Я епископ и пастор Цюриха; именно мне была доверена забота о душах. Это я давал клятву, а не монахи. Они должны уступить, а не я. Если они будут проповедовать ложь, я буду им противоречить, и это даже с кафедры их собственного монастыря. Если я сам проповедую учение, противоречащее Святому Евангелию, то я прошу, чтобы меня осудил не только капитул, но и любой другой гражданин, и, более того, чтобы меня наказал Совет". [845] "Мы, - сказали монахи, - требуем, чтобы нам разрешили проповедовать доктрины святого Фомы". Комитет Собора, посовещавшись, постановил, чтобы Фому, Скотта и других докторов оставили в покое и не проповедовали ничего, кроме Святого Евангелия. Таким образом, истина еще раз одержала победу. Но гнев сторонников папства усилился. Ультрамонтанские каноники не могли скрыть своего гнева. Они дерзко смотрели на Зинглия в капитуле и, судя по их виду, требовали его жизни. [846]

Зинглиуса не остановили их угрозы. В Цюрихе было одно место, куда, благодаря доминиканцам, свет еще не проник; это был женский монастырь Тенбах. Там дочери первых семей Цюриха принимали постриг. Казалось несправедливым, что эти бедные женщины, заключенные в стенах своего монастыря, одни лишены возможности слышать Слово Божье. Великий Совет приказал Зинглию восстановить его, и Реформатор, взойдя на кафедру, которая до сих пор была передана доминиканцам, проповедовал "о ясности и определенности Слова Божьего". [847] Позднее он опубликовал это замечательное рассуждение, которое не прошло даром и еще больше разозлило монахов.

АДРЕС ЗИНГЛИУСА ШВИЦУ.

Произошло обстоятельство, которое усилило эту ненависть и дало ей место во многих других сердцах. Швейцарцы, возглавляемые Стейном и Винкельридом, только что потерпели кровавое поражение при Бикокке. Они стремительно бросились на врага, но артиллерия Пескера и уланы того Фройндсберга, которых Лютер встретил у дверей Вормсского зала, повергли и командиров, и знамена, целые роты пали и исчезли сразу. Винкельрид и Штайн, Мулинен, Дизбах, Бонштеттен, Чудис и Пфифферс остались на поле боя. Особенно пострадал Швиц. Кровавые обломки этого ужасного конфликта вернулись в Швейцарию, сея траур на каждом шагу. Вопль скорби прокатился от Альп до Юры и от Роны до Рейна.

Но никто не испытал более острой боли, чем Зинглиус. Он немедленно отправил Швицу обращение, в котором отговаривал своих граждан от дипломатической службы. "Ваши предки, - сказал он им со всей теплотой швейцарского сердца, - забывали своих врагов, защищая свои свободы, но они никогда не предавали смерти христиан ради наживы. Эти иностранные войны приносят неисчислимые бедствия нашей стране. Божьи бичи карают нашу конфедерацию, и гельветическая свобода вот-вот будет потеряна из-за эгоистичных ласк и смертельной

ненависти иностранных принцев ". [848] Зинглиус пошел рука об руку с Николасом Флу и возобновил мольбы этого человека мира. Это увещевание, представленное народному собранию Швица, возымело такой эффект, что была принята резолюция воздерживаться в перспективе в течение двадцати пяти лет от капитуляции. Но французской партии вскоре удалось добиться отмены великодушной резолюции, и с тех пор Швиц был самым решительным противником Зинглиуса и его работ в кантоне. Сами бедствия, которые сторонники иностранной капитуляции навлекли на свою страну, только усилили ненависть этих людей к смелому министру, который пытался спасти свою страну от всех этих несчастий и всего этого позора. Таким образом, по всей конфедерации была сформирована партия, которая с каждым днем становилась все более и более ожесточенной против Цюриха и Зинглиуса. Подвергшись немедленному нападению со стороны обычаев Церкви и практики вербовщиков, они объединились, сопротивляясь импульсу Реформ, который угрожал их существованию. В то же время внешние враги умножились. Не только папа римский, но и другие иностранные монархи также клялись в неугасимой ненависти к Реформации, потому что она стремилась лишить их этих гельветических алебард, которым их честолубие и гордыня были обязаны столькими триумфами? Но дело Евангелия по-прежнему имело на своей стороне Бога и лучших среди людей: этого было достаточно. Кроме того, рука Провидения побудила людей из разных стран, изгнанных за свою веру, оказать Швейцарии помощь.

ФРАНЦУЗСКИЙ МОНАХ.

ГЛАВА XIII.

Французский монах—Он преподает в Швейцарии—Спор между монахом и Зинглиусом—Беседа лидера иоаннитов—Карнавал в Берне—Пожиратели мертвых—Череп святой Анны—Аппенцель—Гризоны—Убийство и прелюбодеяние—Женитьба Зинглиуса.

В субботу, 12 июля, видели, как по улицам Цюриха въезжал монах, высокий, худой, чопорный, изможденный, одетый в серое платье от корделье и восседавший верхом на осле. У него был вид иностранца, и его босые ноги почти касались земли. [849] Таким образом, он прибыл по дороге из Авиньона. Он не знал ни слова по-немецки, но с помощью латыни сумел добиться, чтобы его поняли. Фрэнсис Ламберт (так его звали) попросил позвать Зинглиуса и передал ему письмо от Бертольда Галлера. "Отец-францисканец, - писал бернский викарий, - который является не кем иным, как апостольским проповедником главного монастыря Авиньона, в течение почти пяти лет учил христианской истине: он проповедовал на латыни нашим священникам в Женеве, в Лозанне в присутствии епископа, во Фрибурге и, наконец, в Берне. Его предметами были Церковь, священство, жертвоприношения во время мессы, традиции римских епископов и суеверия религиозных орденов. Мне показалось чудесным слышать такие вещи от кордельера и француза — обстоятельства, оба из которых, как вы знаете, предполагают множество суеверий. [850] Француз сам рассказал Зинглиусу, как после того, как в его камере были обнаружены труды Лютера, он был вынужден поспешно покинуть Авиньон; как он сначала проповедовал Евангелие в Женеве, а затем в Лозанне. Зинглий, вне себя от радости, предоставил монаху доступ в церковь Нотр-Дам, выделив ему место на клиросе возле главного алтаря. Ламберт произнес здесь четыре проповеди, в которых яростно критиковал заблуждения Рима, но в четвертой он защищал обращение к святым и Богородице.

ОН ПРЕПОДАЕТ В ШВЕЙЦАРИИ.

"Брат, ты ошибаешься", [851] немедленно воскликнул оживленный голос. Это был голос Зинглия. Каноники и капелланы затрепетали от радости, когда увидели, что между французом и еретическим викарием разгорается ссора. "Он напал на вас, - сказали они все Ламберту. - Требуйте публичного обсуждения". Авиньонец так и сделал, и в десять часов утра 12 июля два капеллана встретились в зале канонов. Зинглиус открыл Ветхий и Новый Завет на греческом и латыни: он обсуждал и читал лекции до двух. Тогда французский монах, сложив руки и подняв их к небу, воскликнул: [852] "Я благодарю тебя, о Боже, что ты с помощью этого прославленного инструмента дал мне такое ясное знание истины! Отныне, - добавил он, обращаясь к собравшимся, - во всех своих невзгодах я буду взывать только к Богу и не буду носить четки. Завтра я отправляюсь в путь. Я еду в Бале, чтобы повидаться с Эразмом Роттердамским, а оттуда в Виттемберг, чтобы повидаться с монахом Мартином Лютером ". Соответственно, он снова сел на своего осла и отправился в путь. Мы снова встретимся с ним. Он был первым изгнанником из Франции во имя Евангелия, появившимся в Швейцарии и Германии, скромным предтечей многих тысяч беженцев и исповедников.

У Микония не было такого утешения. Напротив, он увидел Себастьяна Хофмайстера, который приехал из Констанца в Люцерн и там смело проповедовал Евангелие, вынужденный покинуть город. Затем горе Освальда усилилось. Влажный климат Люцерны ему не понравился. Он был истощен лихорадкой, и врачи заявили, что, если он не сменит место жительства, он умрет. В письме Зинглиусу он пишет: "Нет места, где я хотел бы быть больше, чем рядом с вами, и нет места хуже, чем в Люцерне. Мужчины мучают, а климат поглощает меня. Моя болезнь, говорят некоторые, - наказание за мое беззаконие. Ах, напрасно говорить, напрасно действовать: все для них - яд. На небесах есть Тот, от кого одного зависит моя надежда". [853]

КОМАНДИР ИОАННИТОВ.

Эта надежда была не напрасной. Дело было в конце марта, и приближался праздник Благовещения. Накануне вечером состоялось большое торжество в память о пожаре, который в 1540 году превратил большую часть города в пепелище. Множество людей из окрестных районов стекались в Люцерн, и тогда было собрано несколько сотен священников. Обычно для проповеди по этому великому случаю привлекался какой-нибудь выдающийся оратор. Конрад Шмид, командир иоаннитов, прибыл, чтобы исполнить свой долг. Огромная толпа заполонила церковь. Каково же было всеобщее изумление, когда командующий отбросил напыщенную латынь, к которой они привыкли, и заговорил на хорошем немецком, [854] чтобы все могли понять его, авторитетно и свято отстаивать любовь Божью, послав Своего Сына, красноречиво доказать, что внешние дела не могут спасти, и что обетования Божьи воистину являются силой Евангелия. "Боже упаси, - обратился командующий к своей изумленной аудитории, - чтобы мы приняли такого лживого вождя, как римский епископ, и отвергли Иисуса Христа. [855] Если епископ Рима раздает хлеб Евангелия, давайте примем его как пастыря, но не как главу; а если он не раздает его, давайте не примем его никаким образом". Освальд не смог сдержать своей радости. "Что за человек!" - воскликнул он. "Что за речь! какое величие! какой авторитет! какое излияние Духа Христова!" Впечатление было общим. Волнение, охватившее город, сменилось торжественным молчанием; но все это было преходящим. Когда народы закрывают свои уши от призывов Бога, эти призывы уменьшаются день ото дня и вскоре прекращаются. Так было в Люцерне.

В Берне, в то время как истина проповедовалась с кафедры, папство подверглось нападкам из-за веселья народа. Николас Мануэль, выдающийся мирянин, прославившийся своими поэтическими талантами и выдвинувшийся на первые посты в государстве, возмущенный зрелищем того, как Самсон грабит своих соотечественников, сочинял карнавальные драмы, в которых острым оружием сатиры обрушивался на алчность, гордыню и роскошь папы римского и духовенства. В масленицу "господ" (духовенство в то время было господами и начинало Великий пост на восемь дней раньше простых людей) весь Берн был поглощен представлением драмы или мистерии под названием "Пожиратели мертвецов", которое молодые мальчики собирались разыграть на улице Ла Круа. Люди стекались к нему толпами. Что касается прогресса искусства, то эти драматические зарисовки начала шестнадцатого века представляют определенный интерес; но мы приводим их здесь с совершенно иной точки зрения. Мы были бы более довольны, если бы нам не пришлось цитировать подобные высказывания со стороны Реформации, поскольку истина торжествует другими средствами. Но историк не создает свои факты. Он должен отдавать их такими, какими он их находит.

Наконец, к восторгу нетерпеливых толп, собравшихся на улице Ла Круа, представление началось. Изображен папа римский, облаченный в великолепные одежды и восседающий на троне. Вокруг него стоят его придворные, телохранители и разношерстная группа священников высокой и низкой ступени; позади - знать, миряне и нищенствующие. Вскоре появляется похоронный кортеж: это богатый фермер, направляющийся в свой последний дом. Двое его родственников медленно проходят перед гробом с салфетками в руках. Поезд подъезжает к папе римскому, к его ногам кладут гроб, и начинается драма:

КАРНАВАЛ В БЕРНЕ.

ПЕРВЫЙ РОДСТВЕННИК В ТОНЕ ГЛУБОКОЙ СКОРБИ.

О благородная армия святого воинства, сжался над нашим скорбным положением; Наш двоюродный брат, наш прославленный хвостун, От жизни, увы, сбежал.

Мы не скупимся на расходы; мы охотно заплатим за священников, монахов и монахинь в дорогих нарядах: Да, мы добровольно пожертвуем сто крон, если таким образом можно будет купить освобождение От чистилища, этого ужасного бича, которым они уговаривают наши напуганные души. [856]

Ризничий, отделившись от группы, окружавшей папу римского, и поспешно бегущий к викарию Роберту Все Больше-

Я жажду чего-нибудь выпить, господин викарий; Известный фермер теперь сходит в могилу.

ВИКАРИЙ.

Один!— нет, ты должен сказать мне о десяти: моя жажда никогда не будет утолена до тех пор. Жизнь процветает, когда смертные умирают, [857] Ибо смерть приносит мне радость.

РИЗНИЧИЙ.

Ах! если бы это укорачивало дыхание человечества! Я бы позвонил веселым звоном по смерти! Ни одно другое ремесло не приносит такого успеха, как раздача прощального звона по жизни.

ВИКАРИЙ.

Но привлекает ли колокол смерти широкие врата небес? Я не могу, не имею права сказать; Что этому способствует? в мой дом приносят И рыбу, и мясо, и всякие вкусности.

ПЛЕМЯННИЦА ВИКАРИЯ. [858]

Это хорошо: я тоже скоро получу свою долю. Сегодня эта душа должна заплатить мне за проезд — белую, красную и зеленую мантию, дамасский платок в цветочек, а также хорошенький платочек для моих глаз на мессе.

КАРНАВАЛ В БЕРНЕ.

Кардинал с высокой гордостью, украшенный красной шляпой, рядом с папой римским:-

Если бы смерть не принесла нам наследия, Стали бы мы вызывать смерть в расцвете лет, На полях сражений, Такими грудями убитых, Возбужденных интригами, разжигаемых завистью? [859] Да, Рим жиреет от христианской крови! Поэтому я поднимаю эту алую шляпу, Чтобы рассказать о трофеях, добытых таким образом.

ЕПИСКОП ВОЛЧЬЕБРЮХО.

По папским обрядам я буду жить и умру, И оденусь в шелковое шитье; В набеге или на охоте я буду получать удовольствие, есть и пить в изобилии; Будь я священником в былые времена, Я тогда носил крестьянское платье. [860] Когда-то мы были пастухами, но теперь нами правят короли, За пастуха я передам бедняжкам ягненочков....

ЧЕЙ-то ГОЛОС.

Когда? Когда это должно произойти?

ЕПИСКОП.

Когда я соберу шерсть со стада. Мы действительно волки, но мы пастухи овец, Они должны кормить нас, иначе смерть - лучшее, что они пожнут. Его Святейшество запрещает жениться; Это ярмо, которое мудрейший никогда не смог бы нести — Но потом! когда священники все-таки пересекаются, скандал только увеличивает мой запас И еще больше удлиняет мой шлейф. Я ни от чего не отказываюсь, даже от фартинга, у богатого священника может быть красавица. Четыре флорина в год сотрут это с лица земли; Появится ли младенец? — и снова он должен заплатить. По моим подсчетам, на две тысячи флоринов в год, будь они целомудренны, боюсь, я бы умер с голоду на жалкие гроши. [861] Тогда да здравствует папа римский; на коленях я преклоняюсь перед его верой И клянусь жить вечно; Его церковь я буду защищать, и до самой смерти я клянусь, что только Он бог, перед которым я буду склоняться.

КАРНАВАЛ В БЕРНЕ.

ПАПА римский.

Теперь люди наконец поверили, что священники могут по своему усмотрению карать их за все грехи - что им дана Полная власть закрывать или открывать небеса. Громко проповедуйте каждый высокий указ его величества конклава. Тогда мы короли, миряне - рабы; Но если евангельский штандарт взмахнет, Мы пропали; ибо нигде не сказано: приноси жертву, пусть

платят священники. Евангельский курс для нас состоял бы в том, чтобы жить и умереть в бедности. Вместо коней, отмечающих мое государство, И колесниц для моих сыновей, которых нужно ждать, Жалкий осел должен обеспечивать [862] Место для священного величества. Нет, я не могу принять такое наследие, я буду гневаться на такую безрассудность; Давайте только сделаем это — мир кивнет, И нации будут поклоняться нам как Богу. Пренебрегая их правами, я взойду на свой трон И разделю мир между своими; Мерзкие миряне должны держаться подальше и Не осмеливаться входить в наш благословенный кров, Прикасаться к нашей дани или нашему золоту. Дай им подержать святую воду.

Мы не будем продолжать этот буквальный перевод драмы Мануэля. Агония духовенства, узнавшего об усилиях реформаторов, и их гнев против тех, кто угрожает вмешаться в их беспорядки, нарисованы в ярких красках. Распутные нравы, которые так ярко были представлены в этом произведении, были слишком обычны, чтобы не поразить зрителя правдивостью картины. Люди были взволнованы. Когда зрители уходили с пьесы на улице Ла Круа, раздавалось много насмешек; но некоторые, кто относился к делу более серьезно, говорили о христианской свободе и папском деспотизме и противопоставляли простоту Евангелия помпезности Рима. Презрение людей вскоре проявилось на улицах. В Пепельную среду индульгенции прошли по городу под сатирические песни. В Берне и по всей Швейцарии древнему зданию папства был нанесен серьезный удар.

WALTER KLARER. ДЖЕЙМС БЕРКЛИ.

Через некоторое время после этого представления в Берне была поставлена еще одна комедия, но в ней не было вымысла. Духовенство, совет и корпорация собрались перед Верхними воротами в ожидании черепа Святой Анны, за которым знаменитый рыцарь Альберт Стейнский отправился из Лиона. Наконец появился Штайн, держа святую реликвию, завернутую в шелковое покрывало. Когда она проходила мимо, епископ Лозанны преклонил перед ней колени. Этот драгоценный череп, череп матери Пресвятой Девы, процессией несут к доминиканской церкви, и под звон колоколов он входит в церковь, где его с большой торжественностью кладут на освященный для него алтарь за великолепной решеткой. Но посреди всей этой радости приходит письмо от настоятеля Лионского монастыря, где хранились мощи святого, в котором сообщается, что то, что монахи продали рыцарю, было нечестивой костью, случайно взятой с места захоронения. Трюк, разыгранный таким образом над прославленным городом Берном, вызвал глубокое возмущение его жителей.

Реформация продвигалась вперед и в других частях Швейцарии. В 1521 году Вальтер Кларер, молодой человек из Аппенцеля, вернулся в свой родной кантон из Парижского университета. Труды Лютера попали к нему в руки, и в 1522 году он проповедовал евангельское учение со всем пылом молодого новообращенного. Трактирщик по имени Раусберг, богатый и набожный человек, член совета Аппенцеля, открыл свой дом для всех друзей истины. Бартоломью Бервегер, знаменитый военачальник, сражавшийся за Юлия II и Льва X, вернувшись в это время из Рима, немедленно начал преследовать евангелических служителей. Однако однажды, вспомнив, сколько порока он повидал в Риме, он начал читать Библию и посещать проповеди новых проповедников; у него открылись глаза, и он принял Евангелие. Видя, что церкви не могут удержать толпы, он предложил, чтобы они проповедовали в полях и на площадях, и, несмотря на ожесточенное сопротивление, холмы, луга и горы Аппенцеля с тех пор часто оглашались радостной вестью о спасении.

УБИЙСТВО И ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ.

Реформатское учение, поднявшись по Рейну, добралось до древней Реции. Однажды незнакомец из Цюриха переправился через реку и прислуживал шорнику из Флаша, пограничной деревни Граубюндонов. Кристиан Энхорн, шорник, с удивлением прислушивался к языку своего посетителя. "Проповедуй", - сказала вся деревня незнакомцу, которого звали Джеймс Беркли. Соответственно, он занял свое место перед алтарем. Прибыло несколько человек с Рупором во главе и встали вокруг, чтобы защитить его от внезапного нападения, пока он проповедовал Евангелие. Слух об этой проповеди распространился повсюду, и в следующее воскресенье собралась огромная толпа. Вскоре после этого значительная часть жителей округа пожелала, чтобы им подали Вечерю Господню в соответствии с ее первоначальным установлением. Но однажды в Мейенфилде внезапно зазвонил набат; люди прибежали в тревоге; и священники, указав на опасность, угрожающую Церкви, поспешили во главе фанатичного населения зажечь Факелы. Анхорн, работавший в поле, удивленный звоном колоколов в столь необычный час, поспешил домой и спрятал Буркли в глубокой яме, вырытой в его погребке. К этому времени дом был окружен; дверь взломали, и еретического проповедника повсюду искали напрасно. Наконец преследователи удалились. [863]

Слово Божье распространилось на территорию десяти юрисдикций. Викарий из Мейенфилда, вернувшись из Рима, куда он бежал, взбешенный успехом евангелия, воскликнул: "Рим сделал меня евангелистом", - и стал ревностным реформатором. Реформация вскоре распространилась и на лигу "Дом Божий". "О! - воскликнул Саландрониус, обращаясь к Вадриану. - Если бы ты только видел, как жители гор Реции сбросили с себя ярмо вавилонского плена!"

Шокирующие беспорядки ускорили день, когда Цюрих и соседние районы должны были сбросить с себя это ярмо. Женатый школьный учитель, желавший стать священником, получил согласие своей жены, и они расстались. Новый викарий не смог сдержать свой обет безбрачия, но, чтобы не оскорблять чувств жены, покинул место, где она жила, и, поселившись в Констанцской епархии, вступил в распутную связь. Его жена поспешила на место. Бедный священник сжалился над ней и, прогнав человека, узурпировавшего ее права, вернул себе законную супругу. Фискальный прокурор немедленно выдвинул против него обвинение: генеральный викарий начал действовать; совет консистории совещался ... и викарию было приказано бросить свою жену или своего подопечного. Бедная жена ушла из дома, горько рыдая, а ее соперница вернулась с триумфом. Церковь объявила себя удовлетворенной и отныне оставила священника-прелюбодея в покое. [864]

ЖЕНИТЬБА ЗИНГЛИЯ.

Вскоре после этого священник из Люцерн сбежал с замужней женщиной и жил с ней. Муж отправился в Люцерн и, воспользовавшись отсутствием священника, увез свою жену. Возвращаясь, они были встречены соблазнителем, который немедленно напал на раненого мужа и нанес ему рану, от которой он скончался. [865] Все добрые люди чувствовали необходимость восстановления божественного закона, который объявляет *брак почетным во всех отношениях*. [866] Служители евангелической церкви учили, что закон безбрачия имеет чисто человеческое происхождение и введен римскими понтификами в противовес Слову Божьему, которое, описывая истинного епископа, представляет его как мужа и отца. (1 Тим. iii, 2 и 4.) В то же время они увидели, что из всех злоупотреблений, проникших в Церковь, ни одно не

вызвало более многочисленных пороков и скандалов. Они считали это не только законным, но и долгом перед Богом - отказаться от его власти. Некоторые из них в это время вернулись к древней практике апостольских времен. Ксилотект был женат. Зинглий также женился в этот период. Ни одна дама не пользовалась большим уважением в Цюрихе, чем Анна Рейнхард, вдова Мейера из Кнонау, мать Герольда. С момента приезда Зинглия она была одной из его самых внимательных слушательниц: она жила по соседству с ним, и он заметил ее набожность, скромность и любовь к своим детям. Юный Герольд, ставший как бы его приемным сыном, сблизил его с матерью. Испытания, уже выпавшие на долю этой христианки, которая однажды подверглась самым жестоким испытаниям из всех женщин, история которых занесена в летопись, придали ей серьезности, которая сделала ее евангельские добродетели еще более заметными. [867] Сейчас ей было около тридцати пяти лет, а ее собственное состояние составляло всего четыреста флоринов. Именно на нее обратил свой взор Зинглиус, подыскивая спутницу жизни. Он почувствовал, насколько священен и интимен супружеский союз. Он назвал это "самым священным союзом". [868] "Как Христос, - сказал он, - умер за свой народ и полностью отдал себя им, так и муж и жена должны делать все друг для друга и страдать". Но Зинглиус, когда взял Анну Рейнхард в жены, не сразу опубликовал информацию о своем браке. Несомненно, это была преступная слабость человека, в остальном столь решительного. Понимание, которое он и его друзья приобрели по поводу безбрачия, в целом не было распространено. Слабые могли быть оскорблены. Он опасался, что его полезность для Церкви может быть парализована, если его брак станет достоянием гласности. [869] Он пожертвовал частью своего счастья этим страхам — страхам, которые, возможно, были достойны уважения, но которые он должен был превзойти. [870]

КАК ТОРЖЕСТВУЕТ ИСТИНА.

ГЛАВА XIV.

Как торжествует Истина—Общество в Айнзидлене—Просьба к епископам—к союзникам—Жители Айнзидлена расходятся—Сцена в монастыре—Обед Микония—Сила реформаторов—Последствия петиций в Люцерн—Совет сейма—Халлер в Таунхаусе—Фрибург—Нужда Освальда—Зинглиус утешает его—Освальд покидает Люцерн—Первая строгость сейма—Ужас братьев Зинглиуса—Его решение—Будущее—Молитва из Зинглия.

Между тем еще более высокие интересы занимали друзей истины. Сейм, как мы видели, по настоянию врагов Реформации приказал евангелическим проповедникам воздержаться от проповедования доктрин, которые беспокоили народ. Зинглиус почувствовал, что настал момент для действий, и со свойственной ему энергией созвал собрание служителей Господа, друзей Евангелия, в Айнзидлене. Сила христиан заключается не в плотском оружии и не в пламени мученичества — она в простом, но единодушном и бесстрашном исповедании этих великих истин, которым однажды должен быть подчинен мир. В частности, Бог призывает тех, кто служит ему, открыто проповедовать эти небесные доктрины в присутствии всего народа, не смущаясь криками противников. Эти истины сами по себе способны обеспечить свой триумф, и, как в древности с ковчегом Божьим, идолы не могут устоять в их присутствии. Пришло время, когда Бог пожелал, чтобы великое учение о спасении было исповедано в Швейцарии. Было

необходимо, чтобы зная Евангелия было водружено на каком-нибудь возвышении. Провидению предстояло вывести скромных, но бесстрашных людей из неизвестных убежищ, чтобы они могли принести поразительное свидетельство в присутствии нации.

ВСТРЕЧА В АЙНЗИДЛЕНЕ.

В конце июня - начале июля 1522 года были замечены благочестивые служители, направлявшиеся во всех направлениях к знаменитой часовне Айнзидлена в новом паломничестве. [871] Из Арта, в кантоне Швиц, приехал его викарий Бальтазар Трашель; из Вайнингена близ Бадена - викарий Стахели; из Цуга - Вернер Штайнер; из Люцерна - каноник Килхмейер; из Устера - викарий Пфистер; из Хонга, близ Цюриха, - викарий Штумпф; из самого Цюриха - каноник Фабрициус, капеллан Шмид, проповедник больницы, Гросман и Зинглиус. Лео Джуда, викарий Айнзидлена, самым сердечным образом приветствовал всех этих служителей Иисуса Христа в древнем аббатстве. С тех пор, как Зинглий поселился в нем, это место было цитаделью истины и гостиницей справедливых. [872] Подобным образом тридцать три отважных патриота, решивших свергнуть иго Австрии, встретились двести лет назад на уединенной равнине Грутли. Цель собрания в Айнзидлене состояла в том, чтобы сбросить ярмо человеческой власти в делах Божьих. Зинглиус предложил своим друзьям обратиться с серьезными обращениями к кантонам и епископу с молитвой о свободной проповеди Евангелия и в то же время об отмене обязательного безбрачия, источника стольких нарушений. Предложение было принято единогласно. [873] Ульрик сам подготовил адреса. Сначала было зачитано послание епископу. Оно было датировано 2 июля 1522 года и подписано всеми упомянутыми нами евангелистами. Проповедников истины в Швейцарии объединяла искренняя привязанность. Многие другие, кроме него, сочувствовали партии в Айнзидлене: таковы были Халлер, Миконий, Гедю, Капито, Колампадиус, Себастьян Мейер, Хоффмайстер и Ваннер. Эта гармония - одна из лучших черт швейцарской реформации. Эти замечательные люди всегда действовали как один человек и оставались друзьями до самой смерти.

ОБРАЩЕНИЕ К ЕПИСКОПУ.

Жители Айнзидлена понимали, что только силой веры члены Конфедерации, разделенные призывами иностранцев, могли стать единым целым. Но их взгляды были вознесены выше. "Небесное учение, - сказали они своему церковному главе в обращении от 2 июля, - та истина, которую Бог-Творец явил через Своего Сына человечеству, ныне погрязшему во зле, долгое время была скрыта от наших глаз невежеством, чтобы не сказать злобой некоторых людей. Но Всемогущий Бог решил восстановить его в первобытном состоянии. Присоединяйтесь к тем, кто требует, чтобы множество верующих вернулось к своему главе, который есть Христос. [874] Со своей стороны мы решили распространять его Евангелие с неутомимой настойчивостью и в то же время с такой мудростью, что никто не сможет пожаловаться. [875] Одобряет это предприятие; возможно, удивительное, но не опрометчивое. Будьте подобны Моисею, идущему во главе народа, выходящего из Египта, и сокрушайте препятствия, препятствующие триумфальному продвижению истины".

После этого теплого обращения евангелисты, собравшиеся в Айнзидлене, приняли безбрачие. У Зинглиа больше не было никаких требований к себе по этому поводу, поскольку у него уже было одно, соответствующее описанию, данному Павлом о том, какой должна быть жена священника: *серьезной, трезвой, верной во всем*. (1 Тим. iii, 2.) Но он думал о своих братьях, чья совесть еще не была такой, как у него, освобожденной от человеческих обычаев. Более того, Он

вздыхал о том времени, когда все слуги Божьи могли бы жить открыто и без страха в лоне своей собственной семьи, *со всей серьезностью* держа своих детей *в повиновении*, говорит апостол,. (1 Тим. iii, 4.) "Вы не в неведении, - сказали жители Эйнзидлена, - что до сих пор целомудрие прискорбно нарушалось священниками. Когда при посвящении слуг Господа того, кто говорит от имени всех, спрашивают: "Праведны ли те, кого вы представляете? Он отвечает — Они праведны. Они образованны? Они образованны. Но когда его спрашивают — целомудренны ли они? он отвечает: Насколько позволяет человеческая слабость. [876] Все в Новом Завете осуждает распущенность: все в нем санкционирует брак". Затем следует цитирование большого количества отрывков. "А потому, - продолжали они, - мы умоляем вас любовью Христа, свободой, которую он приобрел для нас, страданиями стольких слабых и колеблющихся душ, ранами стольких изъязвленных совестей, всем человеческим и божественным; ... позвольте тому, что было сделано опрометчиво, быть мудро отмененным, иначе величественное здание Церкви рухнет со страшным грохотом и повлечет за собой безграничные разрушения. [877] Посмотрите, какие бури угрожают миру. Если мудрость не вмешается, со священством будет покончено".

ОТЪЕЗД Из АЙНЗИДЛЕНА.

Петиция в Конфедерацию была более объемной. Банда Айнзидлена, обращаясь к конфедератам, заключает таким образом: "Достопочтенные господа, мы все швейцарцы, а вы наши отцы. Среди нас есть такие, кто проявил себя верными в бою, во время чумы и других бедствий. [878] Мы обращаемся к вам во имя истинного целомудрия. Кто не знает, что мы могли бы гораздо лучше удовлетворить чувственный аппетит, не подчиняясь законам законного союза? Но необходимо положить конец скандалам, от которых страдает церковь Христа. Если тирания римского понтифика будет угнетать нас, ничего не бойтесь, храбрые герои! Авторитет Слова Божьего, права христианской свободы и суверенная сила благодати окружают нас. [879] У нас одна страна, у нас одна вера, мы швейцарцы, и доблесть наших прославленных предков всегда проявлялась в неукротимой защите тех, кто угнетен несправедливостью".

Таким образом, в самом Айнзидлене, на этом старом бастионе суеверий, который и в наши дни остается одним из самых известных убежищ римских суеверий, Зинглий и его друзья смело подняли знамя истины и свободы. Они обратились к главам государства и Церкви. Они закрепили свой тезис, подобно Лютеру, как на воротах епископского дворца, так и на воротах национального совета. Друзья, встретившиеся в Айнзидлене, расстались спокойными, радостными, полными надежды на того Бога, которому они вверили свое дело. Одни проходили близ поля битвы при Моргартене, другие - через цепь Альбисов, третьи - через другие долины или горы, и все возвращались на свои посты. "В те времена было действительно что-то грандиозное", [880] говорит Генри Буллинджер: "в людях, которые осмеливались выдвигать себя вперед, сплачиваясь вокруг Евангелия и подвергая себя всем опасностям. Но Бог защитил их так, что никакое зло не постигло их, ибо Бог хранит свой народ во все времена". Это было действительно нечто грандиозное, это был великий шаг в развитии Реформации, один из самых ярких дней религиозного возрождения в Швейцарии. В Айнзидлене была образована священная конфедерация. Смирненные и мужественные люди схватили меч Духа, который есть Слово Божье, и щит веры. Перчатка была брошена, и вызов был брошен не одним человеком, а людьми из разных кантонов, готовыми пожертвовать своими жизнями. Оставалось только ждать начала битвы.

СЦЕНА В ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ.

Все говорило о том, что бой будет ожесточенным. Пятью днями позже (7 июля) магистратура Цюриха, желая доставить некоторое удовлетворение римской партии, вызвала к себе Конрада Гребеля и Клауса Хоттингера, двух из тех крайних людей, которые, казалось, желали выйти за рамки мудрой Реформации. "Мы запрещаем вам, - сказал бургомистр Раст, - выступать против монахов или по спорным вопросам". При этих словах в зале раздался громкий шум, говорится в древней хронике. Бог так явно благоволил к этой работе, что люди повсюду ожидали знаков его вмешательства. Все присутствующие изумленно оглядывались по сторонам, не будучи в состоянии понять причину этого загадочного обстоятельства. [881]

Но наибольшего накала возмущение достигло в монастырях. Каждое проводимое в них собрание, будь то по поводу дисциплины или праздника, становилось свидетелем какого-нибудь нового нападения. Однажды, когда в монастыре Фраубрунн праздновался большой праздник, вино ударило в головы гостям, и они начали пускать в Евангелие самые ядовитые стрелы. [882] Что особенно приводило в ярость этих священников и монахов, так это евангельское учение о том, что в христианской церкви не должно быть жреческой касты над верующими. Присутствовал только один друг Реформации, простой мирянин, Макрин, школьный учитель в Солере. Сначала он уклонился от состязания, пересев за другой стол. Но, наконец, не в силах больше выносить яростные оскорбления гостей, он смело встал и воскликнул: "Да, все истинные христиане - священники и приносят жертвы в соответствии со словами святого Петра: *"Ты - царственное священство"*". При этих словах один из самых отважных скандалистов, бургдорфский настоятель, высокий, плотный человек со зычным голосом, громко рассмеялся. "Вы, маленькие греки и школьные крысы! Вы царственное священство!... Прекрасное священство!... Нищенствующие короли!... священники без пребендов и бенефиций!" [883] И мгновенно все священники и монахи единодушно набросились на дерзкого мирянина.

Но именно в Люцерне смелый шаг жителей Айнзидлена произвел сильнейшую сенсацию. В этом городе заседал Сейм, и со всех сторон поступали жалобы на опрометчивых проповедников, которые мешали Гельвеции спокойно продавать кровь своих сыновей чужеземцу. 22 июля, когда Освальд Миконий ужинал с каноником Килчмейером и несколькими другими друзьями евангелиста, в дверь постучал мальчик, посланный Зинглиусом. [884] Он был отправителем двух знаменитых петиций из Айнзидлена и письма от Зинглиуса, в котором Освальду предлагалось распространить их в Люцерне. "Мой совет таков, чтобы это делалось тихо, постепенно, а не все сразу; но, ради любви к Христу, необходимо оставить все, даже жену".

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЛЮЦЕРНЕ.

Так приближался кризис в Люцерне: снаряд упал и не мог не разорваться. Гости зачитали петиции. "Пусть Бог благословит это начало", [885] сказал Освальд, подняв глаза к небу, а затем добавил: "С этого момента эта молитва должна быть постоянным занятием наших сердец". Петиции были немедленно распространены, возможно, с большим рвением, чем того требовал Зинглиус. Но момент был особенный. Одиннадцать человек, цвет духовенства, оказались в проломе: необходимо было просветить умы людей, исправить нерешительность и привлечь на свою сторону наиболее влиятельных членов сейма.

Освальд в разгар этой работы не забывал о своем друге. Молодой посланник рассказал ему о нападениях, которым Зинглиусу пришлось подвергнуться со стороны монахов в Цюрихе. Написав ему в тот же день, он пишет: "Истина Святого Духа непобедима. Вооруженный щитом Святого Писания, ты остался победителем не только в одном сражении и не в двух, но и в трех, и сейчас начинается четвертое.... Возьмите в руки это мощное оружие, которое тверже алмаза! Христу, чтобы защитить свой народ, нужно только его Слово. Ваша борьба придает неукротимое мужество всем, кто посвятил себя Иисусу Христу". [886]

В Люцерне прошения не принесли ожидаемого результата. Некоторые благочестивые люди одобрили их, но их было немного. Некоторые, боясь скомпрометировать себя, не желали ни хвалить, ни порицать. [887] "Эти люди, - говорили другие, - никогда не доведут это дело до хорошего конца!" Все священники роптали, ворчали и бормотали сквозь зубы. Что касается людей, то они громко выступали против Евангелия. Жажда войны пробудилась в Люцерне после кровавого поражения при Бикоке и поглотила все мысли. [888] Освальд, который был внимательным наблюдателем этих различных впечатлений, почувствовал, что его мужество поколеблено. Евангелическое будущее, которое он предвидел для Люцерна и Швейцарии, казалось, исчезло. "Наш народ, - сказал он с глубоким вздохом, - слеп к небесному. Что касается славы Христа, то на швейцарцев нет никакой надежды". [889]

КИЛЧМЕЙЕР. HALLER. МЕЙЕР.

Гнев возобладал, особенно в Совете и Сейме. Папа римский, Франция, Англия и империя по всей Швейцарии были в волнении после поражения при Бикоке и эвакуации Ломбардии французами под командованием Лотрека. Разве политические интересы в тот момент не были достаточно сложными, прежде чем эти одиннадцать человек пришли со своими петициями, чтобы обсудить с ними религиозные вопросы? Только депутаты Цюриха были благосклонно настроены к Евангелию. Каноник Ксилотект, опасаясь за свою собственную жизнь и жизнь своей жены (он женился на представительнице одной из первых семей в стране), со слезами сожаления отказался поехать в Айнзидлен и подписать адреса. Каноник Килчмейер проявил больше мужества. Ему тоже было чего бояться. "Мне угрожает осуждение, - пишет он Зинглиусу 13 августа. - Я жду его без страха..." Когда он писал эти слова, в комнату вошел чиновник совета и попросил его явиться на следующий день. [890] "Если меня закуют в кандалы, - сказал он, продолжая свое письмо, - я прошу вашей помощи; но легче будет перевезти камень из наших Альп, чем отдалить меня на ширину пальца от слова Иисуса Христа". Уважение, которое считалось должным по отношению к его семье, и решение, которое они приняли, позволив буре обрушиться на Освальда, спасли каноника.

Бертольд Халлер, вероятно, потому, что он не был швейцарцем, не подписал петиции. Но, полный мужества, он, подобно Зинглию, разъяснял Евангелие от Матфея. Огромная толпа заполнила Бернский собор. Слово Божье действовало на людей сильнее, чем драмы Мануэля. Халлера вызвали в Городской дом; люди сопровождали своего добродушного пастора и оставались на месте. Совет разделился. "Это касается епископа", - сказали ведущие мужи. "Проповедник должен быть передан милорду Лозаннскому". Друзья Галлера задрожали при этих словах и посоветовали ему удаляться как можно быстрее. Народ собрался вокруг и проводил его до дома, где оставалось множество горожан с оружием в руках, готовых из своих тел создать крепостной вал в защиту своего смиренного пастыря. Епископ и совет были поражены этой энергичной демонстрацией, и Халлер был спасен. Халлер был не единственным

участником боевых действий в Берне. Себастьян Мейер в это время опроверг папское послание констанцкого епископа и, в частности, грозное обвинение в том, "что евангелисты учат новому учению, но что старое учение является истинным". "Ошибаться в течение двух тысяч лет, - сказал Мейер, - не значит быть правым ни на один час; в противном случае язычникам следовало бы придерживаться своей веры. Если самые древние доктрины должны оставаться актуальными, то полторы тысячи лет - это больше, чем пятьсот лет, а Евангелие более древнее, чем постановления папы Римского". [891]

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ МИКОНИЙ.

В этот период магистраты Фрибурга перехватили письма, адресованные Халлеру и Мейеру каноником Фрибурга по имени Джон Холлард, уроженцем Орба. Они заключили его в тюрьму, затем низложили и, наконец, изгнали. Джон Ванниус, певчий в кафедральном соборе, вскоре после этого принял евангелическую доктрину, ибо в христианской войне как только один солдат падает, его место занимает другой. "Как могла мутная вода Тибра, - сказал Ванний, - существовать рядом с чистой водой, которую Лютер черпал из источника Святого Павла". Но рот хориста тоже был закрыт. Миконий писал Зинглию: "Едва ли вы найдете в Швейцарии людей, более отвращенных к Евангелию, чем фрибуржцы". [892]

Люцерн следовало бы назвать исключением. Миконий знал это. Он не подписывал знаменитые петиции, но его друзья подписали, если он этого не сделал, и требовалась жертва. Благодаря ему древняя литература Греции и Рима начала проливать некоторый свет в Люцерне; многие приезжали из разных мест, чтобы послушать ученого профессора, и сторонники мира были очарованы звуками, более приятными, чем звуки алебард, мечей и кирас, которые до сих пор только и звучали в этом воинственном городе. Освальд пожертвовал всем ради своей страны. Он покинул Цюрих и Цюинглиус; он потерял здоровье; его жена тосковала; [893] его сын был в детстве; если бы даже Люцерн отверг его, он не мог надеяться на убежище. Но это неважно; фракции не знают жалости, и то, что должно вызывать у них сострадание, разжигает их ярость. Гербенштейн, бургомистр Люцерна, старый и доблестный воин, прославившийся в войнах за Швабию и Бургундию, последовал за низложением учителя и пожелал изгнать из кантона вместе с собой его греческий, латынь и евангелие. Ему это удалось. Выходя из Совета после седерунта, на котором был низложен Миконий, Гербенштейн встретился с цюрихским депутатом Бергером. "Мы отправляем вам обратно вашего школьного учителя, - иронически сказал он ему, - найдите ему хорошее жилье". "Мы не позволим ему спать под открытым небом", [894] немедленно ответил отважный депутат. Но Бергер пообещал больше, чем мог выполнить.

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ ОСВАЛЬД.

Новости, сообщенные бургомистром, были слишком правдивы и вскоре были доведены до сведения несчастного Микония. Он низложен и изгнан, и единственное преступление, вменяемое ему в вину, - это то, что он был учеником Лютера. [895] Он оглядывается по сторонам, но нигде не находит укрытия. Он видит свою жену, своего сына и себя самого, всех троих слабыми и болезненными, изгнанными из своей страны и Швейцарии, все вокруг охвачено вихрем, который ломает и уничтожает все, что стоит на его пути. "Вот, - сказал он затем Зинглию, - бедный Миконий, изгнанный советом Люцерна. [896]... Куда мне идти? Я не знаю.... Подвергшийся нападению этих яростных штормов, как ты мог укрыть меня? Тогда я взываю в своем отчаянии к тому Богу, который является первым, на кого я надеюсь, который всегда щедр,

всегда добр и который никогда не призывает никого напрасно искать его лица. Пусть Он удовлетворит мои потребности!"

Так говорил Освальд, и ему не пришлось долго ждать слов утешения. В Швейцарии был человек, привыкший к битвам за веру. Зинглий приблизился к своему другу и, утешая его, выразился так: "Удары, которыми люди пытаются ниспровергнуть дом Божий, настолько сильны, а нападения, которые они совершают на него, настолько часты, что на него обрушиваются не только ветер и дождь, как предсказывал наш Спаситель (Мф. vii, 27), но град и гром. [897] Если бы я не видел Господа, направляющего корабль, я бы уже давно бросил штурвал в море, но я вижу его среди бури, укрепляющим снасти, приводящим в порядок реи, натягивающим паруса, что я могу сказать? повелевающий самими ветрами.... Не должен ли я тогда быть трусом, недостойным имени человека, если я оставлю свой пост и убегу навстречу позорной смерти? Я всецело полагаюсь на его высочайшую доброту. Пусть он управляет, транспортирует, торопит, тормозит, осаждает, арестовывает, ломает, пусть он даже низвергнет нас на дно пропасти, мы ничего не боимся. [898] Мы - сосуды, принадлежащие ему. Он может использовать нас, как ему заблагорассудится, для чести или позора ". После слов, полных такой веры, Зинглиус продолжает. "Что касается вашего случая, то это мое мнение. Предстаньте перед советом и произнесите там речь, достойную Христа и вас самих, то есть подобающую трогать, а не раздражать сердца людей. Отрицайте, что вы ученик Лютера, заявляйте, что вы ученик Иисуса Христа. Пусть твои ученики окружают тебя и дадут им высказаться, а если все это не удастся, приходи к своему другу, приезжай в Зинглиус и считай наш дом своим собственным очагом".

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ ОСВАЛЬД.

Освальд, ободренный этими словами, последовал благородному совету Реформатора, но все его усилия были бесполезны. Свидетелю истины пришлось покинуть свою страну. Его враги в Люцерне так громко выступали против него, что магистраты никому не позволили предоставить ему убежище. Убитый горем при виде такой вражды, исповедник Иисуса Христа воскликнул: "Все, что мне теперь остается, - это ходить от двери к двери, умоляя поддержать мою жалкую жизнь". [899] Вскоре после этого друг и самый могущественный помощник Зинглиуса, первого человека в Швейцарии, объединившего литературное образование с любовью к Евангелию, реформатора Люцерна, а в более поздний период одного из лидеров гельветической церкви, был вынужден вместе со своей болезненной женой и маленьким сыном покинуть этот неблагодарный город, где из всей его семьи только единственной, кто принял Евангелие, была сестра. Он пересек его древние мосты и попрощался с этими горами, которые, кажется, поднимаются из недр Вальдштеттенского озера до самых облаков. Каноники Ксилотект и Килчмейер, единственные друзья, которых Реформация еще числила среди его соотечественников, вскоре последовали за ним. И в тот момент, когда этот бедняга с двумя немощными товарищами, чье существование зависело от него, обратив взор к озеру и проливая слезы о своей обманутой стране, покинул те величественные пейзажи, которые окружали его колыбель, само Евангелие покинуло Люцерн, и Рим царит в нем по сей день.

Вскоре после того, как сам сейм, собравшийся в Бадене, уязвленный петициями Айнзидлена (которые, будучи напечатанными, произвели большую сенсацию) и побуждаемый констанцским епископом нанести удар по нововведениям, прибегнул к мерам преследования, приказал властям деревень привлекать к суду всех священников и мирян, которые будут выступать против веры, в своем нетерпении набросился на евангелиста, оказавшегося

поблизости, Урбан Вайс, пастор Филиспаха, который ранее был освобожден под подписку о невыезде, приказал доставить его в Констанц, а затем выдал его епископу, который долгое время держал его в тюрьме. "Так, - говорится в Хронике Буллингера, - началось преследование Евангелия со стороны союзников, и это по наущению духовенства, которое во все времена выдавало Иисуса Христа Ироду и Пилату". [900]

ЗИНГЛИЙ СВОИМ БРАТЬЯМ.

Зинглию не суждено было избежать выпавших на его долю испытаний. Затем на него обрушились удары, к которым он был наиболее чувствителен. Слух о его доктринах и его состязаниях миновал Сантис, проник в Токенбург и достиг высот Вильдхауса. Пасторская семья, из которой происходил Реформатор, была тронута. Из четырех братьев Зинглиуса некоторые продолжали мирно заниматься своими трудами в горах, в то время как другие, к великому огорчению их брата, оставили свои стада и служили иностранным принцам. Все были встревожены новостью, которую слухи донесли до их шале. Они уже видели, как схватили их брата, возможно, потащили в Констанц к его епископу, и как для него воздвигли костер на том же месте, где поглотили тело Яна Гуса. Этим гордым пастухам была невыносима мысль о том, что их назовут братьями еретика. Они написали Ульрику, описав свою печаль и свои страхи. Зинглий ответил: "Пока Бог позволяет, я буду выполнять задачу, которую он возложил на меня, не боясь мира и его гордых тиранов. Я знаю худшее, что может со мной случиться. Нет ни опасности, ни несчастья, которые я бы долго тщательно не взвешивал. Моя собственная сила - просто ничто, и я знаю силу моих врагов, но я также знаю, что я могу сделать все через Христа, укрепляющего меня. Если бы я молчал, кто-то другой был бы вынужден делать то, что Бог сейчас делает через меня, и я был бы наказан Богом. Отбросьте подальше от себя все ваши тревоги, мои дорогие братья. Если у меня и есть страх, так это того, что я был мягче и меня было легче убедить, чем подобает для этого возраста. [901] Какой позор, по вашим словам, падет на всю нашу семью, если вас сожгут или предадут смерти каким-либо другим способом! [902] О, горячо возлюбленные братья! евангелие черпает из крови Христа такую чудесную природу, что самые жестокие гонения не только не останавливают, но только ускоряют его развитие. Истинными воинами Христа являются только те, кто не боится нести в своем теле раны своего Учителя. Все мои труды не имеют иной цели, кроме как познакомить людей с сокровищами счастья, которые Христос приобрел для нас, чтобы все могли устремиться к Отцу через смерть Его Сына. Если его учение оскорбляет вас, ваш гнев не сможет остановить меня. Вы мои братья, да, мои родные братья, сыновья моего отца и отпрыски одной матери ... но если бы вы не были моими братьями во Христе и в деле веры, мое горе было бы настолько велико, что ничто не могло бы сравниться с ним. Adieu. Я никогда не перестану быть вашим истинным братом, при условии, что вы сами не перестанете быть братьями Иисуса Христа". [903]

МОЛИТВА ЗИНГЛИЯ.

Конфедераты, казалось, восстали против Евангелия как один человек. Петиции Айнзидлена послужили сигналом. Зинглий, обеспокоенный судьбой своего дорогого Микония, увидел в этом несчастье только начало беды. Враги в Цюрихе: враги за границей — собственные родственники человека становятся его врагами, — яростное сопротивление со стороны монахов и священников, — насильственные меры сейма и советов, — грубые, возможно, кровавые нападения со стороны сторонников дипломатической службы, — высокогорные долины Швейцарии, колыбель конфедерации, посылающие фаланги непобедимых солдат спасать Рим

и, жертвуя жизнью, уничтожать растущую веру сынов Реформации — такова была перспектива, при виде которой пронизательный ум Реформатора содрогнулся, когда он увидел, что он находится в опасности. увидел это на расстоянии. Какая перспектива! Разве работа, едва начатая, не была на грани уничтожения? Зинглий, задумчивый и взволнованный, излил все свои страдания перед своим Богом. "О Иисус, - сказал он, - ты видишь, как нечестивые люди и богохульники оглушают слух твоего народа своими криками. [904] Ты знаешь, что с детства я ненавидел споры, и все же вопреки моему желанию ты не переставал подталкивать меня к битве.... А потому я с уверенностью взываю к тебе, как ты начал, так и доведи до конца. Если в чем-то Я ошибся, сокруши это своей могучей рукой. Если я заложил какое-то другое основание рядом с твоим, пусть твоя могущественная рука разрушит его. [905] О самая возлюбленная виноградная лоза, Отец Которой - виноградарь, и ветвями которой мы являемся, не оставляй свое потомство. [906] Ибо ты обещал быть с нами даже до конца света!"

Именно 22 августа 1522 года Ульрих Зинглиус, реформатор Швейцарии, увидев, как сильные бури обрушиваются с гор на хрупкую лодку веры, выразил таким образом тревоги и надежды своей души в присутствии своего Бога.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА.

СЕРИЯ КОЛЛИНЗА

ИЗ

ЦЕННЫЕ И ПОПУЛЯРНЫЕ РАБОТЫ.

Томы уже опубликованы, каждый 1с. 6д. сшит или 2с. Ткань.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ Д'ОБИНЬЕ В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ. **Полное издание**, 4 тома. С портретом Лютера.

ЛЕКЦИИ ЧИВЕРА О ПРОДВИЖЕНИИ ПИЛИГРИМА И О ЖИЗНИ И ВРЕМЕНАХ БАНЬЯНА. Полное издание с портретом Баньяна.

ЭССЕ И БЕСЕДЫ Дж. Х. Мерля Д'Обинье, доктора философии, автора книги "История реформации". Переведено с французского. С Фронтисписом резиденции доктора Д'Обинье на озере Леман.

ХРИСТИАНСКИЙ ФИЛОСОФ ДИКА, или Связь науки и философии с религией, иллюстрированный гравюрами, 2 тома. Это популярное произведение было значительно расширено и улучшено Автором для этой Серии.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА МИРА СПРИНГА (доктора Гардинера) ПЕРЕД БИБЛИЕЙ.

"ЖИЗНЕННОЕ ХРИСТИАНСТВО" ВИНЕ (профессора), или Религии человека и религия Бога. С фронтисписом из Лозанны.

СЦЕНЫ УАЙЛИ (преподобного Дж. А.) ИЗ БИБЛИИ.

"СТРАНСТВИЯ ПИЛИГРИМА в ТЕНИ МОНБЛАНА" ЧИВЕРА и АЛЬП ЮНГФРАУ.

"ПУТЕШЕСТВИЕ ПИЛИГРИМА" БАНЬЯНА. С примечаниями преподобного Т. Скотта и вступительным эссе Джеймса Монтомери, эсквайра.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ ДИКА, или иллюстрация Моральных законов Вселенной.

За ним последуют другие Популярные произведения.

Каждый том содержит от 300 до 400 страниц, снабжен стальной гравировкой и для удобства всех классов издается следующим образом:

Сшит в красивую обертку, 1 штук. бд., или в тканевом переплете, 2штука.

Кроме того, королевское издание за 12 месяцев, в тканевом переплете, по 3 доллара за том.

**Издано Уильямом Коллинзом в Глазго и Лондоне,
И ПРОДАЕТСЯ ВСЕМИ КНИГОТОРГОВЦАМИ.**

СНОСКИ:

[1] Письмо курфюрста своему посланнику в Риме, (L. Op. (L.) xvii, стр. 298.)

[2] "Рациональная повестка дня противоположного начала" (Паллавичини, История. Продолжение. Трид. Т. i, стр. 51).

[3] "Жизнь Льва X" Роско

[4] Необходимость постоянного воздержания от вина, (история Паллавичини. Продолжение. Триада. i, стр. 69).

[5] "Sciscitatus per viam Miltitxius quanam esset in estimationeutherus ... sensit de eo cum admiratione homines loqui." (Паллавичини, История. Консилиум. Триада. Том i, стр. 51.)

[6] "Ecce ubi unum pro papa stare inveni, tres pro te contra papam stabant." (L. Op. Lat. in Præf.)

[7] Что касается опоссума, то он имеет право продавать себя римлянам, лигне и лапидам (Там же)

[8] "Мартинус ностер, Део грациас, адхук спира". (Corpus Reformatorum. Edidit Bretschneider, I, 61.)

[9] Ожидаемый совет божий. (L. Ep. i, стр. 191.)

[10] За единую оппозицию единодушно, и это пачки, которые я передаю Ромам. (L. Указ. лат. в преф.)

[11] "По желанию павла, во время бури..." (L. Указ. лат. в преф.)

[12] Лешер, ii, 567.

[13] Сэд повержен в состоянии Домино ... mutavit violentiam in benevolentiam fallacissime simulatam. (L. Ep. i, p. 206.)

[14] O Martine, ego credebam et esse senem aliquem theologum, qui post fornacem sedens.... (L. Op. Lat. in Præf.)

[15] К чему сводить конъюнктуру и абстрагироваться от нее. (L. Ep. i, стр. 231.)

[16] У нас есть 25 миллионов вооруженных людей, которым ничего не известно о моем отряде. (L. Указ. соч. лат. в преф.)

[17] L. Op. (W.) xxii.

[18] Обильное слезотечение само по себе или как следствие, не там пернициозам Кристиано дженери бурно развивается. (Паллавичини, i, 52.)

[19] Non evasisset res in tantum tumultum. (L. Указ. лат. в преф.)

[20] Und die Sache sich zu Tode bluten. (L. Ep. i, 207.)

[21] L. Ep. i, 209.

[22] "Ab integro jam sæculo nullum negotium Ecclesiæ contigisse quod majorem illi sollicitudinem incussisset." (Паллавичини, Том i, стр. 52.)

[23] "У Ego dissimulabam крокодилы слезы, а у меня разум". (L. Ep. i, 216.)

[24] "С наступающим, я принимаю, поздравляем с наступающим". (Тамже. 231.)

[25] "Такова дружба, которая затрагивает этиам и оскуло; (иудейская наука.)" (Ibid. 216.)

[26] Выделена курсивом. (L. Ep. i, 231.)

[27] Verbis minisque pontificiis ita fregit hominem, hactenus terribilem cunctis et imperterritum stentorem. (L. Op. in Præf.)

[28] Долео Тецелиум. (L. Ep. i, стр. 223.)

[29] Sed conscientia возмущает Папайю forte occulruit. (Л. Соч. в Преф.)

[30] Единый Иисус Христос, Господствующий над всем миром. (L. Ep. i, стр. 234.)

[31] Нецио и Папа сидят Антихристом, и все они - апостолы божьи. (L. Ep. i, 239.)

[32] L. Op. (L.) xvii, 224.

[33] Видео повсеместное, оригинальное, необычно модное, анимам нужны ответы. (L. Ep. i, стр. 274, 16 мая.)

[34] Из-за затопления водой. (L. Epp. i. стр. 278, 279.)

[35] Никаких серьезных последствий для человека, как трагических, так и возбуждающих клевету. (Эразм. Ep. vi, 4.) Я не в состоянии никакими словами описать трагедии, которые вызвали здесь ваши работы.

[36] Предсказание маурурума. (Паллав. i, 91.)

[37] "В его удостоверении личности гаудео, что он истинный варвар и проповедник, место адео". (L. Ep. i, 255.)

[38] Доминус эвиджилавит и статистика для правосудия и населения. (L. Указ. соч. на латыни)

[39] Deus rapit, pellit, nedum ducit me: non sum compos mei: volo esse quietus et rapior in medios tumultus. (L. Ep. i, 231.)

[40] Nihil cupiebat ardentius, quam sui specimen præbere in solemni disputatione cum semulo. (Паллавичини, Том i, стр. 55.)

[41] Защита от противников Эхии мономаха.

[42] L. Op. (L.) xvii, стр. 242.

[43] Седус в медиуме божьем; если новизна исходит из трагической истории, выведенной волуэритом, (L. Ep. i, 230, 222.)

[44] 1-й том, стр. 402

[45] L. Op. (L.) xvii, стр. 245.

[46] L. Ep. i, стр. 237.

[47] Годенс и виденс пост-хабео-история моей серии людод. (Там же, стр. 251.)

[48] Для укрепления и поддержки глади у тебя супер бедренная кость, потенциал! (Там же.)

[49] Ac si полевки semper Augustus saluteris в eternum. (Там же, стр. 251)

[50] Оставайся верен себе, спаси себя, не я, не ту, не уллий гоминис.... (L. Ep. i, 261.) И пусть истина стоит особняком; она спасет себя своей собственной правой рукой — не твоей, не моей, или руки любого мужчины.... (L. Ep. i, 261.)

[51] Ожидаемый фурор. (Там же. 280, 30 мая 1519 г.)

[52] Вся орбита сумасшедшая и движется, там тело животного. (Там же.) Весь мир кивает и потрясен как телом, так и душой.

[53] Во всеуслышание, дуче Джорджио не имеет права отвечать взаимностью. (Там же, стр. 282.) После трех писем я не смог получить решительного ответа от герцога Георга.

[54] Ita ut non disputator, sed spectator futurus Lipsiam ingrederer. (Л. Соч. в Преф.)

[55] Principis nostri verbo firmatus. (L. Ep. i, 255.)

[56] Шейндер, Л. Ч. iv, 168.

[57] Временная теологическая санкция ... populum Lipsiæ inclamant. (Л. Ep. i, 255.) Теологи, тем временем, поносят меня ... и декламируют перед народом Лейпцига.

[58] Das walt der Teufel (L. Ep. i, 255.)

[59] Второе дополнение., стр. 201.

[60] Малим те плюс опера шумера в утверждении истинных букв, как в секте, так и в харуме врага. (Ссылка на корпус. изд. Бретшнейдер, i, 78, 22 апреля 1519 г.)

[61] Мартинус, Домини майлз, ханк камаринам мовит. (Корп. i, стр. 82.)

[62] Nec cum carne et sanguine diu contulit, sed statim palam ad alios fidei confessionem constanter edidit. (M. Adami. Vita Amsdorf.) Он также не совещался с людьми из плоти и крови, но сразу же публично и твердо заявил о своей вере.

[63] Вайсман. История. Еккл. i, стр. 1444.

[64] Seb. Fröschel vom Priesterthum. Виттембель, 1585, в Преф.

[65] L. Op. (L.) xvii, стр. 243.

[66] Первый том, стр. 172.

[67] Второе дополнение. стр. 190.

[68] Si tecum non licet disputare, neque cum Carlstatio volo: propter te enim huc veni. (L. Op. in Præf.)

[69] Меланкт. Соч. i, стр. 139. (Последнее изд.)

[70] "Aiebat, ad universos mortales pertinebat iudicium, hoc est ad tribunal cujus colligendis calculis nulla urna satis capax." (Pallavicini, T. i, p. 55.)

[71] I. Op. (L. xvii, стр. 245.)

[72] Там же, стр. 246.

[73] Второе дополнение., стр. 209.

[74] Seine Gelehrsamkeit aber und Verstand in heiliger Schrift ist unvergleichlich, so dass er fast alles im Griff hat. (Мозеллан во Втором издании., 206.)

[75] Das Maul, Augen, und ganze Gesicht, presentirt ehe einen Fleischer oder Soldaten, als einen Theologum. (Мозеллан во Втором издании., 206.)

[76] Описывает тамена и его адама ille folium fici pulcherrimum. (L. Epp. i, стр. 294.) "Здесь, однако, этот Адам тоже сплел для себя прекраснейший фиговый лист".

[77] Паллавичини, i, 65.

[78] Послание к Филиппийцам, ii, 13.

[79] Соответствие действительности.

[80] Планк, i, стр. 176.

[81] Quanquam totum opus Dei sit, non tamen *totaliter* a Deo esse, quemadmodum totum pomum efficitur a sole, sed non a sole *totaliter* et sine plantæ efficientiâ. (Паллавичини, Том i, стр. 58.) Хотя

вся работа — от Бога, она не *полностью* от Бога - точно так же, как *целое* яблоко *wholly* под действием солнца и без участия растения.,,

[82] "Движем собой, вдохновляем, предотвращаем, существуем сами по себе; и наша свобода арбитража остается пассивной". Предотвращение движения, или вдохновения, исходит от Бога, и поэтому свободная воля пассивна.

[83] Частично Део, частично либеро арбитрио.

[84] "Согласие человека, консенсус есть сущность Бога. Consentire non est agere." Человек соглашается; но согласие - это дар Божий. Согласие - это не действие.

[85] Ut serra in manu hominis trahentis.

[86] Секкендорф, стр. 192.

[87] Джон Кесслер, впоследствии реформатор Святого Галла.

[88] Lipsicæ pugnæ otiosus spectator in reliquo volgo sedi. (Corpus Reformationum, i, 112.) В Лейпциге я сидел в толпе как праздный зритель.

[89] Tace tu, Philippe, ac tua studia cura, ne me perturba. (Там же, i, 149.)

[90] Меланхолия. Соч., с. 134.

[91] Значение реликвии, упражнение пустыни и трансфугамный факт. (L. Ep. i, 295.)

[92] Mich verklagen, schelten und schmæhen.... (L. Op. (L.) xvii, p. 247.)

[93] Письмо Эка Хейвену и Буркарду, 1 июля 1519 года. (Walch, xv, стр. 1456.)

[94] Лешер, iii, 278.

[95] Faciebat hoc Eccius quia certam sibi gloriam propositam cernebat, propter propositionem meam, in qua negabam Papam esse jure divino caput Ecclesiæ; hic patuit ei campus magnus. (Л. Соч. в Преф.) Экий сделал это, потому что он ожидал верной победы вследствие моего предложения, в котором я отрицал, что папа был jure divino главой церкви; здесь у него было широкое поле для экспансии.

[96] "Нам нужен монстр эссет, ecclesiam esse acephalam!" (L. Op. Lat. i, стр. 243.)

[97] Первое Кор. xv, 25.

[98] "Prorsus audiendi non sunt qui Christum extra Ecclesiam militantem tendunt in triumphantem, cum sit regnum fidei. Caput nostrum non videmus; tamen habemus." (L. Op. Lat. i, p. 243.)

[99] "Unde sacerdotalis unitas exorta est." (Там же.)

[100] Есть матрица, принадлежащая всецарице. (Там же. 244.)

[101] Я не знаю, что делать, и не знаю, что делать, чтобы избежать возможных последствий. (Там же. 243.)

[102] Обход, расследование, судебное дело для человека, поссет фиери, согласие, всеобщая верность цэрэушников. (L. Op. Lat. i, стр. 244.)

[103] "Право на заслуги и право на священность есть". (L. Op. Lat. i, стр. 244.)

[104] Primus inter pares.

[105] Ne episcopus universalis, a sed universalis Ecclesiae episcopus. (Тамже. 246.)

[106] Я прославляю себя, но не расстраиваюсь.... (L. Ep. i, 299.)

[107] "Сопротивляйся своему эго единолично, отстаивай апостольское право, оно божественно". (L. Op. Lat. i, стр. 237.)

[108] 1 Кор. iii, 11.

[109] 1 Петра, ii, 4, 5.

[110] На этом символе веры основана Церковь. (L. Op. Lat. i, стр. 254.)

[111] Et, ut fama est, de hoc plurimum gratulantur. (L. Op. Lat. i, стр. 250.)

[112] Nunquam mihi placuit, nec в eternum placebit quodcumque schisma ... Cum supremum jus divinum sit charitas et unitas Spiritus (Ibid.)

[113] Будь здоров!

[114] Мы придерживаемся того, что Дукс Георгиус миhi не является враждебным, потому что он уверен. (Л. Соч. в Прæф.) Ибо я был твердо уверен, что герцог Георг еще не был моим врагом.

[115] О силе веры христианской, о священных Писаниях, о собственном божественном праве. (L. Op. Lat. i, 252.) Также нельзя заставить верующего христианина выйти за рамки Священного Писания, которое, по сути, является божественным законом.

[116] "At Rev. Pater, *artis coquinariæ* minus instructus, commiscet sanctos græcos cum schismaticis et hæreticis, ut fuco sanctitatis Patrum, hæreticorum tueatur perfidiam." (Тамже.) Но преподобный отец, несовершенно сведущий в кулинарном искусстве, путает греческих святых с раскольниками и еретиками, чтобы святостью Отцов прикрыть вероломство еретиков.

[117] L. Op. (W.) xv, 1440.-2 Лешер, iii, стр. 281.

[118] Ita ut ipse Dux Georgius inter prandendum, ad Eccium et me dicat: "Sive sit jure humano, sive sit jure divino, papa; ipse est papa." (L. Op. in Præf.)

[119] L. Op. (L.) xvii, 246.

[120] Так быстрее всего доберется до мира вест сейн. (Тамже.)

[121] Посмотрите, как скрывается лицо писателя, как распят дьявол. Quare, salvis reverentiis Patrum, præfero ego auctoritatem Scripturæ, quod commendo iudicibus futuris. (L. Op. Lat. i, p. 291.)

[122] "Окончательные результаты, решение по имп аннулировано". (Pallavicini, i, 65.) Как обычно, никакого решения по завершению дебатов принято не было.

[123] "Totam istam conclusionum cohortem multo acrius et validius nostri Wittembergenses . . . oppugnaverunt et ita examinaverunt ut ossa eorum numerare licuerit, quas Eccius vix in facie eutis leviter perstriuxit." (L. Ep. i, 291.) Все эти умозаключения наши виттембергцы подвергли смелой и энергичной атаке и были так обнажены, что можно было пересчитать все их кости, тогда как Эк едва пробил их кожу.

[124] "Верность во многих случаях мне очевидна". (Реформа Корпуса. i, 83.)

[125] "Eccius triumphat ubique". (L. Ep. i, 290.)

[126] "Новам квамдам Илиада и Энейда иллос кантаре".... (L. Ep. i, стр. 305.)

[127] "Lutheri Sieg sey um so viel weniger berühmt, weil der Gelehrten, Verstandigen, und derer die sich selbst nicht hoch rühmen, wenig seyen." (Seckendorff, 207.)

[128] L. Op. (W.) xv, стр. 1440.

[129] ... A Deo petivit, flecti pectus suum ad veritatem, ac lacrymans sæpe hæc verba repetivit.... (M. Adami, Vita Georgii Anhalt, p. 248.)

[130] Ὅροις διὰ πάντων ἐγένετο, ἀγαθὸς δὲ ἦν, καὶ οὐδὲν πρὸς ποιήτων εἶχεν.] (Тамже. 255.)

[131] История Пейфера. Lipsiensis, 356.

[132] И когитабундус, и сепе в средствах массовой информации, и квази-странствующее животное. (Melch. Adami, Vita Crucigeri, p. 198.)

[133] Христос не виноват. (Корп. Реформа. i, 104.)

[134] L. Op. (W.) xiv, 200.

[135] Эго неосмотрительно относится к Иоганнису Гуссу, к документам и следствиям.... (L. Ep. ii, стр. 452.)

[136] Сложность в разъяснении и возникновении ошибок, totius orbis, exemplo firmatis.... (L. Указ. лат. в преф.)

[137] Ежегодно, она запоминается на всю жизнь.... (Тамже.)

[138] Почему этого нет, это необходимо из-за диавола? (Тамже.)

[139] Cum ego tot annis sacra legens diligentissime, tamen ita hæsi tenaciter. (Тамже.)

[140] Запрещено, post abitum nostrum, Martinum бесчеловечно. (Корпорация Меланхтон. Перераб. i, 106.)

[141] Он дас унгезиффер уберханд неме. (L. Op. (L.) xvii, 271.)

[142] Eccius ob varias et insignes ingenii обожает.... (L. Op. Lat. i, стр. 337.)

[143] Ausus est grammaticus Wittembergensis, греческий и латинский разум, не внушающий, эпистолярный эдер.... (L. Op. Lat. i, стр. 338.)

[144] Уна есть Сценарий, цельность Духа, чистота и всеобщая правда. (Contra Eckium Defensio, Corp. Перераб. i, стр. 115.)

[145] Что нужно знать? *Ipsi secum pugnant! quid mirum?* (Contra Eckium Defensio, Corp. Перераб., i, стр. 115.)

[146] *Quem collatis Scripturis e filo ductuque orationis licet assequi.* (Там же. 114.)

[147] В отношении человеческих сентенций, их расшифровки, в соответствии с *ipsas, seu i Lydium lapidem exigamus.* (Там же, стр. 115.) С его помощью (Священного Писания), как с помощью лидийского камня, давайте проверим решения и мнения людей.

[148] "Настоящее мужское правосудие; *judicium menus posteritatis erit.*" (L. Op. Lat. i, 310.)

[149] L. Указ. соч. i, 252.

[150] *Ego super te, sicut ablactatus super matre sua, tristissimus hac die fui.* (Ep. i, p. 342.)

[151] Розамунда как вокалист лишена чести быть достойной; я сторонник смехотворной привычки. (L. Указ. лат. в преф.) То, что называется золотой розой, он не ценил, более того, он держал это в насмешку.

[152] Интеллектуальный справочник принцепса римских искусств, куриалов и их (легатов) великих ученых. (Там же.) Принц разбирался в искусстве римского двора и знал, какое обращение полагается им (легатам).

[153] 3 сентября 1519 года.

[154] Л. Указ. соч. (L.) x, 461.

[155] Защита от злокачественных новообразований церковного правосудия. (Лат. i, стр. 356.)

[156] Канонизированный *quisque quantum volet.* (Там же, стр. 367.)

[157] Указ. соч. xvii, стр. 272.

[158] Там же. стр. 281.

[159] "*Si quis dixerit per ipsa novæ legis sacramenta ex opere operato non conferri gratiam, sed solam fidem divinæ promissionis, ad gratiam consequendam sufficere, anathema sit.*" (Тридентский собор, сессия 7, кан. 8.) Если кто-либо скажет, что благодать даруется не через Таинства Нового Завета, простым действием (*ex opere operato*), но что одной веры в божественное обетование достаточно для получения благодати, пусть он будет предан анафеме.

[160] Известная под названием *opus operatum*, выполненная работа.

[161] Ссылка на *opus operantis*, работу исполнителя, коммуниканта.

[162] Л. Указ. соч. xvii, стр. 281.

[163] L. Op. (L.) xvii, стр. 281.

[164] Særterum ego natus sum в Эйслебене.... (L. Ep. i, стр. 389.)

[165] Cum quo heri ego et Philippus certavimus, splendide invitati. (Там же, стр. 396.) С которым у нас с Филипом вчера был спор на великолепном приеме.

[166] Verbum Dei gladius est, bellum est, ruina est, scandalum est, perditio est, venenum est.... (L. Ep. i, p. 417.)

[167] Эгоистичный вопрос; есть только вопрос. Stet ergo, sive cadat; ego nihil lucrur, aut amitto. (Там же, стр. 418.)

[168] Мелкая уголовщина - это то, что касается отдельной части тела. (Там же, стр. 425.)

[169] Deum crederes omnipotentem loqui. (L. Ep. i, стр. 380.)

[170] Отчет о работе комитета, база данных flatibus и fluctibus. Bellum Domini est.... (Там же, стр. 423.)

[171] L. Op. (W.) xxii, 1869.

[172] Мемуары де Белле, i, 45.

[173] L. Op. (W.) xxii, 1874.

[174] L. Op. (W.) xxii, стр. 1858.

[175] "Является ли героическая плоскость модерацией великолепного отрицания".... (Паллавичини, i, стр. 79.) С умеренностью, граничащей с героизмом, он благородно отказался от этого.

[176] L. Op. (W.) xxii, стр. 1880.

[177] Причина истинности.... (L. Ep. i, стр. 392. 15 января 1520 г.)

[178] "Единственный недостаток в том, что вы осуждаете меня за вмешательство". (L. Ep. i, стр. 383.)

[179] Был ли канн мир эйн Менш тун? (Keith, L. Umstände, p. 89.)

[180] Тензе, История. Бер. ii, стр. 168.

[181] Da er viel freyer und sicherer schreiben und handeln möchte was er wollte.... (L. Op. (L.) xvii, p. 298.)

[182] Schreckliche, grausame, schädliche und verderbliche Empörungen erregen. (Там же.)

[183] Оставим в покое паратуса, верующих евангелистов, не торжествующих в покое. (L. Ep. i, стр. 462.)

[184] Si salutis viam Christianis permittant esse liberam, hoc unum peto ab illis, ac præterea nihil.... (Там же.)

[185] Никогда не было вечного примирения и связи.... (Там же, стр. 466, 10 июля 1520 г.)

- [186] Эмори малим, quam ab hoc viro авелли. (Корпорация. Реформа. стр. 160, 163.)
- [187] Мартинус ностер спира, атке утинам диу.... (Corpus Refor. i, стр. 190, 208.)
- [188] L. Op. (L.) xvii, стр. 392.
- [189] "Denn Ich, und hundert von Adel, die Ich (ob Gott will) aufbringen will, euch redlich anhalten".... (L. Op. (L.) xvii, p. 381.)
- [190] "Equitum Germaniaæ rarum decus"; "розовый цвет немецких рыцарей", - говорит по этому поводу Меланктон. (Корп. Реформа. i, стр. 201.)
- [191] И об идентификаторе invisus illis (Там же, стр. 132.)
- [192] (Там же)
- [193] "Nolo nisi Christo protectore niti". (L. Ep. i, стр. 148.)
- [194] Мое человеческое сердце; ты достиг совершенства, достигнув божественных целей. (Л. Указ. соч. ii. стр. 175.)
- [195] Viam facturus libertati (код. Bavar veritati) per maximos principes. (Корп. Реформа. i, стр. 201.) Проложить путь к свободе (в баварском переводе "истина") с помощью величайших князей.
- [196] "Это колеблется в зависимости от ситуации; спасите, спасите тиморский регион". (L. Ep. i, стр. 443.)
- [197] "Dominus regnat, ut palpare possimus". (Там же, стр. 451.)
- [198] "Sævius in Romanenses grassaturus".... (L. Ep. i, стр. 465.)
- [199] "Священные писания не допускают номинирования низи божьей". (Там же, стр. 431.) Я бы не хотел, чтобы священное Писание служило какому-либо имени, кроме имени Бога.
- [200] Das erste und höchste, alleredelste ... gute Werck ist der Glaube in Christum.... (L. Op. (L.) xvii, p. 394.)
- [201] Wenn ein Mensch tausend, oder alle Menschen, oder alle Creaturen wäre. (L. Op. (L.) p. 398.) "Будь один человек тысячей, или всеми людьми, или всеми созданиями".
- [202] Siehe, also musst du Christum in dich bilden, und sehen wie in Ihm Gott—seine Barmherzigkeit dir förhält und arbeut (Ibid. p. 401.)
- [203] "Erit meo iudicio omnium quæ ediderim, optimum: quanquam scio quæ mihi mea placent, hoc ipso fermento infecta, non solere aliis placere." (L. Ep. i, p. 431.)
- [204] "Deo ad Pauli spiritum nemo proprius accessit" (Корпорация) Перераб. i, стр. 202.)
- [205] L. Op. (L.) xvii, 457-502.
- [206] Gott hat uns ein junges edles Blut zum Haupt gegeben. (Там же, стр. 457.)
- [207] Псалм Псалм, Рим. xiii. 1. 4.

[208] Ihm die Biblien und Betbücher dafür anzeigen .... und er predige und bete. (Л. Соч. xvii, стр. 472.)

[209] Nun liess er ehe dei Welt untergehen, ehe er ein Haarbret seiner varmessenen Gewalt liesse abbrechen. (L. Op. (L.) xvii, стр. 483.)

[210] Es muss verderben, alles was nicht Gottes Wort ohn Unterlass treibt. (L. Op. L. xvii, стр. 486.)

[211] Вопрос о том, как успокоить трактат, как жить в забвении.... (L. Ep. i, стр. 479.)

[212] Там же, стр. 478.

[213] Музыкальное экселлентиссимо тутто Сопра, кантата в единстве, ли фа донар ченто и пью дукати.... (Зорси. МИСС К.) И, прежде всего, самый превосходный музыкант, и любому человеку, с которым он поет, он дарит сотню дукатов.

[214] Sarpi. История. Тридентского собора.

[215] Стетимус нупер, папа, дуэт кардиналов .... и эго за квинку хорас на совещании .... (Eckii Epistola, 3 Maii. Л. Указ. соч. ii, стр. 48.) Папа римский, два кардинала и я недавно провели пять часов в раздумьях.

[216] Impetraturus abyssos abyssorum.... succensus saltum Libani.... (L. Ep. i, стр. 421, 429.)

[217] Я получаю удовольствие от вениссы во временное пользование.... (Epist. Экии.)

[218] Caput orbis et consequenter orbis totus in virtute (De juridica et irrefragabili veritate Romanæ Ecclesiæ. Библия, Максимум хix, глава iv.)

[219] Папа есть достойный император майор плюс золотой пломбир. (De Papa et ejus potestate, p. 371.)

[220] Hoc unum Christum obtestans, ut masculo omnia pectore ferre donet, et me figulinum suum rumpat aut firmet, ut illi placitum sit. (Zwinglii Epistolæ, curant. Шулеро и Шультессо, стр. 144.)

[221] Это понтификат, а не отлучение от церкви. (Там же.)

[222] Нам си фератур, авгур Германии, отлученный от церкви понтификом современности. (Zwinglii Epistolæ, curant. Шулеро и Шультессо, стр. 144.)

[223] История Сарпи. о Тридентском соборе, i, стр. 12.

[224] Указ. соч. xvii, стр. 305, и Указ. Лат. i, стр. 32.

[225] Sub prædictis pœnis, præfatum Lutherum, complices adhærentes, receptatores et fautores, personaliter capiant et ad nos mittant. (Булла Леонис, лок. цит.)

[226] Для того, чтобы избежать неприятностей. (Корп. i, стр. 211.)

[227] Я учусь, я сладострастный фраздо. (Там же, i, стр. 265.)

[228] Пусть Бог своей десницей дарует счастливый исход. (Корп. i, стр. 212.)

[229] Родители невесты в честь бракосочетания Филиппов. (Ep. i, стр. 528.)

[230] *Videres in ædibus illis perpetuo accedentes et introeuntes et discedentes atque exeuntes aliquos. (Camerar. Vita Melanct. стр. 40.)* В этом доме вы постоянно видели бы приближающихся и входящих людей, или выходящих и уходящих.

[231] *Ea domus disciplinara erat, ut nihil cuiquam negaretur. (Тамже.)*

[232] *Посвящается нигилисту илосу. (Camerar. Вита Меланкт. стр. 43.)*

[233] *Почему я должен играть роль, а Росций - наблюдать? (Корр. Ред. от 13 апреля 1520 г.)*

[234] *Удалить мокс автоматически через непродолжительный промежуток времени после публикации в СМИ. (Камерар, стр. 56.)*

[235] *Религия, нравы, божественная сущность человека, всеобщая лабораторная литературная запись. (Корп. i, 207, 22 июля 1520 г.)*

[236] *Сообщите мне об истоках конфузии академии наук. (L. Ep. i, стр. 467.)*

[237] *Рекомендации верховного суда. (Тамже.)*

[238] .... *Nec prudentia nec armis, sed humili oratione et forti fide, quibus obtineamus Christum pro nobis. (Там же, стр. 469.)*

[239] *Si vivos libros, hoc est concionatores possemus multiplicare... (L. Ep. i, стр. 491.)*

[240] *Л. Указ. соч. xvii, стр. 490.*

[241] *L. Указ. Лат. xi. 63 и Лейп. xvii, стр. 511.*

[242] *"Папатус - это робуста венецианской римской епископии". Папство - это энергичная охота римского епископа.*

[243] *"Sicut enim verbum Dei potens est dum sonat, etiam impii cor immutare, quod non minus est surdum et incapax quam ullus parvulus, ita per orationem Ecclesiæ offerentis et credentis parvulus, fide infusa mutatur, mundatur, et renovatur." (L. Op. Lat. ii, p. 77.)*

[244] *"Dico itaque, neque papa, neque episcopus, neque ullus hominum habet jus unius syllabæ constituendæ super Christianum hominem, nisi id fiat ejusdem consensu; quidquid aliter fit, tyrannico spiritu fit." (Там же, стр. 77.)*

[245] *"Generali edicto tollere vota .... abunde enim vovimus in baptismo, et plus quam possumus implere." (Там же, стр. 78.)* Должен быть общий указ, отменяющий обеты ... ибо при крещении мы даем достаточно обетов, и больше, чем можем выполнить.

[246] *"Opera quantum libet sacra et ardua religiosorum et sacerdotum, in oculis Dei prorsus nihil distare ab operibus rustici in agro laborantis aut mulieris in domo sua curantis." (Тамже.)*

[247] *Nondum tot pressus difficultatibus animum desponderat Miltitius .... dignus profecto non mediocri laude. (Паллавичини, i, стр. 68.)*

[248] *Der Bischof entrustet, der Official gefluchet, et aber gelachet habe. (Второе, стр. 266.)*

[249] *Обращение к итальянским вестникам. (L. Ep. i, стр. 483.)*

- [250] Консилиум Петенса по моему превосходству. (Тамже.)
- [251] Отрицай меня лично, если я буду молиться. (L. Ep. i, стр. 484.)
- [252] Всеобъемлющая причина, не вызывающая возражений. (Там же, стр. 486.)
- [253] Aspergetur tamen sale suo. (Тамже.)
- [254] Den Pabsts Nepoten, zwei oder drei Churfürstliche Gold und Silberstücke, zu verehren.... (Второе. стр. 267.)
- [255] Наследный принцепс ординав (L. Ep. i, стр. 455.)
- [256] Приглашение прецептору (Меланктону) нецио кванта метуэнте. (Тамже.)
- [257] Jener von mehr als dreissig, dieser aber kaum mit vier Pferden begleitet. (Второе. стр. 268.)
- [258] Общий пруд в Eccium versurus. (Тамже.)
- [259] Ни в коем случае нельзя упускать из виду вопрос, касающийся того, каким образом это возможно. (Тамже.)
- [260] Второе, стр. 268.
- [261] Ut non totis viribus, sedulis atque quantum in me fuit gemebundis precibus apud Deum quæsierim. (L. Ep. i, p. 498.)
- [262] Что продает сал, си не умер? Quid os gladii, si non cædat? (Там же. 499.)
- [263] Слово пустынное и негаретное, некий опоссум, некий воло. (Тамже.)
- [264] Факт есть .... латронум лиценциосима, лупанар омниум дерзкий, царственный грех, смерть и ад... (Там же, стр. 500.)
- [265] Закон есть закон Римской курии; первенствует в eam ira Dei usque в finem.... (L. Ep. i, стр. 500.)
- [266] Иеремия, ли. 9.
- [267] Olim janua cœli, nunc patens quoddam os inferni et tale os, quod urgente ira Dei, obstrui non potest.... (L. Ep. i, p. 501.)
- [268] Rev. xxii, 11.
- [269] Leges interpretandi verbi Dei non patior, cum oporteat verbum Dei esse non alligatum, quod libertatem docet. (L. Ep. i, p. 504.)
- [270] Ist nun das nicht eine fröhliche Wirthschaft, da der reiche, edle, fromme Bräutigam Christus, das arme, verachtete, böse Huhrlin zur Ehe nimmt (L. Op. (L.) xvii, p. 385.)
- [271] Защита законных лиц, за исключением тела уязвимого противника.... (Паллавичини, i, стр. 74.)

[272] Nachdem (writes Miltitz) er nun tapfer getrunken hatte, fleng er gleich an trefflich von seiner ordre zu prahlen, etc. (Второе, стр. 238.)

[273] Longe aliam faciem et mentem Lipsiæ eum invenire quam sperasset .... (L. Ep. i, p. 492.).

[274] Будущее на Западе, лучший способ избежать раздражения сердца. (Там же.)

[275] Ученический дискурс и в aquam projecta, dicentibus: Булла есть, в aquam natet! (L. Ep. i, стр. 520.)

[276] Mit viel Mühe, Arbeit, und Kosten. (L. Op. (L.) xvii, стр. 317.)

[277] Consilium cujusdam ex animo cupientis esse consultum et pontificis dignitati, et Christianæ religionis tranquillitati (Zuinglii Opera, curant. Шулеро и Шультессо, iii, стр. 1-5.)

[278] Multum degenerasse ab illa sincera Christi evangelica doctrina, adeo ut nemo non fateatur opus esse publica aliqua et insigni legum ac morum instauratione. (Там же, стр. 3.)

[279] Nemo non faletur se ex illius libris factum esse meliorem (Там же, стр. 4.)

[280] Пусть учение и истина Христа восторжествуют.

[281] Никто не существует за вербо мори, а ипсум воплощенный за нобиса при смерти сидит.... (L. Ep. i, стр. 490.)

[282] Оленина обыкновенная, булатная, нумматная ... Ridebo et ego bullam sive ampullam. (L. Ep. i, p. 488.)

[283] Utinam Carolus vir esset, et pro Christo hos Satanas aggredereetur. (Там же, стр. 494.)

[284] Pirckheimeri Op . Франкоф.

[285] Oder nicht ein Haarbret geben ... L. Op. (L.) xvii, p. 323.

[286] So ist Bücher verbrennen so leicht, dass es auch Kinder können, schweig denn der heilige Vater Pabst... (L. Op. (L.) xvii, стр. 324.)

[287] ... In Biblien zu führen dass man derselben Verstand erlangte, und denn meine Büchlein verschwinden liess. (Там же.)

[288] Ут Виттемберга пеллерер. (L. Ep. i, стр. 519.)

[289] Идентификационный номер в manum Dei refero. (Там же, стр. 520.)

[290] A ministris pontificiis mature præoccupatus, declaravit se velle vetarem fidem tutari..... Паллавичини, стр. 80.

[291] Второе. стр. 289.

[292] Es ist in 400 Jahren ein christlicher mann aufgestanden, den will der Pabst todt aben (Seckend. p. 288.)

[293] "При bullosis illis tumultibus". (L. Ep. стр. 519.) В этой бычьей суматохе.

[294] "Вернемся к тому, что мы совершили".(Там же, 521.) Я бы вверил все это дело Богу.

[295] "Христос воскрес, иста совершенна, пусть я навсегда исчезну, навсегда исчезну". (Там же, стр. 526.)

[296] "Прошу прощения за повторный просмотр". (Там же, стр. 522.) Чтобы я мог искупить свою совесть.

[297] "Ab errore, indurato, согласно священным писаниям проклятых, еретиков и апостатов". (L. Op. Lat. ii, стр. 50.) См. также (L. Op. (L.) xvii, стр. 332.) В немецкой копии есть несколько абзацев, которые не на латыни.

[298] "Угнетатель, священное Писание тотия". (Тамже.)

[299] И папы, импио гомини, плюс quam Deo послушный. (Тамже.)

[300] L. Указ. соч. xxii, стр. 1493-1496.

[301] "Muss ewig in jenem Leben verlohren seyn." L. Op. (L.) xvii, p. 333.

[302] "Лютеранская суть жизни ангельской" к палабундам Христовым относится паскаль. (L. Op. Lat. ii, стр. 123.)

[303] L. Op. (W.) xxii, стр. 1313.

[304] Und ein jeglich Wort eine Donneraxt wäre. (Там же, стр. 1350.)

[305] "Что делать с отцом, что делать с дедом, что делать с адимамусом!" (Корпорация. Реформа. L. i, стр. 337.)

[306] Погасший иллам мультотетриорем Баалис идолопоклонство римлян, суеверия. (Корп. i, стр. 337.)

[307] Tumultus egregiè tumultuatur, ut nisi extremo die sedari mihi posse non videatur. (L. Ep. i, p. 541.)

[308] Omnino aliquid portenti præ foribus est. (Там же, стр. 642.) Странное предзнаменование будущего!

[309] ... primum trepidus et orans, sed nunc lætior quam ullo totius vitæ meæ facto. (Тамже.) ... сначала я трепетал и молился, но теперь радуюсь больше, чем за все действия в моей жизни.

[310] Его рапира колеблется волчком. (Тамже.)

[311] Sed tamen в Церкви necesse est anteferri mandatum Dei omnibus rebus humanis. (Меланкт. Vit. Лютери.)

[312] Wer weiss ob mich Gott dazu berufen und erwählt hat. Основополагающий принцип статей, осужденных папской буллой. (L. Op. (L.) xvii, стр. 338.)

[313] "Ich sage nicht dass Ich ein Prophet sey." (L. Op. (L.) xvii. p. 338.)

[314] "Эйтельский киндер Унд солтена в дер Виге сейн". (Там же, стр. 339.)

[315] Wahrheit hat alle, seit rumört (Там же, стр. 140.)

[316] Man soll zuvor Christum in seine Wunden sehen, und aus denselben, seine Liebe gegen uns. (Там же, стр. 351.)

[317] с 19 по 22. (Там же, стр. 363.)

[318] Религия на месте преступления, идольский пыл ... невероятные кванты милосердия (Паллавичини, i, стр. 84.)

[319] Капелло, венецианский посол в Риме в 1500 году, говорит о нем: "Tutta Roma trema di esso ducha non li faza amazzar"... (Архив М.С. Вены, извлеченный Ранке.)

[320] Er wird übel als ein gebohrner Jude und schaendlicher Epicurer beschrieben. (Второе. 286.)—
Integritas vitæ qua prænoscebatur... (Паллавичини, i, стр. 84.)

[321] "Я настаиваю на полном согласии, нарождающийся эректильный эвелленд".
(Паллавичини, i, стр. 83.) Вся тревога которого была направлена на искоренение растущей ереси.

[322] "Алтарные надписи во вселенских памятниках Германии". (Паллавичини, i, стр. 88.)

[323] "B vi innumerabilium gladiatorum qui infinitum populum trucidarent". (Там же.)

[324] "Non satisfaction ad expurgandam aërem Germaniaæ jam tabificum". (Там же, стр. 89.)

[325] Указ Цезарицы о смерти ... Лютери. (Там же.)

[326] "Audiamus antea hac in re patrem nostrum Fredericum". (L. Op. Lat., ii, стр. 117.)

[327] "Что-то вроде импровизации с добавлением Алеандра..." (Л. Указ. соч., ii, стр. 117.)

[328] Не состоящие в лютеранском союзе, они являются наследниками Христа. (Паллавичини, стр. 86.)

[329] Ут-де-эо supplicium sumeret, главный передатчик понтификов. (Л. Указ. соч. ii, стр. 117.)

[330] ... Sonderliche Gunst und Gnade zu mir unwürdiglich und den grossen Willen und Lust zer der heiligen göttlichen Wahrheit ... (L. Ep. i, стр. 548, Джону Фредерику, 30 октября 1520 г.)

[331] "Assiduo flabello ministrorum, illi jugiter suadentium ne Lutherum deseret". (Паллавичини, i, стр. 86.)

[332] Evangelium si tale esset, quod potentatibus mundi aut propagaretur aut servaretur, non illud piscatoribus Deus demandasset. (L. Ep. i, стр. 521.)

[333] "Ut ingens vis populi, doctorum et rudium, sacrorum et profanorum, sese conjunxerint...." (L. Op. Lat., ii, стр. 116.)

[334] "Я проверяю, Маринус и Алеандр виновны в том, что они находятся на месте". (Там же, стр. 117.)

[335] *Homerica adpellatione murum Germaniæ.* (Корп. i, стр. 272.)

[336] "И будущее эры .... *ut tandem prorsus extingueretur illa scintilla Christianæ pietatis; hæc moverunt animum Lutheri .... qui nec honores ambit nec pecuniam cupit.*" (Эразм. Эп. Лондини, 1642, стр. 586.)

[337] Любимый фермер бони омнес. (Корп. i, стр. 205.)

[338] Уилл фон мир унгеннт сейн. (L. Ep. i, стр. 525.) *Nam ea res me gravat et Lutherum non sublevat.* (Корп. i, стр. 206.)

[339] *Da sperret auch wahrlich mein gnädister Herr seine Augen nur wohl auf...* (История Спалатина. СР. во втором издании. стр. 291.)

[340] Лютер печкавит в дуобусе, немпе к вопросу о коронации понтифику и венцам монашеским, (см. 1-й том)

[341] *Cum optimus quisque* и *evangelicæ doctrinæ proximus dicatur*, минимальное число лютеран. (*Axiomata Erasmi in L. Op. Lat. ii, p. 115.*)

[342] *Bullæ sævitia probos omnes offendit ut indigna mitissimo Christi vicario.* (Тамже.)

[343] Срочные срочные переговоры.... (Тамже.)

[344] Мир является истинным евангеликом. (*Axiomata Erasmi in L. Op. Lat. ii, p. 115.*)

[345] Солицензия на *nocturnos congressus*. (Паллавичини, стр. 87.)

[346] Алеандр мужского полового члена. (Тамже.)

[347] Прудентис эрат консилиум *hominis pravitatem diffimulare*. (Там же, стр. 88.)

[348] Дешешу Мануэля Льюренте, i, стр. 338.

[349] *Pallav.* стр. 91.

[350] Том i, стр. 20.

[351] В 1215 году четвертым Латеранским собором при Иннокентии III.

[352] *Und wird dich der rechte Bischoff Christus selber speisen.* (L. Op. lxvii, p. 563.)

[353] *Italicæ bestiæ bitem movebo.* (L. Ep. i, p. 570.)

[354] *Ostendat illum diem adventus gloriæ Filii sui quo destruat iniquus iste.* (L. Op. Lat. ii, p. 162.)

[355] *Es möchte noch gar die Kirche und Capelle um der menge willen einfallen.* (Спалатин во Втором издании. стр. 295.)

[356] *Mehr als dreyssig Briefe von Fürsten....* (Тамже.)

[357] Посмотрите, что происходит с человеком. (L. Ep. i, стр. 544, 16 января 1521 г.)

[358] ... *Dei digitum esse quæ à Martino fiant.* (Корп. i, стр. 282.)

[359] "Non posse Evangelium Romanæ impietati probari". (Там же, стр. 280.)

[360] "Ablata illa est a vobis inducta olim nostris oculis caligo, prædicatur Evangelium .. spes est libertatis" ... (Ulric ab Hütten Eques Mar. Кппак. Л. Указ. соч. ii, стр. 176.)

[361]

"Quo tu oculos, pie Christe, tuos, frontisque severæ Tende supercilium, teque esse ostende neganti Qui te contemnunt igitur, mediumque tonanti Ostendunt digitum, tandem iis te ostende potentem. Te videat ferox ille Leo, te tota malorum Sentiat inlucies, scelerataque Roma tremiscat, Ultorem scelerum discant te vivere saltem, Qui regnare negant" ... (In Incendium Lutherani Exclamatio Ulrichi Hütteni Equitis Mar. Кппак. Л. Указ. соч. ii, стр. 176.)

[362] Ноллем ві и кейд в защиту Евангелио чертари; это сценарий для человека. (L. Ep. i, стр. 243.)

[363] Бонус есть за свободу слова. (L. Ep. i, стр. 571.) Стоило бы составить новое впечатление об этой работе; я нашел ее экземпляр в цюрихской библиотеке.

[364] Публичный позор вместо аффикса. (Там же, стр. 560.)

[365] Das Nest ist hie: die Vogel sind ausgeflogen. (Там же, стр. 570.)

[366] Смешно, что Папам персонам приходится обходить возвышенное и помпезное.... (Там же, стр. 561.)

[367] ... Fugitivum cum Cardinalibus, Episcopia, famulisque suis, in diversas partes oppidi disperserunt et insecuti sunt. (Там же. 17 февраля 1521 г.)

[368] Недопустимый темп для кламанди. (L. Ep. i, стр. 557.)

[369] Почему вы не последовали моему гневу и отчаянию. (Там же, стр. 558.) Но если вы не хотите следовать за мной, позвольте мне уйти и поторопиться дальше.

[370] "Окончательная причина возникновения эго". (L. Ep. i, стр. 558.)

[371] "Воспоминания о смятении, о смятении, о смятении". (Там же, стр. 546.)

[372] Уна ману гладиум задерживается и отличается от мурума. (Там же, стр. 565.)

[373] Ab ordinis et Papæ legibus solutus....quod gaudeo et amplector. (Там же, стр. 568.)

[374] .... Составь меня без суммы, рапиор нецио до спиритуума, кончи немини, я мужчина, полностью сознательный сим. (Там же, стр. 555.)

[375] Рейнальд. Послание Дж. Экки к кардиналу Контарену.

[376] Слэйдан, том i, стр. 80.

[377] Es gieng aber auf diesem Reichstag gar schlüpferig zu... Второе. стр. 326.

[378] Противостояние всех сторон в ходе зрелых переговоров. (L. Ep. i, стр. 534.)

[379] Все, что касается меня, касается фугам и палинодиам.... (L. Ep. i, стр. 536.)

[380] Multitudo.. бумажная тюрба, нобилиум ... грамматические ошибки ... низшие церковные ... факт множественного регулирования... (Паллавичини, i, стр. 93.)

[381] Он поддерживает все условия жизнедеятельности петулантума... (Там же, стр. 93.)

[382] Неминуемо, что произойдет, если я воспользуюсь вспомогательными средствами для вилии в грязной больнице после дивертисмента. (Паллавичини, i, стр. 93.)

[383] Законники Рима не слушают человека греческого. Minantur multa. (Zw. Ep. стр. 157.)

[384] Нет камня, который они не сдвинули бы с места. (Корп. Ссылка, i, стр. 279. 24 января.)

[385] Cum dolore legi novissimas Caroli litteras. (L. Ep. i, стр. 542.)

[386] Магия познания и оправдания либидо как такового. (Historia Johnnis Cochläei de actis et scriptis Martini Lutheri. *Parisus*, 1565, p. 27, verso. Кохлус всю свою жизнь был одним из злейших врагов Лютера. Скоро мы увидим, как он появится.)

[387] Яростный призыв к действию должен быть одобрен. (Там же.)

[388] Нарушение правил безопасности повсеместно распространено. (Паллавичини, i, стр. 94.)

[389] Некоторые изменения в пользу высшего образования. (Там же.)

[390] "Periculum denique amittendæ Germaniæ ex parcimonia monetæ cujusdam." (Там же.) Короче говоря, опасность потери Германии из-за скупости при удержании определенной суммы денег.

[391] Решение Римского папства и т.д. (Роман. Bullarium.)

[392] Исход, xxvi, 7, 14.

[393] So regete sich der Christus, dass sie so fest wurden dass der Teufel fliehen musste. (L. Op. ix, стр. 613, об Иоанне, vi.)

[394] "Causam, quæ, Christo teste, Dei, Christiani orbis, Ecclesiæ Catholicæ, et totius Germanicæ Nationis, et non unius, et privati est hominis" .... (L. Ep. i, p. 551.)

[395] "Предварительный и экспериментальный анализ ..." (Corp. Реформа. i, стр. 281, 3 февраля)

[396] "Благожелательный официоз приветствует решение Понтифика". (Паллавичини, i, стр. 90.)

[397] "И вменяемый в итоге переговоров единичный пробный образец обнаружен". (Там же.) И, несомненно, во всем этом деле он продемонстрировал исключительное доказательство честности и рвения.

[398] "Es haben dessen Bücher Ihro Majestät ... um et was gefallen...." (Archives Weimar. Второе. стр. 315.)

[399] Der andern das Hertz zu vielem Guten cröffnet... (Секен. стр. 315.)

[400] Es sey nicht zu zweifeln dass Lutherus in vielen Artickeln werde den Sieg davon tragen . . . . (Seckend., p. 319.)

[401] Dass Gott diesen Mann gesandt, . . . dass er eine Geissel seye um der Sünden willen. (Weimar Archiv.—Seckend., p. 320.)

[402] Glapio that hierauf einen tiefen Seufzer, un rufte Gott zum Zeugen.... (Второе, стр. 321.)

[403] L. Op. (W. xxii, 1655.)

[404] Und niemals dem Papst allein geglaubt (Seck., p. 323.)

[405] Спалатинус написал о том, что Евангелио является фаворитом, но я не слышу и не убеждена, что дамнари не спасет. (L. Ep. i, стр. 556, 9 февраля.) Спалатин пишет, что Евангелие там настолько популярно, что он надеется, что меня не осудят неслышанным и неоспоримым.

[406] Хинная аква манабат, сукцензия пьетатис эстум рестингебат (Паллавичини, i, стр. 96.) Отсюда вытекла вода, которая погасила пламя благочестия.

[407] Мандаты, денежные знаки и дипломы. (Там же, стр. 95.)

[408] Трипликация нунка Алеандра.... (Там же.)

[409] Das thun die in rothen Hüten prangen. (Сек., 364.)

[410] Миров произвел фурор среди папистов, совершив молитву михи мала..... (L. Ep. i, стр. 556.)

[411] Нунций *апостатикус* (игра со словом *апостолик*) призывает к вершению вирибуса. (Там же, стр. 569.)

[412] Взаимный обмен абсурдными вестро круоре переписать. (Там же, стр. 556.)

[413] Освободитель этих умерших от евангелической славы и заслуженной профессии. (Корп. i, стр. 285.)

[414] Non ferro, одобренный советом и указами. (L. Ep. i, стр. 563.)

[415] От Луки, xxiii, 2.

[416] Pugnis ejus pectori admotis repulerit. (Паллавичини, i, стр. 112.)

[417] "Dummodo mecum una monstrum nascentis hæresis arderet". (Паллавичини, i, стр. 97.) Секендорф, а вслед за ним и несколько протестантских историков настаивают на том, что Паллавичини сам сочинил обращение, которое он вкладывает в уста Алеандра. Это правда, что кардинал-историк утверждает, что он придал ей ту форму, в которой она появилась; но он указывает источники, из которых он ее почерпнул, в частности, письма Алеандра, хранящиеся в архивах Ватикана. (Acta Wormatiæ, fol. 66 и 99.) Поэтому я думаю, что полное его отклонение выдало бы пристрастность. Я собрал несколько дополнительных отрывков из речи из других источников, протестантских и римско-католических ....

[418] "Крещение неминуемо оправдано, оставлено верным в обещании дополнить крещение". (Улитка, Акт. Лут. 28.) Что ни один человек не может быть оправдан крещением, но только верой в слово обетования, к которому прилагается крещение.

[419] "Weil er verbiete jemand mit Todes Strafe zu belegen der nicht ein Todtsünde begangen." (Второе. стр. 333.)

[420] "Множественный и четырехглавый разум, нунуллосский (изобретательный) и шелестосский". (Паллавичини, i, стр. 101.)

[421] "Язык брани за живое, исторический позор посмертно. (Тамже.)

[422] "Quod idem erat, ac revincti legati brachiis et lingua solum soluta." (Там же, стр. 109.)

[423] Dass 100,000 Ketzer ihrenthalben verbrannt werden. (Второе. стр. 332.)

[424] Vehementer exterriti atque commoti, alter alterum intuebantur, atque in Lutherum ejusque fautores murmurare coeperunt (Cochl., p. 28.)

[425] Лютеранам приходится страдать от эвеллендского фундамента. (Паллавичини, i, стр. 101, "Жизнь Льва X" Роско, стр. 50.)

[426] Sondern dass er est bald wieder begehe und mehr Geld erlegen musse. (Архивы Веймара, Второе издание. стр. 328.)

[427] Dass sie Weibesbilder unter mancherley schein beschicken, selbige sodann mit Drohungen und Geschenken su fällen suchen, oder in einen bosen verdacht bringen. (Веймарская арка. Сек., стр. 330.)

[428] L. Op. (W.) xxii, 748-752.

[429] Второе дополнение. Vorrede von Frick.

[430] Bücksenmeistern, Falknern, Pfistern, Eseltreibern, Stallknechten, Trabanten... (Kapp's Nachlese nützl Ref. Urkunden, iii, p. 262.)

[431] Dass eine Besserung und gemeine Reformation geschehe. (Там же, стр. 275.)

[432] L. Op. (L.) xxii, стр. 567.

[433] Вопрос о том, кто виноват в состязании с администраторами Цезариса... (Паллавичини, i, стр. 113.)

[434] Язык побуждения, пламя вульвы, духовное начало и совместное восстание... (Тамже.)

[435] С уверенностью заявляем о поддержке общественности илли претендам... (Тамже.)

[436] Альбай дукс видеобатур аликвандо фурентибус модис агитари... (Паллавичини, i, стр. 362.)

[437] Утинам Деус редимат ностро сангвино салют христианскому населению. (Корп. i, стр. 362.)

[438] Лука, i, 46-55.

[439] *Магнификат*. Л. Соч. Виттемберга, Германия. Ausg. iii, стр. 11 и т.д.

[440] Er zieht seine Krafft heraus und laesst sic von eigener Krafft sich aufblasen. (L. Op. Wittemb. Deutsch. Ausg. iii, стр. 11 и др.)

[441] Объяви мне западный язык великим... предложи мне венчурный. (L. Ep. i, стр. 574.)

[442] Танкам перфидо эретико нулла сит серванда фидес, (CochlœUs, стр. 28.)

[443] "Длительные консультации по трудному обсуждению". (Там же.)

[444] "Осенью великий вездесущий в Германии является причиной всеобщего возбуждения ... общего чувства". (Там же.)

[445] Штаммбук Лукаса Кранаха и др., хераусгеgeben, против Ч. Р. в. Мехельн, стр. 12.

[446] Die Cardinæle und Bischöfe sind ihm hart zuwider . . . (Seckend., p. 365.)

[447] Эта церемония описана в разных работах, среди прочих — "Tagebuch einer Reise durch Deutschland und Italien". (Берлин, 1817, iv, стр. 94.) Основные формальности относятся к более раннему времени, чем времена Лютера.

[448] Для получения папской буллы и комментария Лютера см. "Булла об освобождении". . . . (L. Op. (L.) xviii, стр. 1.)

[449] Это имя неточно; читайте Газари или Катари.

[450] Gleich wie ein Hund ums Beines willen. (L. Op. (L.) xviii, p. 12.)

[451] Проклятие и гибель. (L. Ep. i, стр. 556.)

[452] ... ut hos Satanæ ministros et contemnam vivens et vincam moriens. (Там же, стр. 579.)

[453] Да здравствует мир! (L. Ep. i, стр. 567.)

[454] Венит Виттембергам паулло до итер-лютеранской комиссии по показаниям червей. (Melch. Адам. Жизнеописание Богенхагии, стр. 314.)

[455] Предположение о священных гражданах и схоластиках в винкуле. (Там же, стр. 313.)

[456] Предварительное дополнение, божественный закон, действующий в соответствии с документом retivit. (Там же, стр. 312.)

[457] ... In Cimmeriis tenebris versatur; hic vir unus et solus verum videt. (Там же, стр. 313.)

[458] Предание о единстве христианских достоинств. (Там же.)

[459] Корпорация . Перераб., i, стр. 361.

[460] "Алкивиад был убежден, что демон Сократа был помощником, посланным богами для наставления и спасения". ("Жизнь Алкивиада" Плутарха.)

[461] "Каковы вопросы созерцателя, таковы и основные судебные решения". (Corp. Ref., i, стр. 264.)

[462] "Как добиться успеха в обучении". (Там же, стр. 365.)

[463] L. Op. (W.) xxii, стр. 2067, 1819.

[464] "Neque enim quam lata est Germania, ulli boni sunt...." (L. Op. Lat. ii. p. 182, verso.)

[465] "Дык нос в манифесте потийского перикула, дык в железе, дык в огне..." (Там же, стр. 183.)

[466] Всевышний германский квази-ад-генуа-проводник тиби.... (Там же, стр. 184.)

[467] "Всемогущий Герман квази-и генуэзский проводник тиби..." (L. Op. Lat. ii, стр. 184.)

[468] L. Ep. i, стр. 580.

[469] "Террор против Сатаны сиби диксит адферри..." (Мельх. Адам., стр. 117.)

[470] Er wolle bey der erkandten Wahrbeyt mit breytem Fuss aushalten ... (Mathesius Historien, стр. 23) — цитата из первого издания 1566 года.

[471] "Nisi periculum sit Erfordiam ingrediam." (L. Ep. i, стр. 580.)

[472]

Hos inter qui nos prævenerant, ibat Jonas, Ille decus nostri, primaque fama Chori.—(Eob. Hessi Elegia secuada.)

[473] "Велик органум, к которому ведет элект, и иллюстрирует филии Иисуса славы". (Erasmi Ep. v. 27.)

[474] Vir est quem oportuit multo pretio emptum et servatum in terra. (Вайсманни, стр. 1436.)

[475] Померанус есть грамматик, самовнушение диалектика, Йонас есть оратор ... Lutherus vero nobis omnibus antecellit. (Knapp. Narrat. de. J. Jona, p. 581.)

[476] Агноско инсидиас, хостис ачербе, туас. (Гесси Элег. Tertia.) Злейший враг, я вижу твои козни.

[477] L. Op. (L.) xii, стр. 485.

[478] Это происходит только среди населения. (Паллавичини, Hist. C. Tr. i, стр. 114.)

[479] Quasunque iter faciebant, часто встречается с человеком, студия виденди Лютери. (Улитка, стр. 29).

[480] "Ein feuer das bis an den Himmel reichte"... (Кейл, i, стр. 98.)

[481] "Nun habt Ihr einen grössern Herrn, denn Ich." (Там же, стр. 99.)

[482] "In diversortis multa propinatio, læta compotatio, musices quoque gaudia; adeo ut Lutherus ipse alicubi sonora testudine ludens, omnium in se oculos converteret, velut Orpheus quidam, sed rarus adhuc et cucullatus, eoque mirabilior." (Улитка, стр. 29.) "На постоянных дворах было много выпивки и веселого разгула, не было недостатка и в музыкальных удовольствиях; сам Лютер, иногда игравший на звучной арфе, обращал на себя все взоры, как будто он был чем-то вроде Орфея, без сомнения, выбритого и в капюшоне, но от этого еще большее чудо".

[483] Внутрибрюшинный червь, приглашающий омнибус к инферни и потенциалу вселенной. (L. Ep. i, стр. 987.)

[484] Ich hoffe dass du der verherssene.... Кипр. Хилар. Ев. стр. 606.

[485] Lutherum illac transeuntem contouncutus ut pro honore ecclesiae vitamin suam....экспонент (CochlusUs, стр. 6.) Этот CochloeUs - писатель, которого мы часто цитируем.

[486] Dass der Keyser seinen Beichtvater und Ihrer Majest. Ober-Kammerling, zu. Seckingen schickt. (L. Op. xvii, p. 587.)

[487] Состояние лица, связанное с та αναγκαία вероятностным различием, без учета ретиненды ... (Melch. Адам. Вит. Буцери, стр. 223.) Он учил, что следует проводить различие между необходимым и вероятным, чтобы определить, что следует сохранить.

[488] Dass er sollte der Luther zu sich foderu. (L. Ep. xvii, стр. 587.)

[489] Да кам Буцер цу, мит и лишайник Рейтерн. (Тамже.)

[490] Und wollte mir überreden zu Seckingen gen. Ebernburg zu kommen. (Тамже.)

[491] Wenn so viel Teufel zu Worms wären, als Ziegel auf den Dächern, noch wollt Ich hinein! (L. Opp. (L.) xvii, стр. 587.)

[492] So wächst das Herz im Leibe ... (Математика. стр. 24.)

[493] Ты прибыл — ты, кого мы жаждали и ждали во тьме.

[494] Deus stabit pro me. (Паллавичини, i, стр. 114.)

[495] Л. Указ. xvii, стр. 587.

[496] ... Dass Ihre Majestät den Luther aufs erste beyseit thäte und umbringen liess. (Тамже.)

[497] См. Книгу viii.

[498] Astutia plusquam vulpina vigementer callidum .... Лютеранство версутиссимо разнородное. (Cochlœus, стр. 36) Чрезвычайно хитрый, хитрее лисы: он самым искусным образом скрывал свое лютеранство.

[499] Евангелий аудиозаписи, глагол Божий не существует... (Каспар Хедио Zw. Ep., стр. 157.)

[500] "Lutherus in hoc districtu dudum esset combustus, Lutherani αποσυναγῳγοι nisi Capito aliter persuasisset principi." (Там же, 148.)

[501] Hic (Capito) illum (Cochlœum) insinuavit Hieronymo Aleandro, nuncio Leonis X. (Cochlœus, p. 36)

[502] Давайте договоримся о слиянии гражданского общества ... (Паллавичини, i, стр. 114.)

[503] Нет никаких божественных подозрений: вопреки всему, одержимость существует постоянно. (Паллавичини, i, стр. 114.)

[504] Давид, Псалом XX.

[505] Сервет Христа. (Л. Указ. ii, стр. 175.)

[506] Bucerus eodem venit. (М. Адам, Вит. Буцери. стр. 212.)

[507] Und ward also durch heimliche Gänge-geführt. (L. Op. (L.) xvii, p. 574.)

[508] Doch lief das Volk häufig zu, und stieg sogar auf Dächer. (C. 348.)

[509] Münchlein, Münchlein, du gehest jetzt einen Gang, einen solchen Stand zu thun, dergleichen Ich und mancher Obrister, auch in unser allerernstesten Schlacht-Ordnung nicht gethan haben ... (Тамже.)

[510] Притчи, xvi, 32.

[511] Einige aus denen Reichs-Gliedern sprachen Ihm einen Muth, mit Christi Worten ein ... (Матфея, х, 20, 28. Второе. стр. 348.)

[512] "Закон о правах библиотек". (L. Op. (L.) xvii, стр. 588.)

[513] Weil dies eine Frage vom Glauben und der Seelen Seligkeit ist, und Gottes Wort belanget ... (Тамже.)

[514] "Несомненно, нункам эффективен в борьбе с геретиком уклоняющимся". (Паллавичини. i, стр. 115.)

[515] Wie geht's? man sagt sie wollen euch verbrennen ... (L. Op. L. xvii, стр. 588.)

[516] "В честь цезаря и римского братства". (L. Ep. i, стр. 587.)

[517] "Истинность эго не является причиной отзыва". (Тамже.)

[518] Ссылка на Kappens. Urkunden ii, p. 448.

[519] "Also sollen wir den Sohn Gottes als Gorgonia Haupt..." (L. Op. (W.) xxii, p. 1659.)

[520] L. Op. (L.) xvii, стр. 589.

[521] "Битва за будущее". (Там же.) Дело решено.

[522] "Смерть есть смерть". (Тамже.)

[523] Des Getümmels und Wesens war Ich gar nicht gewohnt. (L. Op. xvii, p. 535, 588.)

[524] "Schreyt nicht sehr noch heftig, sondern redet fein, sittich, züchtig and bescheiden.... (L. Op. (L.) xvii, p. 576.)

[525] "Nicht allein die Fenster, sondern auch Thür und Thör aufthäte." (L. Op. (L.) xvii, p 373.)

[526] Это обращение, а также все процитированные выражения буквально взяты из подлинных документов. (См. L. Op. (L.) xvi, стр. 776-780.)

[527] "Не крикливый в скромности, не прирученный с христианской враждебностью и постоянством". (L. Op. Lat. ii. стр. 165.) Не крикливо, но скромно; но не без христианской теплоты и твердости.

[528] Указ. соч. ii, стр. 165-167.

[529] Dabo illud neque dentatum, neque cornutum. (Там же, стр. 166.) Я отдам его без зубов и рогов.

[530] Hier stehe, ich: Ich kan nicht anders: Gott helfe mir! Amen. (L. Op. (L.) xvii, p. 580.)

[531] Der Mönch redet unerschrocken, mit getrostem Muth! (Второе. стр. 350.)

[532] L. Op. (W.) xv, 2286.

[533] "Subsannatione hominem Dei et longo rugitu prosecuti sunt." (L. Op. Lat. ii, стр. 166.)
Последовали за человеком Божиим с насмешками и громким ревом.

[534] Мат. х, 18, 20.

[535] Also gidencke seiner unser Herr Christus in seinem letzten Kampff. (Далее, стр. 354.)

[536] O wie schön hat Pater Martinus geredet. (Там же, стр. 355.)

[537] Гвиччардини, стр. 175. Корпорация "Дюмон" . Dipl. t. iv, p. 96. Dicesi del papa Leone, che quando l'aveva fatto lega con alcuno, prima soleva dir che pero non si dovea restar de tratar cum lo altro principe opposto. О Льве X говорят, что, вступив в союз с кем-либо, он имел обыкновение говорить, что нет никаких причин прекращать переговоры с принцами противоположной стороны. (Суриано, посол Венеции в Риме, Архив М.С. Венеции.)

[538] Автограф на бургундском языке, ab ipsomet exaratum. (Улитка, 32.)

[539] "Царство, тезаврос, амикос, корпус, сангвиник, жизнь, духовная глубина". (Паллавичини, i, стр. 118.)

[540] Und andern Wegen sie zu vertilgen. (L. Op. (L.) xvii, p. 581.)

[541] Dass Luthero das sichere Geleit nicht möchte gehalten werden. (Второе. стр. 357.)

[542] История Сандовала. де Карлос V, цитируемый в Льоренте, "История инквизиции", ii, стр. 57. Согласно Льоренте, идея о том, что Карл к концу своей жизни склонялся к евангелическим взглядам, является всего лишь выдумкой протестантов и врагов Филиппа II. Этот вопрос образует историческую проблему, которую многочисленные цитаты Льоренте, к сожалению, решают в соответствии с его точкой зрения.

[543] Eum esse puerum, qui nutu et blanditiis Papistarum et Episcoporum trahatur quocunque velint. (Улитка, стр. 33.)

[544] Verum etiam in longinquis Germaniæ civitatibus, motus et murmura plebium. (Там же, стр. 33.)

[545] Мы живем в Ауфрух даураус ворден, говорит Лютер.

[546] "Carlo si excusò di non poter procedere piu oltre, rispetto al salvocondotto, ma la verità fu che conoscendo che il Papa temeva molto di questa doctrina di Luthero, lo volle tenere con questo freno." Карл делал вид, что не может пойти дальше в отношении охранной грамоты; но правда заключалась в том, что, зная, что папа очень боится этой доктрины, он хотел удержать его этой уздой. (Веттори, Библиотека истории Италии М.С. Корсини в Риме, извлечено Ранке.)

[547] Кто такой волшебник анимо эрат куам форти. (Паллавичини, стр. 118.) Который был скорее набожным, чем сильным умом.

[548] Quibus privatim convortari hominem possent. (Паллав. i, стр. 119.)

[549] Wunde hören werden. (Второе. 365.)

- [550] Und konnten nicht satt werden ihn zu sehenr. (L. Op. xvii, p. 581.)
- [551] Wie eine holdselige Person er ist. (Журнал "Мейзель", i, стр. 207.)
- [552] War noch nicht auf meiner Seite. (Л. Соч. xvii, стр. 589.)
- [553] Aleander, mane hora quarta vocaverit ad se Cochlœum, jubens ut ... audiret solum ... (Улитка, стр. 36.)
- [554] Dass das Wort Gottes, Welches so lange unter dem Scheffel verborgen gesteckt, heller scheine ... (Второе. 364.)
- [555] В обход немецкого рейха ферстоссен. (L. Op. (L.) xvii, 582. Слэйдан, i, стр. 97.)
- [556] Признаю, что я гомунцион, долгое время существовал, как принцип тантиса ... (L. Op. (L.) стр. 167.)
- [557] Ecclesia Christi est universitas prædestinatorum. (Тамже.)
- [558] Sie wollten sein Gewissen das mit Gottes Wort und heiliger Schrifft gebunden und gefangen wäre nicht dringen. (Математика, стр. 27.)
- [559] Ja darauf stehe Ich. (L. Op. (L.) xvii, p. 604.)
- [560] Ein Christenmensch muss zusehen und richten... (L. Ep. i, стр. 604.)
- [561] De iis Aleander acerrime conquestus est. (Паллавичини, i, стр. 120.)
- [562] Перакто прандио. (Улитка.)
- [563] Und wollte mit mir disputiren, ich sollte allein das Geleit aufsagen. (L. Op. (L.) xvii, p. 589.)
- [564] Atque ita traderet eum carnificinæ. (Улитка, стр. 36.)
- [565] Dass Ihm das Blut über den Kopff gelauten wäre wo man nicht gewehret hätte. (L. Op. (L.) xvii, стр. 589.)
- [566] "Это мой подарок дариннен гевесен сейн".—Лютер не упоминает об этом обстоятельстве, но Разебург, друг Лютера и врач курфюрста Джона Фредерика, рассказывает об этом в истории рукописей, которая сохранилась в библиотеке Готы, и говорит, что узнал об этом от очевидца.
- [567] Er wollte ehe das Geleit aufsagen.... (L. Op. (L.) xvii, 589.)
- [568] Er wollte kurtsrum Menschen über Gottes Wort nicht erkensen (Ibid., p. 583.)
- [569] Das daruber aus der heiligen Schrifft gesprochen. (L. Op. (L.) xvii, стр. 584.)
- [570] Кишечник Ганса и его определение гнезда. (L. Ep. i, стр. 604.)
- [571] Одновременный заметный омниум обычного человека. (Там же, стр. 110.)
- [572] Ehe Stumpf und Stiel fahren lassen .... (L. Op. (L.) xvii, p. 584.)
- [573] Тотальная империя и обратный спектр. (Паллавичини, i, стр. 120.)

[574] Приветствуйте покровителей и друзей, которые часто созывают вас.... (L. Op. Lat. ii, стр. 168.) Поприветствовав своих покровителей и друзей, которые приходили к нему в большом количестве.

[575] Горат. Od. lib. iii, 3.

[576] Официальный сайт Seine Freunde. (Матезиус, стр. 27.)

[577] Возвращение Христа в Лох-дерейн. (L. Op. (L.) xvii, стр. 589.)

[578] Diss ist der herrlichen grossen Tag einer vorm Ende der Welt (p. 28.)

[579] "Es müssen die Juden einmal singen, lo, lo, lo!..." (L. Ep. i, стр. 589.) Эти крики радости евреев во время распятия представляют собой триумфальные песни сторонников папства по случаю катастрофы, которая вот-вот обрушится на Лютера; но Реформатор различает вдалеке аллилуйю освобождения.

[580] Наполеон обратился к протестантской депутации после своего вступления на престол империи.

[581] Nam ea fides et submissio proprie est vera ilia latria et adoratio Dei ... (L. Ep. i, стр. 592.) Ибо эта вера и покорность есть, собственно говоря, истинное поклонение Богу.

[582] На халькографию множественную и в популяции рассеянную и в эпистоле ... Cæsari autem et clericis odium popolare, etc. (Улитка, стр. 386.)

[583] Внутренние порты, за исключением (L. Ep. ii, стр. 6.)

[584] Humiliter tamen excusante ... ob metum tyronnorum suorum. (L. Ep. ii, p. 6.)

[585] "Цезарь вошел в храм ... процесс очевиден для Алеандра". (Паллавичини, i, стр. 22.)

[586] "Фестивальный вулкан". (Тамже.)

[587] "И это первобытное". (Тамже.)

[588] "Ihre Hände in der Priester Blut zu waschen." (L. Op. (L.) xvii, p. 598.)

[589] "Nicht ein Mensch, sondern als der böse Feind in Gestalt eines Menschen mit angenommener Mönchshütten."... (Тамже.)

[590] Non finem sed initium. (P. Martyris Ep. p. 412.)

[591] Ad carnem meam trans sylvam profectus. (L. Ep. i, стр. 7.) Иду за лес к своим сородичам.

[592] Dejectoque in solum auriga et verberato. (Паллавичини, i, стр. 122.) Повалив возницу на землю и связав его веревками.

[593] Dejecto in solum auriga et verberato. (Тамже.)

[594] Лонго итинере, новус эквес, фессус. (L. Ep. ii, стр. 3.)

[595] Hora ferme undecima ad mansionem noctis perveni in tenebris. (L. Ep. i, p. 3.)

[596] Exutus vestibus meis et equestribus indutus, comam et barbam nutriens.... (L. Ep. i, p. 7.)

[597] Cum ipse me jam dudum non noverim. (Там же, ii, стр. 7)

[598] Второе дополнение., стр. 265.

[599] ...1516 год, временная регистрация, лютеранский номен в ноздрях, не поддающийся аудиту, в соответствии с доктринами Христа не по-лютерански, за исключением слов дидичи. (Zwinglii Opera, curant. Шулеро и Шультезио, Туричи, 1829, т. i, стр. 273, 276.)

[600] Первый том.

[601] Вирц, Гельветическая философия, iii, стр. 201.

[602] Содомит мелиуса эрита в судебном порядке, как повторный аблаторный акт великой чести. (Hemmerlin, de anno jubilæo.)

[603] Токенбург.

[604] Книга Шулера "Цвинглис Билдунгс". стр. 290.

[605] Diss Geschläch der Zwinglinen, wass in guter Achtung diesser Landen, als ein gut alt ehrlich Geschläch. (H. Bullinger's Histor. Beschreibung der Eidg. Geschichten.) Этот ценный труд существовал только в рукописи 1837 года и был передан мне по доброте М. Дж. Г. Гесса. В цитатах я сохраняю орфографию периода и рукописи. С тех пор "Друзья истории" добились, чтобы это было напечатано.

[606] Эйн веррумбтер Манн. (Тамже.)

[607] Quadragesimum octavum agimus, пишет Зинглиус Вадияну, 17 сентября 1531г.

[608] Clarus fuit pater ob spectatam vitæ sanctimoniam. (Oswald Myconius, Vita Zwingli.)

[609] Божественное не имеет собственного противоречия. (Тамже.)

[610] Шулерс Зв. Bildung, p. 291.

[611] Причина, по которой брат жертвует собой, заключается в том, что у него есть перикулум на лице. (Melch. Ad. Vit. Zw. стр. 25.)

[612] Und in ihm erschienen merkliche Zeichen eines edlen Gemüths. (Рукопись де Буллингера.)

[613] В ходе обсуждения, в связи с вопросом о более серьезных последствиях, Виктория Земпер сообщила об этом. (Osw. Muc. Vit. Zw.)

[614] Ab eo in adyta classicorum scriptorum introductus. (Тамже.)

[615] Und als er wol singen köendt lækten Ihn die prediger Mœnchen in dass Kloster. (Буллингера, М.С.)

[616] Вирц, Гельветская церковь, сборник. iii, стр. 387. Аушельмс Кроник, iii и iv. Ни одно событие периода Реформации не породило такого количества трудов. См. Библиот. Галлера. der Schw. Gesch. iii.

[617] Не нужно заниматься литературными упражнениями. (Osw. Мус. Vit. Zw.)

[618] Ich habe auch nie von Keinem gehört der in der Kunst Musica ... so erfahren gewesen. (B. Weysen, Füsslin Beyträge zur Ref. Gesch. iv, 35.)

[619] На изобретение серийных средств для восстановления здоровья и паративов, предназначенных для изучения в одиночку ... (Melch. Ad. Vit. Zw.)

[620] Гениальный амнус и руда юкунд, выше всяких возможностей, эра. (Os. Мус. Vit. Zw.)

[621] Et doctrinam Ecclesiae veterem ... instaurari oporteat. (Гвальтерус, Разное. Тиг. iii, 102.)

[622] Der Tod Christi sey die einige Bezahlung für unsere Sünde.... (Füslin Beyr. ii, стр. 268.)

[623] Quum a tanto viro semina quædam ... Zuingliano pectori injecta essent (Leo Jud. in Præf. ad. Ann. Zw. в Нью-Йорке), Когда великий человек заронил несколько семян в грудь Зинглия.

[624] Sic reverentia pudoris, imprimis autem officii divini, perpetuo cavit, (Osw. Мус. Vit. Zw.)

[625] Гельвет Кирх Геш. von Wirz, iii, p. 314.

[626] Welches er an die Bücher verwändet. (Буллинггер г-жа)

[627]

Dass wir die höllschen wütterinn'n Mögend denken abbrochen syn. (Zw. Op. ed. Schüler et Schulthess, ii, part ii. p. 250.)

[628] Fabelgedicht vom Ochsen und etlichen Thieren, iez loufender dinge begriffenlich. (Там же, стр. 257.)

[629] История Галло и Гельвеция, связанная с Х. Цвинглием

[630] Ante decem annos, operam dedi græcis literis, ut ex fontibus doctrinam Christi haurire possem. (Цв. Соч. i, стр. 274, в его объяснении. Статья, датированная 1523 годом.)

[631] Ich hab græcæ können, ehe ich ni nüt von Luther gehöt hab. (Salat. Хроник. ср.)

[632] Nihil sublimius de evangelio sentiunt, quam quod, quidquid eorum rationi non est consentaneum, hoc iniquum, vanum et frivolum existimant. (Цит. По. i, стр. 202.)

[633] Некий отряд евангелия с чувством и интерпретацией человека редиги. (Там же, стр. 215.)

[634] В cœum suspexit, doctorem quærens Spiritum. (Osw. Мус. Vit. Zw.)

[635] Содержание сценария и разъяснение неясностей. (Там же.)

[636] В summa, er macht im, die H. Schrifft, в исследованиях дасса Н. Т. ганца гемейна. (Буллинггер, МИСС)

[637] Немо не видеть Духовного доктора, не быть человеком. (Osw. Mус. Vit. Zw.)

[638] Канонический сценарий, сеу Лидио лапиде пробандос. (Тамже.)

[639] Dass Christus unser armen seelen ein einziger Schatz sey. (Цит. по. i, стр. 398.) Зинглиус говорит в 1522 году, что он читал поэму Эразма восемью или девятью годами ранее.

[640] Духовный мир кельтов, не солам Палестинам, великий креаверат, великий фовебат, мир вселенной..... (ŒCol. et Zw. Ep. стр. 9.) Этот небесный Дух создал и продолжает лелеять не только Палестину, но и весь мир.

[641] Религиозные нункам фюиссент великаними. (Тамже.)

[642] Нам приходится терпеть неудачу в судебном разбирательстве, види неминем. (Zw. Ep. стр. 13.) Ибо я никогда не видел никого столь проникательного и рассудительного в разгадывании авторов.

[643] Ut nec decem mulierculæ .... uni sophistæ adæquari queant (Zw. Ep., p. 13.)

[644] В этой статье мы сравниваем оптимальную этику обучения с умиранием, экспансией и нобилитетом. (Там же, стр. 10.)

[645] И корпускуло специально для этого, минимально неубедительно, урбанистический жест, который можно увидеть на видео. (Там же.) Мне кажется, я вижу вас с вашим миниатюрным, но отнюдь не безвкусным лицом, демонстрирующим величайшую вежливость.

[646] Эрасми, Laus Stultitiae, аннотировать. Миконии.

[647] Равноценный человек относится к животным, и природа не позволяет ему страдать от рака во мне. (Osw. Mус. Vit Zw.) До сих пор я учился ползать по земле; и во мне от природы, даже с колыбели, живет чувство смирения.

[648] Изобретение мити и спокойствия, мира и согласия в студии. (Melch. Прим. Авт., стр. 58)

[649] Размышляйте и говорите о том, что происходит в доме, когда вы использовали лампаду в прошлом. (Melch. Прим. перев., стр. 46.)

[650] Всеобщая вера в духовность и эрудицию, поклонение Христу, предсказание будущего. (Там же.) Он проповедовал Христа к восхищению всех, кто был по-настоящему образован и духовно мыслит.

[651] Nihil in sacris literis præter Christum quærendum. (Эрасми, Ep., стр. 403.)

[652] Справедливость распространяется на всех оставшихся в живых ири. (Osw. Mус. Vit. Zw.)

[653] В шапке-ушанке с надписью geprediget. (Буллинггер г-жа)

[654] ...In den Schlachten sich redlich und dapfer gestellt mit Rathen, Worten, und Thaten. (Тамже.)

[655] Властный оратор, ведемемо кель фара иль ре Христос семеттеремо в "ле так ман димандандо мизерикордия". (Отношение Зорси ср.)

[656] Парламент беллиссимуса; прометей, которого никто не посещает ... Самый прекрасный оратор; он (Лев X) многое обещал, но не выполнил. (Relatione MS. di Gradenigo venuto orator di Roma.)

[657] Комментарий, не относящийся к человеку, только для сопоставления с текстом. (Цит. по. i, стр. 273.) Не выдумками людей, а исключительно сравнением Священных Писаний.

[658] Sondern auch mit predigen, dorrinen er heftig wass. (CP. Буллинджера)

[659] Отстаивать истинность познания, в сердце аудитора, на уровне официального. (Osw. Мус. Vit. Zw.) Он хотел, чтобы истина, когда она станет известна, оказала свое действие на сердца его слушателей.

[660] Первый том.

[661] Совершите таинство Евхаристии, подобное кровопролитию. (Цит. по. i, стр. 266.) Пусть будет дано таинство Евхаристии, а также чаша крови.

[662] Цесса, кесса, брат, божественная капелла святой земли. (Харт. Летопись. Айнзидль. стр. 51.)

[663] Locum mutavimus non cupidinis aut cupiditatis moti stimulis, verum Galiorum technis. (Zw. Ep. 24.)

[664] Christum et ejus veritatem in regiones et varias et remotas divulgari tam felici opportunitate. (Osw. Мус. Vit. Zw.)

[665] Quid enim Glareanæ nostræ tristius accidere poterat, tanto videlicet privari viro. (Zw. Ep., p. 16.)

[666] Два года спустя Зинглиус подписывает, пастор Гларонрей, священник Эреми. (Там же, стр. 30.)

[667] Вирц, К. Геш., iii, 363. Zuinglius Bildung, v. Schüler, p. 174. Мисцелл. Tigur., iii, 28.

[668] Fore, idque brevi, Deo sic juvante, ut neque Hieronymus neque cæteri, sed sola Scriptura divina apud Christianos in prætio sit futura. (Zw. Op. i, p. 273)

[669] Эта рукопись хранится в библиотеке города Цюрих.

[670] Вести продолговатые и складчатые, мули ауо орнати ... Cor vero interim procul a Deo est. (Zw. Op. i, p. 236.)

[671] Christus qui sese semel in cruce obtulit, hostia est et victima satisfaciens in æternum, pro peccatis omnium fidelium. (Там же, стр. 236.)

[672] Является ли это причиной моего воспаления ... (Zw. Ep. стр. 90.)

[673] Elegans ille, doctus, gravis, copiosus, penetrans и evangelicus...(Там же, 89.)

[674] С самого начала Цвинглиум арктиссимум был завершен, изучен и одобрен. (Там же.)

[675] Виноват абекитави, не виноват молестия, виноват сам михи пеперерам. (Там же, стр. 90.) И так уехал, не без досады, причиной которой, впрочем, был я сам.

[676] Dass das ganz papstum einen schlechten grund habe. (Zw. Op. ii, part i. p. 7.)

[677] Oder aber sy werdind mit grosser unrüw selbs umfallen. (Тамже.)

[678] Разочарование в словах, которые уменьшают суть, денежное вознаграждение. (Цит. по. i, стр. 365.) Тщетно было надеяться, что я утаю хоть йоту правды ради денег.

[679] Ромам, спасибо! redime literas indulgentiarum! da tantundem monachis! жертвоприношение священное и т.д. (Zw. Op., i, стр. 222.)

[680] Христос есть облато, unum sacrificium, una via. (Там же, стр. 201.)

[681] Ут мэй, министерство свободных средств в рамках корпоративной субсидии. (Zw. Ep. 234.)

[682] Большой вопрос по поводу предположений тулистиса. (Тамже.)

[683] Обсуждение общего вопроса, консилиум, предложения и труды. Quidquid boni præstat justus, hoc Deus sua virtute præstat. (Цит. по., i, стр. 226.)

[684] Дан Цвингли, любящий и любящий человека, был. (Буллингер г-жа)

[685] Und als Imme sein e gestalt und geschicklichkeit wol gefiel, gab er Im syn stimm. (Тамже)

[686] Спокойно умирают и ночуют лаборанты, но без права на субсидирование. (Osw. Мус. Vit. Zw.)

[687] Народные признания и иллюзии добра! Боже! (Zw. Ep. стр. 53.) Я знаю приветствия вульгарных и их льстивое Браво! Браво!

[688] Сказка о мужчине, сказка о женщине; кем является госпожа мэй, продолжающая заниматься сексом с отцом ... (Тамже.)

[689] Неминуемо, что доктрина не распространяется на весь мир... (Тамже.)

[690] Non esse qui vigesimum annum excessit, nec virginem tetigerit. (Там же, стр. 57.)

[691] Предупреждение hæc о вирусе, имо и репрессии. (Там же, стр. 54.)

[692] Quippe neminem habens, comitem hujus instituti, scandalisantes vero non paucos heu! cecidi et factus sum canis ad vomitum. (Zw. Ep. p. 55.)

[693] En, cum verecundia (Deus novit!) magna, hæc ex pectoris specubus depromsi, apud eum scilicet, cum quo etiam coram minus quam cum ullo ferme mortalium confiteri vereretur. (Zw. Ep.)

[694] Ea ratio nobis perpetuo fuit, nec alienum thorum conscendere nec virginem vitare. (Тамже.)

[695] Инвокационные кункты яичек, кишечная палочка vixi. (Тамже.)

[696] Преподобный, святой, адмодум, благодарный господин и костная дружба. (Zw. Ep. стр. 60.)

[697] Всеобщее признание quotquot, Гельвеций призывает ювенала фремера и годера. (Там же, стр. 63.)

[698] Квантовое проникновение в тибби между истоками эрудиции и конфликтом. (Там же, стр. 64.)

[699] Do er ehrlich und wol empfangen ward. (Буллингер, МИСС)

[700] Schuler's, Zwinglis Bildung, стр. 227.

[701] Абсурдный комментарий человека к священному Писанию ex solis fontibus. (Цит. по. i, стр. 273.) Без человеческих комментариев, исключительно из источников священного Писания.

[702] Sed mente spiritus quam diligenti Scripturarum collectione, precibusque ex corde fuis, se nacturum. (Osw. Мус. Vit. Zw.)

[703] Alles Gott und seinen einigen Sohn zu Lob und Ehren und zu rechten Heil der Seelen, zur Unterrichtung im rechten Glauben. (Буллингер, МИСС)

[704] Проверка ошибок, или одновременная и летальная. (Osw. Мус.)

[705] Dessgleichen wie jederman redt, nie gehört worden war. (B. Weise, a contemporary of Zuinglius. Füsslin Beyträge, iv, 86.)

[706] Назовем это упрощением для квалифицированного, разумного и остроумного анализа, профессионализма. (Osw. Мус. Vit. Zw.)

[707] In welchem er Gott den Vater prysset und alle Menschen allein uff Jessum Christum, als den einigen Heiland verthrauwen lehrte. (Буллингер, МИСС)

[708] All sein Trost stuhnd allein mit frölichem Gemûth zu Gott ... (B. Weise Füsslin Betr. iv, 36.)

[709] Do ward bald ein gross gelaüff von allerley menschen, Innsonders von dem gemeinen Mann ... (Буллингер, МИСС)

[710] Und unser Moses seyn der uns aus Egypten führt. (Тамже.)

[711] Werden die Gläser, Müller, Hafner, Giesser, Schuhmacher, und Schneider lehren. (Реликвия Мюллера. iii, стр. 185.)

[712] Нобис апостолик иллиус секули вирусный репрезентант. (Zw. Ер. стр. 74.)

[713] Обганять детей, ездить верхом, минантурить, постоянно раздражать ... в ту вере христианский пациент страдает бессмертием. (Там же. 7 мая 1519 г.) Некоторые насмеются, смеются, угрожают и раздраженно нападают ... но вы с истинно христианским терпением подчиняетесь всем.

[714] Connivendum ad multa, ei qui velit malos Christo lucrare ... (Тамже.)

[715] Дас дер Пат гемельдете Бауэрн безухт ... (Хроника Салата, стр. 155.)

[716] Der Lautherschlager und Evangelischer pfyffer. (Буллингер, МИСС)

[717] Dass kombt mir Ja wol, die kind zu geschweigen. (Буллингер г-жа)

[718] War allwegen trostlichen Gemüths und tapferer Red. (B. Weisse Füssl. Бейтр. iv, стр. 36.)

[719] Certas studiis vindicans horas, quas etiam non omisit, nisi seriis coactus. (Osw. Mys. Vit. Zw.)

[720] ... Oppidatim, municipatim, vicatim, imo domesticatim per Helvetios circumferat.... (Zw. Ep. p. 81)

[721] Ум эйнен Куттгровен Хенгст. (Аншельм, v, 335, Дж. Дж. Хоттинг. Helv. K. Gesch. i, 29.)

[722] Запрос пархурио. (Религия Мюллера. iv, 403.)

[723] Дессен виель Лут гнуг лахтен. (Буллинггер г-жа)

[724] Травля. Ep. Меркв Франца. Zuge, p. 19.

[725] Лучшая подруга ... и т.д. (Буллинггер г-жа)

[726] Я предлагаю расширить возможности публикации в классе... (Цв. Соч. ii, 1-я часть, стр. 7.)

[727] Und hat mich darm gestarkt: er welle mir mit aller traw byston. (Там же.)

[728] Christus est innocentia tua; Christus est justitia et puritas tua; Christus est salus tua; tu nihil es, tu nihil potes; Christus est A et Ω; Christus est prora et puppis; Christus est omnia. . . . (Zw. Op. i, p. 207.)

[729] Низи Христос Иисус, истинный Бог и истинный человек. . . . (Там же, стр. 412.)

[730] Und führt mit Ihm ein threspendiger Schatz an gelt, den er armen lüthen abgelogen hat. (Буллинггер, МИСС)

[731] Этиамси михи сент-лингвум, сент-орак сентум, ферреа вокс, ут Виргилиус эйт, ут потий Цицерониана красноречие. (Zw. Ep. стр. 84.)

[732] Незаконный комитет по расследованию преступлений, не связанный с привлечением экспертов. (Zw. Ep. стр. 119.) Затем я имел удовольствие ощутить вашу приветливость, порождение пылкого сердца.

[733] Der Grosse Tod. (Буллинггер, МИСС)

[734] Но в значительной степени периколограмма, причина в новых экспонентах, невидимый результат. (Там же, ср. 87.) Шатобриан забыл об этом факте и тысячах подобных ему, когда сказал: "протестантский пастор бросает беднягу на смертном одре и не бросается в самую гущу чумы". (Essai sur la Literature Anglaise.)

[735] Plurimum gaudeo te inter tot jactus telorum versantem, illæsum, hactenus evassisse. (Там же.)

[736]

Ich mein der Tod, Syg an der Thür. (Zw. Op. ii, 2nd part, p. 270.)

[737]

Willit du dann glych Tod haben mich In mitts der Tagen min So soll's willig sin. (Там же.)

[738]

Nun ist est um Min Zung ist stumm . . . . . Darum ist Zyt Das du min stryt. (Цит. По. ii, часть ii, стр. 271.)

[739] Alle glaubige rufften Gott treuwillich an, dass er Ihren getreuwen Ihirten wieder ufrichte. (Буллинггер, МИСС)

[740] Nicolao verò Germano nostro, etiam obiit servus suus, attamen non in ædibus suis. (Zw. Ep. 88.)

[741] Quis non enim doleat, publicam patriæ salutem, tubam Evangelii, magnanimum veritatis buccinatorem languere, intercidere ... (Zw. Ep. стр. 90.)

[742] Hen quantum luctus, fatis Zuinglium concecisse importunus ille rumor, suo vehementi impetu divulgavit. (Там же, стр. 91.)

[743] Слова, которые поразительным образом сбылись двенадцать лет спустя на кровавых равнинах Каппеля.

[744]

So will Ich doch Den trutz und poch, In diser welt Tragen frölich Um widergelt.

Хотя эти три поэтических фрагмента датированы "началом, серединой и концом болезни" и выражают чувства, которые Зинглиус действительно испытывал в эти разные моменты, вполне вероятно, что они были облечены в их нынешнюю форму лишь впоследствии. (См. Буллинггер г-жа)

[745] Inspectis tuis litteris incredibilis quidam æstus lætitiæ pectus meum subiit. (Zw. Ep. p. 88.) При виде вашего письма невероятная волна радости переполнила мою грудь.

[746] Извлекаемый и очищаемый пласкуум из минея. (Zw. Ep. стр. 155.)

[747] Ὁ τε θεοὶ φιλέουσι, νεανίσκος, τελευτᾷ. (Там же, стр. 90.) Тот, кого любят боги, умирает молодым.

[748] Смерть хищного зверька, который ведет переговоры с тигурином ... (Там же, стр. 91.)
Треjder из Цюриха сообщил мне, что вы были счастливо спасены из ужасных челюстей смерти.

[749] Als die Pestilenz in Jahre, 1519, in dieser Gegend grassirte, viele neigten sich zu einem bessern Leben. (Georg. Vögelin. Ref. История. Фюсслин Бейтр., iv, 174.)

[750] Патриам коул, суадео и обскеро, и си хок опоссум джубео. (Ксилотект. Миконио.)

[751] Nam res meæ, te absente, non sunt minus accisæ quam si exercitui in procincta stanti altera alarum abstergatur. (Zw. Ep. p. 98.)

[752] Zw. Ep. стр. 103 и 111.

[753] Morum tuorum elegantia suavitasque incredibilis qua omnes tibi devincis, etiam lapides, ut sic dixerim. (Там же, стр. 133.)

[754] Мир христианского Возрождения - самый любимый. (Там же, стр. 120.)

[755] Кардиналис иллик призывает к усилению кондиции. (Там же.) Кардинал пригласил его туда на самых либеральных условиях.

[756] Tumultus exoritur et maxima indignatio vulgi erga i ερεї ς. (Там же.)

[757] Auriculas teneras mordaci radere vero, non usque adeo tutum est. (Там же.)

[758] Скотум пий профуисс рей Христиан, как ипсум Павла...quicquid eruditum, furatum ex Scoto. (Там же.)

[759] Cum pestilentissimis monstris. (Zw. Ep. стр. 121.)

[760] Si unquam imminebat periculum, заклинивание неминуемо. (Там же, 17 марта 1520 г.)

[761] Sic regiert das Hans, schläft, steht auf, zaukt, fruhstucht, keift ..... (Simml. Саммл. iv, Вирц, i, 76.)

[762] Грудная мышца ностра! pugnandum erit contra teterrimos ostes. (Zw. Ep. p. 10.)

[763] Доброжелательное отношение к потиусу уллича как к враждебному противодействию трахи. (Там же, стр. 103.)

[764] Не только сумма тигриных солей, но и двойная миллионная перманентность, которая является рациональным объяснением того, что означает джем Духовных чувств.... (Там же, стр. 104.) Ибо мы не одиноки: в Цюрихе более двух тысяч очень разумных существ, которые сейчас ищут духовной пищи.

[765] Quum ergo omnes homines in Adamo mortui sunt.....donec per Spiritum et gratiam Dei ad vitam quæ Deus est excitentur. (Zw. Op. i, p. 203.) Итак, видя, что все люди мертвы в Адаме ... пока они не будут пробуждены Духом и благодатью Божьей к жизни Божьей. Эти слова и другие, которые мы цитировали или будем цитировать, взяты из работы, которую Зинглиус опубликовал в 1523 году и в которой он кратко изложил доктрину, которую проповедовал в течение нескольких лет. "Hic recensere сœpi quæ ex verbo Dei prædicavi." (Там же, стр. 228.) Это его собственные слова.

[766] Христос верующий в человека и веру в Бога.... (Цит. По. i, стр. 204.)

[767] Deus enim æternus quum sit qui pro nobis moritur, passionem ejus æternam et perpetuò salutarum esse oportet. (Zw. Op. i, p. 206.) Поскольку тот, кто умирает за нас, есть вечный Бог, его страсть должна быть вечной и вечно спасительной.

[768] Вопрос о восстановлении жизни... (Там же, стр. 204.)

[769] Добровольность человека необходима для подачи заявления о Христе се божественном. (Там же.)

[770] Враг есть жертва, удовлетворяющая всех за грехи всеобщего доверия. (Там же, стр. 253.) Expurgata peccata multitudinis, hoc est, fidelis populi. (Там же, стр. 264.)

[771] Sequitur meritum nostrorum operum nihil esse quam vanitatem et stultitiam, ne dicam impietatem et ignorantem impudentiam. (Там же, стр. 290.) Отсюда следует, что достоинство наших трудов - не что иное, как тщеславие и безрассудство, чтобы не сказать нечестие и невежественная наглость.

[772] Quotquot до Смерти венерунт unquam, за смерть Христа до Смерти венерин. (Тамже.)

[773] Право на получение услуги фактически является преимуществом. Si ergo Evangelium ex Deo bonum est. (Там же, стр. 208.)

[774] Quanta caritate nos fures et perduelles. (Цит. по. i, стр. 207.)

[775] Tum enim totus a Christo pendet. Christus est ei ratio, consilium, justitia, innocentia et tota salus. Christus in eo vivit, in eo agit. (Там же, стр. 233.)

[776] Бонус за справедливость, свободу и жизнь. (Там же, стр. 234.)

[777] Ubi Deus, illic cura est et studium ad opera bona urgens et impellens.... (Там же, стр. 213.)

[778] Vita ergo pii hominis nihil aliud est nisi perpetua quædam et indefessa boni operatio, quam Deus incipit, ducit et absolvit ... (Там же, стр. 295.)

[779] Quum ergo Deus pater nos elegit ex gratia sua, traxitque et vocavit, cur ad eum accedere non auderemus? (Zw. Op. i, p. 287.)

[780] Quam concors sit Spiritus Dei, dum nos tam procul dissiti, nihil colludentes, tam concorditer Christi doctrinam docemus. (Там же, стр. 276.) Как хорошо согласуется Дух Божий, поскольку мы, находящиеся на таком расстоянии друг от друга, без всякого сговора, так гармонично преподаем учение Христа.

[781] За храбрость в Христе предикандо. (Zw. Ep. стр. 160.)

[782] О долгом счастье Гельветов, о том, как они вместе сражаются здесь! (Там же, стр. 128.)

[783] At video mendacium esse, cum audiaris per totam Helvetiam. (Там же, стр. 135.)

[784] Продолжение следует. (Там же, стр. 134.)

[785] Ut capite felicis patriæ nostro a morbo erepto, sanitas tandem in reliqua membra reciperetur. (Zw. Ep. p. 147.)

[786] Полное руководство к действию. (Там же, стр. 142.)

[787] Ut nihil proferre caput queat, cujus non contrarium e regione emergat. (Там же, стр. 142.)

[788] Церковь путо, самая сангвиническая часть, ита сангвинический инстаурарий. (Там же, стр. 143.)

[789] Ео включает в себя armabis Hercules qui fimum tot hactenus bonum efferant (Там же, стр. 144.)

[790] Etiam si fulmine Jovis istius fulminetur. (Тамже.)

[791] Разное. Тиг., ii, 579-696. Вирц., i, 79, 78.

[792] Vetuit eos Senatus quicquam prædicare quod non ex sacrarum literarum utriusque Testamenti fontibus hausissent. (Цв. Соч. iii, 28.)

[793] Wir waren aber gut gerüstet. (Разное. Тиг., ii, 681. Вирц., i, 334.)

[794] Вирц, i, 510. Себастьян. Wagner, von Kirchhofer, p. 18.

[795] Animi tui candorem simplicem et simplicitatem candidissimam, hac tua pusilla quidem epistola... (Zw. Ep. p. 136.)

[796] Это истина дословно, ср. (Дж. Дж. Хотт. iii, 54.)

[797] Scripta tamen habeatur in fastis supernorum civium. (Zw. Ep. стр. 186.)

[798] Ут мори за Христа, которого мы не осуждаем. (Там же, стр. 187.)

[799] У медведя туи свирепая, аудита Христианской доктрины, зарождающийся человек. (Там же.) В городе Берн на руках медведь.

[800] Христос воскрес, плодоносит долго и благородно... pro virili restituerim.... (Там же, стр. 187.) Пока я не сделаю все, что в моих силах, чтобы восстановить Христа, который долгое время был изгнан от нас монашескими пустяками.

[801] Лютеранский семел легерин, воспитавший стубелла, сам пленум демонибуса. (Там же, стр. 37.)

[802] Требование ко всему гражданскому: Лютеранство и магистратура людей. (Там же, стр. 153.)

[803] Я не могу самостоятельно управлять процессом марины в целом. (Там же, стр. 159.)

[804] Я не собираюсь признавать это. (Zw. Ep. стр. 159.)

[805] Христос не существует, джем олим дефекатем. (Там же, стр. 160.)

[806] Ich hab by Ihm ein gross Buch gesehen, *Locorum communium*, als Ich by Ihm wass, an. 1521, dorinnen er *Sententias* und *dogmata Patrum*, flyssig jedes an seinem ort verzeichnet. (Буллинггер, МИСС)

[807] Lüget des Kindts grossvater zum fauster uss, und ersach das kind in der fischer bränter (Kufe.) so fräch (frisch) und frölich sitzen ... (Архивы Мейера де Кнонау цитируются в заметке об *Анне Райнардт*, Эрлангер, 1835, М. Герольдом Мейером де Кнонау.) Я в долгу перед моим другом за некоторые разъяснения неясных моментов в жизни Зинглиуса.

[808] Dieweil er ein Burger war und sein Vater des Raths. (Fridolin Ryff's Chronik.)

[809] Disse che M. di Lutrech et M. de l' Escu havia ditto che'l voleva che le recchia del papa fusse la major parte retaste di la so persona. (Градениго, венецианский посол в Риме, рукопись, 1523 г.)

[810] Sagt wie es ein fromme Eidtgnosschafft zertrennan und umbkehren würde. (Буллинггер г-жа)

[811] Sic tragen billig rothe hüt und mäntel, dan schüte man sie, so fallen Cronen und Duggaten heraus, winde man sie, so rünt deines Bruders, Vaters, Sohns und guten freunds Blut heraus. (Там же.)

[812] Ego veterem Christi ecclesiae unitatem instaurare non desinam. (Цит. по. iii, 47.)

[813] Вкус, не связанный с человеческими традициями, поскольку вобис является потенциальным источником (Там же, i, 2.)

[814] Aber menschenfleisch verkoufen un se Tod schlagen.... (Там же, ii, 2-я часть, стр. 301.)

[815] So haben wirz von dem Metzger erkaufft... (Буллинггер, МИСС)

[816] Ovilis dominici - популяризатор, не являющийся самостоятельным пастором. (Цит. по. iii, стр. 28.)

[817] Цит. по iii, стр. 8.—Дж. Дж. Хоттингер (iii, 77.) Ручат (i, 134. 2-е изд.) и другие говорят, что Фабер был во главе депутации. Зинглиус упоминает трех депутатов и не говорит о Фабере. Эти авторы, несомненно, смешали двух разных должностных лиц римской иерархии — коадьютора и генерального викария.

[818] Речь о страстях и верхней части живота. (Цит. по. iii, стр. 8.)

[819] Infirmos quosdam nuper Christo lucrifactos sacerdotes offensos ea sentirem ex tacitis palloribus ac suspiriis. (Там же, стр. 9.) По молчаливой бледности и вздохам некоторых священников, недавно обращенных ко Христу и недостаточно подтвержденных, я мог видеть, что они были подавлены.

[820] Крушение всего фильма лапидем. (Цит. по. iii, стр. 9.)

[821] Ibi ego quiescere ac suspiriis rem agere соepi apud eum qui audit gemitum compeditorum. (Там же.) Тогда я начал успокаиваться и со вздохами оправдываться перед Тем, кто слышит стоны заключенных.

[822] Одно и то же в отношении квази-простоты христианства и возбуждения благотворного индуктора. (Там же, стр. 10.)

[823] Ob communem fidem, ob communem baptismum, ob Christum vitæ salutisque auctorem. (Цв. Соч. iii, 11.)

[824] Яростный ропот среди гражданского населения. (Там же.)

[825] Imo Christianismum ad communem justitiam servandum esse potentissimum. (Там же, стр. 13.)

[826] Церемонии хауда киквама, алиуда, агере, Христа и вечной любви в будущем. (Там же.)

[827] Вопрос о том, что такое божественное возбуждение, соответствует человеческому разумению. (Там же.)

[828] Лишний раз прошу прощения у сальвари. (Там же, стр. 15.)

[829] Ut, vulgo jactatum sit, nunquam ultra copias sarturos. (Zw. Ep. 203.)

[830] Богословский декус возрождения. (Письмо Урбан Региуса. Там же, 225.)

[831] Die andern aber aus Rinnen und Plutzen. (Simml. Samml. Вирц i, стр. 244.)

[832] В сердце ярого тельца аристаса. (Zw. Ep. стр. 203.)

[833] Об обычном поведении и свободе совести. (Цит. по. i, стр. 1.)

[834] И в этом случае, как и в случае с малым епископским собранием, так и в случае с нобисом, производство велико. (Zw. Ep. стр. 208.)

[835] Не имеет значения, что это за история, в качестве самостоятельных... консультаций внутри организации. (Osw. Mys. Vit. Zw.)

[836] Ἐοῖα φάρμακα λυγρὰ (Zw. Ep. 199.) Отравленные напитки готовы.

[837] σοῦ εἶμι; подтверждает мое сообщение. (Тамже.)

[838] Потому что это привело к тому, что маленький алтарь флуктуировал и умер. (Zw. Ep. 203.)

[839] Malo esse Christianus cum multorum invidia quam relinquere Christum propter mundanorum amicitiam. (Там же, 200, 22 мая.)

[840] Nemo vos filios ecclesiae de ecclesia tollat.

[841] In umbrarum locum, lux quam ocissime inducatur. (Zw. Op. iii, 69.)

[842] Nam er ein anderen weg an die Hand; schike seine Boten...etc. (Буллинггер г-жа)

[843] Und den Wahren alten Glauben erhallten. (Тамже.)

[844] Лисс умирает Ратштубен эйнен гроссен Кналл. (Буллинггер г-жа)

[845] Sondern von einem jedem Bürger wyssen. (Тамже.)

[846] Окулос у меня прокациус торквент, и я прошу прощения у годовалого родителя. (Цв. Соч. iii, 29.)

[847] Разъясняйте и удостоверяйте Слова Божьи. (Там же, i, 66.)

[848] Ein göttlich Vermanung an die cersamen, etc. eidgnossen zu Schwyz. (Zw. Op. part ii, p. 206.)

[849] ... Kam ein langer, gerader, barfüsser Mönch...ritte auf einer Eselin. (Füsslin Beyträge, iv, 39.)

[850] Тали Францискано, Галло, "Всеобщее суеверие при слиянии лиц", неаудита. (Zw. Ep. 207.)

[851] Bruder da irrest du. (Фюсслин Бейтр. iv, стр. 40.)

[852] Dass er beyde Hände zusammen hob. (Фюсслин Бейтр., iv, стр. 50.)

[853] быстрорастворимое средство от венозной болезни. Sed est in quem omnis spes mea reclinat. (Zw. Ep. 192.)

[854] Wolt er keine pracht tryben mit latein schwätzen, sondern gut teutsch reden. (Буллинггер г-жа)

[855] Несмотря на грега Кристиано, в конце концов, там лютулентий и грешный полон принимают Христа, отрекаются. (Zw. Ep. 195.)

[856]

Kein kosten soll uns dauern dran, Wo wir Mönch und Priester mögen ha'n, Und sollt'es kosten hundert kronen.... (Bern. Mausol., iv, Wirz, K. Gesch., i, p. 383.)

[857] Я здоров, я бессер! Kämen doch noch Zehn! (Тамже.)

[858] По—немецки это *Pfaffenmetze*- термин более выразительный, но не столь приличествующий.

[859]

Wenn mir nicht wär' mit Todten wohl, So läg nicht mancher Acker, voll, ac.
(Bern. Мавзолей. iv, Wirz, K. Gesch. 1. 3.)

[860]

Wenn es stünd, wie im Anfang der Kilchen, Ich trüge vielleicht grobes Tuch und Zwilchen. (Тамже.)

[861] Немецкий очень силен.

So bin Ich auf gut Deutsch ein Hurenwirth, etc. (Тамже.)

[862] Wir möchten fast kaum Eselein ha'n. (Бернский мавзолей. iv, Wirz, K. Gesch. i, 383.)

[863] Anhorn, Wiedergeburt der Ev. Kirchen in den 3 Bündten. Chur, 1680. Вирц i, 457.

[864] Simml. Samml. vi.—Wirz, K. Gesch. i, 275.

[865] Hinc cum scorto redeuntem in itinere deprehendit, adgreditur, lethiferoque vulnere cædit et tandem moritur. (Zw. Ep. p. 206.)

[866] Послание к Евреям, xiii, 4.

[867] Анна Рейнхард, фон Герольд Мейер фон Кнонау, стр. 25.

[868] Ein hochheiliges Bündniss. (Тамже.)

[869] Верь сестре, не будь там счастливой узурпации Христа в словесных переговорах. (Zw. Ep. стр. 335.) Кто боялся, что Христос не будет использовать вас как мужа с такой выгодой в служении Своего Слова.

[870] Биографы, наиболее уважаемые историки и все авторы, которые их копировали, помещают женитьбу Зинглия двумя годами позже, а именно в апреле 1524 года. Не вдаваясь подробно в причины, которые убеждают меня в том, что это ошибка, я просто укажу на наиболее убедительные доказательства. В письме друга Зинглия Микония от 22 июля 1522 года говорится: "*Долина смерти и счастье*". - Всяческого счастья вам и вашей жене. В другом письме от того же друга, написанном ближе к концу этого года, есть слова: "*Долина в опасности*". Содержание писем доказывает, что они правильно датированы. Но что еще более важно, так это письмо Буцера из Страсбурга, написанное в то время, когда брак был обнародован, 14 апреля 1524 года (дата года не указана, но это явно 1524 год). Это письмо содержит несколько отрывков, которые показывают, что Зинглий в течение некоторого времени был женат. В дополнение к приведенному в предыдущем примечании, мы цитируем следующее: "*Professum palam te maritum legi. Unum hoc desiderabam в te.*" Я читал, что ты открыто заявлял, что являешься мужем.

Это было единственное, о недостатке чего в тебе я сожалел. "*Quæ multum facilius quam connubii tui confessionem. Antichristus posset ferre.*" Все это антихристу было бы легче перенести, чем *признание вашего брака.*— "*Ἀγαπῶν* ab eo, quod cum fratribus... episcopo Constantiensi congressus es, nullus credidi." В то, что ты не был женат, я не поверил из твоих споров с монахами ... епископ Констанца. "*Qua ratione id tam diu celares ... non dubitarim, rationibus hue adductum, quæ apud virum evangelicum non queant omnino repudiari*" ... etc. По какой причине вы так долго это скрывали ?.. Я не сомневаюсь, что на вас повлияли причины, которые не должны быть полностью отвергнуты христианином. (Zw. Ep., стр. 335.) Итак, в 1524 году Зинглиус не женился, но опубликовал свой брак, заключенный двумя годами ранее. Ученые редакторы "Писем Зинглиуса" спрашивают: "Num forte jam Зинглиус Аннам Рейнхардам, тайно заключенный в браке хабебат?" Не мог ли Зинглиус уже быть тайно женат на Анне Рейнхард? стр. 210. Мне это кажется не предметом сомнений, а хорошо установленным историческим фактом.

[871] Это настоящий священник. (Буллингер г-жа)

[872] Zu Einsidlen hätten sie alle Sicherheit dahin zu gehen und dort zu wohnen. (J. J. Hottinger, Helv. K. Gesch., iii, 86.)

[873] Und wurden eins an den Bischoff zu Constantz und gmein Eidtgnossen ein Supplication zu stellen. (Буллингер г-жа)

[874] Et universa Christianorum multitudo ad caput suum quod Christus est redeat. (Supplicatio quorundam apud Helvetios Evangelistarum. Zw. Op. iii, 18.)

[875] Евангелий несменяемый тенор, провозглашающий статус.... (Там же.)

[876] Сунтне касти? reddidit: Quatenus humana imbecillitas permittit (Ibid., iii, 18.)

[877] Ne quando moles ista non ex patris cœlestis sententia constructa, cum fragore longe perniciosiore corruat. (Там же, 24.) Чтобы однажды это здание, построенное не по замыслу небесного родителя, не рухнуло с гораздо более ужасным грохотом.

[878] Amica et piu paraenesis ad communem Helvetiorum civitatem scripta, ne evangelicæ doctrinæ cursum impedian, etc. (Zw. Op. i, 89.)

[879] Divini enim verbi auctoritatem, libertatis Christianæ et divinæ gratiæ præsidium nobis adesse conspicietis. (Zw. Op. i, 63.)

[880] Это был самый важный день в жизни. (Буллингер г-жа)

[881] Да Гесс умирает от эйнен гроссен Кналл. (Фюсслин Бейтр. iv, 89.)

[882] Признать недействительным *Vaccho*, *disputationes*, imo *verius jurgia*.... (Zw. Ep. i, 230.) По мере продвижения винных торгов начались споры, нет, скорее потасовки.

[883] Следовательно, греки в качестве жертвователей угощают священными. (Там же, стр. 230.)

[884] Венит пуэр, как мисисти, между рецептами.... (Там же, стр. 209.)

[885] *Deus cœpta fortunet!* (Там же, стр. 210.)

[886] Постоянен, по-прежнему, во Христе Иисусе.... (Zw. Ep. стр. 210.)

[887] Boni qui pauci sunt, commendant libellos vestros; alli non laudant nec vituperant. (Там же, стр. 210.)

[888] Мировой фурор во всем мире. (Там же.)

[889] Ничто не указывает на то, что Гельвеций является ответом на этот ребус, касающийся славы Христа. (Там же.)

[890] Tu vero audi. Hæc dum scriberem, irruit præco, a Senatoribus missus... (Zw. Ep. 213.)

[891] Simmi. Samml. vi.

[892] Hoc audio vix alios esse per Helvetiam, qui pejus velint sanæ doctrinæ. (Zw. Ep. p. 226.)

[893] В связи с болезнью. (Там же, стр. 192.)

[894] Спасибо! efficiemus enim ne dormiendum sit ei sub dio. (Там же, стр. 216.) Пусть он придет, мы позаботимся о том, чтобы он не спал под открытым небом.

[895] Никаких подробностей о том, кто такой ниси сим лютеране. (Там же.)

[896] Изгнание скряги Микония из Сената Люцернано. (Там же, стр. 215.)

[897] Основные проблемы, связанные с некрозом, осадками великих и молниеносных. (Zw. Ep. стр. 217.)

[898] Регат, вехат, фестивинет, манат, акселерет, мортур, мергат!... (Там же.)

[899] Остиатим вопрос к эдаму. (Там же, стр. 245.)

[900] Uss anstifften der geistlecten, Die zu allen Zyten Christum Pilato und Herodi vürstellen. (MS.)

[901] Plus enim metuo ne forte lenior, mitiorque fuerim. De semper casta Virgine Maria. (Zw. Op.i. p. 104.)

[902] Si vel igni vel alio quodam supplicii genere tollaris e medio. (Там же.)

[903] Frater vester germanus nunquan desinam, si modo vos fratres Christi esse perrexeritis. (Там же, стр. 107.)

[904] Vides enim, piissime Jesu, aures eorum septas esse nequissimis susurronibus, sycophantis, lucrionibus.... (Zw. Op. iii, p. 74.) Ибо ты видишь, о возлюбленный Иисус, как эти уши окружены шептунами, подхалимами и любителями наживы.

[905] Si fundamentum aliud præter te jecero, demoliaris. (Там же.)

[906] О благородном витисе, о его победителе, Отце, пальмилах, истинных носителях суммы; место жительства в туаме и пустынях. (Там же.)

Примечание переписчика:

Орфографические, пунктуационные различия и расстановка переносов сохранены, за исключением очевидных случаев типографской ошибки.

Сноска 11: "Что требуется от пола" неясна.

Сноска 110: "На этом символе веры основана Церковь. (L. Op. Lat. i, стр. 254.)" Число 254 неясно.

Footnote 111: "Et, ut fama est, de hoc plurimum gratulantur. (L. Op. Lat. i, стр. 250.)" Число 250 неясно.

Сноска 148: "Настоящее мужское правосудие; *judicium minus posteritatis erit.*" (L. Op. Lat. i, 310.)
" Число 310 неясно.

Сноска 224: "L. Op. (L.) xvii, стр. 305, и Op. Lat. i, стр. 32". Значение (L.) неясно.

Footnote 479 is unclear: "Quacunque iter faciebant, frequens erat concursus hominum, videndi Lutheri studio. (Улитка, стр. 29)".

Сноска 485: Возможно, перед цифрой 6 в этой сноске отсутствует цифра: "Lutherum illac transeuntem subscreutus ut pro honore ecclesiae vitam suam....exponeret (CochlœUs, стр. 6.)"

В сноске 506: "Vucerus eodem nit. (М. Адам, Ум. Буцери. стр. 212.)" переписчик добавил "ve" к "nit", чтобы получилось "venit".

Номер в сноске 532 неясен: "L. Op. (W.) xv, 2286".

In footnote 582, "Per chalcographos multiplicata et in populos dispersa est ea epistola ... Cæsari autem et clericis odium popolare, etc. (CochlœUs, стр.386.)" Число 386 неясно.

Сноска 859: Окончательное число неясно. "Wenn mir nicht wär' mit Todten wohl, So läg nicht mancher Acker, voll, ac. (Bern. Мавзолей. iv, Wirz, K. Gesch. 1. 3.)"

Переписчик добавил привязки к следующим сноскам:

Страница 21, сноска 66: Первый том, стр. 172.

Page 21, footnote 68: Si tecum non licet disputare, neque cum Carlstatio volo: propter te enim huc veni. (L. Op. in Præf.)

Страница 53, сноска 167: Это ничего не значит; есть только вопрос. Stet ergo, sive cadat; ego nihil lucrur, aut amitto. (Там же, стр. 418.)

Page 92, footnote 267: Olim janua cœli, nunc patens quoddam os inferni et tale os, quod urgente ira Dei, obstrui non potest.... (L. Ep. i, p. 501.)

Page 94, footnote 270: Ist nun das nicht eine fröhliche Wirthschaft, da der reiche, edle, fromme Bräutigam Christus, das arme, verachtete, böse Huhrllein zur Ehe nimmt (L. Op. (L.) xvii, p. 385.)

Page 116 footnote 334: Quo audito, Marinus et Aleander...

Page 118, footnote 337: Favent vero ferme boni omnes.

Page 159 footnote 466: Omnem nunc Germaniam quasi ad genua provolutum tibi.... (Там же, стр. 184.)

Страница 160, сноска 468: L. Ep. i, стр. 580.

Page 164 footnote 478: Iter faciente occurrebant populi. (Паллавичини, Hist. C. Tr. i, стр. 114.)

Page 164 footnote 479: Quacunq̃ue iter faciebant, frequens erat concursus hominum, videndi Lutheri studio. (Улитка, стр. 29).

Page 166, footnote 486: Dass der Keyser seinen Beichtvater und Ihrer Majest. Ober-Kammerling, zu Seckingen schickt. (L. Op. xvii, p. 587.)

Page 203, footnote 593: Dejecto in solum auriga et verberato. (Тамже.)

Page 203, footnote 594: Longo itinere, novus eques, fessus. (L. Ep. ii, стр. 3.)

Page 226 footnote 654: In den Schlachten sich redlich und dapfer gestellt mit Rathen, Worten, und Thaten. (Тамже.)

Page 240 footnote 699: Do er ehrlich und wol empfangen ward. (Буллинггер, МИСС)

Page 253 footnote 736: Ich mein der Tod, Syg an der Thür. (Zw. Op. ii, 2nd part, p. 270.)